

ЖУРНАЛЪ ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ПРИ

Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ

1897

КНИГА ВТОРАЯ

ФЕВРАЛЬ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

ТИПОГРАФІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА.

1897

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

1) Авторы присылаемыхъ рукописей, редакція проситъ озаботиться яснымъ и четкимъ письмомъ текста, особенно иностраннаго, а равно и цитатъ, для устраненія отказа въ помѣщеніи статьи—по неразборчивости почерка. Рукописи, неудобныя къ печатанію, не возвращаются, но могутъ быть получены въ редакціи авторами или уполномоченными ими лицами. По истеченіи года, со дня полученія, рукописи, невзятые обратно—уничтожаются.

2) Гонораръ, въ установившемся размѣрѣ, получается въ редакціи самими авторами; иногороднымъ онъ высылается по особому, каждый разъ, заявленію ихъ, съ вычетомъ почтовыхъ расходовъ. Статьи, получаемыя безъ заявленія о вознагражденіи, считаются безплатными.

3) Статьи не должны превышать *трехъ печатныхъ листовъ*. Статьи, превышающія этотъ размѣръ, печатаются по особому соглашенію съ редакціею, а при отсутствіи оного соглашенія, по усмотрѣнію редакціи. Всѣ принятые для напечатанія статьи, въ случаѣ надобности, подлежатъ сокращенію и исправленію.

4) Лицъ, желающихъ видѣть скорѣйшій разборъ ихъ трудовъ, редакція проситъ, въ обоюдномъ интересѣ, доставлять свои сочиненія въ *двухъ экземплярахъ*, тотчасъ по выходѣ ихъ въ свѣтъ.

5) Объявленія печатаются: для періодическихъ изданій *безплатно*, при условіи взаимности; для всѣхъ прочихъ—по 5 руб. за страницу и 30 к. за строку. За разсылку объявленій при журналѣ, взимается по 10 р. съ тысячи.

6) **О перемѣнѣ адреса** сообщается редакціи своевременно, до сдачи книги на почту; при невозможности же исполнить это, слѣдуетъ сообщить мѣстной почтовой конторѣ свой новый адресъ и извѣстить редакцію о перемѣнѣ адреса, для высылки слѣдующихъ книгъ журнала; причемъ слѣдуетъ обозначить мѣсто прежняго отправленія журнала и съ какаго нумера выслать журналъ по новому адресу.

Примѣчаніе. При переходѣ городскихъ подписчиковъ журнала въ иногородные и наоборотъ высылается по 1 р.—при переходѣ же городскихъ подписчиковъ на кассационныя рѣшенія въ иногородные и наоборотъ высылается по 50 к. Въ прочихъ случаяхъ, при перемѣнѣ адреса, высылается 30 к. деньгами или марками.

7) **Жалоба на неполученіе какой-либо книги журнала** препровождается прямо въ редакцію, съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книга журнала дѣйствительно не была получена конторой. По полученіи такой жалобы редакція немедленно представляетъ въ газетную экспедицію дубликатъ, для отсылки съ первою почтою; но безъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы, газетная экспедиція должна будетъ прежде сноситься съ сею послѣднею и редакція удовлетворитъ только по полученіи отвѣта послѣдней. По распоряженію почтоваго вѣдомства, жалобы должны быть сообщаемы редакціи никакъ не позже полученія слѣдующей книги журнала, иначе редакція не будетъ имѣть возможности удовлетворить подписчика высылкою новаго экземпляра.

8) **Жалобы на неполученіи листовъ кассационныхъ рѣшеній** принимаются лишь въ теченіи мѣсяца со дня полученія той книги журнала, въ которой указаны сроки сдачи листовъ на почту.

9) Редакція не отвѣчаетъ за своевременную высылку журнала и рѣшеній тѣмъ лицамъ, которые подписались не въ указанныхъ въ объявленіи о подпискѣ мѣстахъ.

10) Для отвѣтовъ на всякаго рода запросы гг. сотрудниковъ и подписчиковъ должна быть приложена почтовая марка.

6

ЖУРНАЛЪ

ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

ПРИ

Императорскомъ С.-Петербургскомъ Университетѣ

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ

1897

КНИГА ВТОРАЯ

ФЕВРАЛЬ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА.
1897

СОДЕРЖАНИЕ ВТОРОЙ КНИГИ.

- I. Узакононенія и распоряж. правительства DXXVII-DXXXVI.
- II. Узакононенія и распоряж. правительства за 1897 г. I — X.
- III. Честь, судъ и поединокъ *Н. Дружинина* . . . 1 — 38.
- IV. О договорѣ товарищества вообще и о свойствѣ договора полнаго товарищества въ особенности *Еф. Ривлина* 39 — 58.
- V. Уголовная антропология на женевскомъ международномъ конгрессѣ *Иин. Закревскаго* 59 — 108.
- VI. Хроника русскаго законодательства — Уголовное право (1896 г.) 109—124.
- VII. Хроника гражданскаго суда: 1) Послѣдствія утраты векселя по 100—101 ст. уст. о векс., изд. 1892 г.; 2) порядокъ обезпеченія ссуды, выданной Государственнымъ Банкомъ, по правиламъ 5-го марта 1864 г. о приобрѣтеніи имѣній въ юго-западныхъ губерніяхъ 125—142.
- VIII. Земское обозрѣніе: IV. Послѣднія земскія новости. Продолжающееся стремленіе земствъ ко всеобщему обученію.—Разрѣшеніе вопроса о правѣ мѣстныхъ властей пріостанавливать земскія ходатайства.—Рядъ новыхъ земскихъ ходатайствъ, неудовлетворенныхъ правительствомъ.—Земскія юридическія консультации 143—158.
- IX. Критика и библиографія: 1) Г. Тардъ. Происхожденіе семьи и собственности. Съ прибавленіемъ очерка Л. Е. Оболенскаго: О происхожденіи семьи и собственности по теоріи эволюціонистовъ и экономическихъ матеріалистовъ *С. Шумакова*; 2) І. Колеръ. Шекспиръ съ точки зрѣнія права (Шейлокъ и Гамлетъ) *С. Шумакова*; 3) М. Aguilera. L'idée du droit en Allemagne depuis Kant jusqu' à nos jours 3d. *Корсака*; 4) В. А. Гольцевъ. Законодательство и нравы въ Россіи XVIII вѣка *Н. Ретвиза*; 5) С. Шумаковъ. Изъ актовъ Тверскаго Отроча монастыря (7052—7146 г.г.) *Н. Дебольскаго*; 6) А. Кобеляцкій. Промышленная, литературная, художественная и музыкальная собственность. Узакононенія о товарныхъ знакахъ, привилегіяхъ, фабричныхъ рисункахъ и моделяхъ.... и проч. *А. Пилленка*; 7) Zitelmann. Die Gefahren des bürgerlichen Gesetzbuches für die Rechtswissenschaft W.; 8) Salvioli. La pubblicità della vendita secondo gli antichi diritti. (Contributo alla storia della mancipatio o delle res mancipi). Rivista giu-

ridica ital. 1894.—Emile Bauby. De la mancipation: évolution historique et juridique de cette institution en droit Romain 3д. Корсака; 9) Н. Бржескій. Круговая порука сельскихъ обществъ. Сужденія редакціонныхъ комиссій по составленію положеній 19 февраля 1861 г. и правительственные взгляды на время съ 1861 по 1895 г. *Н. Дебольскаю*; 10) А. С. Гольденвейзеръ. Современная система наказаній и ея будущность по трудамъ парижскаго пенитенціарнаго конгресса *Н. Ретюга*; 11) Дж. Стюартъ Милль. Представительное правленіе. Публицистическіе очерки *С. Шумакова*; 12) Л. З—скій. Руководство—справочникъ для чиновъ волостной и уездной полиціи и судебныхъ приставовъ *О. Верта*; 13) Уставъ лѣсной (т. VIII ч. 1) съ Высочайше утвержденными мѣрными государственнаго совѣта, рѣшеніями Правительствующаго Сената, важнѣйшими циркулярами министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ и др. приложеніями *Н. Дебольскаю*; 14) Л. В. Ходскій. Основанія теоріи и техники статистики *О. Верта*; 15) В. А. Лебедевъ. Графъ Егоръ Францовичъ Канкринъ. Очеркъ жизни и дѣятельности *О. Верта*; 16) Ѳ. С. Матвѣевъ. Къ 25-лѣтію дѣятельности народнаго учителя В. Я. Аврамова Г. 1 — 35.

Замѣтки и извѣстія.

- X. Изъ отчета судебного дѣятеля *О. Грузенберга* . 36 — 53.
 XI. Нѣсколько словъ объ отношеніяхъ проекта новаго уголовного уложенія къ его западно-европейскимъ образцамъ *А. Воронова* 53 — 63.
 XII. О недостаткахъ организаціи каторги на островѣ Сахалинѣ *В. Баралева* 63 — 79.
 XIII. Объявленія I—XXXV.

С.-Петербургское Юридическое Общество.

- XIV. Протоколъ засѣданія уголовного отдѣленія Юридическаго Общества 19 октября 1896 года . . 1 — 9.
 XV. Работы комиссіи, назначенной уголовнымъ отдѣленіемъ по поводу пересмотра законовъ по судебной части 10 — 22.
 XVI. Списокъ книгъ, полученныхъ для бібліотеки Юридическаго Общества въ теченіе декабря 1896 года. 23 — 24.

УЗАКОНЕНІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА

(съ 17-го декабря по 31-е декабря 1896 г.).

Статьи 1647—1728.

Высочайшія повелѣнія и распоряженія правительства.

17 декабря № 139.

1647. *О причисленіи къ специальнымъ средствамъ Морскаго Министерства капитала пожертвованнаго наследниками полнаго Генерала Весселаго.*

1648. *По проекту правилъ о выдачѣ владѣльцамъ родовыхъ фидеикоммиссныхъ имѣній Курляндской губерніи ссудъ на сельскохозяйственныя улучшенія.*

Государственный Совѣтъ мнѣніемъ положилъ:

Въ измѣненіе и дополненіе подлежащихъ статей свода гражданскихъ узаконеній губерній Прибалтійскихъ, постановить:

1) Изъ капитала, вырученнаго отъ продажи крестьянскихъ арендныхъ участковъ фидеикоммисснаго имѣнія, если на доходы означеннаго капитала не обращено взысканія по долгамъ фидеикоммисснаго владѣльца, можетъ быть выдано сему послѣднему заимообразно единовременное пособіе на производство сельскохозяйственныхъ улучшеній въ фидеикоммиссномъ имѣніи, съ соблюденіемъ правилъ, изложенныхъ въ послѣдующихъ статьяхъ (2—10).

2) Упомянутый въ предшедшей (1) статьѣ пособія выдаются:

ж. юрид. общ. зн. II 1897 г.

33

а) на осушительныя работы посредством дренажа; б) на воздѣлываніе новины; в) на устройство правильнаго лѣснаго хозяйства; г) на возведеніе плотинъ, ограждающихъ поля отъ наводненій; д) на устройство сооружений для защиты береговъ рѣкъ и морскаго побережья отъ песчаныхъ заносовъ и размывовъ; и е) на устройство въ составѣ имѣнія новыхъ отдѣльныхъ хуторовъ.

3) Изъ фиденкоммисснаго капитала (ст. 1) можетъ быть выдана въ пособіе только часть сего капитала и притомъ съ такимъ расчетомъ, чтобы выданная сумма могла быть пополнена процентами съ остающейся невыданною части капитала въ теченіе не болѣе двадцати лѣтъ, считая со времени перваго удержанія процентовъ (ст. 4).

4) Выданное пособіе пополняется посредствомъ ежегоднаго удержанія опредѣленной, одинаковой въ каждому году суммы изъ процентовъ съ остающейся невыданною части фиденкоммисснаго капитала. Такое удержаніе начинается не позднѣе четвертаго года со времени выдачи пособія.

5) Фиденкоммиссный владѣлецъ, желающій получить пособіе на предусмотрѣнныя выше, въ статьѣ 3, сельскохозяйственныя улучшенія, подаетъ о томъ прошеніе дворянскому комитету, вмѣстѣ съ подробнымъ описаніемъ предполагаемыхъ работъ, а также указаніемъ порядка и срока производства таковыхъ.

6) Комитетъ, при содѣйствіи свѣдующимъ людей, приглашаемыхъ имъ для обсужденія на мѣстѣ плана предположенныхъ улучшеній, опредѣляетъ, можетъ ли быть выдано испрашиваемое пособіе, и въ какомъ именно размѣрѣ.

7) Въ постановленіи комитета о разрѣшеніи пособія означаются: а) сельскохозяйственныя улучшенія, на производство которыхъ выдается пособіе; б) порядокъ производства предполагаемыхъ работъ и срокъ ихъ окончанія; в) размѣръ разрѣшеннаго пособія и сроки выдачи такового по частямъ, въ соотвѣтствіи съ порядкомъ производства предположенныхъ работъ, и г) сумма, ежегодно удерживаемая изъ процентовъ съ остающейся части фиденкоммисснаго капитала на пополненіе выданнаго изъ онаго пособія, и срокъ, съ котораго должно начаться такое удержаніе (ст. 4).

8) Разрѣшенное пособіе выдается фиденкоммиссному владѣльцу по частямъ; по мѣрѣ производства предположенныхъ работъ. Если выданная часть пособія не будетъ употреблена по назначенію, то

владѣлецъ лишается права на полученіе остальной части разрѣшеннаго пособія.

9) Для наблюденія за расходованіемъ пособія на производство именно тѣхъ улучшеній, на которыя пособие выдано, дворянскій комитетъ назначаетъ, въ каждомъ случаѣ выдачи пособія, особую комиссію изъ двухъ дворянъ, подъ предсѣдательствомъ мѣстнаго уѣзднаго предводителя дворянства.

10) Впредь до окончательнаго пополненія фидеикоммиснаго капитала, фидеикоммисный владѣлецъ, а равно его наслѣдники или кредиторы, не имѣютъ права на полученіе той части процентовъ съ сего капитала, которая ежегодно удерживается на основаніи статьи 4 настоящихъ правилъ.

Его Императорское Величество воспослѣдовавшее мнѣніе въ Общемъ Собраніи Государственнаго Совѣта, 25 ноября 1896 г. Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

1649. *Объ утвержденіи устава Товарищества Морозовической стекольной фабрики.*

1650. *О разрѣшеніи Обществу Владикавказской желѣзной дороги постройки и эксплуатаціи подъѣзднаго пути отъ ст. Петровскъ сей дороги до г. Дербента.*

1651. *Объ утвержденіи штата личнаго состава бригаднаго лазарета стрѣлковой бригады, табелей лазаретнаго имущества и каталога медикаментамъ и аптечнымъ предметамъ.*

1652. *Объ отпускѣ офицерамъ гвардейской конной артиллеріи фуражныхъ денегъ на вторую собственную верховую лошадь.*

1653. *Объ измѣненіи п. 1 таблицы приварочнаго довольствія приложенной къ 12 ст. Высочайше утвержденнаго 31 іюля 1871 года положенія о провіантскомъ, приварочномъ и фуражномъ довольствіи войскъ.*

1654. *О назначеніи инспекторами, учителями специальныхъ предметовъ и руководителями практическихъ работъ въ ремесленныхъ училищахъ и школахъ ремесленныхъ учениковъ лицъ, не получившихъ средняго техническаго образованія.*

1655. *О новой формѣ книгъ и въдомостей по учету въ чайно-разсыпныхъ помѣщеніяхъ казенныхъ бандеролей.*

1656. *О продленіи срока для взноса денегъ, слѣдующихъ за нами Товарищества словолитни и типографіи С. Орельбранда сыновей.*

20 декабря № 140.

1857. *О производствѣ первой всеобщей переписи населенія, Россійской Имперіи.*

Въ попеченіи Нашемъ о вѣщемъ устроеніи и преуспѣяніи Государства, Мы признали за благо произвести первую всеобщую перепись населенія Имперіи.

Предстоящая перепись должна обнять всѣхъ безъ исключенія жителей на всемъ пространствѣ земель Державы Нашей и представить полное и точное исчисленіе населенія Государства, какъ въ распредѣленіи по отдѣльнымъ областямъ и губерніямъ, уѣздамъ городамъ и селеніямъ, такъ и по составу населенія, то есть по возрастамъ, поламъ, состояніямъ, вѣроисповѣданіямъ, племенамъ, занятіямъ и другимъ признакамъ, указаннымъ въ переписныхъ листахъ. Исчисленія всеобщей переписи послужать Намъ и поставленнымъ отъ Насъ правительственнымъ и общественнымъ учрежденіямъ важнымъ пособіемъ для различныхъ мѣропріятій на пользу Отечества.

Утвердивъ въ 5-й день іюня минувшаго года разсмотрѣнное въ Государственномъ Совѣтѣ Положеніе о первой всеобщей переписи населенія Имперіи, и усмотрѣвъ нынѣ изъ доклада Министра Внутреннихъ Дѣлъ, на коего возложено общее руководство переписью, что приготовительныя къ ней мѣры уже возымѣли осуществленіе, Повелѣваемъ приступить въ установленные сроки къ производству переписи и приурочить ея показанія и исчисленія къ двадцать восьмому дню января наступающаго тысяча восемьсотъ девяносто седьмаго года.

Пребываемъ увѣрены, что всѣ лица, призываемыя къ участію въ производствѣ переписи, какъ по должности, такъ и по добровольному съ ихъ стороны желанію, усерднымъ исполненіемъ возлагаемаго на нихъ труда, а каждый изъ жителей Имперіи Нашей правдивымъ показаніемъ о себѣ о своихъ близкихъ, всѣхъ требуемыхъ свѣдѣній, потщатся содѣйствовать успѣшному достиженію указанной Нами цѣли предстоящей переписи—полнаго и точнаго исчисленія населенія Государства.

Правительствующій Сенатъ не оставитъ учинить къ исполненію сего надлежащее распоряженіе.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:
Въ Царскомъ Селѣ. „НИКОЛАЙ“.
19 Декабря 1896 года.

1658. О мѣрѣ къ ограниченію производства изюмнаго вина.

1659. О раздѣленіи Поневъжскаго и Шавельскаго уѣздовъ, Ковенской губерніи, каждаго на пять становъ.

1660. О принятіи на счетъ жизни расхода по содержанію должности полицейскаго надзирателя въ мѣстечкѣ Казатинѣ, Бердичевскаго уѣзда, Киевской губерніи.

1661. Объ учрежденіи при Кутаисскомъ женскомъ учебномъ заведеніи Св. Нины должности инспектора.

1662. О разрѣшеніи Товариществу Тентелевскаго химическаго завода выпустить облигаціи на 500.000 рублей.

1663. О дополненіи § 15 дѣйствующаго устава Общества взаимнаго страхованія отъ огня имуществъ въ уѣздахъ Курляндской губерніи.

1664. Объ утвержденіи устава Кременчугскаго Общества мукомольнаго и льсопильнаго дѣла.

1665. Объ утвержденіи условій дѣятельности въ Россіи Бельійскаго акціонернаго Общества, подъ наименованіемъ: „Анонимное Общество конно-железныя дороги въ г. Николаевъ“.

1666. О приобрѣтеніи дополнительнаго пассажирскаго подвижнаго состава для Московско-Кіево-Воронежской желѣзной дороги за счетъ дополнительнаго облигаціоннаго капитала Общества этой дороги.

1667. Объ отнесеніи на счетъ дополнительнаго облигаціоннаго капитала Общества Московско-Кіево-Воронежской желѣзной дороги нѣкоторыхъ расходовъ, вызванныхъ усиленіемъ пропускной и провозной способности принадлежащихъ названному Обществу линій.

1668. Объ учрежденіи стипендіи имени Святѣйшаго Князя Горчакова для дѣтей дворянъ Полтавской губерніи, и объ утвержденіи положенія о сей стипендіи.

1669. Объ учрежденіи во 2 Московскомъ Императора Николая I кадетскомъ корпусѣ стипендіи Имени въ Бозѣ почивающаго Императора Николая I.

24 декабря № 141.

1670. О причисленіи къ спеціальнымъ средствамъ Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ по Департа-

менту Земледѣлія, капитала, пожертвованнаго статскимъ советникомъ *Вариннымъ*.

1671. О образованіи новыхъ становъ въ *Кадниковскомъ* и *Никольскомъ* уѣздахъ, *Вологодской губернии*, и объ усиленіи кредита на содержаніе полицейскихъ урядниковъ.

1672. О раздѣленіи *Сапожковскаго* уѣзда, *Рязанской губернии*, на три стана.

1673. О нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ составъ полицейскихъ чиновъ *Тверской губернии*.

1674. О составѣ *Кубанскаго* областного комитета Общества попечительнаго о тюрьмахъ.

1675. Объ отнесеніи съ 1 января 1897 г. содержанія трехъ чиновниковъ особыхъ порученій по переселенческимъ дѣламъ при *Приамурскомъ* Генералъ-губернаторѣ на счетъ мѣстныхъ земскихъ сборовъ.

1676. Объ увеличеніи числа офицеровъ и инженеръ-механиковъ въ строевомъ составѣ флота.

1677. Объ утвержденіи должности смотрителя *Николаевскаго* маяка въ *Восточномъ океанѣ*.

1678. Объ усиленіи штатовъ судебныхъ установленій въ *Кубанской области*.

1679. Объ усиленіи канцелярскихъ средствъ крепостныхъ отдѣленій, состоящихъ при сѣздахъ мировыхъ судей *Прибалтійскихъ губерній*.

1680. Объ измѣненіи и дополненіи нѣкоторыхъ §§ уставовъ Обществъ: *Россійскаго-застрахованія капиталовъ и доходовъ*, *С.-Петербургскаго-страхованій и страховаго—„Якорь“*.

1681. Объ открытіи *Новокіевскаго* мѣстнаго лазарета на 72 мѣста.

1682. Объ установленіи въ *Семиѣрченскомъ* казачьемъ войскѣ обязательнаго страхованія строеній отъ пожаровъ.

1683. Объ утвержденіи: 1) положенія объ особомъ отдѣленіи при сенаторіи „*Халила*“ для пользованія больными воспитанницами *С.-Петербургскихъ* институтовъ *Вѣдомства учреждений Императрицы Маріи* и 2) штата служащихъ въ ономъ чинѣ.

1684. Объ установленіи сроковъ для награды за отличія неслужебныхъ.

1685. *О замѣщеніи свободныхъ ученическихъ вакансій въ Одесскомъ коммерческомъ училищѣ евреями.*

1686. *О срокахъ введенія въ дѣйствіе закона о мѣрахъ къ ограниченію производства изюмнаго вина (отдѣлы IV, V VI).*

1687. *О принятіи капитала, пожертвованнаго для учрежденія въ Институтъ инженеровъ путей сообщенія Императора Александра I стипендіи имени инженера путей сообщенія Константина Яковлевича Михайловскаго.*

1688. *Объ утвержденіи списка лечебныхъ мѣстностей Кутаисской губерніи, въ коихъ заведеніямъ трактирнаго промысла, производящимъ торговлю лишь въ теченіе лечебнаго сезона, разрешается производить продажу крепкихъ напитковъ по полугоднымъ патентамъ, срокомъ съ 1 мая по 1 октября.*

1689. *Объ измѣненіи устава Бессарабско-Таврическаго Земельнаго Банка.*

1690. *О примѣненіи къ транзитной перевозкѣ персидскихъ произведеній по Закавказской желѣзной дорогѣ черезъ Баку, Батумъ и Поті, въ Западную Европу, утвержденныхъ 26 октября 1890 года общихъ правилъ о перевозкѣ иностранныхъ товаровъ транзитомъ черезъ Россію по желѣзнымъ дорогамъ.*

27 декабря № 142.

1691. *Объ отчужденіи двухъ участковъ земли для постройки православной церкви въ городѣ Луковѣ, Сьдлецкой губерніи.*

1692. *Объ отчужденіи земель, потребныхъ для сооруженія Шиловской вѣтви Московско-Казанской желѣзной дороги.*

1693. *Объ отчужденіи земель, потребныхъ для сооруженія Кашинской подъѣздной вѣтви.*

1694. *Объ увеличеніи кредита на содержаніе полицейскихъ урядниковъ въ Имперіи,*

1695. *Объ упраздненіи должностей въ составѣ Закатальскаго городскаго полицейскаго управленія.*

1696. *Объ увеличеніи суммы, отпускаемой на канцелярскіе и хозяйственные расходы С.-Петербургской городской полиціи.*

1697. *Объ уменьшеніи расхода Кубанскаго казачьяго войска на содержаніе межевой части въ Кубанской области.*

1698. *Объ усиленіи кредита, ассигнуемаго на содержаніе полицейскихъ урядниковъ въ Имперіи.*

1699. *О кредитѣ на содержаніе одного старшаго полицейскаго служителя при арестантскомъ помѣщеніи Троицкосавскаго городского полицейскаго управленія.*

1700. *Объ усиленіи кредита, ассигнуемаго на содержаніе полицейскихъ урядниковъ въ Имперіи.*

1701. *Объ утвержденіи штата Россійскихъ дипломатическаго агента въ Софій, консульства въ Руцукъ и вице-консульствъ въ Софій и Филиппополь.*

1702. *Объ учрежденіи должности чиновника по дипломатической части при Приамурскомъ Генераль-Губернаторѣ.*

1703. *Объ учрежденіи Россійскаго генеральнаго консульства въ Шанхай.*

1704. *Объ учрежденіи должности драгомана въ составъ Россійской миссіи въ Корей.*

1705. *О размѣрѣ окладовъ квартирныхъ денегъ Туруханскаго отдѣльнаго пристава и его помощника.*

1706. *Объ измѣненіи срока дворянскихъ выборовъ въ области войска Донскаго.*

1707. *Объ увеличеніи суммы, отпускаемой на канцелярскія издержки полицейскаго пристава города Шмиссельбурга.*

1708. *Объ устройствѣ сельской врачебной части въ Тобольской губерніи и объ утвержденіи штата означенной части.*

1709. *О порядкѣ исполненія обязанностей Оренбургскаго губернатора, въ случаѣ его отсутствія.*

1710. *Объ ассигнованіи изъ государственнаго казначейства по пятнадцати тысячъ рублей въ годъ на расходы по надзору за учрежденіями мелкаго кредита.*

1711. *О кредитахъ на содержаніе Управленія Межевою Частью и Межевой Канцеляріи.*

1712. *О размѣрѣ налога съ городскихъ недвижимыхъ имуществъ на 1897 годъ.*

1713. *О выдачѣ прогонныхъ и суточныхъ денегъ мировымъ судьямъ Уральской и степныхъ областей.*

1714. *Объ усиленіи штатовъ мировыхъ судебныхъ установленій въ Привислинскихъ губерніяхъ.*

1715. *Объ увеличеніи основнаго капитала Товарищества ситце-*

набивной фабрики, подъ фирмою „Яковъ Лютигъ въ С.-Петербуръ“.

1716. *Объ учрежденіи должности конно-полицейскаго урядника въ м. Шанцахъ, Ковенской губерніи.*

1717. *Объ утвержденіи штата полицейской команды въ г. За-каталазъ, Закавказскаго округа.*

1718. *Объ учрежденіи двухъ должностей пѣшихъ полицейскихъ урядниковъ въ поселкъ Коренево Рыльскаго уѣзда, Курской губерніи.*

1719. *Объ учрежденіи должности конно-полицейскаго урядника на пристани Медвѣдка, Нолмскаго уѣзда, Вятской губерніи.*

1720. *Объ учрежденіи пяти должностей конныхъ полицейскихъ урядниковъ въ Кадниковскомъ, Никольскомъ и Сольвычегодскомъ уѣздахъ, Вологодской губерніи.*

1721. *Объ учрежденіи должности полицейскаго служителя при арестантскомъ помѣщеніи Троицкосавскаго полицейскаго управленія.*

31 декабря № 143.

1722. *О разрѣшеніи Обществу Варшавско-Вѣнской желѣз-ной дороги обратить на расширение механическихъ мастерскихъ и увеличеніе пассажирскаго вагоннаго парка сумму, назначенную, въ составъ IX серіи облигацій Общества, на постройку новаго вокзала дороги въ Варшавѣ.*

1723. *Объ измѣненіяхъ въ штатахъ Канцеляріи Военнаго Ми-нистерства и Хозяйственнаго Комитета при домѣ Военнаго Министерства.*

1724. *Объ измѣненіи вѣдомости о содержаніи духовенства иновѣрныхъ исповѣданій и пособій, отпускаемыхъ иновѣрнымъ церк-вамъ, приложенной къ ст. 181 кн. 1 Св. Морск. Пост., по прод. 1895 года.*

1725. *О присвоеніи штабъ-квартиръ 8-го Восточно-Сибир-скаго линейнаго баталіона наименованія „Штабъ Графа Муравьева-Амурскаго“.*

1726. *О цѣнахъ для пріема процентныхъ бумагъ въ залоги по казеннымъ подрядамъ и поставкамъ, въ обезпеченіе разсрочиваемаго акциза за вино и табакъ и въ обезпеченіе платежа таможенныхъ пошлинъ, на первое полугодіе 1897 года.*

1727. *О цѣнахъ процентныхъ бумагъ для исчисленія пошлинъ съ безмезднаго ихъ перехода, на первое полугодіе 1897 года.*

1728. *Объ установленіи на первое полугодіе, 1897 г. цѣнъ на хлѣбное вино и спиртъ въ той части Области Войска Донскаго, которая входитъ въ районъ Донецкаго каменно-угольнаго бассейна.*

ИЗВЛЧЕНІЯ
ИЗЪ
СОБРАНІЯ УЗАКОНЕНІЙ
И
РАСПОРЯЖЕНІЙ ПРАВИТЕЛЬСТВА
за 1897 годъ.

УЗАКОНЕНІЯ И РАСПОРЯЖЕНІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА

(съ 1-го января по 14-е января 1897 г.).

Статьи 1—59.

Высочайшія повелѣнія и распоряженія правительства.

3 января № 1.

1. *О временномъ увеличеніи квартирныхъ окладовъ чинамъ Брестскаго уезднаго полицейскаго управленія.*
2. *Объ усиленіи Юрьевской городской полиціи.*
3. *О дополненіи штата сельско-медицинской части въ Западныхъ губерніяхъ.*
4. *Объ учрежденіи Россійскаго консульства въ Исфгани.*
5. *Объ учрежденіи въ г. Асхабадъ, Закаспійской области Маріинскаго женскаго училища.*
6. *О расширеніи селитебной площади города Кологрива.*
7. *О принятіи родового имуществва потомственнаго дворянина В. Базилевскаго, пожертвованнаго имъ въ пользу пріюта Принца Петра Георіевича Ольденбургскаго.*
8. *Объ утвержденіи устава Общества стекольнаго производства И. Ритингъ.*
9. *Объ утвержденіи устава Товарищества коньячнаго и водочнаго заводовъ и складовъ русскихъ виноградныхъ винъ Николая Леонтьевича Шустова съ сыновьями.*
10. *О образованіи при Главномъ Управленіи Вѣдомства учреждений Императрицы Маріи Комитета Главнаго Попечительства дѣтскихъ пріютовъ, объ открытіи дѣйствій этого Комитета и объ утвержденіи основныя начала для дѣятельности Комитета.*

Главнoуправляющій Собственною Его Императорскаго Величества Канцелярію по учрежденіямъ Императрицы Маріи увѣдомилъ, что Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему его, Главнoуправляющаго, докладу, въ 28 день октября 1896 года, Высочайше соизволилъ на образованіе при Главномъ Управленіи Вѣдомства учреждений Императрицы Маріи Комитета Главнаго Попечительства дѣтскихъ пріютовъ и на открытіе дѣйствій этого Комитета. Вмѣстѣ съ тѣмъ Его Императорскому Величеству благоугодно было Высочайше утвердить основныя начала для дѣятельности Комитета.

О вышеизложенномъ Министръ Юстиціи, 27 ноября 1896 г., предложилъ Правительствующему Сенату, съ приложеніемъ копій съ Высочайше утвержденныхъ основныхъ началъ для дѣятельности Комитета Главнаго Попечительства дѣтскихъ пріютовъ Вѣдомства учреждений Императрицы Маріи.

ПРОЕКТЪ ОСНОВНЫХЪ НАЧАЛЪ.

для дѣятельности комитета главнаго попечительства дѣтскихъ пріютовъ вѣдомства учреждений императрицы маріи.

1. При Главномъ Управленіи Вѣдомства учреждений Императрицы Маріи состоитъ Комитетъ Главнаго попечительства дѣтскихъ пріютовъ.

2. Комитетъ состоитъ изъ Предсѣдателя, Товарища Предсѣдателя и Членовъ.

3. Предсѣдателемъ Комитета состоитъ Главнoуправляющій Собственною Его Императорскаго Величества Канцелярію по учрежденіямъ Императрицы Маріи, Товарищемъ Предсѣдателя—Товарищъ Главнoуправляющаго.

4. Членами Комитета состоятъ: Предсѣдатели или Предсѣдательницы С.-Петербургскаго и Московскаго Совѣтовъ дѣтскихъ пріютовъ, Предсѣдатели постоянныхъ Коммисій С.-Петербургскаго и Московскаго Совѣтовъ дѣтскихъ пріютовъ, Директоръ Канцеляріи по управленію дѣтскими пріютами и пять членовъ, избираемыхъ, и утверждаемыхъ, по докладамъ Главнoуправляющаго, Государынею Императрицею.

Кромѣ того, въ составъ членовъ Комитета могутъ быть приглашаемы, съ соизволенія Государыни Императрицы и по соглашенію съ соотвѣтствующими Начальствами и Вѣдомствами, представители Духовнаго Вѣдомства, Министерствъ: Внутреннихъ Дѣлъ,

Народнаго Просвѣщенія, Финансовъ и Земледѣлія, а равно и главнѣйшихъ благотворительныхъ учрежденій. Лица эти утверждаются въ званіи членовъ Комитета и увольняются отъ онаго Государынею Императрицею, по докладамъ Главноуправляющаго.

Примѣчаніе. Въ тѣхъ случаяхъ, когда въ должностяхъ Предсѣдателя или Предсѣдательницы столичныхъ Совѣтовъ дѣтскихъ пріютовъ состоятъ Августѣйшія Особы, отъ усмотрѣнія этихъ Августѣйшихъ Особъ зависитъ избирать вмѣсто себя, для участія въ занятіяхъ Комитета, особыхъ замѣстителей, которые въ званіи Членовъ Комитета утверждаются, по докладамъ Главноуправляющаго, Государынею Императрицею.

5. Къ обязанностямъ и кругу дѣйствій Комитета принадлежать:

а) Разсмотрѣніе, обсужденіе и постановленіе заключеній по всѣмъ вопросамъ и предложеніямъ, вносимымъ на разсмотрѣніе Комитета Главноуправляющимъ.

б) Изысканіе и обсужденіе мѣръ и средствъ, какъ для поддержанія, развитія и улучшенія существующихъ въ Россіи дѣтскихъ пріютовъ и для учрежденія новыхъ заведеній, такъ и вообще для организаціи и обезпеченія возможно правильной и плодотворной постановки дѣла призрѣнія, воспитанія и обученія неминуемыхъ дѣтей въ Россіи.

6. Предсѣдатель Комитета назначаетъ время и мѣсто засѣданій онаго. Онъ же сноситъ съ другими мѣстами и лицами и дѣлаетъ всѣ нужныя по заключеніямъ и журналамъ Комитета распоряженія.

7. Въ случаѣ болѣзни или отсутствія Предсѣдателя—должность его исправляетъ Товарищъ Предсѣдателя.

8. Дѣла, поступающія на разсмотрѣніе Комитета, рѣшаются большинствомъ голосовъ, въ случаѣ равенства, голосъ Предсѣдателя имѣетъ перевѣсъ. Всѣ присутствующіе въ засѣданіи члены подписываютъ журналъ онаго, скрѣпляемый директоромъ Канцеляріи по управленію дѣтскими пріютами.

9. Дѣлопроизводство по Комитету возлагается на состоящую при Главноуправляющемъ Канцелярію по управленію дѣтскими пріютами, директоръ коей заведываетъ дѣлопроизводствомъ Комитета.

11. *Объ утвержденіи правилъ о преміи Августѣйшаго Имени*

Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны.

12. *Объ измѣненіи устава Товарищества для устройства мукомольныхъ мельницъ и торговли мельничными махинами и принадлежностями „Антоня Эрлангера и К^о“.*

18. *Объ учрежденіи въ имѣніи Лондварово, Трокскаго уѣзда, Виленской губерніи, должности пѣшаго полицейскаго урядника.*

4 января № 2.

14. *О чеканкѣ и выпускѣ въ обращеніе золотой монеты, съ означеніемъ на имперіалахъ цѣны 15 рублей и на полуимперіалахъ цѣны 7 рублей 50 коп. и объ утвержденіи описанія внѣшняго вида означенной монеты.*

Для устраненія нѣкоторыхъ, силою обстоятельствъ и времени возникшихъ, недостатковъ денежнаго обращенія Имперіи, Мы повелѣли вамъ внести на разсмотрѣніе Государственнаго Совѣта выработанныя въ Особомъ Комитетѣ предположенія объ установленіи новыхъ, соответствующихъ измѣнившимся условіямъ, основаній нашей монетной системы и правилъ выпуска государственныхъ кредитныхъ билетовъ.

По своей важности и сложности, дѣло это можетъ еще потребовать продолжительнаго обсужденія.

Нынѣ, въ виду оказывающейся настоятельной необходимости возобновить чеканку золотой монеты, а также въ цѣляхъ устраненія поводовъ къ сомнѣніямъ, порождаемымъ въ населеніи несоотвѣтствіемъ нарицательнаго достоинства золотой монеты ея цѣнѣ, определенной для обмѣна на кредитные билеты, Мы признали за благо, впредь до принятія Нами окончательнаго рѣшенія по разсмотрѣніи Государственнымъ Совѣтомъ дѣла сего,—чеканить золотую монету съ означеніемъ на ней цѣны, установленной Высочайшимъ повелѣніемъ Нашимъ 8-го августа 1896 года.

Вслѣдствіе этого и согласно съ представленіемъ вашимъ, въ Особомъ Комитетѣ разсмотрѣннымъ, повелѣваемъ:

1) оставивъ золотую монету безъ всякаго измѣненія въ содержаніи чистаго золота, пробѣ, вѣсѣ и размѣрахъ, установленныхъ закономъ (Уст. Мон., 8, 9, 12, 17, 19 и 21),—чеканить таковую съ означеніемъ на имперіалахъ цѣны 15 рублей и на полуимперіалахъ цѣны 7 рублей 50 копѣекъ, согласно описанію, одновременно съ симъ Нами утвержденному.

и 2) по изготовленіи золотой монеты, на основаніи п. 1-го сего Указа выпускать оную въ обращеніе.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:
Въ Царское Село „НИКОЛАЙ“.
8 Января 1897 года.

Описаніе внѣшняго вида золотой монеты.

Лицевая сторона золотой монеты представляетъ профильное, вгъво обращенное, изображеніе Государя Императора съ подписью вокругъ: „Вожію Милостію Николай II Императоръ и Самодержецъ Всероссійскій“.

Оборотная сторона монеты представляетъ Государственный гербъ съ подписью внизу: на имперіалѣ—15 рублей и годъ чеканки и на полуимперіалѣ—7 рублей 50 копѣекъ и годъ чеканки. На ребрѣ монеты изображается углубленными буквами содержаніе въ ней чистаго металла.

7 января № 3.

16. *Объ утвержденіи устава Среднеазіатскаго торговопромышленнаго Товарищества мучнаго производства и торговли.*

17. *Объ увеличеніи основнаго капитала акціонернаго Общества Мальцовскихъ заводовъ.*

18. *О довольствіи путевыми вещами нижнихъ чиновъ и новобранцевъ, отправляемыхъ моремъ изъ портовъ Чернаго и Балтійскаго морей въ Приамурскій округъ и изъ портовъ Приамурскаго округа въ порты Европейской Россіи.*

19. *О присвоеніи учреждаемой при Кишиневской духовной семинаріи стипендіи Имени въ Бозѣ почившаго Государя Императора Александра III.*

20. *Объ открытіи повсемѣстнаго въ Имперіи сбора добровольныхъ пожертвованій на ремонтъ Микетскаго 12 Апостоловъ собора.*

21. *О разрѣшеніи производства пожертвованій въ пользу Авонскаго Филовеевскаго монастыря, въ предѣлахъ Россіи, въ теченіе одного юда.*

22. *Объ установленіи повсемѣстнаго по Имперіи кружечнаго сбора пожертвованій на возобновленіе Мстиславова храма въ городѣ Владиміръ-Волынскомъ.*

23. *Объ учрежденіи стипендіи Имени Государя Императора и Государыни Императрицы Александры Теодоровны въ Одесскомъ дѣтскомъ пріютѣ Имени Государыни Императрицы Маріи Теодоровны и объ утвержденіи положенія объ означенной стипендіи.*

№ 33 л.

24. *Объ учрежденіи въ Усачевско-Черныяскомъ женскомъ училищѣ, въ Москвѣ, двухъ стипендій.*

25. *Объ измѣненіи положенія о стипендіи имени Начальника Рижскаго Таможеннаго Округа, Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Твердынскаго.*

26. *Объ обращеніи полустанціи Дунино, Московско-Казанской желѣзной дороги, въ самостоятельную станцію и объ установленіи нѣкоторыхъ операцій на полустанціяхъ Рыжкова и Кобыжчи, Московско-Кіево-Воронежской желѣзной дороги.*

10 января № 4.

27. *О присвоеніи арык-аксакаламъ и мирабамъ въ Туркестанскомъ краѣ особыя должностиныя знаковъ.*

28. *О продленіи дѣйствія правилъ объ обложеніи кредитныхъ билетовъ таможенною пошлиною.*

29. *Объ утвержденіи устава акціонернаго Общества суконной мануфактуры А. Г. Борста въ г. Эверсѣ.*

30. *О выкупѣ Фастовской желѣзной дороги въ казну.*

31. *Объ утвержденіи положенія о стипендіи врача Евграфа Платоновича и брата его Льва Платоновича Стаховскихъ.*

32. *О предоставленіи чинамъ подвѣдомственныхъ Окружнымъ Интенданствамъ управленій и заведеній права на получение порціонныхъ за время командировокъ денегъ.*

33. *О правѣ подхорунжихъ, произведенныхъ въ хорунжіе съ зачисленіемъ по войску, на получение пособія на обмундированіе при поступленіи на службу.*

34. *Объ усиленіи штатовъ Главнаго и Туркестанскаго Окружнаго Военно-Медицинскихъ Управленій.*

35. *Объ учрежденіи въ одной изъ школъ Императорскаго Женскаго Патріотическаго Общества стипендіи въ память дня бракосочетанія Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя Императора и Государыни Императрицы Александры Феодоровны.*

36. *Объ учрежденіи въ 1 Васильевской школѣ Императорскаго Женскаго Патріотическаго Общества стипендіи имени вдовы Коллежскаго Секретаря Софіи фонъ-Эссенъ.*

37. *О принятіи 15.000 рублей на увеличеніе резервнаго капитала Императорскаго Женскаго Патріотическаго Общества на основаніи особаго дополненія къ духовному завѣщанію въ Божь почивающей Великой Княгини Екатерины Михайловны.*

38. *О раздѣленіи парадной формы для чиновъ вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи и Собственной Ея Императорскаго Величества Канцеляріи по симъ учрежденіямъ на 5 степеней, соответственно классамъ должностей, и росписанія степеней сихъ мундировъ.*

39. О переименованіи Завѣдывающаго Дворцоваго частію въ Москву въ Завѣдывающаго Придворною частію въ Москву съ присвоеніемъ ему Перваго чина Высочайшаго Двора—Оберъ-Камергера и объ изыятіи Начальника Московскаго Дворцоваго Управленія изъ подчиненія Завѣдывающему Придворною частію.

40. Объ утвержденіи Ею Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Константиновича Почетнымъ Членомъ Императорскаго Института Экспериментальной Медицины.

41. Объ утвержденіи временнаго положенія о стипендіи имени Надворнаго Советника Михаила Танаисова въ Саратовской Мариинской женской гимназіи.

42. О рубликованіи всѣхъ выдаваемыхъ привилегій въ ежемѣсячномъ изданіи Департамента Торговли и Мануфактуръ, подъ названіемъ: „Сводъ привилегій, выдаваемыхъ въ Россіи“.

43. Объ установленіи цѣны для пріема С.-Петербургской Сухпутной Таможеней въ уплату таможенныхъ пошлинъ, взимаемыхъ золотомъ, билетою Германскаго Имперскаго Банка и Французскаго Банка.

44. О разрѣшеніи всѣмъ таможеннымъ учрежденіямъ Закаспійскаго и Туркестанскаго таможенныхъ округовъ, за исключеніемъ Узунъ-Адинской таможни, принимать по желанію плательщиковъ, въ уплату таможенныхъ пошлинъ, русскую золотую монету, по курсу, назначаемому для пріема таковой монеты въ уплаты государственныхъ доходовъ.

45. О назначеніи курса для пріема представляемыхъ въ таможенны серебряной монеты, рублей кредитныхъ рублей, мелкой серебряной и медной монеты на время съ 1 января по 1 апрѣля 1897 года.

46. Объ утвержденіи правилъ сплава судовъ и плотовъ по рр. Жиздрѣ и Ресетѣ.

14 января № 5.

47. О выпускѣ 4% Государственной ренты на нарицательный капиталъ въ тридцать милліоновъ рублей, для покрытія части расходовъ Государственнаго Казначейства по предстоящему въ 1897 году изыятію изъ обращенія 11 разрядовъ билетоу Государственнаго Казначейства, выпущенныхъ въ 1889 г.

48. Объ учрежденіи особой комисіи подъ Предсѣдательствомъ Ею Высочества Принца Александра Петровича Ольденбургскаго для предупрежденія занесенія чумной заразы и борьбы съ нею, въ случаѣ появленія ея въ Имперіи.

Въ видахъ предупрежденія занесенія въ Наши предѣлы чумной заразы и борьбы съ нею, въ случаѣ появленія ея въ Имперіи, признавъ необходимымъ учредить особую, на одобренныхъ Нами основаніяхъ, Комисію, Всемилостивѣйше повелѣваемъ Ею Высо-

честву Принцу Александру Петровичу Ольденбургскому быть Председателем сей Комисіи.

Правительствующій Сенатъ не оставитъ учинить къ исполненію сего надлежащія распоряженія.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:
Въ Царскомъ Селѣ. „НИКОЛАЙ“.

11 Января 1897 года.

49. *О разрѣшеніи отъ бремени Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Ксеніи Александровны сыномъ, нареченнымъ Андреемъ.*

50. *Объ отмытій установленнаго ст. 303 уст. акц. сб. безакцизнаго отчисленія спирта на садовладѣльческіе заводы Закавказскаго края для домашняго употребленія заводчиковъ и продовольствія рабочихъ.*

51. *О предѣльныхъ цѣнахъ казенныхъ вина, спирта и водочныхъ издѣлій для операціи казенной продажи питей въ 1897 г. въ губерніяхъ Пермской, Уфимской, Оренбургской и Самарской.*

52. *О привоеніи трехъ читальныхъ въ Орловской губерніи Имени Его Императорскаго Величества.*

53. *Объ учрежденіи женской общины близъ деревни Кимлай, Краснослободскаго уѣзда, Пензенской губерніи въ мѣстности, именуемой „Флеюнтова юра“.*

54. *Объ утвержденіи устава Эстляндскаго Общества Взаимнаго Кредита.*

55. *Объ учрежденіи семи должностей конно-полицейскихъ стражниковъ, одной въ предѣлахъ Верхъ-Исетской дачи въ участкѣ Аятскомъ и шести въ районѣ Шуралинской дачи.*

56. *Объ учрежденіи въ Верхотурскомъ уѣздѣ при Нѣйво-Алапаевскомъ заводѣ одной должности конно-полицейскаго Стражника.*

57. *Объ утвержденіи штата полицейской команды гор. Петровска, Дагестанской области.*

58. *Объ утвержденіи таблицы тарифныхъ постанціонныхъ разстояній Славянской вѣтви, Курско-Харьково-Севастопольской желѣзной дороги, для перевозки пассажировъ, багажа и грузовъ большой и малой скорости.*

59. *Объ утвержденіи таблицы тарифныхъ постанціонныхъ разстояній Осиповичской вѣтви, Либаво-Роменской желѣзной дороги, для перевозки пассажировъ, багажа и грузовъ большой и малой скорости.*

ЧЕСТЬ, СУДЪ И ПОЕДИНОКЪ ¹⁾.

IV.

Такимъ образомъ, какъ видно, дуэль пережила у насъ уже три стадіи развитія. Въ настоящее же время, съ изданіемъ правилъ 13 мая 1894 г. и до изданія новаго уголовного уложенія, она вступила въ четвертую стадію, страннымъ образомъ напоминающую стадію, первую древнѣйшую. Но прежде нежели разсматривать и разбирать подробно эти правила, относящіяся преимущественно до дуэлей въ офицерской средѣ, приведемъ, для полнаго выясненія значенія дуэлей вообще, при современномъ развитіи государственнаго начала, государственныхъ цѣлей и задачъ,—какъ характернѣйшія соображенія, безусловно враждебныя по отношенію къ дуэли, высказываемыя въ пользу признанія посягательствъ въ видѣ дуэлей на жизнь и тѣлесную неприкосновенность наказуемыми въ томъ же размѣрѣ и порядкѣ, какъ и обыкновенныя посягательства этого рода, такъ и соображенія иного особо ярко выраженного характера, гораздо болѣе благоприятныя для дуэлей, хотя и сопровождающіяся признаніемъ ея дѣяніемъ наказуемымъ, и—вмѣстѣ съ тѣмъ установленіемъ собственную точку зрѣнія на этотъ предметъ въ его настоящемъ положеніи, при условіяхъ современной дѣйствительности.

¹⁾ См. Журн. Юр. Общ., кн. I.
ж. юрид. общ. кн. II 1897 г.

Весьма ярко выражены воззрѣнія перваго рода французскимъ оберъ-прокуроромъ Дюпенемъ.

„Вопросъ о дуэли—говорилъ онъ— понимался различно, смотря по времени, по формѣ правленія, по прогрессу идей, по различнымъ степенямъ цивилизаціи. Одни смотрѣли на дуэль, какъ на право, какъ на какой то палладіумъ личнаго достоинства; другіе, какъ на печальный предрассудокъ, который, однако-жъ, должно щадить; третьи, какъ на остатокъ феодализма и варварства, какъ на явленіе противообщественное. Эти различныя мнѣнія господствовали въ разные періоды исторіи. Они часто занимали и законодателей, и свѣтскихъ людей, и моралистовъ, и законовѣдovъ. Но во всѣ времена люди самые добродѣтельные, самые мудрые и, смѣю сказать, самые твердые и независимые были того мнѣнія, что дуэли—беспорядокъ, который не можетъ быть терпимъ въ благоустроенномъ обществѣ, и что послѣдствія ихъ, убійства и раны,—настоящія уголовныя преступленія, которыя должно наказывать. Ненаказуемость дуэли выводили изъ двухъ началъ: свободы соглашенія и одновременности защиты и нападенія. Но договариваться можно не обо всемъ: законы запрещаютъ договоры, противные добрымъ нравамъ и общественному порядку; договоръ о поступленіи въ пожизненное услуженіе, объ азартной игрѣ, о взаимномъ самоубійствѣ—никогда не будетъ признанъ законнымъ. Что же касается до аргумента одновременности нападенія и защиты, то онъ также не можетъ имѣть, строго говоря, юридическаго значенія. По самой этой одновременности, и не можетъ быть необходимой обороны, потому что въ то же время происходитъ отъ того жъ лица и нападеніе, потому что здѣсь болѣе ищутъ убить противника, нежели защищаться. Нельзя признать здѣсь состоянія необходимой обороны въ особенности потому, что на дуэли человекъ самъ создаетъ себѣ опасность, вслѣдствіе заранѣе назначеннаго мѣста встрѣчи, и притомъ съ полнаго его согласія. А что сказать о тѣхъ дуэляхъ, гдѣ выдержавшій выстрѣлъ противника стрѣляетъ, въ свою очередь, хладнокровно, когда опасность для него миновала, а существуетъ

только для соперника? Еслибъ можно было принять, что договоръ и равенство нападенія и защиты уничтожаютъ вмѣняемость,—тогда слѣдовало бы допустить дуэль не только на шпагахъ и пистолетахъ, но и на кинжалахъ, бой двухъ противъ двухъ, тысячи противъ тысячи, то есть, междусобную войну. Тогда надо было бы признать ненаказуемою и дуэль, состоящую въ выборѣ, по жребію, между двумя пистолетами, изъ которыхъ одинъ заряженъ, а другой нѣтъ; это даже—единственное средство положить дѣйствительное равенство между такими соперниками, изъ которыхъ одинъ можетъ задѣть пулею фитиль свѣчи, не погасивъ ее, а другой никогда не бралъ пистолета въ руки. Признавать безнаказанность дуэли на томъ только основаніи, что она предразсудокъ, которому невольно подчиняются,—тогда надобно признать и всѣ другіе предразсудки: корсиканскую вендетту, наслѣдственную месть у черкесовъ. Наконецъ, признать безнаказанность дуэли—значить, разрушить общественный порядокъ, отодвинуть назадъ его законы и суды; значить каждому дать право творить судъ и расправу самому; дѣлать каждого законодателемъ, судьей и палачомъ въ своемъ собственномъ дѣлѣ; давать ему право опредѣлять собственною властію смертную казнь за обиды самыя легкія и ничтожныя "... Вообще, Дюпенъ возражалъ даже противъ признанія дуэли особеннымъ преступленіемъ, противъ наказанія за нанесеніе увѣчій, ранъ и смерти на дуэли—болѣе мягкаго, чѣмъ при иныхъ посягательствахъ этого рода. Убіеніе и нанесеніе ранъ и увѣчій на дуэли должны были, по его мнѣнію, подвергаться такой же точно карѣ, какъ и умышленныя убійство и нанесеніе ранъ и увѣчій ¹⁾).

Съ своей стороны, приведи это характерное и рѣзко выраженное воззрѣніе и замѣтивъ, что оно „съ точки зрѣнія

1) Какъ мы увидимъ ниже, въ слѣдующемъ примѣчаніи, воззрѣніе это и восторжествовало во Франціи, произвело полный переворотъ въ тамошней судебной практикѣ. А такъ какъ практика эта высказывалась до тѣхъ поръ за безнаказанность дуэли во всякомъ случаѣ, то этимъ и объясняется необходимость для Дюпена доказывать ту общепризнанную нынѣ истину, что дуэль—вообще наказуема.

абсолютной конечно справедливо“,—А. Лохвицкій высказы-
вается, въ своемъ „Курсѣ русскаго уголовного права“ (стр.
570), именно за признаніе дуэли преступленіемъ особеннымъ
и—за болѣе мягкое наказаніе наносимыхъ на дуэли тѣлес-
ныхъ поврежденій и смерти. „Если—замѣчаетъ онъ—о без-
наказанности дуэли не можетъ быть и рѣчи, то нельзя
также допустить и приравненія ея къ убійству“.

Такъ это, безъ сомнѣнія, и есть. Съ этимъ нельзя не
согласиться. На точкѣ зрѣнія относительно дуэли, какъ пре-
ступленія особеннаго, караемаго мягче при всякихъ послѣд-
ствіяхъ, сравнительно съ простымъ убійствомъ и нанесеніемъ
тѣлесныхъ поврежденій,—стоитъ, болшею частію, какъ док-
трина, такъ и развивающееся законодательство. Дуэль—пред-
разсудокъ (какъ именно она и названа въ Высочайше утверж-
денномъ 9 іюля 1849 г. мѣнѣиіи государственнаго совѣта по
одному частному дѣлу о дуэли: прим. къ ст. 1503 уложенія
о наказ.). Она—отвратительна во многихъ случаяхъ. Съ
дуэлью нужно бороться и наказаніемъ. Государство, достигнувъ
извѣстнаго развитія, ни въ какомъ случаѣ не можетъ ми-
рится съ нею. Въ дуэли выражается отрицаніе его, какъ
формы общежитія, направленной къ охранѣ правъ и къ ихъ
возстановленію, отрицаніе принадлежности именно ему права
наказанія. Дуэлисты—какъ берущіеся за оружіе въ защиту
своего частнаго права, такъ и принимающій вызовъ против-
ника и соглашающійся отвѣчать не въ установленномъ зако-
нами порядкѣ—ставятъ себя внѣ законовъ, обнаруживаютъ
прямое нежеланіе имъ подчиняться, недовѣріе къ власти,
поставленной для того, чтобы разсудить ихъ на основаніи
законовъ. Они заслуживаютъ наказанія въ особенности, когда
такого рода существо ихъ дѣяній сопровождается прямымъ
нарушеніемъ интересовъ жизни или здоровья. Но нельзя и
придавать здѣсь строгости наказанія значеніе, котораго она
не имѣетъ даже и относительно иныхъ преступныхъ дѣяній.
Совершенствующіеся нравы, развитіе просвѣщенія, литера-
тура, улучшеніе судебной части и законодательства съ его
различными мѣрами, направленными къ признанію и ограж-

ченію чести гражданъ вообще,—составляютъ военныя, но могучія условія, приводяція къ постепенному исчезновенію дуэлей. Затѣмъ, въ общемъ (за разными исключеніями) слишкомъ ясна и существенна разница между дуэлью и простымъ убійствомъ или тѣлеснымъ поврежденіемъ, неодинаковы побужденія, руководяція обыкновенно дуэлистами и убійцами, обстановка дѣяній тѣхъ и другихъ, отношеніе къ нимъ общества и пр. Когда простое убійство произошло и по тѣмъ же побужденіямъ, которыя приводятъ къ дуэли (изъ за личныхъ обидъ),—то и тогда остается весьма значительная разница между такимъ убійствомъ и убійствомъ на дуэли. Въ пользу болѣе слабого наказанія убійства на дуэли имѣется еще и весьма важное юридическое соображеніе: въ ней, какъ предразсудѣ, которому невольно подчиняются (въ особенности въ дѣлѣ принятія вызова), нѣтъ той степени и того характера злой воли, при которыхъ послѣдняя заставляетъ государство усиливать наказанія за дѣянія, ее выражающія, и которые именно наблюдаются въ преступной волѣ, руководящей простымъ убійцей. Притомъ же дуэль, какъ извѣстный видъ самосуда и саморасправы съ обидчикомъ (ни въ какомъ случаѣ неоправдываемый), все же, симпатичнѣе всякихъ иныхъ видовъ такого самосуда и нѣрѣдко даже менѣе опасна, сравнительно съ ними, производитъ меньше тревоги и грозитъ меньшими нарушеніями интересовъ тѣлесной неприкосновенности.

Итакъ, совершенно правильны—и отношеніе къ дуэли доктрины и развивающагося законодательства, и основной выводъ Лохвицкаго. Но нельзя, вмѣсто соображеній подобнаго рода, приводить въ пользу дуэлей соображенія, высказываемыя при этомъ Лохвицинымъ... Изъ нихъ могутъ быть дѣлаемы выводы, довольно неожиданные для него самого,—противорѣчащіе основному приведенному его заключенію... Вотъ его соображенія этого рода, высказываемыя иногда и другими, и необходимо вызывающія возраженія ¹⁾:

¹⁾ Считаю весьма существеннымъ подробный разборъ возрѣвій Лохвицкаго,

„Дуэль—говорить, между прочимъ, Лохвицкій—какъ предразсудокъ, имѣть за собою великое начало: чувство чести и личной неприкосновенности. При всѣхъ недостаткахъ и кровавыхъ послѣдствіяхъ этого условнаго чувства чести (point d'honneur), оно имѣетъ и великія достоинства. Оно даетъ человѣку нравственную силу, возвышаетъ его. Это чувство и его необходимое послѣдствіе—дуэль—могущественно содѣйствовали цивилизаціи. Вводя уваженіе къ самому себѣ, оно вводитъ его и къ другимъ. Тамъ, гдѣ человѣкъ знаетъ, что его за дерзость или подлость поставятъ на барьеръ,—тамъ онъ остерегается отъ такихъ поступковъ, которые, по свойству своему, недостижимы для суда, а между тѣмъ, нарушаютъ спокойствіе общества. Оттого Франція, классическая страна дуэлей, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и страна наибольшаго развитія чувства личности; оттого французское общество служитъ образцомъ вѣжливости и мягкости нравовъ. Оттого, съ другой стороны, невыносима бываетъ часто жизнь среди общества, гдѣ дуэль неслыхана. Тамъ честный человѣкъ стоитъ безоружнымъ передъ клеветой, сплетнями и всякими мерзостямъ. Честь его и дорогихъ ему—отдана на жертву презрѣнныхъ“.

Невозможно согласиться ни съ однимъ изъ этихъ соображеній. Они опровергаются многочисленными данными всякаго рода. Дуэли, безъ сомнѣнія, скорѣй могущественно вредили цивилизаціи, нежели содѣйствовали ей. Отрицательное значеніе дуэлей не подлежитъ, по крайней мѣрѣ, сомнѣнію по отношенію къ русскому просвѣщенію. Благодаря дуэли, погибли въ полномъ разцвѣтѣ силъ два генія русской литературы—Пушкинъ и Лермонтовъ, и никакое благотворное

помимо ихъ характеристики, еще и потому, что, съ одной стороны, „Курсъ“ его весьма популяренъ и довольно широко распространенъ, съ другой же,—возрѣнія его на дуэль кажутся въ этой части на первый взглядъ убѣдительными, производятъ впечатлѣніе и дѣйствительно приводятъ къ выводамъ крайне нежелательнымъ и противорѣчающимъ всѣмъ началамъ его почтеннаго труда,—къ выводамъ, быть можетъ, и сказавшимся на разсматриваемыхъ ниже правилахъ 13 мая 1894 г. (Замѣчанія его касательно дуэлей положительно составляютъ въ „Курсѣ“ какой то посторонній придатокъ,—кажутся какой то случайною вставкою, чуждою общаго содержанія и характера сочиненія).

вліяніе дуэлей на общественное развитіе, еслибъ оно было доказано, не можетъ, конечно, вознаграждать ту потерю, которую понесла русская цивилизація въ лицѣ этихъ жертвъ. Многочисленные историческія данныя опровергають, затѣмъ, и замѣчаніе о томъ, будто условное чувство чести приводитъ къ развитію уваженія къ другимъ. Особо широкое развитіе поединковъ въ древности идетъ рука объ руку съ полнымъ подавленіемъ личности, рабствомъ и всевозможными тягчайшими формами зависимости,—въ поединкѣ выражается тутъ господство грубой силы, не признающей никакихъ правъ за другими. Въ позднѣйшее время дуэль, какъ чрезвычайный способъ защиты чести, представляетъ собою явленіе, развившееся преимущественно на почвѣ феодализма. Дуэли происходили во времена феодализма въ ужасающемъ размѣрѣ. Самъ Лохвицкій указываетъ, что въ одно царствованіе Генриха I погибло во Франціи на дуэляхъ болѣе двухъ тысячъ дворянъ... Стремленіе къ чрезвычайной защитѣ собственной чести не соединялось, слѣдовательно, съ уваженіемъ и къ человѣку одного и того же сословія. Дуэли происходили постоянно, потому, очевидно, что постоянно наносились другъ другу оскорбленія представителями тогдашняго высшаго класса... Тѣмъ легче усиленная защита чести уживалась съ полнымъ нарушеніемъ правъ низшихъ сословій, съ завладѣніемъ ихъ собственностью, свободою, съ эксплуатаціею ихъ личныхъ силъ, съ грубѣйшимъ поруганіемъ ихъ личности, съ правомъ первой ночи и пр. Точно также у насъ дуэль, какъ дѣло чести, развивалась въ концѣ прошлаго столѣтія. А это есть время и наибольшаго развитія крѣпостной зависимости въ Россіи и всѣхъ ея ужасовъ и злоупотребленій,—время грубѣйшаго состоянія нравовъ самого рабовладѣльческаго сословія и превращенія въ вещь живаго человѣка низшаго сословія. Не дуэли вообще обезпечили личности признаніе ея правъ и дѣйствительную охрану послѣднихъ. Не болѣе основательно, далѣе, объясненіе, даваемое Лохвицкимъ, развитію чувства личности, мягкости нравовъ и вѣжливости, отличающихъ французовъ,—особымъ развитіемъ

дуэлей во Франціи. Безъ сомнѣнія, эти чувства французскаго народа—*всею*, а не только того верхняго слоя, въ которомъ когда то съ особою силою господствовали дуэли,—объясняются гораздо болѣе глубокими и общими причинами и вліяніями; въ частности же, развитіе чувства личности во французахъ зависитъ, конечно, не оттого, что въ верхнемъ слоѣ французскаго народа дуэль представлялась всегда весьма развитою и нѣкогда французскіе дворяне погибали на дуэляхъ тысячами, а оттого, что во Франціи давно обезпечены *права человека* закономъ, вошедшимъ въ общественное сознаніе, въ плоть и кровь народа ¹⁾. Примѣръ Англіи лучше всего слу-

¹⁾ Кстати, дѣлаемая Лохвицкимъ ссылка на Францію, какъ на „классическую страну дуэлей“, можетъ подать поводъ къ недоразумѣнію. Можетъ показаться, что во Франціи дуэли закономъ не только не воспрещаются, но, пожалуй, и поощряются... Въ дѣйствительности же, дѣло стоитъ здѣсь совершенно иначе, по крайней мѣрѣ, въ отношеніе *буквы закона* (и тамъ, какъ и у насъ, до извѣстной степени нарушаемой практикою). Въ уголовныхъ кодексахъ, какъ въ изданномъ въ революціонную эпоху, такъ и въ нынѣ-дѣйствующемъ, относящемся къ 1810 г., дуэль, правда, вовсе не упоминается, не предусматривается. Но—это приводитъ только къ тому, что по закону за убійство на дуэли полагается во Франціи высшее наказаніе, за лишеніе жизни человека опредѣляемое. Французское уголовное право различаетъ три вида лишенія жизни человека: убійство съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ или съ предумышленіемъ,—*assassinat*; убійство умышленное, но безъ заранѣе обдуманнаго намѣренія,—*meurtre*; убійство ненамѣренное, по неосторожности, въ необходимой оборонѣ и пр.—*homicide* (*Riviere—Codes français et lois usuelles, Code pénal*). При этомъ виновный въ убійствѣ перваго рода подвергается самому тяжкому наказанію—смертной казни черезъ обезглавленіе. *Убийство же на дуэли именно и приравнивается къ убійству съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ*. По этому поводу говорить, между прочимъ, слѣдующее г. Виберъ (*A travers le Code Pénal*, p. 62): „Большое разногласіе обнаружилось въ свое время по вопросу о томъ, подпадаетъ ли дѣйствию уголовного закона—убійство, совершенное на дуэли. По этому вопросу говорилось немало громкихъ фразъ. Поставьте—замѣчали нѣкоторые—дорожащаго своею честью человека между позоромъ, который онъ навлечетъ на себя, уклонившись отъ дуэли, и эшафотомъ, въ случаѣ принатія вызова, и—разсудите, что выберетъ онъ скорѣй всего, если, конечно, рѣчь не идетъ о человѣкѣ, одаренномъ тою великою душою, которая и самые законѣннѣе предразсудки заставляетъ сгибаться передъ разумомъ. До 1837 г. и кассационный судъ признавалъ убійство подобнаго вида ненаказуемымъ. Обзорѣвая всѣ статьи кодекса, относящіяся до *assassinat* и *meurtre*,—онъ не находилъ возможнымъ примѣнять ихъ къ тому, кто лишалъ жизни ближняго при равныхъ обоюдныхъ условіяхъ дуэли, не вѣроломно или измѣнническимъ образомъ. Но—въ 1837 г. высшій судъ измѣнилъ свое воззрѣніе—продолжаетъ г. Виберъ (го-

жить, наконецъ, къ опроверженію всѣхъ этихъ замѣчаній почтеннаго автора о значеніи дуэлей въ дѣлѣ огражденія личной чести и развитія чувства личности. Въ Англіи, согласно съ господствующею въ ней законностію, всѣ дѣла о личныхъ оскорбленіяхъ разбираются не иначе какъ судомъ; дуэль же не только не пользуется общественнымъ сочувствіемъ, но наоборотъ, подвергается общественному презрѣнію. Между тѣмъ, нѣтъ никакихъ данныхъ, которыя свидѣтельствовали бы о большемъ огражденіи личности во Франціи, сравнительно

вора, очевидно, о томъ моментѣ, къ которому относится приведенная нами выше, со словъ Лохвицкаго, рѣчь французскаго оберъ-прокурора Дюлена)—и при неизмѣнности самаго закона, *усмотрѣлъ въ убійствѣ на дуэли—убійство съ предумышленіемъ или съ заранее обдуманнѣмъ намереніемъ*. Вслѣдствіе этого, противники, не ранившіе другъ друга тяжело или и вовсе нанесшіе другъ другу какихъ либо поврежденій, могутъ всетаки подлежать взысканіямъ божіе или менѣе серьезнымъ, въ зависимости отъ условій, при которыхъ происходила дуэль, и послѣдствій, которыя она повлекла за собою. Свидѣтели дуэли или секунданты, равнымъ образомъ, подлежатъ преслѣдованію, какъ ея соучастники. Однако, *на практикѣ*—говорить, въ заключеніе, г. Виберъ—государственный прокуроръ не столь строгъ, и въ настоящее время дуэлисты оставляются въ покоѣ, если онѣ не ранилъ своего противника неизмѣненнымъ образомъ, съ нарушеніемъ правилъ о дуэли. Прекрасно!—возражаетъ г. Виберъ противъ такой практики. Но въ такомъ случаѣ, затѣмъ же привлекаются къ суду пьяницы, которые, выходя изъ кабака, обмѣниваются пинками или ударами кулака?

Послѣднія слова и общій тонъ замѣчаній французскаго юриста показываютъ, что и въ „классической странѣ дуэлей“ послѣдніе не пользуются общимъ сочувствіемъ. Но дѣйствительно ли дуэли вовсе не преслѣдуются здѣсь на практикѣ, какъ объ этомъ говоритъ г. Виберъ? Въ этомъ можно сильно сомнѣваться. Прежде всего, такъ какъ убійство на дуэли признано наказуемымъ путемъ толкованія, а толкованіе закона имѣетъ обратную силу, устанавливая за закономъ его истинный смыслъ,—то дуэль всегда была наказуема во Франціи, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, по буквѣ закона. На практикѣ она, очевидно, и преслѣдовалась иногда еще до 1837 г., такъ какъ иначе дѣла объ убійствахъ на дуэли *не могли бы доходить до высшаго кассационнаго суда* и послѣдній не могъ бы также высказываться до 1837 г. въ смыслѣ ненаказуемости убійства на дуэли. Далѣе г. Ривьеръ въ своемъ превосходномъ изданіи *Code français et lois usuelles* приводитъ подъ статьями кодекса о наказаніяхъ нѣсколько состоявшихся послѣ 1837 г. рѣшеній французскаго высшаго кассационнаго суда, въ смыслѣ признанія убійства на дуэли наказуемымъ смертною казнію чрезъ обезглавленіе. Слѣдовательно, преслѣдованія за дуэли возбуждались и до 1837 г. Въ словахъ г. Виберъ, очевидно, заключается нѣкоторое недоразумѣніе. Онъ выражается недостаточно точно, преувеличиваетъ. Положеніе настоящаго вопроса во Франціи надо, кажется, представлять себѣ въ такомъ видѣ: Въ 1837 г. окончательно признано тамъ наказуемымъ въ высшей

съ Англією. Наоборотъ, Англія можетъ, кажется, почитаться стоящею въ этомъ отношеніи выше всѣхъ прочихъ странъ, и, безъ сомнѣнія, именно благодаря Habeas Corpus Act'у и другимъ мѣрамъ, направленнымъ къ огражденію правъ чело-вѣка и принятымъ здѣсь раньше, нежели гдѣ либо. Въ то

мѣрѣ—убійство на дуэли; потому же самому, сдѣлалось наказуемымъ нанесеніе на дуэли и иныхъ поврежденій въ здоровьи, преслѣдуемыхъ въ публичномъ порядкѣ, безъ жалобы потерпѣвшаго. Дуэль съ такими послѣдствіями и преслѣдуется (хотя и не всегда), какъ это именно показываютъ приводимыя г. Ривьеръ подъ статьями Code Pénal кассационныя рѣшенія отъ 1839, 1845 и 1849 г.г. Но очевидно, дуэль во Франціи слишкомъ рѣдко сопровождается подобными печальными послѣдствіями. Она превратилась до извѣстной степени въ простую формальность, образъ (что постоянно происходитъ съ обычаями). Противники умѣютъ обыкновенно пофехтоваться безъ особаго вреда для себя и соглашаются тотчасъ же признавать свою честь „удовлетворенною“, или же, въ худшемъ случаѣ, наносятъ другъ другу шпагами легкія поврежденія, преслѣдуемые въ частномъ порядкѣ. Въ то же время, по основному правилу, выраженному въ ст. 4 французскаго уголовнаго кодекса, не можетъ быть подвергаемо преслѣдованію и наказанію никакое дѣяніе, не объявленное закономъ заранѣе какъ наказуемое. Очевидно, поэтому, что, вопреки выводу, сдѣланному г. Виберъ собственно изъ признанія кассационнымъ судомъ наказуемымъ убійства на дуэли, не дуэли, а самаго важнаго ея слѣдствія,—дуэль, окончившаяся безъ всякихъ послѣдствій для противниковъ или же сопровождавшаяся легкими нарушеніями тѣлесной неприкосновенности, преслѣдуемыми не иначе какъ по жалобѣ потерпѣвшаго,—не составляетъ во Франціи дѣянія наказуемаго, какъ сама по себѣ въ отдѣльности во французскомъ уголовномъ кодексѣ неумолимаемая, и не можетъ быть преслѣдуема, если потерпѣвшій не жалуется (что, конечно, невозможно). Дуэль при такихъ условіяхъ, не составляя преступленія особеннаго, такъ же мало можетъ почитаться наказуемою во Франціи, какъ у насъ не можетъ считаться наказуемою драка, потому только, что она преслѣдуется тогда, когда составляетъ нарушеніе благочинія, общественной тишины и спокойствія, или же сопровождается тяжкими поврежденіями тѣлесной неприкосновенности, преслѣдуемыми въ публичномъ порядкѣ. Приведенное выше заключеніе наше о дуэляхъ въ отношеніи законодательства и практики во Франціи подтверждается и слѣдующими замѣчаніями, дѣлаемыми г. Кроабонъ и приводимыми проф. Вульффертомъ въ рецензіи на обширное сочиненіе этого автора относительно дуэли *La science du point d'honneur*: „Со времени извѣстнаго кассационнаго рѣшенія 1837 г., дуэлянты подвергаются отвѣтственности за лишеніе жизни или нанесеніе ранъ, а со времени закона 1863 г., включившаго въ ст. 311 Code Pénal, наравнѣ съ ранами и ударами, причинившими ни болѣзни, ни неспособности къ работѣ въ теченіе болѣе двадцати дней, еще *voies de fait*, то есть, насильственные дѣйствія, подъ такія дѣйствія, повлекшія за собою вреда здоровью, французскіе суды, по свидѣтельству Кроаббона, подводятъ всѣ (?) дѣйствія по нападенію и оборонѣ при дуэли“ („Журналъ министерства юстиціи“, сентябрь 1895 г., стр. 139).

же время англичане отличаются и вѣжливостію, конечно, не меньшею чѣмъ французы. По крайней мѣрѣ, въ англійскомъ парламентѣ не бывало такихъ „засѣданій пощечинъ“, которыя случались во французской палатѣ депутатовъ. Вообще, нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что вѣжливость, мягкость нравовъ и развитіе чувства личности, уваженія къ личности ближняго и воздержаніе отъ оскорбленій его чести,—суть продукты гражданственности, развитія права, просвѣщенія, съ которыми дуэль не имѣетъ ничего общаго, благодаря которымъ она именно выводится изъ употребленія.

„Говорятъ,—высказываетъ, далѣе, Лохвицкій—что этотъ *point d'honneur*, условная честь—есть не болѣе какъ идолъ. Онъ требуетъ въ сущности только: „пожалуй, дѣлай подлости; но—стрѣляйся съ тѣмъ, кто назоветъ тебя подлецомъ“. Но еслибъ это было и такъ, то и такое чувство нельзя назвать не заслуживающимъ вниманія. Все-таки, у такого человѣка есть нѣчто, вслѣдствіе чего онъ станетъ свободно на барьеръ. Если на мѣсто этого идола будетъ поставлено что либо другое болѣе истинное и возвышенное,—тогда дѣло другое. Но можно опасаться, что съ паденіемъ этого идола, падетъ всякая узда, ограждающая честь и нравственное достоинство. Одинъ уголовный законъ еще недостаточенъ“.

Не слѣдуетъ ли, однако, скорѣй признать, что подлецъ, названный кѣмъ либо настоящимъ именемъ и вызывающій оскорбителя на дуэль, дѣлается сугубымъ подлецомъ, въ особенности, если онъ притомъ владѣетъ оружіемъ и можетъ жестоко „наказать“ противника? Вѣдь, и съ точки зрѣнія права, злодѣй нераскаянный, запирающійся и позволяющій себѣ нареканія на другихъ,—заслуживаетъ наказанія въ болѣшей мѣрѣ, чѣмъ виновный, откровенно признающійся. Рѣшительно нельзя усмотрѣть что либо и съ какой либо точки зрѣнія „заслуживающее вниманія“ въ томъ чувствѣ, которое заставляетъ подлеца вызывать на дуэль лицо, осмѣлившееся сказать ему въ глаза или о немъ за глаза—сущую правду. Наоборотъ, печально положеніе, при которомъ безнаказанность дуэли или же излишняя мягкость наказанія за

нее заграждаетъ уста болѣе, чѣмъ это позволяетъ сама по себѣ вовсе для добрыхъ дѣлъ не безстрашная и не правдолюбивая человѣческая душа... Судебныхъ скорпіоновъ за обиды и клевету, кажется, слишкомъ достаточно. Постановленіями о диффамациі предоставляется частному лицу наказать другаго чрезъ посредство суда и за правду, высказанную о немъ печатно,—такъ какъ обвиняемый въ диффамациі лишается права доказывать справедливость своихъ словъ. Притомъ самая строгость наказаній за диффамацию объясняется отчасти желаніемъ законодателя предупредить дуэли,—а это исключаетъ уже снисходительность къ послѣднимъ ¹⁾. И что было бы за общественное состояніе, при которомъ бы подлецы постоянно „заслуживали вниманіе“,—очищали себя дуэлями за всякія уязванія на ихъ подлость и гнусность? Затѣмъ, и честный человѣкъ, грубо оскорбленный или оклеветанный, не докажетъ дуэлью своей правоты,—убьетъ ли противника—оскорбителя или самъ окажется убитымъ. Въ первомъ случаѣ онъ изъ невинно потерпѣвшаго дѣлается злодѣемъ; во второмъ же—честь его можетъ оказаться совершенно беззащитною и дважды поруганною, такъ какъ поводы къ дуэли могутъ быть представлены при этомъ условіи другою, оставшеюся въ живыхъ, стороною такъ, какъ ей нужно, и самая память убитаго—очернена. Наконецъ, истинное чувство чести можетъ проявлять себя не въ дуэляхъ, а въ дѣйствіяхъ согласныхъ съ порядкомъ. Законъ и восполняется отнюдь не дуэлями или чѣмъ либо подобнымъ, а *нравственностію*, предписывающею лицу дѣлать больше добра и соблюдать больше справедливости въ своихъ дѣйствіяхъ, чѣмъ требуетъ отъ него *право*, буква закона. Это и есть то „болѣе истинное и возвышенное“, сравнительно съ „идоломъ“—дуэлью,—чего не хочетъ видѣть авторъ.

„На простое убійство — замѣчаетъ Лохвицкій—общество

¹⁾ Въ виду такого, кстати сказать, происхожденія диффамациі, едва ли основательно было нашему уголовному законодательству заимствовать понятіе объ этомъ преступленіи со всею обстановкою его преслѣдованія изъ Франціи,—страны дуэлей.

смотреть съ отвращеніемъ. Но не такъ оно смотритъ на дуэль. Къ дуэлистамъ общество питаетъ иногда уваженіе. А потому, понятно, что законодательство не можетъ смѣшивать этихъ двухъ фактовъ, ибо въ противномъ случаѣ оно пойдетъ въ разрѣзъ съ общественнымъ мнѣніемъ; постановленія его будутъ противоположны чувствамъ общества,—а такое состояніе весьма опасно для достоинства закона. Могутъ сказать, что это предразсудокъ общества. Но если это и дѣйствительно такъ, то, очевидно, какой бы онъ ни былъ, онъ всетаки долженъ быть до извѣстной степени принятъ въ соображеніе закономъ. Развѣ другія предразсудки не пользуются снисхожденіемъ закона? Законъ подвергаетъ мать, убившую незаконно-рожденнаго ребенка отъ стыда и страха, наказанію несравненно низшему, чѣмъ то, которое положено за умышленное убійство, отчасти потому, что она опасается сдѣлаться жертвою предразсудковъ общества“.

Думается, однако, что къ убійцѣ на дуэли общество относится если и не съ такимъ же ужасомъ и отвращеніемъ, какъ къ обыкновенному убійцѣ, то во всякомъ случаѣ не иначе какъ именно съ ужасомъ и отвращеніемъ,—отнюдь и никогда съ уваженіемъ. Было бы слишкомъ печально и невыгодно для общества признать возможность обратнаго положенія. Иное положеніе, дѣйствительно, угрожало бы достоинству закона, считающаго лишеніе жизни однимъ изъ самыхъ тяжкихъ преступленій и не прибѣгающаго у насъ къ нему даже какъ къ наказанію за величайшія злодѣянія. Общество относится всегда и вездѣ сочувственно именно къ отмѣнѣ смертной казни, какъ государственнаго наказанія. Тяжелое впечатлѣніе производитъ на него всегда лишеніе жизни человека даже и государственною властію, въ порядкѣ исполненія приговора, за самыя страшныя преступленія, исключаяція возможность возстановленія важнѣйшихъ интересовъ и исправленія преступника; въ то же самое время вездѣ и всюду относится оно съ величайшимъ отвращеніемъ къ палачамъ, исполняющимъ правильно постановленные судебные приговоры надъ лицами, виновными и въ тяжкихъ преступ-

леніяхъ. Какъ же можетъ общество, въ какомъ бы ни было случаѣ, относиться сочувственно къ самовольному лишенію жизни однимъ частнымъ лицомъ другого за нарушение интересовъ менѣе значительныхъ и допускающихъ восстановленіе,—за нарушение, вовсе не свидѣтельствующее о несправимости виновнаго? Притомъ законъ долженъ имѣть въ виду не ограниченное меньшинство населенія, которое, очевидно, имѣетъ въ виду Лохвицкій подѣ именемъ „общества“, а весь народъ, все населеніе,—общество въ самомъ обширномъ смыслѣ слова. Во всемъ народѣ, во всемъ населеніи необходимо поддерживать уваженіе къ закону. А если и допустить существованіе такого узкаго круга лицъ, въ которомъ убійство на дуэли можетъ вызывать сочувствіе,—то ни въ какомъ случаѣ нельзя ожидать чего либо подобнаго отъ массы населенія, и элементарной государственной уголовной политикѣ должно быть противно нарушать слабостію наказанія или безнаказанностію подобнаго убійства чувства массы, въ данномъ случаѣ не худшія, не грубыя, не слѣпыя, достойныя не разрушенія, а сохраненія ¹⁾. Что же касается до ссылки Лохвицкаго на снисходительное отношеніе закона къ матери, умертвившей своего незаконнорожденнаго ребенка, то оно

¹⁾ Положеніе убійцъ на дуэли, дѣйствительно, и бываетъ всегда крайне печально съ точки зрѣнія общественнаго мнѣнія. Вспомнимъ Дантэса, Мартынова. Нѣкоторая часть общества—или лучше горсть людей, правда, радовалась смерти Пушкина и, можетъ быть, благословляла Дантэса. Но она замлеймлена достаточно сильно Лермонтовымъ, явившимся тутъ, конечно, выразителемъ истиннаго общественнаго мнѣнія, всего народа. Въ біографіи же самого Лермонтова, приложенной къ пятому глазуновскому изданію его сочиненій подѣ редакцію г. Ефремова, рассказывается: . . . „Когда въ день дуэли, позднимъ вечеромъ, привезли тѣло Лермонтова на квартиру, домъ и дворъ переполнились народомъ; было слышно даже нѣсколько такихъ озлобленныхъ голосовъ противъ Мартынова, что, не будь онъ арестованъ, ему грозила бы опасность. Это чувство раздѣляли и А. П. Ермоловъ, который много лѣтъ спустя говорилъ Погодину, что отправилъ бы Мартынова въ экспедицію и по часамъ разсчиталъ бы, сколько ему осталось жить“ . . . Конечно, на отношеніе общества къ Дантэсу и Мартынову имѣло большое вліяніе значеніе ихъ жертвъ. Но пусть жертвами дуэли являются и совершенно незначительные, частные, даже дурные люди. Въ существѣ своемъ отношеніе общества къ убійцамъ на дуэли и такихъ людей—не можетъ быть, и не бываетъ инымъ.

объясняется не столько принятіемъ закономъ во вниманіе предразсудковъ, сколько болѣзненнымъ состояніемъ, въ которомъ находится женщина при разрѣшеніи отъ беременности. Законъ, дѣйствительно, относясь съ нѣкоторымъ снисхожденіемъ къ матери-убійцѣ незаконнорожденного ребенка, именно имѣетъ въ виду случаи, когда преступленіе этого рода совершено „при самомъ рожденіи“ (ст. 1451 уложенія о наказаніяхъ),—когда болѣзнь, страданія, стыдъ и страхъ дѣлаютъ женщину подчасъ невмѣняемою, лишаютъ сознательности ея поступка. То ли же самое происходитъ въ случаѣ убійства на дуэли? Не слишкомъ ли велика разница между тѣмъ и другимъ убійствами? При всемъ томъ законъ выказываетъ гораздо меньше снисходительности къ такой преступницѣ, чѣмъ требуютъ, чтобы онъ относился къ убійцѣ на дуэли...

„Второе основаніе, отличающее дуэль отъ убійства,—продолжаетъ аргументировать Лохвицкій въ пользу своего воззрѣнія—обыкновенно составляетъ причина ея. Дуэль всегда бываетъ за оскорбленіе чести,—за фактъ, который не всегда можетъ быть преданъ на разсмотрѣніе суда, ибо онъ можетъ представлять до такой степени разнообразныя явленія, что уловить ихъ для суда нѣтъ никакой возможности. Оскорбить другого можно наединѣ, безъ свидѣтелей, однимъ какимъ либо намекомъ, который можетъ быть понятенъ только оскорбленному,—такъ что въ подобныхъ случаяхъ виновный можетъ остаться безнаказаннымъ, но оскорбленный, желая всетаки вознаградить себя наказаніемъ оскорбителя, прибѣгаетъ къ крайней мѣрѣ,—къ поединку. Да, наконецъ, извѣстно еще и то, что посредствомъ огласки на судѣ нѣкоторыхъ фактовъ оскорбленія обиженный можетъ еще больше потерять, чѣмъ удовлетворить себя. Поэтому, понятно, вслѣдствіе чего человѣкъ обращается не къ правосудію, а къ дуэли,—тѣмъ болѣе что и общественное мнѣніе одобряетъ такое обращеніе“.

Но—современное уголовное законодательство, судебные порядки и система доказательствъ—таковы, что всякое оскорбленіе, разъ оно выразилось въ какомъ бы ни было внѣшнемъ

дѣйствіи,—можетъ подать поводъ къ осужденію и наказанію виновнаго государственною властію, безъ всякой необходимости въ саморасправѣ. Законъ не говоритъ, что наказуема обида, выразившаяся въ такихъ то именно дѣйствіяхъ и такъ то именно доказанныя. Онъ объявляетъ просто, что обида облагается такимъ то наказаніемъ, различая обиду на словахъ, на письмѣ и дѣйствіемъ, и—нимало не стѣсняя сторону въ отношеніи доказательствъ, предоставляетъ суду всякія доказательства оцѣнивать по убѣжденію совѣсти. Наличности намѣренія оскорбить и субъективнаго сознанія обиженнымъ оскорбительности даннаго дѣйствія—вполнѣ достаточно, для того чтобы обидчикъ былъ наказанъ не только за намекъ, но за знакъ, за тонъ его словъ. Въ то-же время современный судья способенъ, конечно разобраться въ не менѣе трудныхъ и сложныхъ дѣлахъ, чѣмъ дѣла объ обидахъ ¹⁾. Весьма странна, поэтому, въ устахъ юриста подобная аргументація! Ею невозможно ни оправдать дуэли, ни вызвать къ ней снисходительное отношеніе со стороны закона. Кромѣ того, въ дѣлахъ объ обидахъ саморасправа можетъ быть допускаема менѣе всего. Дѣйствительно, особенно трудно человѣку остаться вѣрнымъ фактамъ и справедливости въ подобнаго рода дѣлахъ. Относительно намѣренія обидѣть заинтересованное лицо можетъ очень часто ошибаться, кажущееся обиднымъ значе-

¹⁾ Современный законъ можно считать, и осуществить въ отношеніи широты признанія обидными тѣхъ или другихъ дѣйствій то, чего требовалъ Бентамъ. Последній же, почти сто лѣтъ назадъ, признавъ дуэль средствомъ для защиты чести „безсмысленнымъ и чудовищнымъ“, усматривалъ ея существованіе и нѣкоторое оправданіе въ недостаточности тогдашняго огражденія чести закономъ и судомъ, и для предупрежденія обидъ, а съ ними и поединковъ, именно предлагалъ законодателямъ: . . . «Слѣдуйте за общественнымъ мнѣніемъ шагъ за шагомъ; будьте его вѣрнымъ истолкователемъ. Все, что оно считаетъ нарушающимъ честь, считайте таковымъ и вы. Если въ глазахъ общества достаточно слова, жеста, взгляда, чтобы сдѣлать оскорбленіе,—этого слова, жеста, взгляда должно быть достаточно и для правосудія, чтобы сдѣлать изъ нихъ преступленіе: намѣреніе оскорбить составляетъ оскорбленіе. Все, что обращается къ человѣку, чтобы засвидѣтельствовать или навлечь ему презрѣніе, есть оскорбленіе, и все это должно имѣть свое вознагражденіе». („Избранныя сочиненія“, томъ I, переводъ гг. Пыпина и Невѣдомскаго, „Основныя начала уголовного кодекса“, стр. 528).

ніе словъ и дѣйствій сильно преувеличивать, обиду цѣнить слишкомъ высоко. Для разрѣшенія такихъ дѣлъ, особенно необходимо стороннее вмѣшательство, и—законодательство наше, какъ мы видѣли выше, весьма мудро организовываетъ скорѣйшее участіе въ разбирательствѣ дѣлъ объ обидахъ совершенно постороннихъ лицъ, случайно являющихся свидѣтелями ссоръ и личныхъ столкновений. Справедливо предполагается, что только такое вмѣшательство можетъ указать сторонамъ на правоту одной и на неправоту другой или же на относительную неправоту обѣихъ. Наоборотъ, что можетъ связать дуэль съ ея слѣпыми случайными послѣдствіями—въ дѣлахъ, въ которыхъ такъ громко говоритъ субъективное чувство? Указаніемъ на какую объективную правду, выступающую съ своими опредѣленіями въ частныя отношенія, когда не состоялось примиренія,—могутъ служить эти послѣдствія дуэли? Не производятъ ли всѣ описанія дуэлей самое тяжелое впечатлѣніе? Вспомнимъ дуэли Пушкина и Лермонтова ¹⁾. Вспомнимъ также менѣе извѣстную дуэль Киселева, вызванную исполненіемъ имъ своего служебнаго долга и едва не лишившую насъ этого замѣчательнаго человѣка („Графъ Киселевъ и его время“ Заблоцкаго - Десятовскаго, т. I, гл. VIII) ²⁾. Обратимъ вниманіе на ниже передаваемые

¹⁾ Дуэль послѣдняго въ особенности достойна вниманія, показывая, чѣмъ можетъ быть иногда убійство на дуэли. . . „Барьеръ былъ откѣренъ въ 15 шаговъ и отъ него въ обѣ стороны еще по 10 шаговъ. Мартыновъ и Лермонтовъ стали на крайнихъ точкахъ. По условію дуэли, каждый изъ нихъ имѣлъ право стрѣлять, когда ему вздумается, стоя на мѣстѣ или подходя къ барьеру. Когда секунданты скомандовали сходиться, Лермонтовъ остался недвижимъ и, взведя курокъ, поднялъ пистолетъ дуломъ вверхъ; Мартыновъ же быстрыми шагами подошелъ къ барьеру и, по словамъ князя Васильчикова, такъ долго цѣлился, что секунданты закричали ему: „стрѣляйте! или мы васъ разведемъ“...Мартыновъ выстрѣлилъ,—Лермонтовъ упалъ мертвымъ, какъ будто его скосило на мѣстѣ,—пуля ударила въ правый бокъ навывлетъ“ . . . (Биографія поэта въ пятomъ изданіи Глазунова).

²⁾ Слѣдующій случай по разсказу Басаргина подаетъ первоначальный поводъ къ этой дуэли: „Одесскимъ пѣхотнымъ полкомъ командовалъ полковникъ Ярошевицкій—человѣкъ грубый, необразованный, злой. Его дерзкое, неприличное обращеніе съ офицерами было причиною, что его ненавидѣли въ полку, начиная отъ штабъ-офицеровъ до послѣдняго солдата. Наконецъ, въ 1822 г., выйдя изъ терпѣнія, офицеры рѣшились отъ него избавиться, и по жребію пришлось идти на ж. урид. общ. кн. II 1897 г.

случаи дуэлей, происшедшіе у насъ въ самое послѣднее время. Припомнимъ, наконецъ, всѣ вымышленныя дуэли,

погибель штабсъ-капитану Рубановскому. Когда во время инспекторскаго смотра начальникъ дивизіи, генералъ-лейтенантъ Корниловъ, подъѣхалъ къ фронту, Рубановскій съ намѣреніемъ сталъ на свое мѣсто слишкомъ свободно и даже разговаривалъ. Ярошевицкій, замѣтивъ это, подсказалъ къ нему и началъ бранить. Тогда Рубановскій вышелъ изъ рядовъ, бросилъ свою шпагу, стащилъ Ярошевицкаго съ лошади и избилъ его такъ, что долгое время на лицѣ его оставались кровавыя пятна. Офицеры и солдаты, стоявшіе во фронтѣ, не могли выйти изъ рядовъ до того времени, пока начальникъ дивизіи не прискакалъ съ фланга и не приказалъ взять Рубановскаго. Наряжено было слѣдствіе, и какъ официально было скрито участіе въ заговорѣ всѣхъ офицеровъ, то пострадалъ одинъ Рубановскій, котораго разжаловали и сослали въ каторжную работу въ Сибирь. Частнымъ образомъ о заговорѣ узнали главнокомандующій и Киселевъ, причемъ оказалось также, что бригадный командиръ, генералъ-маіоръ Мордвиновъ, накануне проществія, зналъ, что въ Одесскомъ полку готовится какое то проществіе. Въместо того, чтобы заранѣе принять какія либо мѣры, Мордвиновъ, какъ надобно полагать, самъ испугался и ушелъ почевать изъ своей палатки въ другую бригаду.

„При смотрѣ главнокомандующаго Киселевъ объявилъ Мордвинову, что онъ знаетъ все это и по долгу службъ, несмотря на ихъ знакомство, будетъ совѣтовать графу удалить его Мордвинова отъ командованія бригадою.

„Мордвиновъ лишился бригады и былъ назначенъ состоять при дивизионномъ командирѣ другой дивизіи. Тѣмъ дѣло казалось оконченнымъ; но непріатели Киселева, а онъ имѣлъ ихъ много и въ томъ числѣ генерала Рудзевича (корпуснаго командира) настроили Мордвинова (какъ удостовѣрилъ передъ смертью онъ самъ и утверждала послѣ его жена) и тотъ, *помоюа снусть*, сталъ требовать отъ Киселева удовлетворенія“ . . .

Киселевъ принялъ вызовъ. Секундантомъ дуэли былъ Бурцевъ. „Зарядивъ пистолеты—пншетъ послѣдній—я спросилъ, на какомъ разстояніи должно назначить барьеръ. Мордвиновъ потребовалъ, чтобы онъ былъ на восемь шаговъ, съ тѣмъ чтобы разойтись еще на пять шаговъ въ обѣ стороны. На одномъ концѣ я воткнулъ палку, а на другомъ положилъ кучу сѣна.—„Объясните мнѣ, Павелъ Дмитриевичъ“ . . .—Но Киселевъ перебилъ его и возразилъ: „Теперь, кажется, не время объясняться, Иванъ Николаевичъ,—мы не дѣти и стоимъ уже съ пистолетами въ рукахъ. Еслибы вы прежде пожелали отъ меня объясненій,—я не отказался бы удовлетворить васъ“.—„Ну, какъ вамъ угодно,—отвѣчалъ Мордвиновъ—будемъ стрѣляться, пока не падетъ одинъ изъ насъ“.—Они согласились на восемь шаговъ и стояли другъ противъ друга, спусти пистолеты, выжидалъ каждый выстрѣла противника.—„Что же вы не стрѣляете“?—сказалъ Мордвиновъ.—„Ожидая вашего выстрѣла“—отвѣчалъ Киселевъ.—„Вы теперь не начальникъ мой и не можете заставить меня стрѣлять первому“—вспылилъ Мордвиновъ. Бурцевъ предложилъ стрѣлять обонимъ въ одно время по слову, что и было принято. Они выстрѣлили по третьей командѣ Бурцева. Мордвиновъ мѣтилъ въ голову и пули прошла около самого виска противника. Киселевъ мѣтилъ въ ноги и попалъ въ животъ. „Je suis blessé“,—сказалъ Мордвиновъ“... Онъ умеръ черезъ сутки...Для Киселева же это несчастіе не имѣло никакихъ послѣдствій.

описываемыя въ литературныхъ произведеніяхъ ¹⁾)...—Очевидно также, что если обиженный можетъ „еще болѣе потерять“ отъ судебного разбирательства, то—значить, самая обида до извѣстной степени имъ заслужена. Какже можно выставять подобное обстоятельство въ пользу дуэлей?... Въ то же время не лишаетъ ли дуэль обиженного несправедливо истиннаго удовлетворенія, являющагося тогда, когда обидчикъ сознаетъ свою вину, ошибку, чувствуетъ раскаяніе, искренне ищетъ примиренія? При дуэли эта форма удовлетворенія, очевидно, становится невозможною, какъ въ томъ случаѣ, когда она окончилась смертію одного изъ противниковъ, такъ и тогда, когда она не имѣла никакихъ послѣдствій.

„Третье основаніе, выдѣляющее дуэль изъ общаго ряда убійствъ,—продолжаетъ г. Лохвицкій—есть обоюдное согласіе дуэлистовъ. Мы знаемъ, что убійство совершается безъ согласія жертвы изъ-за угла; убійца старается всевозможными измѣнническими мѣрами избѣгнуть сопротивленія жертвы. Въ дуэли представляется совершенно противное. Дуэль, во-первыхъ, совершается всегда по обоюдному согласію; слѣдовательно, вызванный приходитъ самъ, хотя онъ могъ и не придти и такимъ образомъ избѣгнуть боя. Разумѣется, нельзя считать, что здѣсь существуетъ необходимая оборона; но все-таки является что то неувловимое, но тѣмъ не менѣе понятное для насъ, которое говоритъ, что дуэль никакъ нельзя смѣшивать съ обыкновеннымъ убійствомъ. Во-вторыхъ, дуэль,

¹⁾ Съ одной стороны, отношеніе къ дуэли Пушкина и Лермонтова усиливаетъ драматизмъ ихъ смерти; съ другой же, ихъ смерть усиливаетъ омерзеніе, внушенное ими къ дуэли. Описываемая Лермонтовымъ въ „Героѣ нашего времени“, дуэль Печорина съ Грушницкимъ—отвратительна въ полной мѣрѣ. Такъ изобразить обычай дуэли, хотя бы и въ исключительномъ проявленіи, могъ только убѣжденный, непримиримый противникъ поединка. Біографъ поэта и говоритъ, что Лермонтовъ, дѣйствительно, былъ „отъявленнымъ врагомъ дуэли“... „У него была—добавляетъ онъ—твердость заклеить дуэль какъ отвратительнѣйшее порожденіе человеческой глупости, но не достало твердости отказаться отъ этой глупости“...—Пушкинъ сдѣлалъ то же самое, что и Лермонтовъ. Дуэль ярко заклеимлена и имъ въ „Онѣгинѣ“ и въ особенности въ „Выстрѣлѣ“ и „Капитанской дочкѣ“. Вся нелѣпость дуэли не менѣе сильно представлена Тургеневымъ въ „Отцахъ и дѣтахъ“.

въ противоположность убійству, даетъ равные шансы сражающимся: и тотъ и другой бываютъ и нападающимъ и защищающимся; если дуэль на пистолетахъ—стрѣляютъ вмѣстѣ; если на шпагахъ—вмѣстѣ нападаютъ. Развѣ это бываетъ въ обыкновенномъ убійствѣ?”

Конечно, убійство на дуэли не есть обыкновенное убійство и—предпочтительнѣе выдѣлять дуэль со всѣми ея послѣдствіями изъ ряда обыкновенныхъ посягательствъ на жизнь и здоровье частныхъ лицъ. Но дуэль можетъ быть и весьма тяжкимъ преступленіемъ, прямо направленнымъ противъ жизни. Таковъ случай, когда одинъ изъ противниковъ не владѣетъ оружіемъ, другой же владѣетъ имъ мастерски, и въ особенности, когда онъ же возбуждаетъ къ дуэли, создаетъ поводъ къ ней, наноситъ оскорбленіе, вызываетъ хотя бы слабый отпоръ и требуетъ удовлетворенія (А и послѣдніе случаи встрѣчались нерѣдко; они послужили даже поводомъ къ созданію въ литературѣ отвратительнаго типа бреттѣра-дуэлиста, заслуживающаго быть особо предусмотрѣннымъ уголовнымъ закономъ)¹⁾. Вотъ почему, у насъ, передъ тѣмъ какъ поединки стали запрещаться, Судебникъ старается уравнивать шансы борьбы, и въ видахъ справедливости и явнаго отсутствія равенства въ поединкахъ, предписываетъ биться „бойцу съ бойцомъ, а не бойцу съ небойцомъ“ (Сергѣевичъ—„Лекціи и изслѣдованія“, 973). Что же касается до свободы выходить или не выходить на дуэль, о которой говоритъ Лохвицкій, то эта свобода въ сущности—весьма ограничена и отсюда то большая снисходительность закона къ лицу, принимающему вызовъ, въ огражденіе его отъ упрековъ и оскорбленій. Во-первыхъ, отказъ отъ вызова считается позорнымъ; во-вторыхъ же, онъ подвергаетъ лицо опасности быть избитымъ своимъ противникомъ палкою. Такимъ образомъ, у Тургенева въ „Отцахъ и дѣтяхъ“ мы и видимъ,

¹⁾ Въ новѣйшее время этотъ типъ изображенъ въ самой яркой и характерной обстановкѣ въ лицѣ Ольдофреда въ романѣ итальянской писательницы Матильды Серао—„Побѣжденный“, напечатанномъ въ ЛМ 8—10 „Наблюдателя“, за 1890 г.

напримѣръ, что Базаровъ, при всемъ отрицательномъ отношеніи его къ дуэли и при свободѣ отъ всякихъ иныхъ предразсудковъ, принимаетъ вызовъ Павла Кирсанова, являющагося къ нему съ палкою (противъ всякаго обыкновенія) и явнымъ намѣреніемъ непремѣнно къ ней прибѣгнуть, въ случаѣ отказа отъ дачи ему „правильнаго удовлетворенія“...

„Четвертое основаніе—заключаетъ нашъ почтенный криминалистъ свою нѣсколько странную защиту дуэлей—уваженіе къ чувству личной храбрости. Кто рискуетъ своею жизнію, слѣдуя, положимъ, глупому предразсудку, тотъ, все-таки, показываетъ, что онъ не трусъ, что онъ не задумается принести жизнь въ жертву отечеству, въ случаѣ надобности. Политика заставляетъ щадить эту гордую энергію духа, которая бываетъ часто нужна государству. Оттого въ особенности дуэли между военными пользовались снисхожденіемъ и въ тѣ времена, когда законъ считалъ ихъ простымъ убійствомъ“.

Между патріотизмомъ и дуэлью едва ли, однако, есть что либо общее. Въ патріотизмѣ выражается преданность государственной идеѣ, готовность на жертвы ради порядка и общаго благополучія; въ дуэли, напротивъ того,—отрицаніе государственности суда и наказанія, борьба противъ этихъ основныхъ началъ порядка, проявленіе личнаго подчасъ весьма мелкаго чувства. Нужны, поэтому, болѣе опредѣленные доказательства того, что дуэлисты оказываются болѣе склонными къ патріотическимъ подвигамъ, нежели лица, воздерживающіяся отъ оскорбленій ближняго, за то и уклоняющіяся отъ дуэлей и прибѣгающія къ государственному суду и власти въ дѣлахъ о полученныхъ ими обидахъ. Гордая энергія духа, которою можетъ и должно дорожить государство, проявляется вообще не въ дуэляхъ и военные подвиги совершаются по инымъ чувствамъ и побужденіямъ и при совершенно иныхъ условіяхъ и обстановкѣ, нежели дуэли, черезъ посредство которыхъ истребляются соотечественники, на которыхъ нерѣдко погибаютъ лучшіе люди страны. Затѣмъ, большая снисходительность къ дуэли въ каковой-либо

отдѣльной средѣ, напимѣръ, военной, несправедлива,—такъ какъ противорѣчить началу равенства всѣхъ передъ закономъ и равной защиты, оказываемой всѣмъ закономъ и властію. Въ такомъ случаѣ представители извѣстной среды какъ бы уполномочиваются или получаютъ большую возможность ограждать свою честь двумя способами,—кромѣ обыкновеннаго общаго для всѣхъ—суда—еще способомъ чрезвычайнымъ—самосудомъ, саморасправою, поединкомъ. Подобный же порядокъ не можетъ быть терпимъ въ современномъ государствѣ. При всемъ томъ всякая замкнутая среда, вродѣ военной, должна и можетъ находить въ своемъ корпоративномъ устройствѣ средства и къ поддержанію чувства чести, и къ защитѣ личныхъ правъ своихъ членовъ,—средства дополнительные къ тѣмъ, которыя предоставляются въ этомъ отношеніи прочимъ гражданамъ государствомъ. (Таковыми средствами и являются, между прочимъ, особые сословные суды, руководствующіеся, помимо закона, извѣстными нравственными кодексами). Поэтому, именно въ замкнутой корпоративной средѣ дуэли и допустимы всего менѣе. Если, наконецъ, представители какой-либо особой среды, вродѣ военной, должны, кромѣ личной чести, постоянно имѣть въ виду и честь своей корпораціи, то охрана этой чести тѣмъ менѣе можетъ выходить изъ предѣловъ, указанныхъ для того закономъ, что самая корпорація есть особое установленіе, создаваемое государственною властію и долженствующее обеспечивать порядокъ,—конечно, способами, согласными съ общимъ духомъ законовъ и правовыми началами; законность и строжайшее соотвѣтствіе съ нравственностію дѣйствій предписывается подобному установленію съ наибольшою твердostí. Возможное же злоупотребленіе дуэлями—для военной среды можетъ имѣть особо печальное значеніе, представлять особо тяжелое зрѣлище ¹⁾).

¹⁾ Въ газетахъ за 26 января 1895 г. была напечатана слѣдующая любопытная телеграмма изъ Вѣны отъ 25 января (6 февраля): „Изъ Инспрука сообщаютъ, что сеймъ одобрилъ послѣ десятичасовыхъ преній законопроектъ о государственной оборонѣ и рѣшилъ представить императору адресъ съ *ходатайствомъ* о пре-

Дуэль противорѣчитъ въ особенности современному развитію государства и общества. Въ самомъ дѣлѣ, если усиливаются нынѣ возраженія противъ войны, какъ самоуправства народовъ, какъ самосуда въ области международныхъ отношеній; если постепенно укрѣпляется мысль о разрѣшеніи и междугосударственныхъ столкновеній и споровъ не силою, а закономъ, не непосредственно заинтересованными сторонами, а чрезъ посредство особаго международного третейскаго суда,—то можетъ ли быть сообразною съ современнымъ развитіемъ общества и не имѣть ли разлагающаго вліянія на лучшія задачи нашего времени—дуэль, это война отдѣльныхъ лицъ другъ противъ друга?

V.

Въ виду всѣхъ приведенныхъ данныхъ и соображеній, можно, кажется, достаточно твердо установить: что дуэль во всякой средѣ несовмѣстна съ современнымъ развитіемъ государственнаго начала, составляетъ нарушеніе основныхъ неизблемыхъ началъ порядка, нынѣ окончательно выработанныхъ, и государство имѣетъ всѣ основанія для борьбы съ нею, какъ съ преступленіемъ, прямыми средствами, наказаніями,—не довольствуясь тѣмъ, что она во всѣхъ своихъ формахъ выходитъ изъ употребленія сама постепенно, съ улучшеніемъ судебной части, съ развитіемъ просвѣщенія, общественнаго правосознанія и законотѣрной свободы, и что въ силу того же начала государственности и современнаго значенія суда, какъ органа, единственно примѣняющаго уголовные законы, въ порядкѣ гласнаго разбирательства, причемъ верховная власть участвуетъ въ судебной дѣятельности лишь въ исключительныхъ случаяхъ, когда является необходимость въ смягченіи

счтеніи злоупотребленій дуэлями среди офицеровъ“. Не есть ли это намекъ на самострѣленіе въ собственномъ лагерѣ?—Любопытенъ отзывъ о дуэли императора Николая I, приводимый въ „Запискахъ Смирновой“ („Сѣверный Вѣстникъ“, октябрь 1895 г.): „...Я ненавижу дуэль—говорилъ онъ. Это—варварство. На мой взглядъ—въ ней нѣтъ ничего рыцарскаго. Герцогъ Веллингтонъ уничтожилъ ее въ англійской арміи, а хорошо сдѣлалъ“.

или отмиѣнѣ наказанія, уже опредѣленнаго судомъ въ обыкновенномъ порядкѣ,—дуэль должна подчиняться *общеустановленному публичному порядку преслѣдованія, съ преданіемъ виновныхъ гласному суду, при производствѣ котораго именно лучше всего можетъ обнаружиться наличность или отсутствіе данныхъ для ходатайства передъ верховною властію о смяченіи или отмиѣнѣ наказанія.* Это въ особенности важно,—несравненно важнѣе строгости наказанія за дуэль и сопряженныя съ нею послѣдствія. Нѣтъ ни малѣйшихъ основаній къ какому либо исключительному производству дѣлъ о дуэляхъ,—къ освобожденію виновныхъ отъ суда. Дуэль есть преступное дѣяніе. Она должна предусматриваться и предусматривается уголовнымъ закономъ въ публичномъ интересѣ. Законъ же уголовный предполагаетъ приложеніе установленнаго имъ наказанія въ мѣрѣ содѣяннаго не иначе какъ по суду, на основаніи точнаго доказательства дѣйствительности событія, виновности лица и его вмѣняемости. Лучше подвергнуть виновныхъ въ дуэли незначительному наказанію по суду, нежели строжайшему—безъ суда. Притомъ съ дуэлью, какъ и со всякимъ инымъ преступнымъ дѣяніемъ, должно и можетъ соединяться извѣстное, въ предѣлахъ возможнаго, возстановленіе нарушенныхъ правъ,—она можетъ подавать поводъ къ возбужденію исковъ о вознагражденіи со стороны родственниковъ лицъ, пострадавшихъ на дуэли. Не всѣ болѣе счастливые соперники, имѣющіе, по выраженію Киселева, „грустное преимущество видѣть сраженнымъ своего противника“, вознаграждаютъ, подобно ему, сами, добровольно, лицъ, постороннихъ ссорѣ, подавшей поводъ къ поединку, и пострадавшихъ отъ него, вслѣдствіе потери мужа, отца и вообще лица, составляющаго поддержку семьи,—да не всѣ потерпѣвшіе и согласятся принять добровольно предлагаемое вознагражденіе, и многіе могутъ предпочитать присужденіе его судомъ ¹⁾. Но гражданскій искъ, возникающій изъ преступ-

¹⁾ „Je me suis battu avec le général Mordvinoff et j'ai eu le triste avantage de voir succomber mon adversaire“: Заблоцкій-Десятовскій, „Графъ Кисе-

наго дѣянія, представляетъ значительныя затрудненія безъ предварительнаго разрѣшенія вопроса о виновности судебною же властію, въ порядкѣ судебного разбирательства.

А такъ какъ въ практикѣ дѣйствующихъ у насъ постановленій начала эти не получили должнаго послѣдовательнаго выраженія, и въ частности дуэлисты не предаются гласному суду съ примѣненіемъ къ нимъ въ точности наличныхъ карательныхъ законовъ, хотя-бы даже и смягчаемыхъ, то и желательна была (и быть можетъ, сама собою осуществилась бы, съ изданіемъ новаго уголовного уложенія и съ готовящимся преобразованиемъ судебной части) реформа по отношенію къ дуэли и перемѣна въ образѣ примѣненія касающихся до нея постановленій не иначе какъ въ смыслѣ полного осуществленія указанныхъ началъ, едва-ли подлежащихъ спору. Если, дажѣ, желательны были мѣры поддержанія въ населеніи чувства чести, то такими мѣрами (отчасти уже и обезпечивавшимися предстоявшими преобразованиями въ области матеріальнаго и формальнаго уголовного права) могли служить: особое развитіе постановленій, ограждающихъ личность, болѣе точное опредѣленіе общихъ личныхъ правъ, отмѣна для крестьянъ тѣлеснаго наказанія и наказанія безъ суда (въ дисциплинарномъ порядкѣ передъ сельскими старостами, волостными старшинами и земскими начальниками) и устраненіе, силою существующихъ законовъ, систематическаго нарушенія и нынѣ признанныхъ элементарныхъ личныхъ правъ, выражающагося въ обращеніи земскихъ начальниковъ къ непривилегированнымъ лицамъ не иначе какъ на „ты“...

Вызывая и нѣкоторыя частныя, ниже излагаемыя, возраженія, вступаютъ въ полное противорѣчіе съ указанными

левъ и его время“, томъ IV, стр. 16, письмо къ императору Александру I о дуэли; Киселевъ выплачивалъ ежегодно вдовѣ Мордвинова до самой ея смерти по одной тысячѣ двѣсти руб., на что она долго не соглашалась: томъ I, стр. 186.

¹⁾ См. объ этомъ напечатанную въ январской книжкѣ „Юридическаго Вѣстника“ за 1892 г. нашу статью „Вы“ и „Ты“ (по вопросу о томъ, могутъ ли земскіе начальники говорить подвѣдомственнымъ имъ лицамъ „ты“ вмѣсто „вы“).

началами, и какъ съ дѣйствующими уложеніемъ о наказаніяхъ и воинскимъ уставомъ о наказаніяхъ, такъ и съ проектомъ новаго уложенія, — „правила о разбирательствѣ ссоръ, случающихся въ офицерской средѣ“ 13 мая 1894 г. Въ правилахъ подѣ такимъ наименованіемъ, дуэль въ офицерской средѣ именно признана не только въ извѣстныхъ случаяхъ ненаказуемою, но даже необходимою, обязательною, предписываемою самою властію...

На основаніи этихъ правилъ, командиръ полка о всякомъ оскорбленіи, роняющемъ достоинство офицерскаго званія, нанесенномъ офицеромъ своему товарищу, а равно нанесенномъ офицеру постороннимъ лицомъ, передаетъ на разрѣшеніе суда общества офицеровъ. Послѣдній же, съ особымъ строжайшимъ соблюденіемъ обычной тайны своихъ совѣщаній, принимаетъ мѣры къ примиренію въ томъ случаѣ, если признастъ примиреніе согласнымъ съ достоинствомъ офицера и съ традиціями данной части войска; въ противномъ же случаѣ, постановляетъ, что поединокъ является единственно приличнымъ средствомъ удовлетворенія оскорбленной чести. Въѣтъ съ тѣмъ судъ общества офицеровъ употребляетъ свое вліяніе на секундантовъ въ томъ смыслѣ, чтобы условія наиболѣе соотвѣтствовали обстоятельствамъ даннаго случая. Поединокъ становится тогда для офицера какъ бы обязательнымъ. Уклоненіе отъ дуэли грозитъ ему весьма серьезными послѣдствіями. А именно, если въ теченіе двухъ недѣль по объявленіи рѣшенія суда общества офицеровъ, поединокъ не состоится и отказавшійся отъ него офицеръ не подастъ самъ прошенія объ увольненіи его отъ службы, то командиръ полка входитъ по командѣ съ представленіемъ объ увольненіи его уже безъ прошенія. Въ такомъ порядкѣ чрезъ посредство суда общества офицеровъ — разбираются дѣла о ссорахъ между офицерами тогда, когда, во-первыхъ, названный судъ имѣется въ данной части войска, и во-вторыхъ, когда случай касается именно подсудныхъ этому суду лицъ оберъ-офицерскаго званія; въ противномъ случаѣ указанныя обязанности суда общества офицеровъ возлагаются

непосредственно на начальниковъ частей. Съ тѣмъ вмѣстѣ прямо установленъ такой фактически существовавшій доселѣ порядокъ направленія дѣлъ о дуэляхъ, при которомъ дуэль, оставаясь, по неизмѣняемой буквѣ закона, дѣяніемъ запрещеннымъ, преступленіемъ публичнымъ, преслѣдуемымъ безъ жалобы потерпѣвшаго, могла бы оставаться, однако, безъ преслѣдованія и наказанія, по обстоятельствамъ даннаго случая, главнымъ же образомъ, въ зависимости оттого, была ли она признана необходимою постановленіемъ суда общества офицеровъ. Для этого признано цѣлесообразнымъ разрѣшеніе дѣлъ именно о такихъ дуэляхъ въ порядкѣ верховнаго управленія. Постановлено, что слѣдственное дѣло о поединкѣ между офицерами, по роду своему слѣдующее судебному разсмотрѣнію, препровождается съ заключеніемъ прокурорскаго надзора подлежащему начальнику, отъ котораго вмѣстѣ съ бывшими по данному предмету постановленіями суда общества офицеровъ представляется по командѣ военному министру, для всеподданнѣйшаго доклада тѣхъ изъ дѣлъ этого рода, которымъ не признается возможнымъ дать движеніе въ установленномъ порядкѣ. Точно такія же правила примѣнены къ военно-морскому вѣдомству; только вмѣсто суда общества офицеровъ дѣйствуетъ здѣсь съ тѣми же полномочіями и въ томъ же порядкѣ „совѣтъ посредниковъ“ ¹⁾).

Какъ пояснилъ „Русскій Инвалидъ“, по обнародованіи изложенныхъ правилъ, въ основу ихъ положена мысль— „прекратить, въ видахъ повышенія общаго уровня понятій о чести въ офицерской средѣ, замѣчаемые, хотя и рѣдкіе, случаи оставленія въ рядахъ арміи офицеровъ, оскорбившихъ своихъ товарищей и не давшихъ имъ за то должнаго удовлетворенія, а равно офицеровъ, потерпѣвшихъ оскорбле-

¹⁾ Изъ „Отчета по военно-морской судебной части за 1892 г.“ обнаруживается, что особенно морское вѣдомство дѣлало весьма вѣскія соображенія противъ разсматриваемыхъ правилъ о дуэляхъ, сообщенныхъ ему въ проектѣ еще въ 1892 г. („Журналъ Юридическаго Общества“, октябрь 1895 г., рецензія г. В. Г.).

ніе и не озаботившихся принять соотвѣтствующія мѣры къ возстановленію своей чести“. Подъ должнымъ же удовлетвореніемъ и соотвѣтствующими мѣрами разумѣется ничто иное какъ поединокъ, дуэль,—„въ тѣхъ частяхъ войскъ, гдѣ понятія о чести стоятъ на достаточной высотѣ“, до которой и „желательно довести эти понятія во всѣхъ прочихъ частяхъ“. Поэтому, для достиженія подобной цѣли, признаны были необходимыми именно мѣры, направленныя „къ урегулированію дуэлей, къ установленію такого порядка, который обезпечивалъ бы, по крайней мѣрѣ, чтобы дуэль происходила лишь въ случаяхъ дѣйствительно серьезныхъ, когда она признается неизбѣжной, по укоренившемуся мнѣнію всей офицерской корпораціи, и чтобы во всѣхъ менѣе важныхъ случаяхъ дуэль, по возможности, устранялась умѣстнымъ въ этихъ случаяхъ примиреніемъ сторонъ“.

Таковы правила 13 мая 1894 года и мотивы къ нимъ. Нельзя не высказать по поводу ихъ слѣдующихъ соображеній:

Во-первыхъ, если до сихъ поръ рѣди были случаи, къ устраненію которыхъ направлены разсматриваемыя правила, то едва ли настояла въ нихъ и надобность. Не выставляя прямо принципа, благопріятнаго для развитія дуэлей, можно было—слѣдуетъ думать—направить дѣятельность судовъ общества офицеровъ такимъ образомъ, чтобы въ рядахъ арміи и не оставались нежелательные члены.

Во-вторыхъ, если не во всѣхъ частяхъ войскъ дѣйствуютъ тѣ понятія о чести и о мѣрахъ къ ея возстановленію, о которыхъ говоритъ „Русскій Инвалидъ“, то едва ли можно искусственно привить всей офицерской корпораціи подобныя понятія, являющіяся, безъ сомнѣнія, результатомъ продолжительныхъ историческихъ причинъ и традицій, развившихся въ данной части войска подъ вліяніемъ комплектованія ея офицеровъ изъ извѣстной болѣе или менѣе однородной среды. Воззрѣнія на этотъ предметъ во всей офицерской средѣ, повидимому, далеко не однообразны и опредѣленны. Приэтомъ воззрѣнія, противоположныя тѣмъ, которыя вытекаютъ изъ представленій давно минувшаго времени и

исчезнувшихъ условій, могутъ опираться на новыя начала, находящіяся съ честію въ связи не менѣе тѣсной,—съ честію не менѣе возвышенной (почему мы отнюдь не думаемъ, что рѣдкіе до сихъ поръ случаи дуэлей въ офицерской средѣ означаютъ нахожденіе воинской чести не на надлежащей высотѣ). Во всякомъ случаѣ, важнѣйшій источникъ, требующій любви и всепрощенія, въ силу котораго нѣтъ такой обиды, которая не допускала бы примиренія,—слишкомъ близокъ и общъ всѣмъ, для того чтобы отвергать возможность его вліянія. Даже и утилитарная философія, несмотря на кажущееся отсутствіе возвышенности въ ея основаніяхъ, объявляетъ въ лицѣ ея провозвѣстника, Бентама: „Нѣтъ сомнѣнія, что тѣ неумолимые характеры, которыхъ не смягчаетъ никакое удовлетвореніе, гнусны и должны быть гнусны; забвеніе обидъ есть добродѣтель, необходимая для человѣчества“... („Избранныя сочин.“ т. I, стр. 529). При такихъ же условіяхъ и при весьма важномъ существѣ дѣла, при рѣшеніи вопросовъ, такъ сказать, о правѣ жизни и смерти, предоставляемомъ одному частному лицу надъ другимъ, надлежало бы *собрать, разработать и обнародовать существующіе въ офицерской средѣ обычаи касательно дуэлей*. Подобная мѣра могла бы, съ одной стороны, показать, что есть и чего не достаетъ для вѣщаго поддержанія чести въ офицерской корпораціи, съ другой же, дать опредѣленные руководящія начала для судовъ общества офицеровъ при разрѣшеніи ими дѣлъ о дуэляхъ. Въ какихъ случаяхъ, въ самомъ дѣлѣ, дуэль именно является, по понятіямъ „всей“ офицерской корпораціи, необходимою, и когда именно возможно или умѣстно примиреніе? Капитальный вопросъ этотъ необходимо нуждался хотя бы въ нѣкоторомъ освѣщеніи. Онъ остается, однако, въ совершенной тѣни. Между тѣмъ, и тайна, которою облакаются совѣщанія суда общества офицеровъ или совѣта посредниковъ по дѣламъ о дуэляхъ, тайна, особо подтверждаемая, сохраненіе негласности засѣданій этихъ установлений и въ подобныхъ случаяхъ, равно какъ разрѣшеніе дѣлъ о состоявшихся дуэляхъ въ негласномъ порядкѣ вер-

ховнаго управленія,—въ свою очередь, не общаются внести достаточно свѣта въ настоящій важнѣйшій вопросъ... Не менѣе важенъ и вопросъ о томъ, какое и въ какихъ случаяхъ оружіе можетъ или должно быть употребляемо при дуэли. Весьма существенна разница между холоднымъ и огнестрѣльнымъ оружіемъ. Одно угрожаетъ интересамъ жизни и здоровья гораздо больше, нежели другое ¹⁾). Вредъ же безъ нужды, конечно, не допускаютъ и правила 13 мая 1894 г., ибо, по началамъ международнаго права, онъ воспрещается и на войнѣ, относительно непріятеля.

Въ-третьихъ, какъ существованіе суда офицерской корпорации, такъ и организуемое нынѣ особо вмѣшательство корпоративнаго суда въ ссоры между офицерами даютъ способы, можно полагать, достаточные, для того чтобы поддерживать офицерскую честь на высотѣ, обусловливаемой современнымъ правовымъ и нравственнымъ развитіемъ русскаго общества, и прекращать и разрѣшать ссоры между членами корпорации и между ними и посторонними лицами всегда и во всякомъ случаѣ мѣрами болѣе правильными, точными и обеспечивающими справедливость, чѣмъ постановленія объ обязательности поединка.

Въ-четвертыхъ, дуэль по требованію закона, по постановленію власти, дуэль обязательная, подъ страхомъ, такъ сказать, наказанія, есть дуэль совершенно особая, дуэль, получающая такую постановку, какую едва ли она имѣла гдѣ либо ²⁾)... Если даже отказаться отъ понятій и требованій условной чести, то и тогда нельзя представить себѣ какимъ

¹⁾ Это надлежало бы выразить и въ проектѣ уголовного уложенія, усиливающимъ, кстати, наказаніе за дуэль съ условіемъ биться на смерть. По словамъ Кроаббона, приводимымъ проф. Вульффертомъ, въ нѣсколькихъ рѣшеніяхъ французскихъ судовъ было признано, что огнестрѣльное оружіе должно считаться болѣе смертоноснымъ, чѣмъ холодное, и сообразно съ этимъ, дуэлянты признавались дѣйствовавшими съ умысломъ на убійство при употребленіи ими огнестрѣльнаго оружія и, наоборотъ, безъ такового умысла при употребленіи холоднаго оружія („Журналъ Министерства Юстиціи“, сентябрь 1895 г.).

²⁾ По свидѣтельству Кроаббона, даже и во Франціи начальство не можетъ обязывать воинскихъ чиновъ выходить на дуэль.

образомъ честь можетъ быть восстановлена подобною дуэлью. Понятіе о дуэли, въ такомъ видѣ представляемое, лучше всего и свидѣтельствуеъ о томъ, какъ неопредѣленны исходные пункты разсматриваемыхъ правилъ и какъ необходима указываемая нами мѣра: *кодификація обычаевъ*, относящихся до дуэлей въ офицерской средѣ, и изслѣдованіе воззрѣній, въ нихъ выражающихся. Дуэль по требованію начальства, да еще на условіяхъ, ими рекомендованныхъ или предписанныхъ, подобная дуэль можетъ возбуждать и въ обществѣ, и въ тѣхъ, кто долженъ будетъ выходить на нее, чувства противоположныя тѣмъ, на которыя вообще рассчитывается поединокъ... Перспектива подобной дуэли будетъ, безъ сомнѣнія, страшить заинтересованныхъ лицъ съ совершенно иной стороны, чѣмъ можетъ страшить поединокъ вообще. Можно очень сильно опасаться, что поссорившіеся офицеры будутъ спѣшить устраивать дуэли, пока ихъ въ тому не принудили, и дуэль получить примѣненіе въ такихъ случаяхъ, въ которыхъ она не только была невозможна прежде, но въ которыхъ она не предполагается и не считается необходимою и въ тѣхъ частяхъ войскъ, въ которыхъ именно развиты дуэли. Стремленіе регулировать въ подобномъ смыслѣ дуэли, регулировать то, что, по существу своему, не только свободно, но именно самовольно, можетъ, очевидно, дать результаты противоположныя тѣмъ, которые имѣются въ виду ¹⁾.

Въ-пятыхъ, офицерскіе суды, не обезпеченные надлежа-

¹⁾ Извѣстныя до сихъ поръ фактическія данныя о примѣненіи правилъ 13 мая 1894 г. не подтверждаютъ, однако, подобныхъ предположеній, не представляютъ ни одного случая послѣшню заключенной дуэли, въ предупрежденіе требованія начальства; наоборотъ, они говорятъ исключительно о дуэляхъ, состоявшихся по требованію начальства; съ тѣмъ вмѣстѣ данныхъ о происшедшихъ дуэляхъ—вообще весьма мало. Но первое отнюдь не доказываетъ неосновательности предположеній, логически, неизбежно вытекающихъ изъ постановки, даваемой дуэли названными правилами, отнюдь не опровергаетъ возможности послѣшнихъ до требованія начальства происходящихъ дуэлей; второе же, если не объясняется случайнымъ отсутствіемъ свѣдѣній, быть можетъ, свидѣтельствуеъ о томъ, что дуэль въ Россіи явленіе отжившее,—мертвое тѣло, которое нельзя воскресить никакими правилами...

щимъ составомъ, образуемые изъ членовъ безъ юридической подготовки,—находятся едва ли въ удовлетворительномъ положеніи. По крайней мѣрѣ изъ данныхъ, приводимыхъ г. Шереметевскимъ въ статьѣ собственно о полковыхъ судахъ (№ 6 „Юридической Лѣтописи“ за 1891 г.), имѣющихъ такой же составъ, но при этомъ, однако, дѣйствующихъ по опредѣленнымъ правиламъ и примѣняющихъ опредѣленные законы,—видно, что изъ двухъ тысячъ дѣлъ, рѣшенныхъ ими, только пять процентовъ рѣшены болѣе или менѣе правильно, а по остальнымъ девяносто пяти процентамъ дѣлъ допущены существенныя нарушенія. Трудно допустить, чтобы суды общества офицеровъ дѣйствовали лучше. Задача, возлагаемая нынѣ на судъ общества офицеровъ или на совѣтъ посредниковъ, можетъ очень часто оказываться непосильною, несоотвѣтствующею. Еще затруднительнѣе для этихъ установленій присуждать дуэль, чѣмъ рѣшать инныя подчиненныя имъ дѣла, въ особенности при отсутствіи опредѣленныхъ, кодифицированныхъ обычаевъ на этотъ предметъ. Канцелярская тайна, негласность засѣданій—должна лишать ихъ и руководящихъ прецедентовъ, исключать возможность единообразной практики по столь важнымъ дѣламъ. Дуэль можетъ быть присуждаема тогда, когда въ ней нѣтъ никакой надобности,—явно, съ точки зрѣнія самыхъ строгихъ понятій условной чести, и наоборотъ. Можетъ представляться иногда желательною отмѣна соотвѣтствующихъ постановленій офицерскаго суда. Между тѣмъ, по уставу дисциплинарному, право обжалованія рѣшеній этого суда значительно сокращено, и еще болѣе, конечно, сокращается обжалованіе рѣшеній офицерскаго суда по дѣламъ о дуэляхъ. Заинтересованныя лица едва ли станутъ обращаться въ обжалованію подобныхъ рѣшеній и въ случаяхъ вопіющихъ нарушеній правилъ для производства суда общества офицеровъ постановленныхъ; начальство же можетъ не имѣть ни времени, ни возможности вступить въ порядѣ надзора въ данный случай о дуэли. При всемъ же томъ, такъ какъ не вездѣ образованъ судъ общества офицеровъ, то нерѣдко дѣла о дуэляхъ должны

рѣшаться начальниками частей, дѣятельность которыхъ въ этомъ отношеніи можетъ быть лишь еще менѣе удовлетворительною. Простой произволъ можетъ, такимъ образомъ, дѣлать неизбѣжною дуэль съ самыми печальными послѣдствіями ¹⁾). Между прочимъ, частые случаи присужденія дуэлей тѣмъ возможно, что мотивы къ правиламъ 13 мая 1894 г. указываютъ на развитіе дуэлей какъ на признакъ, свидѣтель-

¹⁾ Хроникеръ „Сина отечества“ въ № 181 отъ 3 іюля 1894 г. передалъ слѣдующій фактъ, происшедшій на первыхъ же дняхъ приѣзженія правилъ 13 мая 1894 г.: „Въ г. Бобруйскѣ во время полкового праздника два офицера кутаискаго полка, Уницкій и Павловскій, поссорились изъ за провозглашеннаго Уницкимъ тоста. Вѣроятно, Павловскій сдержался бы, если бы не обѣденное настроеніе духа. За выраженіемъ неудовольствія послѣдовала угроза. Товарищи повздорили. Черезъ нѣсколько дней, въ присутствіи офицеровъ того же полка, они, однако, протянули другъ другу руки и возобновили пріятельскія отношенія. Но подобный исходъ обѣденнаго инцидента не понравился нѣкоторымъ коллегамъ Уницкаго и Павловскаго. Они сочли необходимымъ довести случай до свѣдѣнія суда общества офицеровъ. Судъ же общества офицеровъ, взглянувъ, очевидно, на дѣло съ формальной стороны и не принявъ во вниманіе товарищеской близости поссорившихся и состоявшагося между ними притомъ примиренія, рѣшилъ быть дуэли. Первоначально назначили дистанцію въ пятнадцать шаговъ. На этомъ разстояніи оба противника дали промахъ. Тогда дистанцію уменьшили. Уницкій и Павловскій стрѣлялись снова, и уже не безъ результата: Павловскій получилъ смертельную рану въ правый бокъ. Все это происходило *въ присутствіи всѣхъ офицеровъ кутаискаго полка*“. Лѣтомъ же 1895 г. газеты, со словъ корреспондента „Стеннаго Края“ изъ Джарвента передавали такой случай: „Городъ взволнованъ небывалымъ событіемъ: на дняхъ произошла дуэль между двумя мѣстными офицерами, Б. и Г., и послѣдній убитъ наповаль. Б. и Г. большіе пріатели, жившіе на одной квартирѣ. Возвращаясь ночью изъ одного увеселительнаго заведенія, друзья, достаточно возбужденные весело проведеннымъ вечеромъ, поссорились изъ за какого то пустяка и ссора закончилась уже на квартирѣ тѣмъ, что одинъ изъ друзей ударилъ другого по лицу подсвѣчникомъ. На утро, проснувшись, пріатели посмѣялись надъ своею горячностью и, конечно, вполнѣ примирились. Такъ бы дѣло и окончилось, если бы не вѣшались досужіе пріатели, для которыхъ драка эта пришлась какъ разъ по вкусу: она явилась большимъ развлеченіемъ среди однообразно скучной жизни. Вспомнили про извѣстный циркуляръ военнаго министра, вспомнили также про оскорбленную подсвѣчникомъ честь, и закипѣло дѣло. Пріатели сначала было упирались, говоря, что честь-де ихъ, слава Богу, ничего... но дѣло было обставлено такъ, что нужно было, наконецъ, подражаться уже не подсвѣчниками... Всѣ ожидали, что дуэль закончится только шумомъ выстрѣловъ, какъ совершенно достаточнымъ для даннаго дѣла, но въ сожалѣнію случилось иначе. Не знаю, въ силу какихъ человѣческихъ соображеній, но Б. убилъ Г. наповаль; Б. стрѣлялъ первымъ“.

ж. юрид. общ. кн. II 1897 г.

3

ствующій о той или иной высотѣ, на которой въ данной части войска стоятъ понятія о чести, и въ каждой данной части войска довольно естественно можетъ возникать стремленіе доказывать, что эта высота—достаточна, значительна ¹⁾).

Въ-шестыхъ, коль скоро оскорбленіе, нанесенное офицеромъ товарищу, тяжело, но заслуженно, вызвано его дѣйствительно неблагоприятными дѣйствіями, то тутъ, очевидно, необходимо исключеніе оскорбителя изъ рядовъ арміи, войска. Въ-мѣсто же этого, по разсматриваемымъ правиламъ, должна быть присуждаема противникамъ въ подобномъ случаѣ дуэль. Честный человѣкъ, не сдержавшій благороднаго негодованія и невольно оскорбившій подлеца, долженъ подставлять лобъ подъ его выстрѣлъ, не желая пощады отъ такого человѣка и не расчитывая на нее. Послѣ же дуэли, даже и окончившейся смертію обидчика, обиженный не можетъ уже быть исключенъ изъ офицерской среды, такъ какъ предполагается, что онъ смылъ оскорбленіе, выполнивъ требованіе товарищескаго суда, понеся, такъ сказать, наказаніе, которое не можетъ быть двукратнымъ, и доказавъ существованіе въ себѣ того чувства чести, которое приобретаетъ нынѣ особую оцѣнку... Возникаетъ, такимъ образомъ, возможность случая, когда въ офицерской средѣ будетъ оставаться человѣкъ, отъ котораго нужно отворачиваться съ еще большимъ ужасомъ и отвращеніемъ, чѣмъ прежде.

Въ-седьмыхъ, по воинскому уставу о наказаніяхъ, вызовъ на поединокъ начальника карается, въ интересахъ дисциплины, гораздо строже, чѣмъ по общему закону. Новыя же правила о дуэляхъ дѣлаютъ возможною безнаказанность дуэлей и между начальниками и подчиненными; дуэлями могутъ быть фактически отиѣняемы и прочія постановленія,

¹⁾ Однако, до сихъ поръ данныя о дуэляхъ, происшедшихъ послѣ изданія правилъ 13 мая 1894 г.,—весьма немногочисленны. Но опять таки это, быть можетъ, лишній разъ доказываетъ только, что дуэль—мертвое тѣло, и полагаемъ, не потому, что понятіе о чести въ офицерской средѣ не стоитъ на достаточной высотѣ, а потому что дуэль вовсе не имѣетъ нынѣ съ честью той связи, которая предполагается.

усиленно ограждающія старшихъ отъ оскорбленій младшихъ. Военная дисциплина можетъ, очевидно, вслѣдствіе этого пострадать. Между тѣмъ, ради ея, какъ важнѣйшаго начала для арміи, воинскій уставъ о наказаніяхъ сокращается и общее право необходимой самообороны для лицъ военнаго званія по отношенію къ начальникамъ, — право, дѣйствительно, существенное.

Въ-восьмыхъ, правила 13 мая 1894 г. состоялись съ отступленіемъ отъ того порядка, который установленъ для выработки постановленій подобнаго характера. Они прошли только черезъ главный военный судъ (и по отношенію къ морскому вѣдомству — чрезъ главный военно-морской судъ); между тѣмъ, *подобныя правила подлежали, по изъ существу, обсужденію и государственнаго совѣта*. Согласно основнымъ законамъ, въ государственномъ совѣтѣ обсуждаются проекты всѣхъ новыхъ законовъ, равно какъ и предположенія объ отмѣнѣ прежнихъ; исключенія изъ этого сдѣланы, между прочимъ, по отношенію къ военному совѣту и главному военному суду (какъ, раннимъ образомъ, по отношенію къ адмиралтействъ-совѣту и главному-морскому суду). Именно же, на основаніи военно-судебнаго устава (ст. 1023 и 1075—1089), главному военному суду принадлежитъ обсужденіе вопросовъ, относящихся до военно-судебной части и до законовъ о наказаніяхъ. Приэтомъ, однако, всѣ „вопросы, имѣющіе связь съ общими въ государствѣ законами“, по обсужденіи ихъ въ военномъ вѣдомствѣ, получаютъ дальнѣйшее движеніе „въ общеустановленномъ порядкѣ“, то есть, вносятся въ государственный совѣтъ, по испрошеніи на это разрѣшенія верховной власти, чрезъ совѣтъ министровъ. Правила же 13 мая 1894 г., какъ видно, имѣютъ несомнѣнную внутреннюю связь съ цѣлымъ рядомъ общихъ законовъ, со всею системою дѣйствующаго законодательства, и въ частности находятся въ полномъ и совершенномъ противорѣчій съ предупредительными и карательными постановленіями о поединкахъ; обязательность дуэли съ офицеромъ-обидчикомъ сама собою дѣлаетъ уже какъ бы хотя безна-

казанною дуэль съ лицомъ гражданскаго вѣдомства; далѣе прохожденіе черезъ ряды арміи значительной части молодежи, вслѣдствіе общей воинской повинности,—можетъ, за развитіемъ дуэлей въ военной средѣ, повлечь за собою развитіе ихъ и въ остальной части населенія, въ его массѣ; при всемъ же томъ, въ разсматриваемыхъ правилахъ и прямо упомянуто о постороннихъ лицахъ¹⁾. Правда, собственно

¹⁾ Вскорѣ послѣ изданія правилъ 13 мая 1894 г., въ газетахъ былъ изложенъ слѣдующій фактъ: „Въ Керчи въ настоящее время много говорятъ о случаѣ, едва не повлекшемъ за собою дуэль, но кончившемся во всякомъ случаѣ печально. Дѣло въ томъ, что на одномъ изъ танцевальныхъ вечеровъ, въ лѣтнемъ помѣщеніи коммерческаго клуба, нѣкто А. П., будучи дирижеромъ танцевъ, занялъ для кадрили два стула подлѣ оркестра и самъ вышелъ изъ зала. Когда онъ вернулся снова въ залъ, то мѣста эти оказались занятыми одною изъ танцующихъ паръ, въ которой кавалеромъ былъ молодой человѣкъ изъ не военныхъ г. М. Поручикъ П., увидѣвъ свое мѣсто занятымъ, попросилъ г. М. уступить мѣсто и приказать принести себѣ другія стулья. На это предложеніе г. М. не согласился и заявилъ, что это мѣсто было имъ занято гораздо раньше и потому онъ его никому не уступить, но что онъ можетъ приказать поставить другіе стулья для г. поручика. Не желая доводить дѣло до ссоры, г. П. вышелъ изъ зала, чтобы заявить объ этомъ случаѣ дирекціи клуба. Между тѣмъ, всѣ танцевавшіе въ этотъ вечеръ офицеры вышли изъ зала, оставивъ своихъ визави танцевать кадрили, какъ имъ угодно, и увели съ собою своихъ дамъ. Затѣмъ, они послали заявить старшинамъ собранія, что если г. М. не будетъ немедленно удаленъ изъ числа членовъ собранія, то они принуждены будутъ прекратить свои посѣщенія. Дирекція клуба, не имѣя достаточныхъ основаній исключить своего члена, просьбы гг. офицеровъ не уважила, и они немедленно оставили клубъ. Между тѣмъ, этотъ случай довели до свѣдѣнія командира полка, который передалъ дѣло на разсмотрѣніе суда общества офицеровъ, причѣмъ заявлено было, что г. М. называлъ поручика П. „невѣжей“. На судѣ г. П. заявилъ, что никакихъ оскорбленій отъ г. М. онъ не слыхалъ, и точно также г. М. отрицалъ это обстоятельство. Другіе же офицеры, наоборотъ, утверждали, что фактъ оскорбленія былъ на лицо, и—потому судъ постановилъ предложить г. П. вызвать г. М. на дуэль не позже 20 числа сего мѣсяца (іюля 1894 г.), или подать въ отставку. Г. П. заявилъ, что вызывать на дуэль человѣка, совершенно неумѣющаго обращаться съ оружіемъ, который, кромѣ того, былъ его давнишнимъ пріателемъ, онъ не считалъ для себя возможнымъ, тѣмъ болѣе, что отъ г. М. никакого оскорбленія онъ не слыхалъ, а если оно и было, то г. М. отказывается отъ своихъ словъ, и—согласился лучше выйти въ отставку, чѣмъ идти на убійство. Такимъ образомъ, дуэль не состоялась; но молодому офицеру, у котораго впереди цѣлая жизнь и карьера, пришлось оставить службу изъ за пустого недоразумѣнія, которое въ другое время осталось бы безъ всякихъ послѣдствій“—заявлялъ корреспондентъ, передававшій настоящій случай.

подробныя правила о дуэляхъ между офицерами и лицами гражданскаго вѣдомства и подлежатъ нынѣ обсужденію государственнаго совѣта, по сообщенію „Русскаго Инвалида“. Но можно полагать, что и самыя правила 13 мая 1894 г. должны были бы пройти предварительно чрезъ то же высшее общее законосовѣщательное учрежденіе. А такъ какъ во время созданія правилъ 13 мая 1894 г. составлялся и даже оканчивался уже составленіемъ проектъ уголовного уложенія, то это было тѣмъ болѣе необходимо; желательна была именно предварительная передача проекта правилъ въ комиссію, занимавшуюся составленіемъ уголовного уложенія. Тогда не могло бы создаться и того крайняго противорѣчія между названными правилами и проектомъ, которое заключается въ томъ, что проектъ, имѣющій, подобно дѣйствующему уложенію, получить значеніе и для военнаго вѣдомства (касательно всѣхъ преступленій, воинскимъ уставомъ о наказаніяхъ непредусмотрѣнныхъ) облагаетъ довольно тяжкою карою подстрекательство къ дуэли, а правила устанавливаютъ предъявленіе офицерамъ начальствомъ или товарищескимъ судомъ обязательнаго требованія драться на дуэли.

Въ заключеніе,—ограничиваясь настоящими возраженіями изъ тѣхъ, которыя можно сдѣлать спеціально противъ правилъ о дуэляхъ 13 мая 1894 г. въ офицерской средѣ и считая вопросъ достаточно исчерпаннымъ вышеприведенными соображеніями о дуэляхъ вообще, замѣтимъ, что, въ видахъ поднятія чувства чести въ рядахъ войскъ и поддержанія во всѣхъ ихъ представителяхъ истиннаго достоинства, *неразрывно связаннаго съ уваженіемъ къ другимъ, ко всякому человеку*, желательно въ большей мѣрѣ оградить личность *нижняго чина* отъ возможныхъ оскорбленій со стороны его ближайшихъ начальниковъ, чѣмъ дѣлаетъ это нынѣ дѣйствующій воинскій уставъ о наказаніяхъ. Послѣдній, предполагая и наказывая оскорбленіе начальникомъ офицера или чиновника не только дѣйствіемъ, но и словомъ и на письмѣ, знаетъ только и наказываетъ нанесеніе нижнимъ чинамъ офицерами и унтеръ-офицерами *ударовъ или побоевъ*, то есть,

самыхъ тяжелыхъ видовъ оскорбленій, соединяемыхъ съ нарушеніемъ интересовъ здоровья. Обиды на словахъ, на письмѣ и даже нѣкоторыя иныя болѣе важныя обиды, приравниваемы къ оскорбленіямъ дѣйствіемъ, оказываются непредусмотрѣнными точно и прямо воинскимъ уставомъ о наказаніяхъ.

Н. Дружининъ.

О ДОГОВОРѢ ТОВАРИЩЕСТВА ВООБЩЕ И О СВОЙСТВѢ ДОГОВОРА ПОЛНАГО ТОВАРИЩЕСТВА ВЪ ОСОБЕННОСТИ ¹⁾.

Договоръ товарищества, хотя и подчиняется общимъ законоположеніямъ объ обязательствахъ, тѣмъ не менѣе рѣзко отличается отъ прочихъ договоровъ: въ то время какъ послѣдніе зарождаются на частно-гражданской почвѣ, и человѣкъ прибѣгаетъ къ нимъ для непосредственнаго удовлетворенія своихъ многообразныхъ потребностей, договоръ товарищества зиждется на иномъ началѣ, на началѣ общественности. Начало это коренится въ сознаніи человѣка о своей беспомощности въ борьбѣ единичными силами съ окружающими его условіями, требующими большихъ матеріальныхъ жертвъ для того, чтобы, съ одной стороны, одержать надъ ними побѣду, а съ другой, чтобы получить возможность удовлетворенія такихъ потребностей, осуществленіе коихъ мыслимо лишь при сплоченіи нѣсколькихъ лицъ въ одинъ союзъ, имѣющій въ своемъ распоряженіи громадныя капиталы, образовавшіеся путемъ небольшихъ взносовъ соучастниковъ. Безъ такового единенія личныхъ силъ и капиталовъ, мы бы не были свидѣтелями тѣхъ значительныхъ завоеваній, благодаря которымъ современный экономическій и соціальныи строй получилъ столь широкое

¹⁾ Доложено въ собраніяхъ юридическихъ конференцій пом. прис. пов. 5 и 15 февраля 1896 г.

развитіе, что человѣкъ имѣетъ возможность осуществить самыя трудныя задачи своего бытія. Столь сложныя предпріятія, какъ желѣзнодорожныя и другія акціонерныя общества, обязаны своимъ возникновеніемъ небольшимъ взносамъ отдѣльныхъ, лицъ, образовавшимъ въ совокупности значительный складочный капиталъ, дающій возможность вести обширныя предпріятія. Эти преимущества созналъ человѣкъ съ самой своей колыбели и съ тѣхъ поръ не перестаетъ пользоваться ими въ разныхъ формахъ проявленія своей общественной и частной дѣятельности, и впервые въ нашемъ законодательствѣ получилъ внѣшнее выраженіе въ манифестѣ 1807 г., гдѣ проскальзываетъ мысль законодателя о силѣ и значеніи складочныхъ капиталовъ, указавшихъ, по смыслу законовъ, новую стезю для торговли. Нельзя не усмотрѣть изъ содержанія этого манифеста, что наше законодательство относится въ высшей степени сочувственно къ составленію товариществъ и, проявляя свою заботливость о преуспѣяніи торговли и промышленности, не стѣсняетъ воли контрагентовъ, желающихъ образовать тѣсный союзъ для веденія на общихъ средствахъ торговли. Въ то время, какъ всякій другой договоръ подчиняется не только законоположеніямъ общимъ, но и нормамъ спеціальнаго характера, по отношенію къ договору товарищества законъ не устанавливаетъ какихъ-либо особыхъ правилъ, а отсылаетъ стороны къ общей части ученія объ обязательствахъ, предоставляя самимъ контрагентамъ регламентировать возникающія по сему договору отношенія. Но, съ другой стороны, товариществомъ завязываются сношенія съ третьими лицами, интересы коихъ законодатель считаетъ нужнымъ охранять отъ посягательствъ, что и достигается установленіемъ закономъ особыхъ формальностей, какъ напр. оповѣщеніемъ купечества и выписками изъ договора. На этой почвѣ, гдѣ воля сторонъ вытѣсняетъ собою предписанія закона, гдѣ частная предпріимчивость не встрѣчаетъ почти никакихъ преградъ и получаетъ полный просторъ въ своемъ внѣшнемъ проявленіи, и созидаются товарищества, играющія весьма важную экономическую роль въ странѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и содѣйствующія и умственному росту населе-

нія, такъ какъ съ увеличеніемъ богатства возвышается и интеллектуальный уровень гражданъ.

Но при всей скудости нормъ, касающихся договора товарищества, тѣмъ не менѣе представляется возможнымъ опредѣлить существо этого договора по нашему законодательству, къ чему, послѣ предварительныхъ замѣчаній, мы теперь и приступимъ.

Здѣсь прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что товарищество отличается отъ совладѣнія имуществомъ. Общее владѣніе образуется двоякимъ путемъ: 1) случайно, или 2) посредствомъ соглашенія. Первая форма совладѣнія, *communio incidens*, какъ показываетъ само названіе, возникаетъ случайно, т. е. эта форма совладѣнія имѣетъ своимъ источникомъ происхожденія не договоръ, не соглашеніе контрагентовъ, направленное на установленіе общихъ правъ на какое либо имущество въ цѣломъ его составѣ, а простой случай, независящій отъ воли соучастниковъ такъ напр. нѣсколько наслѣдниковъ получаютъ имущественную массу отъ одного наслѣдодателя. Наоборотъ, совладѣніе имуществомъ, основанное на добровольномъ соглашеніи совладѣльцевъ, возникаетъ тѣмъ же способомъ, какимъ и товарищество, т. е. посредствомъ договора, но съ той разницей, что товарищество, по нашему законодательству, предполагаетъ веденіе предпріятія подъ однимъ общимъ именемъ, каковой признакъ отпадаетъ при веденіи какого-либо дѣла сообща, на началахъ общей собственности. Между тѣмъ г. Цитовичъ усматриваетъ различіе между указанными формами совладѣнія лишь въ томъ, что въ понятіе о товариществѣ входитъ предпринимательскій элементъ, каковой признакъ отсутствуетъ въ общемъ правѣ собственности. Таковой взглядъ можно считать правильнымъ съ точки зрѣнія французскаго права, но отнюдь не согласуется съ духомъ нашихъ законовъ объ этомъ институтѣ. Дѣйствительно, по смыслу французскаго законодательства, товарищество есть договоръ, посредствомъ котораго нѣсколько лицъ соединяются для того, чтобы дѣйствовать сообща, а равно распредѣлять между собою извлекаемую отъ предпріятія прибыль, тогда какъ, по разуму французскаго закона, соучастни-

ки совладѣнія въ собственномъ смыслѣ не имѣютъ въ виду дѣйствовать, а лишь „владѣть имуществомъ и имѣть оное для своихъ надобностей“. По нашему закону отличительная черта сего договора заключается въ веденіи предпріятія подъ однимъ общимъ именемъ, такъ что для юридической природы товарищества необходима наличность этого внѣшняго признака, при отсутствіи коего составъ лицъ, образовавшійся для веденія предпріятія, не будетъ именоваться товариществомъ, а получить наименованіе совладѣнія предпринимательскимъ капиталомъ, положеннымъ въ основаніе какого либо предпріятія, такъ какъ, по нашему закону, веденіе какого либо предпріятія допустимо и не въ формѣ товарищества, что подтверждается слѣдующими соображеніями:

1) Ст. 547 X т. 1 ч. предоставляетъ совладѣльцамъ вѣрить управленіе имѣніемъ одному изъ своихъ товарищей, въ чемъ обыкновенно возникаетъ надобность въ тѣхъ случаяхъ, когда имущество имѣетъ своимъ назначеніемъ не непосредственное пользованіе для удовлетворенія своихъ потребностей, а вообще извлеченіе выгодъ посредствомъ заключенія сдѣлокъ съ третьими лицами, предметомъ коихъ (сдѣлокъ) служить само имѣніе или его плоды.

2) Ст. 548 и 549 X т. 1 ч.; а) изъ нихъ 1-я заимствована изъ устава купческаго водоходства, гдѣ идетъ рѣчь о приобрѣтеніи корабля на общія средства, чему посвящены ст. 171—182 торговаго устава изд. 1887 г.; извѣстно, что корабль приобрѣтается не для собственныхъ прихотей (исключая гг. Ротшильдовъ и К^о), а для перевозки товаровъ и пассажировъ; б) изъ сопоставленія ст. 549 и 2137 X т. 1 ч. нельзя не усмотрѣть, что горнозаводская промышленность можетъ быть ведена, какъ въ формѣ товарищества, такъ и въ видѣ совладѣнія заводами на общемъ правѣ собственности.

3) Неустойчивость самой терминологіи (ст. 547, 548, 549 и др.).

4) Сенатъ разъяснилъ, что не всякое предпріятіе, которое ведется сообща, будетъ признаваться товариществомъ.

5) Заимствованіемъ статей о товариществѣ изъ манифеста

1807 г. до каковаго времени предпріятія, кромѣ рѣдкихъ случаевъ, составлялись въ видѣ общаго права собственности на предметъ соединенія капиталовъ.

Изъ изложеннаго о юридической природѣ договора товарищества и общаго права собственности явствуетъ, что опредѣленія договора товарищества г.г. Квачевскимъ, Змирловымъ и Шершеневичемъ не согласуются съ буквальныймъ смысломъ нашего закона, поскольку, разумѣется, онъ намъ правильно разъясненъ. Изъ нихъ Квачевскій примѣняетъ ст. 1832 Code Civil къ конструціи договора товарищества, что должно быть отвергнуто, ибо, какъ выше было упомянуто, по опредѣленію Code Civil договоръ товарищества есть соединеніе лицъ „*pour metre quelque chose en commun*“, т. е. чтобы дѣйствовать сообща, между тѣмъ нашъ законъ требуетъ, чтобы участвовавшіе въ соглашеніи лица сообща дѣйствовали *подъ однимъ общимъ именемъ*. Таковое свойство товарищества по нашему закону объясняется источникомъ происхожденія относящихся сюда статей, заимствованныхъ изъ манифеста 1807 г., на коемъ отразилось западное вліяніе и, главнымъ образомъ, Code de Commerce. Многіе выражаютъ свое недоумѣніе по поводу тождественности содержанія ст. о товариществѣ нашего торговаго устава и X т. 1 ч.,— не будучи въ состояніи объяснить раздвоенность, которую они находятъ въ этихъ статьяхъ. Между тѣмъ двойственность эта неминуемо должна была обнаружиться, такъ какъ до 1807 г. у насъ не существовало договора товарищества, который былъ замѣненъ институтомъ общаго права собственности, что вытекаетъ и изъ смысла ст. 548 и 549, допускающихъ предпріятіе на общихъ началахъ права совладѣнія имуществомъ. Равнымъ образомъ правильность этого взгляда подтверждается выдѣленіемъ предпріятія о приобрѣтеніи корабля въ особый институтъ *sui generis*, который имѣетъ свои законоположенія, основанныя на *jus singulare*. Въ равной мѣрѣ нельзя согласиться и съ опредѣленіемъ Змирлова, допускающимъ примѣненіе ст. Саксонскаго закона, по смыслу котораго подъ договоромъ товарищества слѣдуетъ разумѣть

соединеніе нѣсколькихъ лицъ для достиженія извѣстной цѣли черезъ посредство вкладовъ отдѣльныхъ лицъ, каковое опредѣленіе представляется неправильнымъ въ виду отсутствія въ немъ существеннаго внѣшняго признака, изображеннаго въ ст. 2126 X т. 1 ч., т. е. подъ однимъ общимъ именемъ. Опредѣленіе Шершеневича, полагающаго, что подъ договоромъ товарищества нашъ законъ понимаетъ такой договоръ, въ силу котораго нѣсколько лицъ обязываются соединить свои средства для достиженія какой либо цѣли, страдаетъ тѣмъ, что означенный ученый включаетъ въ товарищество и такіе союзы лицъ, которые преслѣдуютъ научныя и иныя цѣли для удовлетворенія своихъ потребностей, отнюдь не ведя никакого предпріятія, что составляетъ предметъ товарищества. Такимъ образомъ всѣ указанныя опредѣленія договора товарищества противорѣчатъ юридической его природѣ, которая требуетъ веденія предпріятія подъ однимъ общимъ именемъ, чѣмъ и отличается отъ юридической конструкціи института общаго права собственности. Не менѣе спорнымъ представляется въ нашей литературѣ вопросъ о томъ, есть ли товарищество юридическое лицо или физическое. Такъ, по мнѣнію г. Цитовича гражданское товарищество лишь есть совокупность физическихъ лицъ, римская *societas*; по мнѣнію же Шершеневича наоборотъ, торговое товарищество есть *societas*, ибо нашъ законъ требуетъ, на примѣръ, для каждаго изъ товарищей—выборки гильдейскаго свидѣтельства; а гражданское товарищество признается имъ юридическимъ лицомъ другіе же ученые (Змирловъ, Квачевскій) совсѣмъ не признаютъ за товариществомъ значенія юридическаго лица. Не говоря о томъ, что торговое товарищество представляетъ собою юридическое лицо, что доказано г. Цитовичемъ, остановимся на анализѣ понятія гражданского товарищества по нашему закону. Предварительно разрѣшенія вопроса о томъ, есть ли товарищество—юридическое лицо, слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ вообще о юридическомъ лицѣ. Извѣстно, что юридическое лицо есть самостоятельный субъектъ, облеченный извѣстными правами и вступающій въ самостоятельныя сношенія съ треть-

ими лицами, такъ что личность отдѣльныхъ субъектовъ юридическаго лица исчезаетъ, отпадаетъ и 3-и лица имѣютъ своими контрагентами юридическое лицо, какъ таковое, а не отдѣльныхъ субъектовъ.

Эти общія положенія вполне примѣнимы къ конструкціи гражданскаго товарищества по нашему закону и потому, вопреки мнѣнію г. Цитовича, гражданское товарищество есть лицо юридическое, что подтверждается слѣдующими соображеніями:

1) ст. 2133 X т. 1 ч. гласитъ, что взаимныя обязательства между товарищами, обязательства на общее имя *товарищества* дѣлаемыя и т. д., а не на общее имя *товарищей*;

2) 2135 ст., гдѣ находимъ выраженіе „*на общее имя цѣлаго товарищества*“;

3) 220 и 221 ст. уст. гражд. судопр., коими санкціонируется особая подсудность гражданскаго товарищества, по образцу торговыхъ товариществъ;

4) ст. 222 уст. гр. суд., различающая взаимные споры между товарищами отъ претензій участниковъ къ товариществу, что, въ виду ст. 693 X т. 1 ч. и 1-й ст. у. г. с. даетъ основаніе предполагать о свойствѣ складочнаго капитала товарищества, какъ имѣющаго самостоятельное значеніе, вслѣдствіе чего имущественная масса отдѣльныхъ товарищей не сливается съ имуществомъ товарищества, какъ такового, а равно личные кредиторы товарищей не смѣшиваются съ кредиторами товарищества, получающими удовлетворенія изъ складочнаго капитала сего послѣдняго. Несліяніе имуществъ отдѣльныхъ товарищей съ складочнымъ капиталомъ товарищества имѣетъ своимъ послѣдствіемъ раздѣльность долговъ товарищей и товарищества, между коими компенсація не можетъ имѣть никакого мѣста.

Наконецъ, 5) ст. 2134, устанавливающей солидарную отвѣтственность *ex lege*, ибо, въ противномъ случаѣ, эта статья представлялась бы излишней, въ виду ст. 1548 X т. 1 ч., какъ и разсуждаетъ г. Цитовичъ, не признающій

за гражданскимъ товариществомъ значенія юридическаго лица, (см. его к. торг. пр.). Такимъ образомъ, на основаніи изложенныхъ соображеній гражданское товарищество есть юридическое лицо; наоборотъ, по французскому праву гражданское товарищество есть совокупность физическихъ лицъ, что явствуетъ изъ нижеслѣдующаго:

а) ст. 1862 Code civil отърываетъ собою отдѣлъ подъ заглавіемъ: *des engagements des associés à l'égard des tiers*, а не выражено: *des engagements de la société à l'égard des tiers*; изъ редакціи такого заголовка нельзя не усмотрѣть, что, по французскому закону, обязательства отдѣльныхъ товарищей сливаются съ таковыми товарищества, и потому съ внѣшней стороны т. е. въ отношенія съ 3-ми лицами вступаетъ множественность физическихъ лицъ;

б) ни ст. 1863 и 1864 Code civil не устанавливають, подобно нашей ст. 2134, солидарной отвѣтственности *ex lege* и

с) ст. 1872 того же кодекса предписываетъ при раздѣлѣ складочнаго капитала товарищества, по его прекращеніи, руководствоваться положеніями, изображенными въ статьяхъ о раздѣлѣ наслѣдства, каковое правило показываетъ, что имущество товарищества, по смыслу французскаго закона, представляетъ собою массу, коей соучастники владѣютъ на общемъ правѣ собственности. Такимъ образомъ мы видимъ, что въ средѣ гражданскаго французскаго права товарищество не признается юридическимъ лицомъ. Напротивъ, въ области торговаго права французское законодательство, подобно нашему, считаетъ товарищество юридическимъ лицомъ. Здѣсь нельзя не замѣтить, что вліяніе Code de commerce обнаружилось въ подраздѣленіи товариществъ на виды, чѣмъ слѣдуетъ объяснить дробленіе гражданскихъ товариществъ на полное, на вѣрѣ и акціонерное, соотвѣтствующее дѣленію французскимъ правомъ торговыхъ товариществъ, послужившихъ прототипами для конструкции договора товарищества, какъ было изъяснено выше.

Изъ указанныхъ формъ товарищескаго договора подробнѣе остановимся на полномъ товариществѣ, такъ какъ 2-я часть сего сообщенія имѣетъ своимъ предметомъ опредѣленіе свой-

ства договора полного товарищества. Что касается взгляда французскаго законодательства на этотъ предметъ, то отмѣтимъ, что Code de Commerce, въ виду статей Code Civil, считаетъ сей договоръ—договоромъ о личныхъ дѣйствіяхъ и потому со смертью одного изъ товарищей разрушается само товарищество. Правильность этого взгляда, по мнѣнію комментаторовъ Code civil, слѣдуетъ объяснить преобладаніемъ личнаго элемента въ дѣятельности товарищей, общеніе интересовъ коихъ основано на личномъ довѣріи другъ къ другу и личныхъ качествахъ, по свойству своему не передаваемыхъ въ порядкѣ наслѣдованія. Предпріятіе, въ которомъ воплотилась личная энергія товарищей, характеризуется не какъ universitas bonorum, а представляетъ собою ничто иное, какъ проявленіе личной дѣятельности товарищей, причемъ имущество ихъ служитъ какъ бы средствомъ къ тому, чтобы имѣть возможность дѣйствовать. Такого взгляда придерживается у насъ г. Гольмстенъ. Очевидно, что договоръ, предметомъ коего служатъ дѣйствія, связанныя тѣсно съ личностью, въ виду ст. 1122 Code Nap. принадлежитъ къ числу тѣхъ обязательствъ, которыя не могутъ быть передаваемы другимъ ни въ порядкѣ singularнаго, ни универсальнаго преемства. Вообще, по теоріи права, передаваемость обязательствъ составляетъ общее свойство всѣхъ договоровъ, ибо, въ силу основнаго правила, изображеннаго, какъ въ 1122 ст. Code civil, такъ и въ нашихъ 569 и 570 ст. X т. 1 ч., всякое лицо обязываетъ не только себя, но и своихъ наслѣдниковъ и правопреемниковъ. Исключенія изъ этого общаго положенія могутъ быть созданы или волей сторонъ, или санкціей закона, или, наконецъ, самимъ свойствомъ договора. Первые два исключенія должны быть expressim оговорены, послѣднее вытекаетъ изъ существа самого договора и потому не нуждается въ спеціальной оговоркѣ. Такъ напримѣръ, лицо, обучающее кого либо грамотѣ, со смертью того лица не обязанъ продолжать учить его наслѣдниковъ; обязательство это, если желаютъ распространить его на наслѣдниковъ контрагентовъ, должно быть оговорено. Напротивъ, если

таковая оговорка отсутствует, то договоръ въ данномъ случаѣ прекращается. Обратное явленіе мы встрѣчаемъ въ тѣхъ случаяхъ, когда исключенія изъ того общаго правила о передаваемости устанавливаются добровольнымъ соглашеніемъ сторонъ, гдѣ договоръ получаетъ личный характеръ въ силу выраженной воли сторонъ, желавшихъ ограничить дѣйствіе договора продолжительностью своей жизни, каковая воля должна получить свое внѣшнее выраженіе въ содержаніи самого договора; въ противномъ случаѣ, въ силу общаго правила о передаваемости обязательствъ, дѣйствіе договора переходитъ и на наслѣдниковъ. Въ виду того, что, съ одной стороны, опредѣленіе свойства договора представляетъ иногда нѣкоторыя затрудненія, а, съ другой, послѣдствія договора вещнаго характера нетождественны съ таковыми договора личнаго характера, въ смыслѣ преемства обязанностей по договору; само французское законодательство опредѣляетъ существо договора и указываетъ, прекращается ли договоръ со смертью одного изъ контрагентовъ, или оно переходитъ на его наслѣдниковъ. Такая предусмотрительность со стороны законодателя замѣчается въ отношеніи договора товарищества, гдѣ *expressim* выраженъ взглядъ законодателя на природу договора товарищества. Такое внимательное отношеніе законодателя заслуживаетъ полнѣйшаго сочувствія, ибо, на практикѣ, весьма трудно бываетъ рѣшить, къ какой категоріи договоровъ относится данное обязательство, тѣмъ болѣе, что, по справедливому замѣчанію сената, въ сущности предметомъ обязательствъ суть всегда дѣйствія и что одинъ и тотъ же договоръ можетъ быть заключаемъ и о имуществѣ и о дѣйствіяхъ лицъ. Трудность разрѣшенія этого вопроса по отношенію къ договору товарищества *Code civil* совершенно устраняется ст. 1865, которая между различными способами прекращенія онаго договора указываетъ и на смерть одного изъ товарищей. Что же мы находимъ по сему предмету въ нашемъ законодательствѣ? Содержится ли въ немъ статья, заключающая въ себѣ указанія на характеръ сего договора? Уже изложенное о товариществѣ по нашему закону

можетъ намъ подсказать, что напрасно мы бы стали искать соотвѣтствующей статьи, въ которой содержалось бы положеніе о способахъ прекращенія договора, ибо, какъ уже извѣстно, нашъ законъ не находитъ нужнымъ посвятить рядъ статей регулированію отношеній, возникающихъ изъ договора товарищества, отсылая всѣхъ къ общей части ученія объ обязательствахъ. Такимъ образомъ для уясненія свойства сего договора мы должны обратиться къ изученію общихъ положеній о договорахъ.

Между разнообразными статьями, регламентирующими отношенія гражданъ въ области обязательственного права насъ главнѣйше интересуютъ ст. 1528, 1543, 1544 и 1555 X т. 1 ч., изъ коихъ послѣднія 3 статьи подраздѣляютъ всю совокупность договоровъ съ точки зрѣнія ихъ послѣдствій, въ отношеніи преемства, на 2 категоріи, чѣмъ до нѣкоторой степени напоминаютъ намъ содержаніе ст. 1122 Code civil. Но нельзя не сознаться, что нашъ законъ полнѣе и яснѣе разграничиваетъ объ группы обязательствъ, нежели французское право, которое ст. 1123 устанавливая въ видѣ общаго положенія, согласно принципу римскихъ юристовъ: *Qui paciscitur, sibi haeredique suo pacisci intelligitur*, о передаваемости обязательствъ, оговаривается лишь слѣдующей фразой: *à moins que le contraire ne soit exprimé ou ne résulte de la nature de la convention*. Между тѣмъ ст. 1543 и 1544 *expressim* выражаютъ правило о передаваемости правъ, а именно: въ ст. 1543 содержится указаніе на тѣ договоры, которые могутъ переходить къ наследникамъ, т. е. договоры о имуществѣ, а въ ст. 1544 X т. 1 ч. упомянуты, въ видѣ исключенія, тѣ обязательства, которыя не обладаютъ указаннымъ свойствомъ. Такое подраздѣленіе договоровъ находитъ себѣ объясненіе въ содержаніи ст. 1528, въ силу коей предметомъ договора могутъ служить дѣйствія или имущество. Вліяніе ст. 1543 и 1544 отразилось на системѣ нашихъ законовъ, касающихся особенной части договоровъ, которая состоитъ изъ 2 раздѣловъ: 1-й раздѣлъ озаглавленъ: о обязательствахъ по договорамъ на имущества въ особенности и, слѣдовательно, всѣ договоры

этого раздѣла подчиняются ст. 1543, и 2-й раздѣлъ, начиная ст. 2201, имѣетъ заголовокъ: „о обязательствахъ личныхъ по договорамъ въ особенности“, т. е. въ отношеніи преемства договоры эти подпадаютъ подъ ст. 1544. Таковой группировкой договоровъ слѣдуетъ объяснить умолчаніе нашего закона о тѣхъ началахъ, которымъ подчиненъ тотъ или иной договоръ въ отношеніи преемства правъ и обязанностей, такъ какъ помѣщеніе обязательства въ одномъ раздѣлѣ, а не въ другомъ, указываетъ на юридическую природу сего договора съ точки зрѣнія нашего закона. Такъ, напримѣръ, договоръ найма имущества, содержащійся въ раздѣлѣ 1-мъ, по смыслу нашего закона, есть договоръ объ имуществѣ, и потому, какъ правильно разъяснено сенатомъ, онъ переходитъ и на наследниковъ. Поэтому нѣкоторымъ намекомъ на имущественный характеръ договора товарищества можетъ служить занимаемое имъ мѣсто въ системѣ нашихъ законовъ, включившихъ его въ раздѣлъ о договорахъ объ имуществѣ. Но мы не ограничимся одними только намеками и постараемся доказать его имущественный характеръ на основаніи иныхъ соображеній.

Выше было уже упомянуто, что предметомъ договора могутъ быть имущество или дѣйствія. Спрашивается, что служитъ предметомъ договора товарищества? Имущество или дѣйствія? Отвѣтъ на поставленный вопросъ мы находимъ въ ст. 2127, которая гласитъ, что предметомъ товарищества могутъ быть всякаго рода полезныя и общему благу непротивныя предпріятія по торговлѣ, по застрахованію, по перевозкамъ и вообще по какой бы то ни было промышленности. Такимъ образомъ весь центръ тяжести вопроса о свойствѣ договора товарищества лежитъ въ словѣ „предпріятіе“ и отъ правильнаго разрѣшенія юридической природы этого термина зависитъ постановка вопроса о характерѣ самого договора. Оставляя въ сторонѣ теоретическія разсужденія о томъ, есть ли предпріятіе, *universitas bonorum*, или нѣтъ, подойдемъ къ анализу этого понятія съ масштабомъ, какимъ его измѣряетъ нашъ законодатель. Опредѣленіе этого понятія представляется для

насъ тѣмъ важнѣе, что нашъ законъ отождествляетъ договоръ товарищества съ самимъ предпріятіемъ, употребляя часто вмѣсто „договоръ товарищества торговаго“—торговое предпріятіе (см. приложение къ 1238 ст. X т. 1 ч.).

Обращаясь къ тѣмъ положеніямъ нашего закона, которыя заключаютъ въ себѣ опредѣленіе юридической природы „предпріятія“, слѣдуетъ придти къ выводу о имущественномъ характерѣ его, что подтверждается взглядомъ нашего закона на существо договора о подрядахъ и расчлененіемъ двухъ почти однородныхъ договоровъ о личномъ наймѣ и подрядѣ.

По вопросу о разграниченіи предѣловъ мы находимъ разъясненія сената, заключающіяся въ томъ, что для опредѣленія юридической природы состоявшагося между договорившимися соглашенія слѣдуетъ обсудить, составляетъ ли содержание и предметъ договора по обширности, сложности, цѣнности и другимъ признакамъ, какое-либо предпріятіе или нѣтъ; въ первомъ случаѣ будетъ договоръ подряда и поставки, а въ послѣднемъ—личный наемъ. Опредѣленіе этого, продолжаетъ сенатъ, зависитъ отъ особливыхъ его обстоятельствъ, насколько они могутъ выясниться на судебномъ состязаніи и т. д. Нельзя не согласиться съ послѣднимъ мнѣніемъ сената о томъ, что вопросъ о дѣйствіяхъ контрагента, какъ о предпріятіи, есть *quaestio facti* и подлежитъ обсужденію въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, ибо съ понятіемъ о всякой дѣятельности лица соединяется и представленіе какъ о его личныхъ качествахъ и трудахъ, такъ и имущественномъ элементѣ. Если законодатель счелъ нужнымъ расчленивъ два однородныхъ договора лишь на томъ основаніи, что предметомъ одного изъ нихъ служить предпріятіе, тогда какъ въ остальномъ они по своей конструкции тождественны, то, въ виду ст. 1543 и 1544 X т. 1 ч., такое разграниченіе должно имѣть своимъ послѣдствіемъ признаніе нашимъ закономъ за предпріятіемъ значенія „*universitas bonorum*“, а вмѣстѣ съ тѣмъ и причисленіе договора товарищества къ разряду договоровъ имущественнаго характера. Хотя въ статьяхъ о подрядѣ и не изображено правило о преемственности правъ и обязанностей по сему

договору, но въ положеніи о казенныхъ подрядахъ, гдѣ, благодаря материнской заботливости законодателя объ интересахъ фиска, предусмотрѣны всѣ возможныя условія о заключеніи сего обязательства, мы находимъ ст. 194, которая гласитъ, что, въ случаѣ смерти частнаго лица, выполненіе договора переходитъ къ наслѣдникамъ. Равнымъ образомъ и при сингулярномъ преемствѣ, правопреемникъ отвѣчаетъ своимъ имуществомъ за неисправность въ выполненіи договора подряда, что явствуетъ изъ ст. 222 того же положенія, которая гласитъ, между прочимъ, слѣдующее: „и лицо, заключившее оный съ казной, не изымается отъ отвѣтственности“. Вышеупомянутое помѣщеніе 2-хъ однородныхъ договоровъ въ разныхъ раздѣлахъ не имѣетъ мѣста въ тѣхъ законодательствахъ, въ которыхъ отсутствуетъ система дѣленія договоровъ съ точки зрѣнія тѣхъ послѣдствій, которыя порождаютъ договоры въ отношеніи перехода правъ и обязанностей въ порядкѣ сингулярнаго и универсальнаго преемства. Такъ, напримѣръ, Code civil включаетъ въ одну рубрику „contrat de louage“. разные виды найма. Допуская переходъ правъ на предпріятіе въ порядкѣ универсальнаго преемства, нашъ законъ признаетъ за товарищами право и на передачу части своего имущества и сингулярнымъ путемъ, каковое право вытекаетъ изъ ст. 548 и 549 X т. 1 ч., изъ коихъ въ ст. 549 прямо оговорено, что участники или наслѣдники въ горныхъ заводахъ могутъ продать свое въ оныхъ участіе, съ соблюденіемъ правилъ, изложенныхъ въ уставѣ горномъ. Значеніе этихъ особыхъ правилъ заключается въ томъ, чтобы, въ виду той роли, какую заводы играютъ въ экономической жизни, по мѣрѣ возможности содѣйствовать развитію горнаго дѣла, чѣмъ объясняется и исключеніе изъ общаго порядка выдѣла частей товарищей, въ случаѣ ихъ несостоятельности (ст. 2137 X т. 1 ч.). Если ст. 548 допускается передача части того имущества, коимъ владѣетъ нѣсколько соучастниковъ на общемъ правѣ собственности, то, въ виду отсутствія общихъ правилъ о сингулярномъ преемствѣ частей складочнаго капитала, слѣдуетъ въ подобныхъ случаяхъ вос-

пользоваться указаніями, содержащимися въ общей части кодекса нашего, такъ какъ по нашему закону совладѣніе имуществомъ на общемъ правѣ собственности не составляетъ, какъ полагаетъ г. Цитовичъ статику въ области юридическихъ отношеній, а наоборотъ, кинематику, т. е. веденіе предпріятія допускается нашимъ закономъ не только въ формѣ товарищества, но и на началахъ общаго права собственности (см. выше).

Далѣе, въ подтвержденіе правильности нашей мысли о имущественномъ характерѣ договора товарищества ссылаемся на ст. 2136, X т. 1 ч., по скольку рѣчь идетъ о гражданскомъ товариществѣ, какъ равно и на 1 п. ст. 1949 торгов. устава (изд. 1857 г.), по отношенію къ торговому товариществу. Въ силу указанныхъ статей несостоятельность одного изъ товарищей не разрушаетъ товарищества вообще, договоръ продолжаетъ существовать между остальными товарищами, и, такимъ образомъ, выдѣлъ частей одного изъ товарищей, вышедшаго изъ ихъ состава, не оказываетъ никакого вліянія на существо самого договора, каковое указаніе обнаруживаетъ имущественный характеръ онаго договора; наоборотъ, по ст. 1865. Code civil, несостоятельность одного изъ товарищей влечетъ самое прекращеніе его. Намъ не понятно толкованіе ст. 2136, X т. 1 ч. Змирловымъ, полагающимъ, что въ упомянутой статьѣ рѣчь идетъ лишь о товариществѣ на вѣрѣ, а не о полномъ, тѣмъ болѣе, что 1-го рода товарищество подчиняется всѣмъ законоположеніямъ о полномъ товариществѣ въ отношеніи правъ и обязанностей товарища. Равнымъ образомъ отсутствіе постановленія въ нашемъ законодательствѣ о необходимости особаго условія на случай продолженія товарищества между остающимися въ живыхъ товарищами, каковое постановленіе мы находимъ въ западныхъ кодексахъ, отступившихъ отъ изображеннаго въ римскомъ правѣ положенія о разрушеніи *societas* въ случаѣ смерти одного изъ товарищей, отсутствіе такого правила, повторяемъ, доказываетъ, что нашъ законъ считаетъ договоръ товарищества—вещнымъ договоромъ, умолчавъ о вышеупомянутой ого-

ворѣ, какъ вытекающей само собой изъ существа договора. Нельзя не замѣтить, что, какъ справедливо указываетъ пр. Шершеневичъ, положеніе это заключаетъ въ себѣ внутреннее противорѣчіе, ибо, при наличности условія общаго соглашенія товарищей на продолженіе товарищества, мы имѣемъ дѣло съ обновленнымъ новымъ товариществомъ, а не съ прежнимъ, противорѣчіе это слѣдуетъ объяснить стремленіемъ западнаго права отрѣшиться отъ римскаго воззрѣнія на личный характеръ *societas*'а. Признавая вполнѣ правильнымъ указаніе его на это внутреннее противорѣчіе, съ другой стороны нельзя согласиться съ толкованіемъ его ст. 1554 X т. 1 ч. въ примѣненіи ея къ договору товарищества. Означенный ученый полагаетъ, что изображенное въ этой ст. положеніе не имѣетъ отношенія къ договору товарищества, ибо оно лишь разрѣшаетъ вопросъ о личномъ участіи наслѣдниковъ въ дѣлахъ предпріятія, а равно о невозможности передачи односторонней волей товарища своего права участія, выдѣляя такимъ образомъ вопросъ о сохраненіи силы договора по отношенію къ остальнымъ товарищамъ, между коими договоръ остается въ силѣ. Такое толкованіе мы находимъ совершенно неправильнымъ, ибо оно противорѣчитъ основному положенію о переходѣ правъ въ порядкѣ универсальнаго преемства и допущеніе подобнаго толкованія создало бы коллизію между универсальнымъ и сингулярнымъ преемствомъ правъ, что противорѣчило бы смыслу ст. 569 X т. 1 ч., разъясненной сенатомъ въ смыслѣ обязательности договора не только для договорившихся, но и для его наслѣдниковъ и правопреемниковъ. Неправильно толкуя ст. 1544 X т. г. Шершеневичъ допускаетъ разрушеніе договора въ томъ случаѣ, если умеръ соучастникъ, такого товарищества, которое состояло изъ 2 членовъ,—такъ какъ, по его мнѣнію, тогда не будетъ уже соединенія личныхъ силъ, необходимаго для понятія товарищества. Подобнаго взгляда придерживаются почти всѣ ученые: г.г. Мейеръ, Башиловъ, Змирловъ, и др. Несмотря на количественный перевѣсъ въ оцѣнкѣ правильности взгляда г. Шершеневича мы не раздѣляемъ

мнѣнія ихъ о разрушеніи товарищества, состоящаго изъ 2-хъ лицъ, по смерти одного изъ нихъ и, въ виду ст. 1543 X т. 1 ч., договоръ переходитъ къ наслѣдникамъ. Одинъ изъ приверженцевъ противоположнаго мнѣнія ссылается на 13 п. прил. къ ст. 1238 X т. 1 ч. въ подтвержденіе основательности своего взгляда на судьбу договора въ случаѣ смерти одного товарища. Но статья эта, равно какъ и всѣ послѣдующія статьи сего приложения, не имѣютъ никакого примѣненія къ разбираемому вопросу. Прежде всего неправильно толкованіе Змировымъ 13 ст., ибо, хотя въ этой статьѣ и находимъ выраженіе „въ случаѣ смерти товарища торговаго предпріятія, остающійся другой товарищъ“, что доказываетъ, будто бы законъ имѣетъ въ виду лишь двухчленное товарищество, но въ ст. 18 того же приложения мы уже встрѣчаемъ указанія закона на множественность товарищей, и, слѣдовательно, подобная ссылка неосновательна. Вообще слѣдуетъ отмѣтить, что толкованіе приложения къ 1238 ст. какъ теоретиками, такъ и сенатомъ представляется неправильнымъ. Проф. Шершеневичъ полагаетъ, что въ семъ приложеніи скрывается ключъ къ уразумѣнію юридической природы договора товарищества съ точки зрѣнія нашего закона. Но намъ кажется, что означенное приложеніе можетъ служить обоюдоострымъ орудіемъ въ рукахъ опытнаго комментатора; по меньшей мѣрѣ существованіе этого приложения дало поводъ г. Змирову заключить, что, на основаніи сего приложения, нашъ законъ допускаетъ разрушеніе товарищества въ случаѣ смерти одного товарища при наличности лишь двухъ членовъ; если же ихъ больше, то, по мнѣнію Змирова, товарищество не прекращается. Мы же, съ своей стороны замѣтимъ, что ст. 13—20 приложения къ 1238 ст., имѣютъ цѣлью предохранить предпріятіе отъ разстройства, которое неминуемо влечетъ за собою соблюденіе нормъ о особомъ порядкѣ наслѣдованія послѣ лица умершаго, производившаго торговлю. На основаніи 1 п. прилож. къ 1238 ст., по требованію кредиторовъ производится опись и опечатаніе имущества; слѣдовательно для опредѣленія частей умершаго това-

рища, необходимо вывести балансъ всего предпріятія, изъ коего можно будетъ видѣть, сколько причитается на долю умершаго товарища, что можетъ быть достигнуто временнымъ приостановленіемъ операцій. Что указанная въ ст. 14 сего приложения ликвидація имѣетъ именно такое назначеніе, а не служить преддверіемъ къ прекращенію договора товарищества, въ доказательство сего можетъ быть приведена ст. 18 того же приложения, изъ которой нельзя не заключить, что, со вступленіемъ наслѣдниковъ въ свои права, ликвидація не преграждаетъ возможности имъ продолжать предпріятіе, что противорѣчитъ основной идеѣ ея о безвозвратномъ разрушеніи предпріятія. Извѣстно, что ликвидація имѣетъ своимъ послѣдствіемъ прекращеніе предпріятія и разъ она открылась, то неминуемо влечетъ за собою разрушеніе, такъ что о приостановленіи дѣйствія ликвидаціи и о возрожденіи предпріятія не можетъ быть и рѣчи, между тѣмъ какъ въ ст. 18 приложения къ 1238 ст. изображенъ противоположный принципъ. Заботливость законодателя о предохраненіи предпріятія отъ разрушенія обнаруживается также изъ сопоставленія ст. 4 и 5 со ст. 16 приложения къ 1238 X т. 1 ч. По силѣ 4 и 5 ст. объявленіе умершаго несостоятельнымъ, зависить отъ усмотрѣнія самихъ кредиторовъ, между тѣмъ какъ по смыслу 16 ст., несостоятельность лица, состоявшаго товарищемъ, можетъ имѣть мѣсто лишь по освидѣтельствованіи торговаго предпріятія. Равнымъ образомъ ст. 17 приложения указываетъ на то назначеніе, какое имѣетъ ликвидація. Изъ этой статьи мы узнаемъ, что судъ, опредѣливъ, дабы торговое предпріятіе продолжало свои дѣйствія, кои заключаются въ ликвидаціи, дѣлаетъ вызовъ наслѣдниковъ, т. е. принимаетъ вторую охранительную мѣру согласно 1225, и 1239 ст. X т. 1 ч. Что же касается ссылки приверженцевъ противоположнаго мнѣнія на ст. 18 того же приложения, которая указываетъ на необязательность для наслѣдниковъ договора товарищества, то по поводу той статьи слѣдуетъ замѣтить, что она предусматриваетъ тѣ случаи, когда между товарищами и наслѣдниками возникаютъ споры, въ каковыхъ

обстоятельствахъ, по силѣ ст. 1066¹⁴, 1097, 1100 и 1209, а равно 2 п. 1238 ст., и въ виду аналогіи въ порядкѣ наслѣдованія какъ по смерти единственнаго хозяина, такъ и послѣ смерти одного товарища, при нѣсколькихъ товарищахъ—все предпріятіе долженствуетъ поступить въ опекунскаго управленія до судебного разрѣшенія, что за непримѣненіемъ, въ силу 20 ст. прил., заключительной части 2 п. 1238 ст. X т. повлекло бы за собою разстройство товарищества, въ предупрежденіе каковыхъ послѣдствій законъ и предписываетъ продолжать ликвидацію, какъ единственно цѣлесообразную *мѣру* ¹⁾). Такимъ образомъ мы должны придти къ заключенію о томъ, что прилож. къ 1238 ст. отнюдь не уясняетъ намъ юридической природы договора товарищества. Между тѣмъ какъ сенатъ основываетъ свое заключеніе о характерѣ этого договора на приложеніи онаго и ст. 758 и 759 уст. торг. (изд. 1857 г.), разъяснивъ, что, по смыслу этихъ законовъ, договоръ товарищества за смертью одного изъ товарищей, не назначившаго себѣ преемника, утрачиваетъ свое дальнѣйшее дѣйствіе, сужденіе это неправильно, ибо, съ одной стороны, ссылка на приложеніе къ 1238 ст., какъ выше было изъяснено, неосновательна, а, съ другой, ст. 758 и 759 не имѣютъ того значенія, какое приписываетъ имъ сенатъ, что явствуетъ какъ изъ смысла самой статьи, гдѣ слова „выщаго предохраненія“ показываютъ болѣшую гарантію противъ разстройства, нежели инныя охранительныя мѣры, изложенныя въ приложеніи, а равно изъ обсужденія источника этихъ статей, составившихъ ст. 9 и 10 закона 1835 года. Поэтому сенатъ долженъ былъ отмѣнить рѣшеніе коммерческаго суда (по дѣлу „бр. Дитрихсъ“) отъ 5 октября 1895 г. признавшей, что одинъ фактъ выдачи обязательствъ не устанавливаетъ для наслѣдниковъ умершаго товарища отвѣтственности, ибо таковая, въ

¹⁾ Правильность нашего толкованія 18 ст. подтверждается послѣдней половиной ея, которая начинается словами „впрочемъ“,—указывающими на связь ея съ 1-ой половиною.

силу 1543 и 1259 ст. X т. 1 ч., существуетъ для послѣднихъ. Несостоятельность этого рѣшенія въ связи съ изложенными соображеніями приводятъ насъ къ выводу о имущественномъ характерѣ договора полного товарищества. Въ заключеніе слѣдуетъ подтвердить взглядъ на имущественный характеръ договора товарищества ссылкой на ст. 2295—2332 уст. горнаго (1857 г.) и 2243, и въ особенности на 2 примѣчаніе къ послѣдней статьѣ. Изъ этихъ статей нельзя не сдѣлать вывода о томъ, что нашъ законъ, въ попеченіяхъ своихъ о развитіи горнаго дѣла, счелъ нужнымъ даже выработать особую форму объявленія для владѣльцевъ, содержащихъ въ Сибири золотые прииски при переходѣ ихъ отъ одного лица къ другому, по наслѣдству или по другимъ случаямъ, чѣмъ какъ бы законъ санкціонируетъ преемство правъ по договору товарищества.

Еф. Ризлинъ.

УГОЛОВНАЯ АНТРОПОЛОГІЯ НА ЖЕНЕВСКОМЪ МЕЖДУ- НАРОДНОМЪ КОНГРЕССѢ.

I.

Прежде чѣмъ говорить о происходившемъ на международномъ уголовно-антропологическомъ конгрессѣ, собравшемся въ августѣ 1896 года въ Женевѣ, не бесполезно, кажется, дать нѣкоторое объясненіе относительно того, что слѣдуетъ разумѣть подъ „уголовною антропологіею“ и что это за „наука“ съ ея нѣсколько своеобразнымъ названіемъ, во имя которой собрался уже въ четвертый разъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ съѣздъ врачей, психіатровъ, юристовъ, тюремвѣдovъ, профессоровъ разныхъ специальностей, естественно-научныхъ и юридическихъ, а также другихъ дѣятелей, въ томъ числѣ даже полицейскихъ, обсуждавшихъ не только горячо, но даже съ нѣкоторою страстностью поставленные на очередь вопросы. Дѣйствительно, извѣстная доля страстности, происходящая отъ рѣзкой противоположности мнѣній, составляетъ до сихъ поръ какъ бы особенность конгрессовъ по части уголовной антропологіи и отличаетъ ихъ отъ другихъ такихъ же ученыхъ или, точнѣе, полу-или на четверть ученыхъ собраний.

Выясненіе, хотя до извѣстной степени, современнаго значенія уголовной антропологіи съ нѣкоторою историческою справкою о ней тѣмъ, мнѣ думается, уместнѣе, что съ этою наукою (если только можно дать названіе науки тому агломерату

самыхъ разнообразныхъ изслѣдованій, которыя кой-какъ сшиваются вмѣстѣ подѣ предлогомъ того, что они будто-бы всѣ вмѣстѣ преслѣдуютъ одну цѣль—„борьбу съ преступленіемъ“) — съ этою „уголовною антропологіею“ связывается все еще имя ея основателя, столь извѣстнаго профессора судебной медицины при туринскомъ университетѣ Цезаря Ломброзо. А кто упоминаетъ о Ломброзо или о „ломбровизмѣ“ („Lombrosionismus“) тотъ непременно вызываетъ въ слушателяхъ, не прошедшихъ чрезъ весь лабиринтъ его теорій, но узнавшихъ кой-что о немъ, представленія или о новаторѣ, отрицающемъ вмѣняемость и отвѣтственность предъ уголовнымъ закономъ, признающемъ всѣхъ преступниковъ людьми психически больными и стремящемся засадить въ домъ умалишенныхъ всякаго, кто только имѣлъ несчастіе столкнуться съ уголовною юстиціею, или о такомъ лицѣ, которое положило начало высокогуманному движенію, направленному противъ черствости „классическихъ“ юристовъ, — о лицѣ, открывшемъ, при свѣтѣ естественныхъ наукъ, человѣка въ преступникѣ и требующемъ соотвѣтственнаго съ нимъ обращенія.

Въ этихъ мнѣніяхъ есть и доля правды и много преувеличенія. Ломброзо, какъ и всякому другому ученому или общественному дѣятелю, должно быть воздано по заслугамъ, а для этого нужно прежде всего установить съ нѣкоторою ясностью, какое отношеніе имѣютъ и онъ самъ, и его наука, и его школа къ поступательному движенію нашихъ знаній вообще.

Мысль о раскрытіи связи между уродливостями человѣческаго тѣла и извращеніями психической сферы, выражающимися или въ состояніи умопомѣшательства или въ дѣйствіяхъ, называемыхъ преступленіями, — такая мысль вовсе не новая. Съ давнихъ временъ были производимы изслѣдованія и наблюденія надъ тѣлеснымъ строеніемъ, анатомическимъ и фізіологическимъ, и надъ психическими особенностями, какъ помѣшанныхъ, такъ и преступниковъ. Не заходя далеко въ глубь временъ, достаточно вспомнить о трудахъ, предпринятыхъ

съ сороковыхъ годовъ текущаго столѣтія англійскими и французскими учеными (Клапгамъ и Кларкъ, Винслоу, Маудслей, Томсонъ, Ловернь, Деппинъ, Морель и др.). Въ трудахъ ихъ изложены наблюденія надъ формою и вмѣстимостью череповъ помѣшанныхъ и преступниковъ, надъ вѣсомъ тѣла и ростомъ ихъ, надъ всякими физическими и психическими особенностями, а сочиненіе французскаго врача Мореля ¹⁾ считается классическимъ по части разработки вопроса о такъ называемомъ вырожденіи, заключающемся въ постепенномъ, наследственномъ органическомъ истощеніи, въ атрофіи и приостановкѣ развитія отдѣльныхъ органовъ, въ появленіи тѣхъ уродливостей, которымъ присвоивается названіе анатомио-физиологическихъ стигматовъ.

Но независимо отъ означенныхъ изслѣдованій, разрозненныхъ и не пронизанныхъ единствомъ мысли, необходимо взглянуть нѣсколько далѣе назадъ, чтобы установить генеалогію уголовной антропологіи. Сдѣлавъ это, нельзя не признать, что настоящею прародительницею ея была все таки френологія, надѣлавшая столько шума около ста лѣтъ тому назадъ.

Подобно современнымъ послѣдователямъ уголовной антропологіи, докторъ Францъ Іосифъ Галль (1758—1828), нѣмецъ по происхожденію, училъ, что преступная дѣятельность человѣка находится въ непосредственной причинной связи со строеніемъ его черепа и мозга. По мнѣнію Галля, можно даже найти въ мозгу мѣста откуда исходятъ побужденія въ убійству, къ кражамъ и къ другимъ какъ порочнымъ, такъ и добродѣтельнымъ поступкамъ ²⁾. Названный ученый, также весьма сходно съ теперешними послѣдователями уголовной антропологіи, ощупывая въ тюрьмахъ черепа арестантовъ и заключая по черепу о строеніи мозга, старался опредѣлить, какое именно преступленіе совершилъ арестантъ. Изслѣдовались имъ, сверхъ того, и черепа ученыхъ, художниковъ

¹⁾ Morel. Traité des dégénérescences. 1857.

²⁾ F. J. Gall. Sur l'origine des qualités morales et des fonctions intellectuelles et sur la pluralité des organes cérébraux. Paris, 1822.

и разныхъ выдающихся людей, а съ другой стороны и черепа животныхъ. Была составлена полная черепо-мозговая карта психическихъ способностей. Методъ былъ, очевидно, ошибочный, такъ какъ форма черепа и особенности его не даютъ основанія въ точнымъ выводамъ о строеніи и функціяхъ того органа, которому онъ служитъ виѣшною оболочкой.

Тѣмъ не менѣе ученіе френологовъ увлекало въ продолженіи нѣсколькихъ десятилѣтій значительное число послѣдователей въ Германіи, Франціи и Англіи и вызвало множество работъ по части анатоміи и фізіологіи черепа и мозга. Опровергнутое въ основныхъ положеніяхъ своихъ, оно послужило однако исходною точкою для крупнаго научнаго движенія, подобно тому, какъ это случилось въ новѣйшее время съ уголовною антропологіею, и оно оставило, какъ бы въ видѣ наслѣдія, мысль, что генезисъ помѣшательства и преступности слѣдуетъ искать прежде всего въ уродливостяхъ человѣческаго черепа и мозга ¹⁾.

Мысль эту особенно обстоятельно разрабатывалъ врачъ и фізіологъ Карлъ Густавъ Карусъ (1789—1869), нашедшій, между прочимъ, что преступники отличаются обыкновенно особою формою головы: значительный объемъ средней полосы черепа при узкомъ лбѣ и недостаточно развитой затылочной части. Такіе люди, по мнѣнію Каруса, склонные только къ растительной жизни и въ удовлетворенію животныхъ потребностей своихъ, при слабомъ разсудкѣ и отсутствіи воли, неудержимо впадаютъ въ преступленіе при малѣйшемъ побужденіи ²⁾.

Нельзя не узнать въ этомъ наброскѣ будущаго „приро-

¹⁾ Интересно, что Наполеонъ I слѣдилъ по отношенію къ френологамъ возраженіе совершенно сходное съ тѣмъ, которое высказывается теперь по адресу уголовной антропологіи. „Галль“, сказалъ императоръ „приписываетъ дѣйствию природы зарожденіе наклонностей и преступныхъ побужденій, зависящихъ отъ условностей, созданныхъ обществомъ. Чтобы сталося съ органомъ воровства, если бы собственность была упразднена, съ органомъ нетрезвости, если бы перестали производить спиртные напитки“?... (Baer, der Verbrecher s. 16).

²⁾ C. G. Carus. Grundzüge einer neuen und wissenschaftlich begründeten Kranioscopie (Schädellehre) Stuttgart. 1841.

жденнаго преступника“ въ зачаточномъ видѣ, о существованіи котораго суждено было возвѣстать міру великому Ломброзо въ его приобрѣвшемъ громкую извѣстность сочиненіи о „преступномъ человѣкѣ“ какъ антропологическомъ типѣ (*L'uomo delinquente in rapporto all'antropologia, giurisprudenza ed alle discipline carcerie*).

Зачатки преступности Ломброзо открылъ, какъ извѣстно, не только у животныхъ, но даже у растений. Наклонность къ совершенію „преступленій“ перешла, по его словамъ, отъ дикарей къ людямъ, живущимъ въ цивилизованныхъ обществахъ, среди котораго она обнаруживается въ видѣ какого-то атавистическаго явленія, воспроизводящаго черты характера давно исчезнувшихъ предковъ, человѣческихъ и животныхъ. Одна изъ разновидностей современнаго человѣка (*homo sapiens*) есть „преступный человѣкъ“ (*homo delinquens* или, по итальянски, *uomo delinquente*), который отличается столь рѣзкими анатомо-физиологическими примѣтами, что весьма легко отличить его отъ прочихъ людей. Эти примѣты, эти „стигматы“ составляютъ какъ бы печать, наложенную природою на извѣстныхъ людей и которая указываетъ, что такіе люди „прирожденные преступники“ (*criminels-nés*). Судя по послѣдующимъ изданіямъ главнаго сочиненія Ломброзо, видно, что взгляды его самого на этого природнаго преступника мѣнялись. Сперва это былъ какой-то непонятнымъ образомъ заблудившійся среди современной цивилизаціи первобытный человѣкъ, представитель до-исторической эпохи. Потомъ онъ превратился въ патологическаго субъекта, въ вырождающагося, пораженнаго прогрессивнымъ органическимъ и функціональнымъ истощеніемъ, и, наконецъ,—въ „нравственно помѣшаннаго“, въ эпилептика, страдающаго навязчивыми преступными идеями. Здѣсь все спутано: и воображаемый типъ людей каменнаго и бронзоваго періода, оставившихъ по себѣ на земномъ шарѣ одинъ слѣдъ — нѣсколько костей, и явленіе атавизма, и вырожденіе, и эпилепсія, и сомнительное состояніе нравственнаго помѣшательства, самое существованіе котораго подлежитъ серьезному сомнѣ-

нію. Эти выводы были основаны на огромномъ числѣ разнообразнѣйшихъ наблюдений, измѣреній и вычислений. Во что бы то ни стало нужно было найти тѣ пресловутые анатомо-фізіологическіе стигматы, которыми порода „прирожденныхъ преступниковъ“ отличается будто-бы отъ прочихъ человѣческихъ породъ. Однако приложенный трудъ оказался, по видимому, не успѣшнымъ, такъ какъ въ концѣ концовъ обнаружилось, что то что выдавалось за „стигматы“ находится приблизительно въ равномъ числѣ у преступниковъ и не преступниковъ, и ни какого „преступнаго типа“ со специфическими чертами Ломброзо не удалось установить, по общему отзыву специалистовъ.

Извѣстный антропологъ Топпинаръ объявилъ, что, несмотря на сходство внѣшнихъ признаковъ при изслѣдованіяхъ, ничего нѣтъ антропологическаго въ трудахъ Ломброзо, такъ какъ если среди преступниковъ и встрѣчается значительное число субъектовъ съ недоразвитыми черепами или другими физическими пороками, то все это касается патологии, а не антропологии.

Тѣмъ не менѣе „наука“, основанная Ломброзо, получила названіе „уголовной антропологии“ и до настоящаго времени продолжаетъ благополучно пользоваться этимъ, быть можетъ, эффектнымъ, но едва-ли вполне точнымъ, вполне соответственнымъ наименованіемъ.

Послѣ прирощеннаго преступника Ломброзо открылъ преступника случайнаго, страстнаго и, наконецъ, скрытаго, т. е. такого, который, будучи заштемпелеванъ природою, однако временно, вслѣдствіе благопріятнаго для него стеченія обстоятельствъ, пребываетъ на пути формальной добродѣтели. Этими подраздѣленіями туринскій профессоръ положилъ основаніе „классификаціи“ преступниковъ по психическимъ ихъ свойствамъ,—классификаціи, разработанной впоследствии подробно его ближайшими послѣдователями, которые указываютъ на нее, какъ на грандіозную мысль, потому что ея предстоитъ будто-бы произвести коренной переворотъ въ отношеніяхъ нашихъ къ преступному міру. Впредь, какъ

говорятъ, мы будемъ различать, а главное наказывать преступниковъ не сообразно ихъ дѣйствіямъ, не по тяжести преступленій, ими совершенныхъ, но согласно нашимъ догадкамъ (такъ какъ въ душу же не влезешь) о ихъ психологическихъ особенностяхъ, по которымъ будемъ относить ихъ къ тому или другому нами напередъ сочиненному типу. Напр. человѣкъ убилъ другого. Но мы видимъ, что убійца милѣйшая, увлекающаяся личность. Поэтому мы, послѣ краткаго внушенія ему о томъ, чтобы онъ впредь былъ осторожнѣе, отпустимъ его на всѣ четыре стороны. Другой человѣкъ только укралъ носовой платокъ. Однако оказывается, что это субъектъ въ высшей степени подозрительный: наслѣдственные antecedentes его отчаянные; анормальное строеніе черепа, развитіе нижней челюсти, косоглазіе и пр. — все говоритъ противъ него. Въ виду этого, мы его запрячемъ на неопредѣленное время въ тюрьму или, если это не въ первый разъ съ нимъ случается, то отправимъ его за моря, чтобы навсегда отъ него освободиться.

Въ послѣднемъ большомъ сочиненіи своемъ о преступной женщинѣ и о проституткѣ, появившемся на италіанскомъ языкѣ въ 1892, а во французскомъ переводѣ въ 1896 г. (*La femme criminelle et la prostituée*) Ломброзо говоритъ о другомъ открытіи, имъ сдѣланномъ ¹⁾. Онъ устанавливаетъ существованіе „прирожденной проститутки“, намѣченной природою для этого рода занятій.

Женщина, по мнѣнію Ломброзо, недоразвившійся мужчина. Она совершаетъ гораздо меньшее число преступленій, но за то преступность среди мужчинъ замѣняется проституціею среди женщинъ. Прирожденных проститутокъ можно узнать приблизительно по тѣмъ же анатомо-физиологическимъ примѣтамъ, какъ и прирожденных преступниковъ.

Приведу нижеслѣдующее характерное мѣсто изъ одной

¹⁾ Упомянутое сочиненіе написано при сотрудничествѣ Ж. Ферреро и при содѣйствіи русской дамы, доктора медицины П. Н. Тарновской, доставившей Ломброзо много работъ своихъ надъ русскими преступницами и проститутками съ портретами нѣкоторыхъ изъ нихъ.

ж. юрид. общ. кн. II 1897 г.

главы означеннаго сочиненія, гдѣ Ломброзо сводитъ свои наблюденія.

„Психологическое тождество“—пишетъ онъ—„между преступникомъ и прирожденною проституткою не можетъ не быть признаваемо отнынѣ. И преступникъ и проститутка равняются нравственно-помѣшанному (?!), а потому, согласно математической формулѣ, они равны между собою. То же отсутствіе нравственнаго чувства, та же черствость сердца у обоихъ; то же раннее влеченіе ко злу; то же равнодушіе къ общественному позору, въ силу чего преступникъ переноситъ (?!) положеніе каторжника, а женщина положеніе падшей; та же непредусмотрительность, подвижность и склонность къ праздности; то же пристрастіе къ легкимъ удовольствіямъ, къ оргіямъ и къ вѣрнымъ напиткамъ; то же или почти то же тщеславіе. Проституція ничто иное, какъ женскій видъ преступности.

„Вѣрность положенія, что проституція и преступность два аналогичныхъ явленія подтверждается тѣмъ, что они даже сливаются иногда между собою. Такъ среди проституціи можно встрѣтить нерѣдко смягченныя формы преступности: кража, вымогательство, нанесеніе легкихъ ранъ. Слѣдовательно, проститутка психологически—преступница. Если она не совершаетъ преступленій, то только потому, что препятствіемъ служить ей физическая слабость, ея ограниченный разумъ, наконецъ, возможность пріобрѣсти все, что она желаетъ, другимъ болѣе легкимъ путемъ, что соотвѣтствуетъ закону меньшаго усилія“.

„....Будучи схожими съ мужчинами - преступниками, женщины идутъ съ ними по одному пути, насколько допускаютъ силы ихъ, но, по достиженіи извѣстной точки, вырожденіе въ нихъ устремляется въ другое направленіе и принимаетъ специфическую форму проституціи. Мы знали, на примѣръ, молодую дѣвушку, воровку въ дѣтствѣ, которая, выросши и придавшись проституціи, перестала красть. Что такія женщины не совершаютъ преступленій и приносятъ менѣе вреда,—что даже ихъ особая форма преступности, проституція, въ извѣстномъ смыслѣ полезна обществу, служа спасательнымъ клапаномъ для мужскихъ половыхъ влеченій и тѣмъ предупреждая иныя преступленія,—ничего не измѣняетъ. Преступникъ можетъ преобразиться на мгновеніе въ героя, но тѣмъ

не менѣе онъ остается преступникомъ, хотя бы случайно и принесъ пользу ¹⁾“....

Возражать на подобныя мысли нѣтъ, кажется, надобности. Достаточно привести такую цитату изъ подлинника.

Что касается до геніальности, то она, по словамъ Ломброзо, рѣже встрѣчается у женщинъ, чѣмъ у мужчинъ, въ особенности по отношенію къ творческой способности. Между прочимъ, несмотря на то, что огромное число женщинъ занимается стряпнею, тѣмъ не менѣе всѣ великіе повара, „всѣ мастера этого искусства“ были мужчинами. Перечисляя геніальныхъ женщинъ всѣхъ временъ и народовъ, приводя притомъ очень ограниченное число именъ, Ломброзо не забываетъ упомянуть о П. Н. Тарновской, какъ проявившей, по его словамъ, геніальность въ наукѣ. Екатерина II дала, какъ онъ говоритъ, могучій толчокъ сравнительной филологіи, покровительствуя Гриммамъ, а П. Н. Тарновская раскрыла предъ Россіею уголовную антропологию ²⁾.

Независимо отъ тѣхъ возраженій и отрицательныхъ отзывовъ, которые раздались со стороны многочисленныхъ антропологовъ, фізіологовъ, анатомовъ и другихъ ученыхъ относительно техники Ломброзо, его опытовъ, его измѣреній, его вычисленій, его таблицъ, его терминологіи и прочаго, нельзя не сказать, что основные его выводы зиждутся на шаткой мыслительной почвѣ, такъ какъ онъ допускаетъ смѣшеніе явленій біологическихъ съ явленіями юридическими и соціологическими и устанавливаетъ такую связь между ними, какую они, по самой природѣ своей, имѣть не могутъ.

Позволю себѣ повторить нѣсколько соображеній, высказанныхъ мною о томъ же предметѣ въ другомъ мѣстѣ.

„Строеніе нашего тѣла и всѣхъ психофизическихъ органовъ его не предопредѣляетъ того значенія, которое дѣйствія, нами

¹⁾ Lombroso. La donna delinquente etc. p. 571—578.

²⁾ Здѣсь Ломброзо впадаетъ, кажется, въ забавную ошибку. Онъ смѣшиваетъ французскаго писателя, критика Фридриха Гримма (1723—1807), котораго Екатерина произвела въ статскіе совѣтники, съ братьями Гриммами, филологами, изъ которыхъ особенно знаменитъ Яковъ и которые дѣйствовали послѣ смерти Екатерины.

совершаемыя при посредствѣ органовъ нашихъ, могутъ имѣть съ точки зрѣнія юридической. Убиваю ли я непріятеля на войнѣ или беззащитнаго прохожаго, или женщину, нарушившую объѣтъ вѣрности, во всѣхъ этихъ случаяхъ анатомическое строеніе органовъ, посредствомъ которыхъ я исполняю упомянутое дѣйствіе, остается однимъ и тѣмъ же. Но различны внѣшнія вліянія, воздѣйствовавшія на мой волевой механизмъ въ данной средѣ и при данныхъ обстоятельствахъ, и различенъ характеръ этихъ дѣйствій съ общественной точки зрѣнія. Преступленіе, т. е. нарушеніе законовъ установленныхъ въ человѣческихъ обществахъ, есть явленіе юридическое, въ болѣе обширномъ смыслѣ—соціологическое, но не физиологическое. Предрѣшать, на основаніи какихъ либо анатомо-физиологическихъ примѣтъ, наступленіе тѣхъ или другихъ юридическихъ явленій почти также неосновательно, какъ предсказывать наступленіе тѣхъ или другихъ историческихъ событій по положенію небесныхъ свѣтилъ.

Психофизиологія раскрываетъ присутствіе въ человѣкѣ извѣстныхъ побужденій, наклонностей, предрасположеній, обусловленныхъ строеніемъ его органовъ и средою, въ которой онъ живетъ. Но упомянутой наукѣ не свойственно предрѣшать юридическій характеръ дѣйствій, совершенныхъ подъ вліяніемъ этихъ побужденій. Возникающіе въ насъ стимулы къ дѣйствію могутъ повести къ самымъ разнообразнымъ послѣдствіямъ при безконечно измѣняющихся условіяхъ среды физической, какъ то: климата, почвы, времени года и пр. и общественной, съ ея нравами, обычаями, институтами и законами. Извѣстное анатомическое строеніе человѣка и извѣстное состояніе психофизическихъ органовъ его даетъ основаніе къ заключенію, что въ человѣкѣ должна проявиться съ особенною силою потребность къ удовлетворенію соотвѣствующихъ побужденій, напр. къ усиленной физической дѣятельности (при хорошо развитой мускулатурѣ), къ лѣни (при дряблости всего организма), къ обильному воспріятію пищи (при хорошемъ сложеніи жевательныхъ и пищеварительныхъ органовъ). Состояніе упомянутыхъ органовъ можетъ также убѣждать, что извѣстный человѣкъ не приспособленъ къ данной средѣ..... Но изъ всѣхъ упомянутыхъ признаковъ никакъ нельзя вывести, что человѣкъ, не смотря на всякія условія воспитанія и обстановки, непременно совершить такіе поступки, которые въ человѣческомъ обществѣ даннаго времени называются преступленіемъ. Понятіе о преступленіи

есть нѣчто условное, зависящее отъ нравовъ, убѣжденій и законовъ даннаго общества..... Слѣдовательно, вопросъ о томъ, попаду ли я въ мѣсто заточенія, вслѣдствіе проявленія коренныхъ свойствъ моей психофизической организаціи, или же я украшусь знаками отличія и наполню карманы свои всякимъ добромъ, не столько зависитъ отъ того какъ у меня устроенъ черепъ, насколько онъ вмѣстителенъ, насколько выдалась впередъ моя нижняя челюсть, какую форму имѣютъ мои уши, какъ устроены мои скуловые дуги, какъ реагируетъ моя сосудо-двигательная система, имѣются ли на моемъ тѣлѣ татуировки, сколько отъ того, въ какомъ вѣкѣ и среди какихъ общественныхъ условій я живу ¹⁾.....

Несообразность сближеній, дѣлаемыхъ Ломброзо между совершенно разнородными явленіями, раскрывается съ особенною очевидностью, когда мы вдумываемся въ то, что слѣдуетъ разумѣть подъ словами „преступленіе“ и „преступникъ“.

Существуютъ ходячія, банальныя представленія, что преступникъ—непремѣнно злодѣй, одержимый звѣрскими наклонностями, или негодай, не признающій ничего святаго, или помѣшанный, или идіотъ, или вырождающійся, или недоразвившійся и т. п. И такія мысли проникаютъ въ ученые трактаты и, въ сущности, лежатъ въ основаніи всѣхъ построеній Ломброзо и его послѣдователей. Между тѣмъ, они рѣшительно не согласуются съ дѣйствительностью. Тотъ кто имѣлъ случай видѣть въ своей жизни значительное число людей, считающихся официально преступниками, едва ли станетъ отрицать, что *преступники такіе же люди, какъ и всѣ остальные, ни въ чемъ отъ прочихъ людей не отличающіеся*, и что, болѣею частью, только внѣшнія обстоятельства были причиною тому, что имъ пришлось попасть въ ряды преступниковъ. То же относительно проститутокъ, если только есть основаніе ставить на одну доску съ преступленіемъ то явленіе, которое носитъ названіе „проституціи“.

Изъ этого не слѣдуетъ выводить однако, что во всемъ „общество виновато“, а потому слѣдуетъ приступить къ радикальному

¹⁾ За к р е в с к і й. Объ ученіяхъ уголовно-антропологической школы. Харьковъ. 1893, стр. 38—41.

міроулучшенію. При общественномъ союзѣ, должно непременно оказатися извѣстное, болѣе или менѣе значительное, число членовъ, нарушающихъ общія, для всѣхъ обязательныя, но не на всѣхъ одинаково отражающіяся, правила его. И, зная человѣческую природу, можно утверждать, что и впредь такъ будетъ, какія бы ни послѣдовали реформы.

Подчиняться законамъ, не ослушиваться начальства, не предаваться открыто „проституціи“ легко и удобно тѣмъ, кому хорошо живется и жаловаться не на что. Имѣются, конечно, законренѣлые, упорные преступники. Но значительное большинство нарушителей законовъ становятся таковыми или потому что они, хотя и обладаютъ средне-нормальнымъ организмомъ и нисколько не хуже другихъ людей, но тѣмъ не менѣе не въ состояніи, въ виду жизненныхъ условій своихъ, противостоятъ искушеніямъ, которымъ извнѣ подвергаются, или потому что они отличаются особенною нервною раздражительностью, особенною возбудимостью, вслѣдствіе чего импульсы одерживаютъ верхъ надъ разсудочною способностью. Разумѣется, такая раздражительность зависитъ нерѣдко отъ органическихъ пороковъ, происхожденіе которыхъ приходится искать и въ наслѣдственныхъ вліяніяхъ. Раздражительность эта порождаетъ не только преступныя, но и честныя и такъ называемыя альтруистическія порывы, а отсюда вытекають иногда поступки, которые въ данное время и въ данномъ мѣстѣ опять подпадаютъ подъ понятіе о преступленіи, въ силу дѣйствующихъ законовъ. Вѣдь только законы, изданные государствомъ, и судьи, имъ назначенные, устанавливають точное различіе между преступными и не преступными дѣяніями. Они опредѣляютъ признаки преступности въ тѣхъ общихъ формулахъ, которые не всегда вяжутся съ жизненными явленіями, при ихъ безконечномъ разнообразіи. Слѣдовательно, какъ сказалъ Биндингъ, „государство—настоящій производитель преступленія“ (der eigentliche Erzeuger des Verbrechens). А такъ какъ государство, какъ иногда случалось, объявляло преступными нѣкоторыя общепользныя дѣянія, а судьи осуждали благородныхъ и нравственныхъ людей, то безразсудство и безнравственность ни-

какъ не могутъ быть признаваемы отличительными чертами формальной преступности.

Тонкому плуту и расчетливому мошеннику всегда легче не нарушать законовъ и удовлетворять своимъ хищнымъ наклонностямъ дозволенными способами, въ установленномъ порядкѣ, чѣмъ человѣку увлекающемуся никогда не переступать, несмотря ни на какія личныя или общественныя побужденія, предѣловъ легальности.

Изъ изложенныхъ соображеній вытекаетъ, что „точная“ будто бы наука, представителемъ которой является Ломброзо и его послѣдователи, едва-ли оказывается совершенно точною въ основныхъ логическихъ положеніяхъ своихъ.

Считаю не лишнимъ привести слѣдующіе отзывы о Ломброзо, въ которыхъ выражаются характерныя мнѣнія о результатахъ его научной дѣятельности.

Вирховъ недавно сказалъ слѣдующее на съѣздѣ нѣмецкихъ антропологовъ, происходившемъ въ городѣ Шпейерѣ въ августѣ 1896 года¹⁾:

„По его (Ломброзо) словамъ, 40% изъ числа преступниковъ, предназначены природою для совершенія преступленій, какъ тигръ для проглатыванія пищи, а волкъ для растерзанія добычи своей. Ломброзо крайне поспѣшенъ въ своихъ выводахъ, что объясняется отчасти его южнымъ происхожденіемъ. Вопросъ однако не разрѣшается изслѣдованіемъ однихъ изловленныхъ преступниковъ. Ломброзо имѣетъ большое сходство съ Галлемъ, однако съ тою разницею, что онъ занимается одними аномаліями. Его постигнетъ та же судьба, какъ Галля. Пройдетъ нѣсколько лѣтъ и никто болѣе не станетъ заботиться о его выводахъ. Его методъ зиждется на игрѣ случая; его основанія ошибочны и недостаточны; его построенія легкомысленны. Ученіе его, на которое иные смотрятъ, какъ на глубочайшую мудрость, въ сущности чистѣйшая карриатура. Имъ (Вирховымъ) овладѣваетъ чувство стыда, когда онъ видитъ, что многіе солидные люди увлекаются подобнымъ теченіемъ“....

¹⁾ Ausburger Abendzeitung, 8 august 1896 г. № 218.

Зато извѣстный криминалистъ Францъ фонъ-Листъ написалъ о Ломброзо слѣдующее ¹⁾:

„Заслуга Ломброзо заключается въ томъ, что онъ заинтересовалъ юристовъ и образованныхъ людей всѣхъ сословій своими изслѣдованіями и вынудилъ науку уголовного права обратить вниманіе на вопросы уголовной антропологии. Что наказывается человѣкъ, а не отвлеченное понятіе этому насъ не италіянцы впервые научили (доказательствомъ чему служить вся наша старѣйшая литература по уголовному праву, начиная съ половины прошлаго столѣтія). Но они намъ объ этомъ напомнили въ то время какъ мы, изучая Канта и Гегеля, Фихте и Герберта, Шопенгауера и Гартмана, начинали забывать объ одномъ изъ коренныхъ положеній уголовной науки. Италіянцы разсѣяли нашъ метафизическій сонъ и встряхнули насъ, околѣвшихъ среди отвлеченной юриспруденціи. Сдѣлали они это очень безцеремонно, съ ненужнымъ и непріятнымъ шумомъ, но съ счастливымъ результатомъ. Въ этомъ я вижу прочное значеніе Ломброзовскаго *uomo delinquente* и потому мы должны, полагаю я, относиться снисходительно къ ошибкамъ въ сочиненіяхъ и къ слабостямъ автора“.....

И, дѣйствительно, главная заслуга Ломброзо и всей италіанской школы заключается въ постановкѣ на очередь вопроса о преступникѣ, какъ человѣкѣ, со всѣми его органическими и психическими особенностями и о причинахъ появленія преступности въ обществѣ. Притомъ они такъ рѣзко и смѣло огласили свои „открытія“ и выводы, что весь ученый міръ встрепенулся, и были затѣмъ написаны цѣлыя бібліотеки по этимъ предметамъ. На помощь къ Ломброзо подоспѣло достаточное число его соотечественниковъ, юристовъ и публистовъ, которые повели дружную атаку противъ существующихъ юридическихъ воззрѣній, вытекающихъ будто-бы всецѣло, по ихъ словамъ, изъ принципа свободной воли, неумѣстно вѣддрившагося въ уголовное право. Атака, разумѣется, не осталась безъ отпора. Написаны были такія отличныя книги—я называю лучшія—какъ сочиненіе профессора уголовного права

¹⁾ Zeitschrift für die gesammte Strafwissenschaft. B. IX. s. 468 (1889).

Болонскаго университета Лувьини „Le droit pénal et les nouvelles théories“ и русскаго ученаго А. Вульфберта „Антрополого-позитивная школа уголовного права въ Италіи“. Но тѣмъ не менѣе возникшее научное и литературное движеніе дало сильный толчекъ уголовной психофизиологіи и психіатріи и заставило глубже призадуматься надъ недостаточностью теперешнихъ мѣръ для предупрежденія преступленій (относительно воспитанія порочнаго и заброшеннаго юношества, призрѣнія опасныхъ умалишенныхъ, психопатовъ, алкоголиковъ и пр.) и надъ не цѣлесообразностью существующей системы наказаній и многихъ судебныхъ порядковъ. Образовался, между прочимъ, „Международный союзъ уголовного права“, поставившій себѣ задачей примѣненіе къ уголовному праву и законодательству результатовъ антропологическихъ и соціологическихъ изслѣдованій и содѣйствіе во всѣхъ странахъ реформамъ въ уголовныхъ законахъ, въ судѣ и по пенитенціарной части.

На трехъ уголовно-антропологическихъ конгрессахъ, предшествовавшихъ женеvскому, судьба теорій Ломброзо претерпѣвала своего рода превратности. Въ 1883 г., въ Римѣ, большинство конгрессистовъ отнеслось къ новому ученію съ воодушевленіемъ, хотя и оказалось протестующее меньшинство. Въ 1889 г., въ Парижѣ, на оборотъ бѣльшая часть участвовавшихъ выразила сомнѣніе въ существованіи „прирожденнаго преступника“ и въ связи между преступностью и ея видами съ извѣстною формою череповъ и ушей; наоборотъ, съ особенною силою высказывалось, что преступленіе—явленіе *соціальное*, зависящее преимущественно отъ условій среды. Въ 1892 г., въ Брюсселѣ, „прирожденный преступникъ“, „преступный типъ“ и проч. совершенно потонули. На этотъ конгрессъ ни Ломброзо и никто изъ его ближайшихъ приверженцевъ не прибыли. Они всѣ чувствовали себя на столько побѣжденными, что сочли благоразумнымъ уклониться отъ явки подъ пустымъ предлогомъ, будто не о чемъ говорить, такъ какъ опыты, признанные полезными на парижскомъ конгрессѣ, не произведены: напр. нелѣпный опытъ сравнительнаго антропологическаго изслѣдованія ста взятыхъ на удачу

формальных преступниковъ и ста „честныхъ“ людей. Но въ 1896 году, въ Женевѣ, опять появился Ломброзо и на этотъ разъ съ ученикомъ своимъ, какъ тотъ себя называлъ, и горячимъ приверженцемъ, Энрико Ферри. Они оба заняли, какъ ниже будетъ указано, положеніе центральныхъ фигуръ четвертаго конгресса и „прирожденный преступникъ“ опять воскресъ.

Первый изъ болѣе выдающихся юристовъ, взявшихся за разработку ученія Ломброзо, былъ названный Энрико Ферри, а затѣмъ баронъ Рафаэлло Гарофало. Ферри—профессоръ уголовного права при Римскомъ университетѣ, адвокатъ, депутатъ-соціалистъ въ итальянскомъ парламентѣ. Это страстная, боевая натура. Гарофало—противоположность Ферри, скромный, робкій, съ хорошимъ состояніемъ, служилъ по судебному вѣдомству до должности члена апелляціоннаго суда; теперь состоитъ при министерствѣ юстиціи въ Римѣ и занимается законодательными работами.

Главныя сочиненія Ферри—его *Sociologia criminale* и только что вышедшая огромная книга, при которой приложенъ обширный атласъ съ цифрами, различнѣйшими таблицами и портретами преступниковъ, озаглавленная: *L'omicidio nell'antropologia criminale (omicida nato e omicida pazzo)*. Это первая часть большого труда о „лишеніи жизни“. Въ этой первой части рѣчь идетъ о прирожденныхъ убійцахъ и объ убійцахъ помѣшанныхъ. Вторая часть, еще не вышедшая, будетъ посвящена убійцамъ „по страсти“ и случайнымъ.

Главное сочиненіе Гарофало—его *Criminologia*.

О теоріяхъ Ферри и Гарофало я распространяться не буду, а скажу только, что Ферри дополнилъ ученіе Ломброзо тѣмъ, что, при объясненіи причинъ преступности, къ фактору біологическому присоединилъ факторы физическій и соціологическій. Открытіе это было не большое, такъ какъ, очевидно, что всѣ поступки человѣка, какъ порочныя, такъ и добродѣтельные, обусловливаются не только его органическими и психическими свойствами, но и условіями его физической и общественной обстановки. Затѣмъ, при изложеніи взглядовъ на

способы обороны общества (*défense sociale*) отъ опасныхъ людей,—масса задора противъ „классическихъ“ юристовъ и совершенно несостоятельная претензія построить понятіе о наказаніи на новыхъ, неизвѣстныхъ будто-бы до настоящихъ дней началахъ.

Что касается до „Криминологіи“ Гарофало, то въ ней устанавливается понятіе „естественнаго преступленія“, признаваемого будто-бы общимъ сознаніемъ человѣчества, а не одними юристами. Нужно было вытащить на сцену это „естественное преступленіе“, чтобы обойти какъ нибудь затрудненія, вытекающія изъ сближенія анатомическихъ явленій съ условнымъ понятіемъ о преступности. Но понятно, что, серьезно говоря, никакого „естественнаго преступленія“ установить нельзя, при измѣнчивости человѣческихъ понятій и учреждений, такъ какъ то что считается порокомъ и преступленіемъ, до убійства включительно, въ одномъ мѣстѣ и въ одно время признается добродѣтелью и геройствомъ въ другой странѣ и въ другую эпоху. Далѣе авторъ излагаетъ свой проектъ „устраненія“ прирощенныхъ преступниковъ не только посредствомъ смертной казни, но и посредствомъ ссылки на необитаемые острова или въ пустыни, гдѣ дикари расправятся съ сосланными по своему.

По поводу приведенныхъ теорій одно общее замѣчаніе напрашивается какъ то само собою. Есть люди, которые представляютъ себѣ „уголовную антропологію“, какъ вѣчто особенно гуманное и либеральное, какъ протестъ противъ черствости современныхъ юристовъ. И такое направленіе господствовало, повидимому, среди публики, присутствовавшей на женевскомъ конгрессѣ. Между тѣмъ истинные, настоящіе послѣдователи этой „науки“, пока она не вынуждена была на компромиссы, выводили изъ своего ученія необходимость производить прочистку общества отъ опасныхъ людей посредствомъ широкаго примѣненія смертной казни, ссылокъ въ особенно эксцентрическіе края, заточенія безъ опредѣленнаго срока и пр. При этомъ предлагалось: отмѣнить суды присяжныхъ, чаще заключать подъ стражу до суда, стѣснить

свободу защитѣ, разсуждать на судѣ не о виновности обвиняемаго, а о томъ, что онъ за антропологическій типъ, словомъ—отказаться отъ многого того, что составляетъ цѣнное приобрѣтеніе современной цивилизаціи. Это не духъ гуманности, а скорѣе духъ усиленной охраны.

Я упомянулъ выше о новѣйшемъ сочиненіи Ферри—объ убійствѣ. Это послѣднее, такъ сказать, слово уголовной антропологии. Много листовъ, много цифръ, много таблицъ, но мало, кажется, убѣдительности.

Сперва, конечно, рѣчь о животныхъ, которыя, какъ оказывается, истребляютъ другъ друга по мотивамъ весьма близкимъ къ человѣческимъ, даже—по мотивамъ „антисоціальнымъ“, напримѣръ, по жадности (неужели же имъ быть воздержанными?), по злобѣ, по мести, на войнѣ (!) и „по неблагодарности“ (!). Къ послѣдней категоріи относятся пчелы, убивающія устарѣвшихъ работницъ своихъ (!).

Потомъ говорится о „первобытномъ человѣчествѣ“, представляемомъ теперь дикарями, и, наконецъ,—переходъ къ людямъ, живущимъ въ цивилизованныхъ обществахъ. Тутъ слѣдуютъ результаты обыкновенныхъ уголовно-антропологическихъ измѣреній и наблюденій и ими доказывается существованіе „прирожденнаго убійцы“. Въ одной изъ заключительныхъ главъ сочиненія авторъ говоритъ, что не всѣ убійцы отличаются особыми примѣтами, но тѣмъ не менѣе этихъ убійцъ съ подобными стигматами встрѣчается такъ много, что, исключивъ даже патологическихъ субъектовъ, слѣдуетъ признать, что убійцы составляютъ особую низшую человѣческую разновидность. Не смотря на этническія различія, существующія между жителями разныхъ провинцій Италіи, убійцы, примѣтами своими, которыми ихъ надѣлила природа, болѣе отличаются отъ нормальныхъ людей, чѣмъ нормальные люди разныхъ провинцій между собою, напр. жители Сициліи отъ жителей Ломбардіи. „Органическіе коэффиціенты убійства“, какъ и всякое другое психопатологическое состояніе, могутъ быть передаваемы по наслѣдству, а потому причины, предрасполагающія къ убійству, слѣдуетъ искать, независимо отъ условій среды, прежде всего

въ самихъ источникахъ жизни (поразительное „открытие“ — наслѣдственность убійства!). Въ заключеніе авторъ повторяетъ свое утвержденіе, что преступленіе вообще и въ особенности самое безчеловѣчное—убійство—всегда явленіе болѣзненное (*fenomeno morboso*), происходящее отъ физическаго и психическаго вырожденія (какъ это вяжется съ естественнымъ происхожденіемъ убійства отъ животныхъ!) и обѣщаетъ указать, во второй части своего труда, на средства обороны противъ этого явленія и притомъ на средства болѣе дѣйствительныя и болѣе гуманныя (вотъ это утѣшительно!), чѣмъ тѣ, которыя до сихъ поръ предлагались „уголовнымъ доктринаризмомъ и законодательнымъ и судебнымъ эмпиризмомъ“.

На указанное сочиненіе Ферри серьезные ученые въ Италіи обратили очень мало вниманія. Оно доказываетъ до очевидности лишь одно, что главные проповѣдники уголовной антропологіи ничего не забыли и мало чему научились.

Вскорѣ послѣ того, какъ міру стали извѣстны мысли Ломброзо и его послѣдователей, французскіе ученые особенно горячо занялись разборомъ ихъ теорій. Относясь скептически къ биологическимъ „открытіямъ“ италіанцевъ, они указали на среду (*milieu*), какъ на тотъ бульонъ, въ которомъ зарождается и развиваются бактеріи преступности.

О критическихъ трудахъ французовъ было уже говорено въ нашей литературѣ ¹⁾, а въ послѣднее время они ничего особенно интереснаго не представили ²⁾. Но я считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о работахъ нѣмцевъ, появившихся послѣ третьяго брюссельскаго конгресса, бывшаго въ 1892 году.

Нѣмцы довольно долго и какъ будто бы безучастно смотрѣли на полемику французовъ съ италіанцами, но, наконецъ,

¹⁾ Напр., Спасовичъ. О новомъ направленіи въ уголовномъ правѣ, Вѣстникъ Европы, Октябрь, 1891. Закревскій. Объ ученіяхъ уголовно-антропологической школы.

²⁾ Появившаяся на французскомъ языкѣ объемистая книга-брюссельскаго приватъ-доцента Dallemagne (*Dégénères et déséquilibrés*) содержитъ въ себѣ его лекціи и въ сущности—компиляція.

выступили со всею солидностью, свойственною ихъ національному характеру. Заговорили главнымъ образомъ врачи и психіатры. Изъ извѣстныхъ юристовъ Францъ фонъ-Листъ оказался сторонникомъ новыхъ вѣяній въ уголовномъ правѣ, хотя умѣреннымъ и сдержаннымъ, а затѣмъ въ 1896 году появилось на нѣмецкомъ языкѣ очень интересное, увлекательно написанное, сочиненіе профессора правъ при университетѣ въ Грацѣ, доктора Юліуса Варга „объ отмѣнѣ уголовного рабства“ ¹⁾. Авторъ не ломброзіанецъ, но горячій сторонникъ естественно-научнаго метода и уголовныхъ реформъ, въ особенности отмѣны ваторжныхъ работъ. Это сочиненіе представляетъ собою цѣнный научный трудъ.

Изъ врачей и психіатровъ, писавшихъ объ италіанцахъ, особенно выдаются доктора Курелла, Неке, Кохъ и, между всѣми,—Бэръ ²⁾.

Курелла, усердный переводчикъ Ломброзо и изъ нѣмцевъ почти единственный сторонникъ его, признаетъ, что большинство привычныхъ преступниковъ соотвѣтствуетъ типу, начерченному Ломброзо, и составляетъ особую разновидность (*Variätet*) среди цивилизованныхъ людей. Какъ развилась эта разновидность неизвѣстно, но многое указываетъ на то, что значительная часть преступниковъ происходитъ отъ людей, ведшихъ наследственно преступную или бродячую жизнь, что лишеніе цѣлыхъ классовъ населенія благъ цивилизаціи обуславливаетъ развитіе атавистическихъ процессовъ и что въ рядахъ неисправимыхъ преступниковъ находятся элементы, не приспособляющіеся къ средѣ въ цѣломъ рядѣ поколѣній.

Неке (*Necke*) наоборотъ, отрицаетъ антропологическій типъ преступника и особую преступную породу. Преступники не отличаются какими либо примѣтами отъ прочихъ людей. Признаки вырожденія, стигматы, имѣютъ относительное значеніе.

¹⁾ Dr. Julius Vargha. Die Abschaffung der Strafknechtschaft. Graz. 1896.

²⁾ Главныя сочиненія названныхъ лицъ слѣдующія: Н. Курелла. Naturgeschichte des Verbrechens. Paul Näcke. Verbrechen und Wahnsinn beim Weibe. I. L. Koch. Die Psychopathischen Minderwertigkeiten. A. Baer. Der Verbrecher in antropologischer Beziehung.

Они помогают діагнозу, но не устанавливають его. Нужда, дурная гигиена, алкоголизмъ, худосочіе и другія отрицательныя общественныя явленія поражаютъ населеніе въ самомъ зародышѣ жизни. Эти же причины обуславливають качественно дурное и количественно недостаточное молоко у женщинъ, узкость таза, тяжелые роды, что опять отражается на мозгѣ дѣтей. Признаки вырожденія должны чаще проявляться у преступниковъ, чѣмъ у умалишенныхъ, такъ какъ преступники болѣею частью исходятъ изъ низшихъ слоевъ общества, наиболѣе подверженныхъ губительному дѣйствію нужды и пороковъ. Преступленіе не можетъ быть унаслѣдовано. Дѣти вырастаютъ въ дурной средѣ и заражаются ея вліяніемъ. Что люди, обойденные цивилизаціею, поставляютъ наибольшій контингентъ преступниковъ понятно само собою. Прежде всего — „желудочный вопросъ“....

Кохъ написалъ очень любопытное сочиненіе о психопатахъ и полупомѣшанныхъ, на основаніи своихъ личныхъ наблюденій. Это одинъ изъ самыхъ живыхъ вопросовъ уголовной антропологіи. Что дѣлать съ подобными субъектами, когда они попадаютъ подъ судъ: карать ли ихъ или лѣчить? *Кохъ* предлагаетъ учреждать особыя предупредительно-карательно-исправительныя заведенія для юныхъ преступниковъ, алкоголиковъ, морфинистовъ и вообще для нарушившихъ уголовные законы лицъ, которыя оказываются и не помѣшанными и не нормальными.

Но, конечно, самое обстоятельное и оригинальное сочиненіе на нѣмецкомъ языкѣ объ изслѣдованіяхъ и теоріяхъ Ломброзо принадлежитъ перу врача *Бэра* (Baer). Съ необыкновеннымъ терпѣніемъ прослѣдилъ онъ шагъ за шагомъ за всѣми трудами Ломброзо, за каждымъ наблюденіемъ его и сопоставилъ ихъ какъ со своими собственными работами, такъ и со всѣмъ, что извѣстно отдѣльно о каждомъ предметѣ. Разумѣется, выводы его вполне отрицательные. Антропологическіе примѣты, усматриваемые у преступниковъ, эти признаки вырожденія, эти стигматы, по его словамъ, ничто иное, какъ послѣдствія тѣхъ условій, среди которыхъ живутъ классы

населенія, поставляющіе наибольшій контингентъ преступниковъ. Не природа намѣтила преступниковъ, надѣливъ ихъ особеннымъ организмомъ, а общество заразило ихъ своими язвами.

Интересны взгляды Бэра на состояніе „нравственнаго помѣшательства“ (*folie morale*), которое Ломброзо отождествляетъ съ преступленіемъ и проституціею.

Для объясненія того, откуда произошла мысль о нравственномъ помѣшательствѣ, Бэръ ссылается на англійскаго ученаго Причарда (Prichard), который въ тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтія пустилъ въ ходъ этотъ терминъ и на его же соотечественника Маудслея (Maudsley), который утверждалъ, что нравственно-помѣшанные уподобляются людямъ, лишеннымъ отъ природы всякаго музыкальнаго слуха или пораженнымъ дальтонизмомъ. Затѣмъ авторъ ставитъ вопросъ: можетъ ли въ самомъ дѣлѣ отсутствіе нравственнаго чувства быть признано помѣшательствомъ особаго вида? На этотъ вопросъ Бэръ отвѣчаетъ рѣшительнымъ отрицаніемъ, такъ какъ нѣтъ особаго нравственнаго чувства отдѣльнаго отъ прочихъ мыслительныхъ функцій, какъ нѣтъ ни особаго органа нравственности, ни особаго мѣста въ мозговой корѣ, гдѣ былъ бы локализованъ интеллектъ. Нравственные понятія, какъ и другія представленія наши, складываются при дѣятельности обоихъ полушарій мозга и другихъ частей нервной системы. Нравственность—конечный результатъ человѣческой культуры, самый благородный плодъ цивилизаціи. Нравственное чувство одно изъ высшихъ проявленій человѣческаго ума, а потому понятно, что при всякомъ психическомъ заболѣваніи это чувство прежде всего поражается. Многія психическія болѣзни, въ томъ числѣ общій параличъ помѣшанныхъ и эпилептическое помѣшательство, отличаются тѣмъ, что задолго до явнаго пораженія умственныхъ способностей характеръ больного измѣняется въ худшему и больной начинаетъ совершать безнравственные поступки, что бываетъ и при злоупотребленіи одуряющими веществами и при одряхленіи въ преклонномъ возрастѣ. Безнравственность и пре-

ступная жизнь сами по себѣ не даютъ права заключать, что человѣкъ помѣшанъ. Иначе и чрезвычайная добродѣтель и полное отсутствіе эгоистическихъ чувствъ могли бы породить предположеніе о нѣкоторой аномальности. Глубокое поражение нравственнаго чувства болѣею частью симптомъ какаго нибудь другого психическаго страданія. Отсутствіе бредовыхъ или навязчивыхъ идей ничего не доказываетъ. Въ отдѣльномъ случаѣ можетъ быть затруднительно установить діагнозъ этого страданія, но оно обыкновенно существуетъ, будь то слабоуміе, прогрессивный параличъ, истерическій психозъ и т. п. Гдѣ же нѣтъ психической болѣзни, а имѣется на лицо одна безнравственность, тамъ слѣдуетъ признавать человѣка отвѣтственнымъ за совершенное имъ.

Изложенныя соображенія Бэра раздѣляются, повидимому, многими психіатрами въ Германіи, гдѣ ученіе о нравственномъ помѣшательствѣ встрѣтило наибольшее число противниковъ. И во Франціи также оно не пользуется большимъ почетомъ теперь.

Все сказанное выше о Ломброзо, о его ученіи, о его послѣдователяхъ, о его критикахъ, о предшествующихъ уголовно-антропологическихъ конгрессахъ давало основаніе предполагать, что на женевскомъ конгрессѣ не придется встрѣтиться вновь съ особенно рѣшительнымъ повтореніемъ началъ италіанской школы въ первоначальномъ видѣ, а что, напротивъ того, представители ея пойдутъ на уступки для достиженія соглашенія съ лучшими изъ своихъ критиковъ. Между тѣмъ на дѣлѣ вышло иначе, какъ мы увидимъ далѣе.

II.

Женева—чрезвычайно удобное мѣсто для всякихъ международныхъ сѣздовъ. Независимо отъ красивой природы, среди которой расположенъ этотъ городъ, нравы его жителей и характеръ учрежденій таковы, что не могутъ не представить много пріятнаго и интереснаго для иностранныхъ гостей. Въ Женевѣ находишься среди трудящагося населенія, гдѣ и бѣдные и бога-

тые работаютъ, гдѣ величайшимъ порокомъ считается ничего недѣланіе, гдѣ не одобряется излишняя роскошь, какія бы кто ни имѣлъ средства, гдѣ наука и общественная польза на первомъ планѣ, гдѣ гонимые въ своихъ отечествахъ находили въ теченіе вѣковъ пріютъ и убѣжище, гдѣ легко дышется и свободно говорится.

Людей, прибывшихъ изъ сильно централизованныхъ государствъ, какъ-то поражаетъ та горячность, съ которою швейцарцы все еще отстаиваютъ кантональныя учрежденія свои противъ всякихъ слишкомъ рьяныхъ объединительныхъ попытокъ (напр. оппозиція противъ учрежденія федеральнаго банка, противъ приобрѣтенія федераціею желѣзныхъ дорогъ и пр.). Швейцарцы говорятъ, что любовь къ большому отечеству, всей федераціи, не заглушаетъ въ нихъ любви къ малому отечеству, кантону, съ которымъ тѣснѣйшимъ образомъ слилась душа. Швейцарія, эта „маленькая великая страна“, представляетъ, дѣйствительно, какъ выражаются мѣстные жители, „свободную федерацію свободныхъ людей“.

Въ Швейцаріи также обращаетъ на себя вниманіе иностранца отсутствіе, такъ сказать, видимаго начальства. Вездѣ превосходный порядокъ и даже городского не встрѣчаешь, не говоря уже о чемъ либо высшемъ.

Въ женевскомъ кантонѣ не существуетъ смертной казни, относительно которой женевцы говорятъ, что она имъ не нужна, такъ какъ у нихъ вовсе не совершается такихъ преступленій, за которыя слѣдовало бы лишать жизни. А если въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ встрѣтится какое либо исключительное злодѣяніе, то для подобнаго рѣдкаго случая не стоитъ поддерживать столь антипатичный институтъ.

Конгрессъ былъ открытъ въ зданіи женевского университета и, къ счастью, оказался немногочисленнымъ, такъ какъ ничего нѣтъ безтолковѣе слишкомъ многочисленныхъ международныхъ собраній. Записалось всего 224 члена, а прибыло около 150. Блистали, такъ сказать, своимъ отсутствіемъ психіатры Мендель и Бэръ, живущіе въ Берлинѣ, Бенедиктъ

въ Вѣнѣ, Маньянъ въ Парижѣ, и юристы Гарофало, Фр. фонъ-Листъ и Тардъ ¹⁾).

Говорилось исключительно по французски. Въ теченіе всего конгресса на трибунѣ показалось не болѣе 20—30 членовъ; по всѣмъ вопросамъ все появлялись почти одни и тѣ же лица. Предсѣдателемъ былъ избранъ скромный дѣятель, мѣстный врачъ Ладамъ, предсѣдавшій въ организаціонномъ комитетѣ.

Первое засѣданіе было открыто почетнымъ предсѣдателемъ конгресса и вмѣстѣ съ тѣмъ президентомъ швейцарской конфедераціи г. Лашеналемъ, прибывшимъ изъ Берна, чтобы привѣтствовать ученыхъ гостей. Затѣмъ привѣтствовали ихъ отъ женевского кантона одинъ изъ членовъ „государственного совѣта“ (conseil d'état), а отъ города Женевы членъ административнаго совѣта.

Открытіе засѣданій конгресса, сопровождавшееся, какъ обыкновенно бываетъ въ такихъ случаяхъ, желаніемъ придать этому событію извѣстную торжественность, производило тѣмъ не менѣе, если такъ можно выразиться, впечатлѣніе полной *штатскости*, въ особенности по сравненію съ прошлогоднимъ парижскимъ пенитенціарнымъ конгрессомъ.

Г. Лашеналь сидѣлъ во фракѣ на стулѣ, рядомъ съ ораторскою трибуною, скромно выжидая пока соберутся члены конгресса, чтобы приступить къ занятіямъ, начавшимся съ его рѣчи ²⁾).

Я вспоминалъ, по контрасту, открытіе прошлогодняго

¹⁾ По національностямъ записанные члены конгресса распредѣлялись такъ: швейцарцевъ—67, французовъ—40, русскихъ—21 (изъ нихъ: 15 врачей, психіатровъ, профессоровъ медицинскихъ наукъ, 1 женщина-физиологъ Е. Л. Шнилова и 5 юристовъ), бельгийцевъ 19, итальянцевъ 16, голландцевъ 12, испанцевъ 10, англичанъ 8, нѣмцевъ 7 (!); изъ остальныхъ странъ отъ 1 до 3-хъ.

²⁾ Адрианъ Лашеналь, уроженецъ женевского кантона, адвокатъ. Президентъ швейцарской конфедераціи избирается на одинъ годъ федеральнымъ собраніемъ изъ числа семи членовъ федеральнаго совѣта, въ рукахъ котораго сосредоточивается исполнительная власть. Одно и то же лицо не можетъ быть избрано два раза сряду. Мы говорили, что въ Швейцаріи мало кому извѣстно, кто въ тотъ или другой годъ занимаетъ должность президента конфедераціи, такъ какъ этотъ предметъ представляетъ небольшой интересъ.

парижскаго пенитенціарнаго конгресса. Какъ президентъ французской республики, хотя и въ штатскомъ платьѣ, но предшествуемый и сопровождаемый эскадронами кавалеріи, шумно топавшей о мостовую подковами лошадей своихъ, подъѣхалъ къ Сорбонѣ, гдѣ собрался конгрессъ. Какъ часовые разставленные въ зданіи бряцали ружьями, а президентъ республики сѣлъ потомъ высоко, въ большую ложу, окруженный министрами Франціи. Какъ мы, одѣтые парадно, смотрѣли снизу вверхъ на ложу президента. Какъ министръ внутреннихъ дѣлъ, почетный предсѣдатель конгресса, въ высокопарныхъ выраженіяхъ благодарилъ главу государства за то, что онъ удостоилъ это торжество своимъ присутствіемъ. Какъ мы представлялись, по народностямъ, президенту республики, за которыми стояли министры, выстроившись въ одинъ рядъ. И какъ при этомъ одного изъ насъ, русскихъ, распустилъ „chef du protocole“, должность соотвѣтствующая церемоніймейстерской и которая была занята въ то время особою, блестяще украшенною орденами многихъ народовъ и обладающею надлежащимъ апломбомъ и соотвѣтственнымъ начальственнымъ тономъ. Этотъ русскій ученый, дѣйствительно, чертами лица нѣсколько напоминаетъ восточнаго человѣка. Принявъ его за японца, chef du protocole грозно воскликнулъ, обращаясь къ нему: „что вы отстааете? Японія уже прошла“....

Я вспоминалъ также, какъ нѣкоторые изъ насъ обѣдали у президента республики въ елисейскомъ дворцѣ и какъ на каждой ступенькѣ большой лѣстницы дворца стояли не напудренные лакеи, а по два рядовыхъ, нѣво и направо, со внушительными касками на головахъ. Какъ по этой лѣстницѣ, между этою военною стражею, восходили гражданскіе министры и пожимали затѣмъ съ довольно своеобразными ужимками руку г-жи Форъ, напоминая мнѣ почему-то моихъ деревенскихъ сосѣдей, когда они собираются на какое нибудь уѣздное торжество. Мнѣ казалось, что въ этомъ дворцѣ всѣмъ какъ-то неловко и всѣ не чувствуютъ себя дома. Я думалъ еще о роскошныхъ банкетахъ, происходившихъ во время парижскаго конгресса, гдѣ шампанское лилось рѣкою, гдѣ

каждый тостъ сопровождался рѣчами о бѣдныхъ, объ униженныхъ, о заточенныхъ, о неуравновѣшенныхъ, о скитающихся, о вырождающихся, за благополучіе которыхъ дружно поднимались и исправно осушались бокалы...

Здѣсь же, въ Швейцаріи, обстановка конгресса была простая и мирная, и увеселенія, для насъ устроенныя, по обычаю международныхъ конгрессовъ, носили на себѣ вполнѣ подходящий характеръ. Въ первый день насъ пригласили „на семейный вечеръ“ въ одну изъ городскихъ залъ, гдѣ намъ подали чай и гдѣ нѣсколько скрипокъ мѣшали разговорамъ. Черезъ три дня насъ позвали на большую городскую дачу, унаслѣдованную городомъ отъ частнаго лица. Это былъ пріемъ, устроенный членами „государственнаго совѣта“, высшею властью кантона. Мы опять пили чай, слушали музыку, менѣе оглушительную, такъ какъ она играла на воздухѣ, но самихъ членовъ „государственнаго совѣта“ на лицо не оказалось или они не были замѣтны въ республиканской простотѣ своей. Единственными представителями начальства явились два большаго роста пристава, стоявшіе въ красно-желтыхъ костюмахъ у входныхъ дверей. Послѣ этого насъ возили на казенный счетъ на высокую гору, у подножія которой стоитъ Женева — на Mont-Salève. Здѣсь насъ угостили завтракомъ и чудеснымъ видомъ. Погода была сырая и дождливая. Но тѣмъ не менѣе прогулка оказалась очень пріятною, такъ какъ мы почувствовали благотворное вліяніе свѣжаго горнаго воздуха на наши головы, успѣвшіе достаточно разгорячиться при преніяхъ о „преступномъ чловѣкѣ“, о „прирожденномъ преступникѣ“, о „преступномъ типѣ“ и другихъ возбуждающихъ матеріяхъ. И въ заключеніе, послѣ закрытія послѣдняго засѣданія, — незатѣйливый банкетъ по подпискѣ.

Самыми замѣтными фигурами конгресса, какъ я уже сказалъ, были Ломброзо и Ферри. Ихъ появленіе, послѣ отсутствія въ Брюсселѣ, придадо конгрессу особенный интересъ, но съ другой стороны повело къ большой потерѣ времени, такъ какъ въ концѣ концовъ намъ пришлось въ продолженіе всѣхъ засѣданій какъ бы топтаться на одномъ

мѣстѣ, спора о томъ, надъ чѣмъ давно произнесенъ приговоръ науки.

Я пробовалъ было, въ началѣ конгресса, выразить мысль, что мы могли бы оставить въ сторонѣ вопросы, насъ раздѣляющіе, и найти почву, на которой мы всѣ сходимся. Но это было напрасно. Италіанцы, очевидно, задались мыслью доказать, что они еще живы, что всемірная критика не пошатнула ихъ положеній. Эта тактика объясняется, конечно, желаніемъ поддержать свою научную репутацію и, быть можетъ, посодѣйствовать болѣе успѣшной распродажѣ своихъ сочиненій, уже изданныхъ и имѣющихъ появиться въ свѣтѣ.

Ломброзо имѣетъ шестьдесятъ лѣтъ. Онъ малаго роста, толстенькій, густые сѣдые волосы зачесаны назадъ, борода à la Наполеонъ III; полныя, нѣсколько отвисшія щеки; носятъ очки, прикрывающіе опухшіе отъ работы глаза. Онъ напоминаетъ, какъ замѣтила одна изъ женевскихъ газетъ, нѣмецкаго музыканта, віолончелиста. Удачно остричь. Это умный, хитрый старичекъ. Говоритъ по французски съ нѣкоторымъ затрудненіемъ и рѣзкимъ италіанскимъ акцентомъ; ищетъ слова иногда, очевидно, нарочно, чтобы подчеркнуть какое либо изъ нихъ ¹⁾).

Ферри—лѣтъ сорока. Онъ высокаго роста, брюнетъ, лицо матово-блѣднаго цвѣта, обладаетъ увлекательнымъ краснорѣчіемъ, неотразимо дѣйствуетъ на юношество и на толпу; говоритъ съ интонаціями и жестикуляціею, свойственными южнымъ ораторамъ; иногда сильно возвышаетъ голосъ; объясняется по французски превосходно, а его иностранное произношеніе придаетъ рѣчи его какую то особенную выразительность. Онъ—одинъ изъ замѣтныхъ людей въ Италіи; проповѣдникъ социализма и общественныхъ реформъ. Криспи, видя въ немъ противника, возбудилъ однажды противъ него

¹⁾ Ломброзо произноситъ такъ: *Zé ne pas encore commencé a mordre et on se zette (jette) sur moi... on croit que zé suis un tigre, mais zé suis un lapin... M. Zakrewsky a voulu me tuer à Bruxelles, puis a St. Petersbourg, mais zé vis encore".....* (По поводу послѣдней фразы я замѣтилъ, что я, напротивъ того, желаю ему долгой жизни и еще много лѣтъ трудиться на пользу науки).

политическое преслѣдованіе, на основаніи закона объ анархистахъ, и Ферри былъ приговоренъ къ водворенію въ опредѣленное мѣсто подъ надзоръ полиціи (*coatto domicilio*). Но онъ подпалъ подъ какую то амнистію и не подвергся этой мѣрѣ. Ферри вспоминаетъ объ этомъ преслѣдованіи и осужденіи съ ожесточеніемъ, восклицая „*infamia!*“ и добавляя, что итальянское „*coatto domicilio*“ нѣчто въ родѣ русской административной ссылки.

Занятія конгресса открылись прямо со схватки между итальянцами и нѣкоторыми изъ противниковъ ихъ. На трибунѣ, послѣ извѣстныхъ упрашиваній, первымъ появился, какъ надлежало, отецъ уголовной антропологіи, самъ Цезарь Ломброзо. Онъ началъ съ изложенія новѣйшихъ „открытій“ (такъ онъ буквально выражался) по уголовной антропологіи, начиная съ 1890 г. „Эти открытія“, добавилъ онъ „доказываютъ, что мы еще не умерли“. И вотъ къ чему они сводятся. Итальянскій изслѣдователь Отоленги обнаружилъ еще нѣкоторыя особенности на черепахъ преступниковъ. Одинъ ученый въ Утрехтѣ продѣлалъ тотъ замѣчательный опытъ, который былъ намѣченъ на парижскомъ конгрессѣ и нигдѣмъ не произведенъ. Именно этотъ ученый взялъ на удачу 50 непроступныхъ и 50 преступныхъ людей и оказалось, что у послѣднихъ гораздо большее число анатомо-физиологическихъ признаковъ вырожденія и преступности чѣмъ у первыхъ. Другой ученый усмотрѣлъ, что у всѣхъ людей вообще двѣ большія складки на ладони руки, а у многихъ преступниковъ только одна (это уже своего рода хиромантія!). „И у меня одна складка“, сказалъ Ломброзо, что вызвало хохотъ, „но подобно тому, какъ одна нота не составляетъ музыкальной пьесы, такъ и одна примѣта не характеризуетъ еще человѣка!“... Послѣ этого Ломброзо перешелъ къ своему „преступному типу“. Онъ показалъ нѣсколько портретовъ противныхъ и сносныхъ лицъ и предложилъ остановить въ Женевѣ на улицѣ любого прохожаго и пригласить его, чтобы онъ указалъ, какіе изъ этихъ портретовъ изображаютъ преступниковъ. Ломброзо продѣлалъ съ полнымъ успѣхомъ этотъ поучитель-

ный экспериментъ въ какомъ то пансіонѣ дѣвицъ. Барышни, не колеблясь, такъ и узнавали преступниковъ; тоже самое и проѣзжіе „дикари“, возвращавшіеся съ какого то цирка. Тутъ же Ломброзо показалъ „чудный типъ русской преступницы“, доставленный ему г-жею Тарновской ¹⁾). По поводу дикарей онъ сообщилъ еще, что одинъ итальянскій ученый сдѣлалъ интересное „открытіе“ касательно психологіи преступниковъ. Именно замѣчено, что преступники при забавахъ своихъ, любятъ играть ножами, пыряя ими другъ въ друга, весьма сходно съ играми дикарей. Это наблюденіе добавляетъ новую черту, сближающую преступниковъ съ дикарями и, слѣдовательно, съ первобытными людьми.

„Наука все идетъ впередъ!“ такъ закончилъ Ломброзо сообщеніе свое.

Тотчасъ вышли почти одновременно для возраженій нѣмецъ Неке и бельгіецъ Даллеманъ, о сочиненіяхъ которыхъ было говорено въ первой главѣ. Неке возбужденно воскликнулъ, что въ Германіи никто уже болѣе не вѣритъ въ прирожденнаго преступника, на что ему Ломброзо замѣтилъ, что хотя бы 40.000 нѣмцевъ въ это не вѣрили, а наука все таки остается наукою. Неке имѣлъ тогда неделикатность сослаться на приведенный мною выше недавній отзывъ Вирхова о Ломброзо, какъ представляющимъ собою „карикатуру на науку“.

Даллеманъ настойчиво добивался того, настаиваетъ ли Ломброзо на существованіи именно „анатомическаго типа преступника“? На что, разумѣется послѣдовалъ утвердительный отвѣтъ въ рѣшительномъ тонѣ.

Вслѣдствіе этого, Даллеманъ, имѣющій способность говорить гладко, длинно и безсодержательно разразился рѣчью о предметахъ давно извѣстныхъ.

¹⁾ Уже давно было замѣчено Ломброзо, что его „типъ преступника“ не имѣетъ ничего типическаго въ антропологическомъ смыслѣ. Это или типъ чловѣка низшихъ классовъ общества или типъ профессиональный, такъ какъ извѣстныя занятія и образъ жизни кладутъ на чловѣка отпечатокъ свой. Мы легко представляемъ себѣ типъ ученаго, моряка, адвоката. Но это правописательный матеріалъ, а не строго научный.

Тутъ, для защиты Ломброзо, явился Ферри, какъ онъ это дѣлалъ въ продолженіе всего конгресса, и сталъ учить, что итальянская школа всегда утверждала, что при изслѣдованіи причинъ преступности должны быть принимаемы во вниманіе факторы біологическій, психологическій и соціологическій, всѣ вмѣстѣ. Анатомическое строеніе—основаніе чело-вѣка, а потому нужно начать съ біологіи. Но „преступный типъ“—утвержденіе не только біологическое, но и соціологическое.

Все это мы читали и прежде въ сочиненіяхъ Ферри. Разумѣется, если принять вмѣстѣ всѣ факторы, которые могутъ находиться въ причинной связи съ преступностью, при установленіи генезиса ея, то ошибки не будетъ, подобно тому какъ мы не ошибемся, если мы вмѣсто опредѣленія ближайшей причины того или другого явленія, возьмемъ сотвореніе міра, которое послужило первою причиною всѣхъ послѣдовавшихъ за нимъ явленій вообще. По этимъ вопросамъ говорило еще, къ сожалѣнію, нѣсколько ораторовъ. Испытывалось тягостное чувство пустой траты времени. Наконецъ, кончилось. Всѣ остались при своихъ мнѣніяхъ. Голосованія не было, какъ и не должно быть по вопросамъ научнымъ.

На другой день былъ заслушанъ докладъ Даллемана „о вырожденіи и преступности“. Докладчикъ говорилъ пространно, но ничего не сказалъ, чего мы бы давно не знали изъ сочиненій другихъ лицъ. Ему возражалъ цюрихскій психіатръ Форель, указавшій какъ осторожно нужно относиться къ понятію „вырожденія“, которое не всегда выражаетъ фізіологическій регрессъ, если не утрачивается органъ или способность, существенные при борьбѣ за существованіе. И потеря волосъ есть также „вырожденіе“. Сколько теперь лысыхъ! Но не замѣняется ли эта потеря болѣе усиленною дѣятельностью, а съ тѣмъ вмѣстѣ и какимъ нибудь улучшеніемъ въ строеніи мозга? Тоже относительно атрофіи мускула, двигавшаго когда-то ухомъ.

Выступилъ Ферри съ своимъ докладомъ „о преступномъ темпераментѣ“. По его словамъ, всякій „фізіологическій темпе-

рементъ“ можетъ быть основою „темперамента преступнаго“. Такъ лимфатики болѣе многочисленны среди преступниковъ привычныхъ, желчны среди прирожденныхъ, а нервны среди страстныхъ. (Тутъ интересно отдѣленіе привычныхъ отъ прирожденныхъ!). Но главныя основы преступнаго темперамента: физическая—вырожденіе организма и нервной системы, психологическая—ненормальная импульсивность. *Всякій кто совершилъ какое бы то ни было преступленіе непременно обладалъ преступнымъ темпераментомъ.* Преступникъ представляетъ такую біолого-психическую личность, которая не приспособляется къ даннымъ условіямъ общественной среды. Онъ поддается нервной натурѣ своей, выродившейся, вслѣдствіе фізіологическаго оскудѣнія, или плохо уравниванной, вслѣдствіе фанатизма или одноздности (monoidisme). И тутъ все равно, преступность ли это атавистическая, нарушающая современный порядокъ воспроизведеніемъ прежнихъ фазисовъ соціальной эволюціи (убійство, кража, изнасилованіе и пр.), или преступность это предвосхищающая „будущіе моменты означенной эволюціи“ (возстаніе, бунтъ, заговоръ, стачка и пр.).

Трудно, кажется, представить себѣ что либо болѣе неосновательное чѣмъ теорія, изложенная выше, притомъ совершенно точно, по подлинному докладу. По этой теоріи, кто совершилъ гдѣ либо и когда либо дѣяніе, признанное по мѣстнымъ законамъ преступленіемъ, тотъ одержимъ „преступнымъ темпераментомъ“, не допускающимъ „приспособленія къ условіямъ данной среды“. Такимъ образомъ всѣ безъ исключенія казненные въ теченіе исторической жизни человѣчества, по какимъ бы то ни было поводамъ, въ томъ числѣ Сократъ, Іоганъ Гуссъ, Саванарола, Джіордано Бруно, Людви́гъ XVI и тысячи другихъ,—обладали „преступнымъ темпераментомъ“.

И такія мысли, отъ характеристики которыхъ я воздерживаюсь, вызывали рукоплесканія въ собраніи, даже со стороны русскихъ врачей, по той причинѣ, повидимому, что Ферри кричалъ, захлебываясь, суетился, махалъ руками и т. д.

Конечно, ему возражали, что его „преступный темпераментъ“ ничто иное, какъ „прирожденный преступникъ“ подъ

другою приправою, — что онъ произвольно смѣшиваетъ понятіе фізіологическое (темпераментъ) съ понятіемъ юридическимъ (преступленіе). Но что значили эти возраженія? Ферри чувствовалъ, что онъ уже овладѣлъ большинствомъ собранія и „райкомъ“, представляемымъ присутствовавшими слушателями (засѣданія конгресса были публичны) и, сообразно этому, онъ дѣйствовалъ въ интересахъ своей школы, относясь рѣзко ко всякой благоразумной оппозиціи.

Послѣ этого слѣдовали доклады и сообщенія парижскаго врача-гипнотизера Берильона о чудесахъ, имъ достигаемыхъ посредствомъ гипнотизма, о томъ, какъ онъ отъучаетъ дѣтей грызть ногти, вызывая въ нихъ „временный психическій параличъ“ извѣстныхъ двигательныхъ центровъ, и какъ, вслѣдствіе его внушеній, дѣти въ школахъ изъ послѣднихъ учениковъ становились первыми (сообщеніе о подобныхъ необычайностяхъ увеличить, будемъ надѣяться, число паціентовъ парижской гипнотической клиники г. Берильона!).

Веронскій адвокатъ Ласки слѣлалъ докладъ „о позитивномъ методѣ предупредительнаго воспитанія“, рекомендуя для порочныхъ и нравственно заброшенныхъ дѣтей англійскую ремесленную школу съ подраздѣленіями режима въ ней для разныхъ субъектовъ, сообразно ихъ психологическимъ особенностямъ. Противъ этого никто, разумѣется, не возражалъ.

Затѣмъ собраніе приступило къ слушанію доклада П. Н. Тарновской о русскихъ преступницахъ, которыхъ она подвергала изслѣдованію по ломбрововскому методу во всей его чистотѣ. Г-жа Тарновская говорила на изящномъ французскомъ языкѣ съ безукоризненнымъ произношеніемъ и пріятною интонаціею. Она установила отличительныя черты женской преступности, указывала на необходимость болѣе снисходительныхъ наказаній для женщинъ, не пользующихся одинаковыми правами въ обществѣ съ мужчинами, а въ заключеніе высказала нѣсколько горькихъ упрековъ по адресу „противниковъ уголовной антропологіи“.

Когда она кончила и не успѣла еще сойти съ трибуны

на эту же трибуну медленно, какъ бы въ какомъ-то раздуміи, взошелъ Ломброзо. Онъ нѣсколько времени, молча, смотрѣлъ на П. Н. Тарновскую глазами, въ которыхъ свѣтилась горячая научная любовь. Наконецъ, онъ заговорилъ тихо, мягко, прося о нѣкоторыхъ разъясненіяхъ и начавъ съ заявленія, что г-жа Тарновская доказала, насколько женщина можетъ стоять выше мужчинъ.

Подобная же умилительная сцена повторилась въ одномъ изъ послѣдующихъ засѣданій. Г-жа Тарновская прочла, безъ всякихъ впрочемъ комментариевъ съ своей стороны, сообщеніе врача женской тюрьмы Св. Лазаря въ Парижѣ о замѣченныхъ имъ у 50 проститутокъ отклоненіяхъ большого пальца ноги отъ втораго пальца. Ломброзо глубокомысленно замѣтилъ, что эта особенность встрѣчается на ногахъ проститутокъ, но не преступницъ.

Я лично съ изумленіемъ слушалъ объ этихъ замѣчательныхъ уголовно-антропологическихъ наблюденіяхъ. Мнѣ хотѣлось спросить, повѣрено ли качество работы сапожниковъ этихъ дамъ и точно ли установлено, что усмотрѣнная аномальность ногъ объясняется не неумѣлостью сапожныхъ мастеровъ, а печальнымъ состояніемъ нравственности изслѣдованныхъ особъ? Но у меня не хватило духа произвести ноту скептицизма диссонансъ въ конгрессѣ въ торжественную минуту совмѣстнаго выступленія предъ нимъ великаго Ломброзо съ его „сестрою по оружію“, какъ онъ называлъ г-жу Тарновскую.

Они еще разъ выступили вмѣстѣ по слѣдующему поводу. Тюремный врачъ Миновичи, изъ Бухареста, прочелъ докладъ объ антропологическихъ измѣреніяхъ румынскихъ преступниковъ, причемъ заявилъ, что не отерылъ „преступнаго типа“. Ломброзо и П. Н. Тарновская взошли вмѣстѣ на трибуну и стали изобличать г. Миновичи въ томъ, что онъ, при изслѣдованіяхъ своихъ, не различалъ турокъ отъ сербовъ, румынъ отъ болгаръ и проч. и оставлялъ безъ всякаго вниманія этническія особенности. Бѣдный Миновичи смутился. Мнѣ

показалось, что по тѣлу его пробѣжала нервная дрожь. Онъ долженъ былъ сознаться, что все перепуталъ.

Что разсуждали объ алкоголизмѣ разумѣется само собою. Одинъ изъ французскихъ врачей представилъ длинный докладъ о вліяніи алкоголизма родителей на потомство. Алкоголизмъ—вѣчная тема международныхъ конгрессовъ, притомъ совершенно безплодная, потому что пока европейскія правительства будутъ поддерживать „вооруженный миръ“, а народы увлекаться военною славою, до тѣхъ поръ нужны будутъ огромныя суммы для содержанія армій и для сооруженія всякихъ орудій, которыми люди истребляютъ другъ друга. А откуда же брать средства на это, какъ не отравляя алкоголемъ населеніе, которое легче всего поддается на покупку этого яда?

Самый интересный и жгучій по своей современности вопросъ, разсмотрѣнный конгрессомъ, былъ вопросъ объ анархизмѣ.

Въ 1895 году появилось сочиненіе Ломброзо по этому предмету (*Gli anarchici*), въ которомъ онъ проявляетъ нѣкоторую, мало ему свойственную, снисходительность относительно преступниковъ этой категоріи; приравниваетъ ихъ, вслѣдствіе присущаго имъ будто бы чувства альтруизма, къ политическимъ преступникамъ, зараженнымъ особымъ видомъ политической эпилепсіи или истеріи; называетъ ихъ „филантропическими убійцами (!) которые изъ любви къ человѣчеству губятъ человѣческую жизнь“; находитъ, что смертная казнь можетъ быть примѣняема только къ тѣмъ изъ нихъ, которые, какъ Пини и Равашоль ¹⁾, принадлежать къ числу обыкновенныхъ прирожденныхъ преступниковъ. Остальныхъ слѣдуетъ изгонять изъ предѣловъ отечества (за это поблагодарятъ сосѣди!) или сослать куда нибудь подальше, а во Франціи, гдѣ намѣшка убиваетъ, преимущественно заключать въ дома умалишенныхъ (!).

¹⁾ Пини французскій анархистъ убійца; былъ сосланъ въ Кайену и разстрѣлянъ тамъ въ 1894 году за бунтъ въ тюрьмѣ. Равашоль извѣстный французскій анархистъ, убійца и грабитель.

На конгрессѣ докладъ по этому предмету представилъ амстердамскій профессоръ уголовного права Фанъ-Гамель, талантливый ораторъ, криминалистъ съ прогрессивнымъ направлениемъ, одинъ изъ основателей „Международнаго союза уголовного права“. Онъ озаглавилъ свой докладъ такъ: *„анархизмъ и борьба противъ него съ точки зрѣнія уголовной антропологии“*.

Анархическое преступленіе, сказалъ докладчикъ, обозначаемое часто названіемъ „пропаганды дѣйствіемъ“, направляется какъ противъ отдѣльныхъ представителей власти, такъ и противъ цѣлыхъ группъ гражданъ и принимаетъ нерѣдко форму массовыхъ убійствъ. Анархическое преступленіе, конечно,— плодъ анархической доктрины, но здѣсь нужно провести существенное различіе. Анархическая доктрина сама по себѣ такая же социальная доктрина, какъ и всякая другая (Одинъ изъ членовъ конгресса воскликнулъ: „не социальная, а анти-социальная!“). Можно пожимать плечами по поводу ея претензій и заблужденій, но нельзя, съ точки зрѣнія современнаго права, препятствовать ей высказываться. Существующіе институты не представляются чѣмъ-то неизмѣннымъ. Всегда будутъ люди, нападающіе на нихъ и ихъ защищающіе. Но теорія анархическая—не мирное ученіе. Напротивъ того, это—теорія борьбы. Она основывается не только на выводахъ разсудка, но затрогиваетъ такіа чувства, которыя перерождаются въ дикій фанатизмъ. Завзятый анархистъ не вѣритъ въ спокойную эволюцію общественныхъ силъ. Напротивъ того, онъ полагается исключительно на средства истребленія и террора. Между тѣмъ, допуская полное несовершенство настоящаго строя и прилагая всю душу къ улучшенію современныхъ законовъ и нравовъ, мы имѣемъ тѣмъ не менѣе право защищать мирное развитіе общества. Среди цивилизованныхъ людей всѣ вопросы, въ томъ числѣ и вопросы социальные, должны быть разрѣшаемы не грубою силою оружія и не бессмысленнымъ взрывомъ бомбъ, а непрерывающеюся работою умовъ, убѣжденіями разсудка и чувства. Вотъ что даетъ намъ право бороться со всею силою, со всею энер-

гією противъ „пропаганды дѣйствіемъ“, противъ анархическаго преступленія.

Переходя къ цѣлямъ и средствамъ борьбы, профессоръ Фанъ-Гамель заявилъ, что, съ точки зрѣнія уголовной антропологіи, право наказывать основывается прежде всего на необходимости *защитить общество*, а затѣмъ уже нужно разсудить, насколько *опасенъ* данный преступникъ и какія *причины* породили преступленіе?

Подвергать наказаніямъ слѣдуетъ и самое совершеніе преступленія и приговорительныя дѣйствія, въ которыхъ явно выразилось памѣреніе, и подстрекательство, публичное и тайное, прямое и косвенное (*incitation indirecte*), заключающееся между прочимъ, въ *аполоніи* преступленія.

Между пропагандистами дѣйствіемъ нужно различать обыкновенныхъ злоумышленниковъ, приставшихъ къ анархіи по личнымъ побужденіямъ, далѣе эпилептиковъ и психически больныхъ и, наконецъ, увлеченныхъ, неуравновѣшенныхъ, страстныхъ.

Относительно обыкновенныхъ злоумышленниковъ, прикрывающихся анархизмомъ,—нѣтъ сомнѣнія, какъ поступать. Они должны быть наказываемы на общемъ основаніи. Психически больные подлежатъ заключенію въ дома умалишенныхъ. И съ увлеченными, неуравновѣшенными и страстными слѣдуетъ также поступать по общимъ законамъ. Вообще анархическій мотивъ не можетъ служить поводомъ для примѣненія какихъ либо исключительныхъ мѣръ.

Напротивъ того, общество, на которое нападаютъ анархисты, должно доказать имъ, что оно смотритъ на нихъ, какъ на самыхъ обыкновенныхъ преступниковъ,—что ихъ преступленія, несмотря на кажущуюся своеобразность мотива, ничто иное, какъ злодѣянія, которыя были наказываемы во всѣ времена и на всемъ пространствѣ земнаго шара и что отъ нихъ оборона одна: общія мѣры, примѣняемыя ко всѣмъ преступникамъ.

Какимъ затѣмъ наказаніямъ подвергать анархистовъ? Вопросъ этотъ рѣшаетъ въ каждой странѣ мѣстный уголовный

кодексъ. Если существуетъ смертная казнь, то она должна быть примѣняема въ подлежащихъ случаяхъ, безъ опасенія того, что этимъ создаются „мученики“, такъ какъ если эта казнь возбуждаетъ фанатизмъ однихъ, то она за то устрашаетъ другихъ. Тамъ же, гдѣ смертная казнь отмѣнена по своей ненужности, какъ въ Голландіи, печально было бы вводить ее вновь изъ за анархистовъ, которые однако должны сами на себя пенять, если они вынудятъ законодателя на такую ретроградную мѣру. Но вообще всѣ наказанія должны быть обыкновенныя, а такъ какъ докладчикъ—защитникъ наказаній съ неопредѣленнымъ срокомъ для лицъ, которыя представляютъ постоянную опасность для общества, какъ, напримѣръ, для отъявленныхъ рецидивистовъ, то онъ признаетъ, что такая мѣра была бы также особенно умѣстна по отношенію къ анархистамъ. Рецидивистъ доказываетъ, насколько онъ опасенъ для общества постояннымъ повтореніемъ преступленія, а анархистъ—своимъ фанатизмомъ.

Въ заключеніе доклада г. Фанъ-Гамель сказалъ слѣдующее: „но заслуживаетъ ли современное общество того, чтобы мы его защищали? Оно далеко отъ совершенства, правда, мы это исполнѣ признаемъ; но то, что мы защищаемъ—не существующія установленія, не существующій порядокъ, а мирное преобразование ихъ“.

Любопытно, что этотъ докладъ, одного изъ выдающихся представителей новаго направленія въ уголовномъ правѣ, который долженъ былъ, какъ полагали, провести какіе-то новые уголовно-антропологическіе взгляды,—докладъ этотъ оказался въ сущности только самымъ обыкновеннымъ изложеніемъ давно извѣстныхъ юридическихъ возраженій противъ примѣненія исключительныхъ мѣръ, съ усиленіемъ лишь ноты строгости при примѣненіи общихъ законовъ, въ виду опасности, представляемой анархизмомъ.

Послѣ краткихъ замѣчаній профессора уголовного права ліонскаго факультета Гарро (Garraud), что строгія мѣры противъ анархистовъ все такъ благополучно воздѣйствовали во Франціи, не смотря на большой, будто-бы, контингентъ не-

уравновѣшенныхъ и патологическихъ субъектовъ среди ихъ,— выступилъ Ломброзо съ заявленіемъ, что докладъ заключаетъ въ себѣ, кажется, уже слишкомъ жестокое отношеніе къ анархистамъ, но что съ другой стороны нельзя не присоединиться къ изложенному въ немъ протесту противъ исключительныхъ мѣръ. Италія, въ особенности, показала въ послѣднее время самый омерзительный (*échétable*) примѣръ примѣненія такихъ законовъ. Они изданы были противъ анархистовъ, а между тѣмъ они примѣнялись къ социалистамъ, къ республиканцамъ, къ оппозиціи вообще, а въ то же время анархизмъ все разрастался. Онъ (Ломброзо) осуждаетъ примѣненіе смертной казни и безсрочныхъ наказаній къ анархистамъ. Взгляды общества на политическіе и социальныя вопросы такъ быстро мѣняются! Анархистовъ слѣдовало-бы ссылать въ отдаленныя колоніи, предоставивъ имъ тамъ возможность цивилизовать дикарей (вѣроятно, чтобы дать исходъ ихъ мнимымъ альтруистическимъ чувствамъ!). Хотя судъ присяжныхъ ораторомъ не одобряется, но онъ вынужденъ признать, что для политическихъ и религіозныхъ преступленій это единственно возможная форма суда, такъ какъ одни присяжные могутъ правильно рѣшить, согласны ли тѣ или другіи мысли съ убѣжденіями всего общества? Разумѣется, желательно, чтобы при этомъ составъ присяжныхъ былъ образованъ изъ сенаторовъ, депутатовъ, профессоровъ и т. п.

Предметъ былъ слишкомъ живой, чтобы въ пренія о немъ не вмѣшался Ферри. Онъ разразился взрывомъ негодованія противъ порядковъ, господствующихъ въ его отечествѣ относительно примѣненія исключительныхъ законовъ. Его самого преслѣдовали на основаніи какой-то статьи объ анархистахъ. Его осудили италіанскіе судьи! Вообще—онъ не допускаетъ преслѣдованія за „*косвенное* подстрекательство къ анархическимъ преступленіямъ“. Вѣдь подъ это понятіе можно подвести какую хотите общественную дѣятельность, направленную къ разработкѣ социальныхъ вопросовъ. А что касается до наказаній вообще, для анархистовъ или для другихъ преступниковъ, только—не одиночное заключеніе.. Это скрытая

ж. юрид. общ. кн. II 1897 г.

пытка... Нужны колоніи для преступниковъ... чистый воздухъ... Нужна не только хирургія соціальная, но соціальная гигиѣна, общественныя реформы нужны....

Въ публикѣ: „браво! браво“! Хотя когда рѣчь идетъ о „пропагандистахъ дѣйствиѣмъ“, то всего труднѣе рассчитывать, чтобы эти міроулучшатели при посредствѣ бомбъ могли успокоиться вслѣдствіе какихъ либо мирныхъ реформъ. Но что касается до „косвеннаго подстрекательства“, то тутъ нельзя не согласиться съ Ферри, что это самая щекотливая часть всего предмета. Дѣйствительно, можно кого хотите подобною статьею поразить. Съ другой стороны нельзя оставить безъ преслѣдованія безстыдную „апологию“ возмутительнѣйшихъ преступленій. Въ подобныхъ случаяхъ все зависитъ отъ практики, отъ умѣренности и отъ такта какъ администраціи, такъ и суда.

На очереди стоялъ вопросъ „*объ основаніяхъ и цѣли уголовной отвѣтственности*“. Докладчикъ, представившій длинное произведеніе по дѣющемуся въ теченіе вѣковъ вопросу, не явился лично, чему можно было только порадоваться, такъ какъ, согласно „статуту“ конгресса, вопросъ не подлежалъ разсмотрѣнію за неявкою автора доклада. Само собою разумѣется, что при быстротѣ и поверхностности работъ конгресса, немислимо было обсуждать въ немъ совершенно серьезно такіе предметы, какъ: „свободна-ли воля или не свободна“? и что такое „воля“ вообще? и существуетъ-ли „нравственная отвѣтственность“? и не слѣдуетъ-ли замѣнить понятіе о ней чѣмъ либо другимъ, болѣе современнымъ, болѣе моднымъ? и т. п.

Но вдругъ петербургскій профессоръ И. Я. Фойницкій, заявивъ, что замѣнить докладчика, взошелъ на трибуну и, изложивъ вкратцѣ сущность доклада, сослался на новѣйшую теорію Франца фонъ-Листа, которую тотъ развивалъ на послѣднемъ психологическомъ конгрессѣ въ Мюнхенѣ. Затѣмъ почтенный г. Фойницкій, обратившись къ Ферри, выразилъ желаніе выслушать „интересныя“ взгляды италіанской школы на этотъ предметъ.

Многіе изъ присутствующихъ и я въ томъ числѣ почувствовали нѣчто въ родѣ ужаса, такъ какъ предвидѣлось, что полетѣтъ потокъ словъ на тему, которая была такъ хорошо извѣстна всякому, сколько нибудь знакомому съ „открытіями“ уголовной антропологіи и съ ея юридическими или точнѣе анти-юридическими построеніями.

Разумѣется, Ферри не остался глухъ къ обращенному къ нему лично вызову и раздалась его рѣчь. Свободы воли, по его словамъ, не существуетъ. Человѣкъ отвѣтствененъ, потому что живетъ въ обществѣ. Общество привлекаетъ членовъ своихъ къ отвѣтственности, потому что оно должно защищаться отъ опасныхъ людей. Судья никогда не въ состояніи опредѣлить степень „нравственной вины“ подсудимаго, а потому попытка назначить „заслуженное наказаніе“ въ „опредѣленной дозѣ“, вся эта „уголовная дозиметрія“ — пустяки и пр. и пр. Затѣмъ Ферри привелъ въ восторгъ часть собранія, и въ томъ числѣ русскихъ врачей, рассказавъ въ комическомъ тонѣ, какъ судьи отмѣриваютъ наказаніе, назначая, на примѣръ, два года, три мѣсяца и пять дней тюрьмы и не заботясь о томъ, безопасно-ли будетъ выпустить послѣ этого срока заключеннаго на всѣ четыре стороны или необходимо-ли продержатъ его въ теченіе всего срока.

Въ приведенныхъ рѣчахъ, воспроизведшихъ одну изъ излюбленныхъ уголовно-антропологическихъ теорій, заключается порядочная путаница мыслей и, въ полемикѣ противъ свободной воли, — борьба съ мельницами, такъ какъ современное уголовное право совершенно обходится безъ этого понятія, подобно другимъ наукамъ, стремящимся разрѣшить существеннѣйшіе вопросы свои, не проникая въ недостижимую для человѣческой познавательной способности сущность вещей. При этомъ не слѣдуетъ забывать, что мыслительный процессъ настолько сложенъ и трудно объяснимъ, что мы представляемъ себѣ механизмъ его только въ самыхъ грубыхъ образахъ.

Вышеизложенная теорія смѣшиваетъ понятіе о обществѣ съ понятіемъ о государствѣ, — объективныя условія отвѣт-

ственности съ субъективными основаніями ея. Конечно, при сожительствѣ животныхъ, на которыхъ такъ любить ссылаться уголовная антропологія, животные, защищаясь другъ отъ друга, вѣются, кусаются, уничтожаютъ другъ друга безъ зачаточнаго даже представленія о „винѣ“. Но не то въ человѣческомъ обществѣ или, точнѣе, въ государствѣ, гдѣ неустранимо представленіе о „субъективной виновности“ со всѣмъ, что съ нею сопряжено.

Человѣкъ, дѣйствительно, отвѣтственъ, потому что государственная жизнь, т. е. та форма, которую приняло правовое сожительство людей, вынудила ихъ подчинять свое поведеніе извѣстнымъ правиламъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ давать отчетъ въ своихъ поступкахъ. Но это внѣшнее, объективное условіе отвѣтственности. Поведеніе же человѣка, поступки его вѣняются *ему* въ вину, ставятся *ему* на счетъ, по той причинѣ, что *онъ*, обладая сознаниемъ, совершилъ ихъ. Здѣсь рѣчь идетъ вовсе не о „свободѣ воли“ или о какомъ либо другомъ отвлеченномъ представленіи, а о томъ неоспоримомъ фактѣ, что сознание человѣка вліяетъ на то, что принято называть его „волею“,—что самъ человѣкъ оказывается ближайшимъ дѣятелемъ своихъ дѣйствій,—тѣмъ непосредственнымъ antecedентомъ, тѣмъ предыдущимъ явленіемъ, которыми эти дѣйствія опредѣляются. Вотъ это и есть основаніе субъективной отвѣтственности и причина вѣненія.

Цѣль наказанія, связаннаго со вѣненіемъ, заключается въ томъ, чтобы породить въ сознаніи какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и всего общества представленіе о томъ, что отъ извѣстныхъ дѣйствій слѣдуетъ воздерживаться или, иными словами болѣе близкими къ языку уголовной антропологіи,—чтобы возбудить въ нервной системѣ дѣятельность влѣтокъ, сдерживающихъ импульсы,—чтобы создать центры сопротивленія извѣстнымъ нервнымъ токамъ.

Мы сами совершаемъ, при свѣтѣ разсудка, сознательныя дѣйствія свои, а не являемся лишь безсильными зрителями при совершеніи ихъ какимъ-то автоматомъ, въ насъ гнѣздящимся. Поэтому, чтобы побудить насъ къ измѣненію нашихъ

поступковъ, когда это желательно, нужно прежде всего повліять на насъ самихъ, на нашу познавательную способность, на нашу психею; къ средствамъ же такого воздѣйствія относятся и воспитаніе и наказаніе. Слѣдовательно, никакія фразы не могутъ устранить то, что установлено сознаниемъ всего человѣчества. Одни говорятъ „свободная воля“, другіе „самоопредѣленіе по мотивамъ“, а въ сущности все сводится къ одному и тому же: что сознательныя дѣйствія человѣка непосредственно отъ него зависятъ. Пытаясь же поколебать понятіе о „нравственной отвѣтственности“, мы посягаемъ на громадную общественную силу, которая основывается на глубокайшемъ убѣжденіи всего человѣчества. А что касается до пресловутой „защиты общества“, то способы самозащиты людей, связанныхъ государственнымъ союзомъ, отъ бурь, эпидемій, хищныхъ животныхъ и даже отъ умалишенныхъ будутъ всегда иными, чѣмъ способы обороны отъ вредныхъ, но совершенныхъ при полномъ сознаніи человѣка, дѣйствій его, и никакая „уголовная антропология“ не въ состояніи затереть это различіе.

Докладъ Ломброзо о томъ, какъ слѣдуетъ обходиться (traitement) съ преступникомъ случайнымъ и прирожденнымъ, сообразно его полу, возрасту, типу и пр. былъ однимъ изъ любопытныхъ эпизодовъ конгресса.

По словамъ докладчика, есть такіе прирожденные преступники, на которыхъ никакія перемѣны въ окружающей средѣ вліянія имѣть не могутъ. Но это, преимущественно, эпилептики или наслѣдственные алкоголики, а ихъ можно лѣчить трепанаціею черепа, белладонною, гипнотическими внушеніями и т. п.

Впрочемъ, такія средства удаются только въ единичныхъ случаяхъ. Съ большимъ же успѣхомъ они могутъ быть примѣняемы къ *полу-прирожденнымъ преступникамъ*. На этихъ послѣднихъ благотворно дѣйствуетъ воспитаніе въ деревняхъ, на чистомъ воздухѣ, вдали отъ городской заразы, — нравственные средства рядомъ съ врачебною помощью. А затѣмъ всѣ тѣ мѣры, которыя извѣстны подъ названіемъ „соціальныхъ

реформъ“. (Тутъ докладчикъ перечисляетъ на удачу все, что ему извѣстно по этому предмету, между прочимъ, прогрессивный налогъ, сборы съ наслѣдствъ и пр.).

Я позволилъ себѣ замѣтить г. Ломброзо, что онъ, предлагая лѣчить прирожденныхъ преступниковъ, приносить, кажется, логику въ жертву чувству гуманности. Если бы онъ былъ строго послѣдователемъ, то долженъ былъ бы предложить истреблять прирожденныхъ преступниковъ, даже тотчасъ послѣ появленія ихъ на свѣтъ, просто такъ, какъ давятъ наѣкомыхъ, тѣмъ болѣе, что антропологическая школа не требуетъ наличности „нравственной вины“ для принятія мѣръ! „общественной обороны“. Разъ „научно“ установлено, что извѣстный субъектъ опасенъ и вреденъ, нечего, кажется, стѣснять-ся. На это Ломброзо далъ интересный отвѣтъ. „Я не такъ далеко расхожусь“, сказалъ онъ, „съ тѣмъ, что сказалъ г. Закревскій, какъ можно было-бы предполагать. Въ началѣ моихъ занятій я, дѣйствительно, считалъ смертную казнь однимъ изъ лучшихъ средствъ общественной обороны. Но затѣмъ я на опытѣ удостовѣрился, что число прирожденныхъ преступниковъ слишкомъ велико: 35, 36% всего числа преступниковъ. Нельзя же приносить такіа гекатомбы! Анатомія, впрочемъ, доказываетъ, что имѣются степени болѣзни. Самая сильная степень обнимаешь всего 5, 6%. *Половину или треть случаевъ этой болѣзни можно излечить*“.....

Бельгійскій министръ (ministre d'état) и сенаторъ Лежёнъ (Lejeune) ¹⁾ произнесъ хорошую рѣчь въ примирительномъ направленіи. Онъ замѣчательный ораторъ, говоритъ спокойно, нѣсколько торжественно; наружностью напоминаетъ Гладстона. Это типъ испытаннаго западно-европейскаго общественнаго дѣятеля, искусившагося въ парламентской борьбѣ.

Г. Лежёнъ заявилъ, что принадлежитъ къ числу юристовъ „классической школы“, но, озабоченный жгучими нуждами человѣчества, прибылъ на конгрессъ, чтобы поразмыслить о

¹⁾ Членомъ конгресса состоялъ и бельгійскій министръ юстиціи Бегеремъ. Онъ усердно посѣщалъ засѣданія, но ни разу не выступалъ.

средствахъ борьбы съ тѣмъ ужаснѣйшимъ бичемъ, которое называется преступленіемъ. Ораторъ допускаетъ, что имѣются нравственно-притупленныя личности, которыхъ можно, пожалуй, назвать прирощенными преступниками. Но, нѣсколько напуганный первоначальными ученіями уголовной антропологіи, онъ съ радостью здѣсь узналъ, что такія личности излѣчимы. Быть можетъ, необходимо бываетъ подвергать ихъ трепанациі, но на нихъ, какъ признано Ломброзо, дѣйствуютъ и нравственныя средства. Если прирощенный преступникъ *больной*, то онъ *больной излѣчимый* и его можно пользоваться и воспитательнымъ и религіознымъ воздѣйствіемъ. При такой постановкѣ вопроса теоретическія разномыслія сглаживаются и всѣ люди, которымъ дорого благо человѣчества, могутъ подать другъ другу руку.

Въ послѣднемъ засѣданіи конгресса опять появился на сцену Ферри и сталъ рисовать картину „юстиціи будущаго“.

Это произошло при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Присутствующій на конгрессѣ инспекторъ всѣхъ лондонскихъ тюремъ маіоръ Гриффитъ (Griffith) просилъ одного изъ французовъ прочесть его сообщеніе о мѣрахъ противъ рецидивистовъ.

Содержащіеся въ тюрьмахъ, пишетъ г. Гриффитъ, раздѣляются на двѣ большія категоріи: на такихъ, которые никогда не должны бы попадать въ тюрьмы (мелкіе нарушители, случайные, въ первый разъ попавшіеся) и на такихъ, которыхъ никогда не слѣдовало бы выпускать изъ нихъ (неисправимые, упорные рецидивисты). Къ первой категоріи справедливо было-бы примѣнять мягкія мѣры, въ родѣ условнаго осужденія; людей второй категоріи слѣдовало бы содержать въ тюрьмахъ пока они не перестанутъ представлять опасность для честныхъ людей и относительно ихъ всего умѣстнѣе наказанія безъ опредѣленія срока, до исправленія. Все затрудненіе при примѣненіи этой системы, говоритъ въ заключеніе инспекторъ лондонскихъ тюремъ, состоитъ въ разрѣшеніи вопроса, кто будетъ признавать, что арестантъ исправился и что его можно окончательно освободить?

За разрѣшеніе этого вопроса взялся г. Фанъ-Гамель. По его словамъ, особая коммисія, состоящая изъ судебныхъ и административныхъ чиновъ, будетъ изслѣдовать заключеннаго, повторять свои изслѣдованія много разъ, и она окончательно постановитъ, на основаніи собраннаго ею матеріала, исправился ли заключенный или же нужно его еще держать подъ стражею. Теперь преступникъ, высиживъ извѣстный срокъ, считаетъ, что онъ расчитался съ обществомъ, а тогда онъ будетъ лучше сознавать, что онъ не мыслимъ въ обществѣ, пока не отрѣшится отъ намѣренія нарушать условія общезжитія. Эти разсужденія побудили Ферри появиться на трибунѣ.

„Учрежденія“, такъ началъ знаменитый италіанецъ, „переживаютъ свои медовые мѣсяцы, подобно новобрачнымъ и медовые мѣсяцы современнаго судебного устройства уже прошли“. Къ теперешнему судебному строю нельзя „прищепить“ ничего разумнаго,—ни неопредѣленнаго приговора, ни условнаго осужденія. Весь этотъ строй слѣдуетъ измѣнить. Современные судьи не способны ни на что прогрессивное: они погразили въ римскомъ правѣ....нужны соціологи, психологи. Осужденные должны быть раздѣляемы на извѣстныя категоріи, сообразно ихъ психологическимъ признакамъ. Судья только констатировалъ бы фактъ совершенія преступленія и опредѣлялъ бы *предварительно*, къ какой категоріи слѣдуетъ отнести осужденнаго. А затѣмъ уже особая коммисія, состоящая изъ лица судебного вѣдомства, лица прокурорскаго надзора, защитника, изъ медиковъ, психіатровъ и изъ представителей народнаго элемента, по выбору общества, рѣшала бы, какъ поступить съ обвиняемымъ. При этомъ засѣданія этой коммисіи должны быть публичными, а защитникъ не адвокатомъ, такимъ какъ теперь, а должностнымъ лицомъ, сознающимъ всю важность общественныхъ обязанностей своихъ. Тогда не будетъ происходить такихъ возмутительныхъ преній, какія теперь встрѣчаются, гдѣ стороны прибѣгаютъ къ уловкамъ, на счетъ судьбы подсудимаго, гдѣ все зависитъ отъ случая....

И даже эта рѣчь вызвала рукоплесканія. „Браво, браво“, раздавалось въ залѣ и съ галлерей, гдѣ была публика.

Профессоръ уголовного права женевского университета Готье (Gautier) сдѣлалъ робкую попытку выразить нѣкоторую оппозицію и перенести присутствующихъ, какъ онъ выразился, съ облаковъ на землю. Онъ даже не возражалъ противъ проекта упраздненія судебного вѣдомства съ замѣною его какими то „соціологами“, „психологами“ и т. п., противъ упраздненія свободной адвокатуры и замѣны ея защитниками - чиновниками, противъ введенія процедуры, при которой рѣчь шла бы не о тяжести преступленія и о значеніи уликъ, а о какихъ то психофизиологическихъ „стигматахъ“, о строеніи челюстей, ушей и пр.,—стигматахъ, которые каждый псевдо-ученый опредѣлялъ бы по своему. Профессоръ Готье ограничился указаніемъ, что вообще не имѣется серьезныхъ данныхъ для правильного разрѣшенія вопроса, исправился ли человекъ, заключенный въ тюрьму, и пересталъ ли онъ быть опаснымъ для общества? Жизнь въ тюрьмѣ не есть что либо вполне нормальное. Лицемеръ будутъ всегда имѣть преимущество. А политическіе, а анархисты, совершившіе преступленіе по какимъ либо своеобразнымъ мотивамъ? Будутъ ли и ихъ спрашивать, раскаялись ли они, измѣнили ли они свои убѣжденія и, сообразно отвѣту, выпускать или содержать ихъ въ тюрьмѣ? Система безсрочныхъ приговоровъ, по словамъ Готье, представляетъ непреодолимые затрудненія и можетъ быть примѣняема только къ несовершеннолѣтнимъ, къ алкоголикамъ, морфинистамъ и т. п.

При этихъ преніяхъ, какъ мнѣ казалось, было совершенно упущено изъ виду существенное обстоятельство, а именно, что преступникъ все таки не можетъ быть приравниваемъ къ больному, которому врачомъ дается лекарство постепенно, въ опредѣленныхъ дозахъ, сообразно ходу болѣзни, а въ случаѣ исцѣленія вовсе прекращается дача. Каждому наказанію, даже условному осужденію, долженъ быть свойственъ въ извѣстной степени и устрашающій характеръ, независимо отъ исправительнаго, а потому пер-

спектива лишиться свободы на опредѣленный, болѣе или менѣе продолжительный, срокъ должна входить, какъ существенный элементъ, въ представленіе о наказаніи.

Было доставлено конгрессу еще много докладовъ и сообщеній. Между прочимъ курьезный докладъ ліонскаго профессора судебной медицины Лакассанъ (Lacassagne) о кражахъ въ большихъ магазинахъ въ Парижѣ. Кражи эти совершаются будто бы болѣею частью психопатками, невропатками и пр., которыхъ возбуждаютъ изобиліе товаровъ, толкотня, суета, раздушенный воздухъ. Дабы онѣ не были вводимы во искушеніе, слѣдовало бы, по мнѣнію автора доклада, приставить на счетъ означенныхъ большихъ коммерческихъ предприятий по одному городовому у каждаго ряда половъ.

Прочіе доклады касались самыхъ разнообразныхъ предметовъ, начиная отъ отвлеченныхъ и кончая лучшимъ способомъ полицейскаго удостовѣренія личности. Объ этихъ докладахъ въ томъ числѣ и о своемъ собственномъ на тему „*объ отношеніяхъ антропологии къ праву*“ (но антропология не криминальной, а общей, такъ былъ поставленъ вопросъ организаціонною комисією)—я говорить не стану. Достаточно уже, кажется, сказано для характеристики трудовъ конгресса и господствовавшего въ немъ направленія.

Послѣднимъ вопросомъ былъ: гдѣ и когда собраться въ слѣдующій разъ? Въ Парижѣ ли въ 1900 году или въ Голландіи (въ Гагѣ или въ Амстердамѣ) въ другое время? Рѣшили: въ Голландіи въ 1901 году, такъ какъ въ Парижѣ, въ особенности во время всемірной выставки, будетъ слишкомъ шумно.

Конгрессъ предъ закрытіемъ вотировалъ нѣсколько „пожеланій“ (vœux), впрочемъ очень скромныхъ. Вотъ они: чтобы всѣ правительства соединились для борьбы противъ алкоголизма; чтобы правительства слѣдовали по стопамъ Песталлоци и придавали бы своимъ исправительно-воспитательнымъ учрежденіямъ для порочнаго юношества форму семейную, частную, преимущественно сельско-хозяйственную; чтобы уголовная антропология была предметомъ спеціального препода-

даванія въ университетахъ; чтобы преступниковъ, сошедшихъ съ ума послѣ обращенія приговора къ исполненію, лѣчили не въ особенныхъ отдѣленіяхъ при тюрьмахъ, а въ домахъ умалишенныхъ (это чисто административный вопросъ, притомъ мѣстный для каждой страны и не имѣющій принципіальнаго значенія).

Другія внесенныя предложенія о „пожеланіяхъ“ были отклонены, какъ не вытекающія изъ разсмотрѣнныхъ вопросовъ.

Закрывая конгрессъ предсѣдатель вкратцѣ резюмировалъ труды его, но при этомъ имѣлъ неосторожность сказать, что анатомическій типъ преступника какъ и былъ, такъ и остался—неустановленнымъ.

Тогда выступилъ Ломброзо и, хотя конгрессъ уже былъ объявленъ закрытымъ, взошедши на трибуну, сказалъ, что, не смотря на все, анатомическій типъ преступника *существуетъ*.

Это была своего рода пародія на восклицаніе Галилея: „Ерриг зі тшове“!

Многіе улыбнулись и всѣ разошлись.....

Несмотря на нѣкоторую безрезультатность четвертаго международнаго уголовно-антропологическаго конгресса, происшедшею отъ того, что италіанская школа рѣшилась взять штурмомъ въ Женевѣ тѣ научныя позиціи, которая она въ предыдущее время утратила, и что хотя она и пустила въ ходъ свои главныя силы въ лицѣ господъ Ломброзо и Ферри, прибѣгшимъ къ сарказмамъ и къ рѣзкимъ полемическимъ приемамъ, тѣмъ не менѣе названная школа не могла одержать верхъ ни надъ серьезною наукою, ни надъ здравымъ смысломъ,—несмотря однако на все это женевскій конгрессъ еще разъ доказалъ, что въ образованномъ мірѣ существуетъ потребность разрабатывать вопросы, влонящіеся въ опредѣленію—насколько это достижимо вообще—границъ умопомѣшательства и преступленія, въ обнаруженію общественныхъ язвъ,

порождающихъ преступность, и ко внесенію новаго духа въ уголовное право и въ пенитенціарныя дисциплины.

И многочисленность и разнообразіе сообщений и докладовъ, и горячность, съ которою обсуждались вопросы, и желаніе вновь собраться, да, вромѣ конгресса, и огромная литература предмета, постоянно разрастающаяся,—все указываетъ на упомянутое выше направленіе.

Во время преній было упомянуто о „противникахъ уголовной антропологіи“.

Съ своей стороны я такихъ не знаю и полагаю, что безбрежная „наука“, поставившая себѣ цѣлью изслѣдовать генезисъ преступности и раскрыть наиболѣе цѣлесообразныя средства борьбы съ нею (несмотря на то, что для этой молодой пришелицы съ ея большими претензіями какъ-то трудно найти мѣсто среди ея болѣе пожилыхъ и вполне установившихся сестеръ)—эта наука, говорю я, не можетъ не привлекать къ себѣ симпатій людей мысли и дѣла своими задачами, проникнутыми вѣяніями современности. Противниками ея нельзя назвать даже криминалистовъ, опирающихся на начало свободной воли, которое не препятствуетъ ни признанію за естественно-научными изслѣдованіями надлежащаго значенія, ни соглашенію на почвѣ жизненной, сходно съ тѣмъ, какъ принадлежность къ разнымъ вѣроисповѣданіямъ или даже къ разряду свободныхъ мыслителей не мѣшаетъ честнымъ людямъ одинаково относиться на практикѣ къ вопросамъ нравственнымъ.

Но мнѣ хорошо извѣстны противники разныхъ произвольныхъ измышленій, шумно оглашаемыхъ и развязно проводимыхъ подъ видомъ точной науки. Подобныхъ противниковъ я не могу не знать, такъ какъ самъ принадлежу къ ихъ числу.

Игн. Закревскій.

ХРОНИКА РУССКАГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА.

Уголовное право.

(1896 года).

Въ области уголовного законодательства въ 1896 году, какъ и въ прошломъ году, продолжались, главнымъ образомъ, подготовительныя работы по преобразованію судебной части и главнаго тюремнаго управленія. Окончаніе этихъ работъ несомнѣнно будетъ крупнымъ событіемъ, которое серьезно измѣнитъ существующіе порядки, пока же въ хроникѣ можно говорить только о небольшихъ, сравнительно, измѣненіяхъ въ дѣйствующихъ законахъ.

Развитіе русской фабричной и заводской промышленности, сдѣлавшей значительные успѣхи въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій, выдвинуло на очередь и вопросъ объ охранѣ такихъ правъ фабрикантовъ, на защиту которыхъ законодательство раньше не обращало вниманія. Процессы, возникавшіе вслѣдствіе пользованія чужой фирмой, этикетами и фабричными знаками выяснили слабость уложенія о наказаніяхъ въ этомъ отношеніи: одной 1354 ст. грозившей ссылкой на житье или тюрьмой на 4—8 мѣсяцевъ за поддѣлку „чужихъ клеймъ и знаковъ, прикладываемыхъ съ дозволенія правительства къ издѣліямъ или произведеніямъ мануфактуръ, фабрикъ и заводовъ“, очевидно, было недостаточно при возросшемъ торговомъ оборотѣ и существованіи массы фирмъ,

приобрѣвшихъ болѣе или менѣе широкую извѣстность. Сообразно съ этимъ и редактированъ новый законъ въ слѣдующемъ видѣ:

1) „Промышленникъ или торговецъ, виновный въ самовольномъ выставленіи на изготовленномъ имъ или находящимся у него для продажи товарѣ, или на упаковке и посудѣ, въ коей хранятся товары и т. п., товарнаго знака точно воспроизведеннаго или явно сходственнаго съ такимъ же товарнымъ знакомъ, состоящимъ, завѣдомо для виновнаго, въ исключительномъ пользованіи другаго промышленника или торговца, подвергается: заключенію въ тюрьмѣ на время отъ 4 до 8 мѣсяцевъ. Тому же наказанію подвергается промышленникъ или торговецъ, виновный въ храненіи въ промышленномъ или торговомъ заведеніи или въ продажѣ товара съ указанными, завѣдомо для него самовольно выставленными, знаками“.

Примѣчаніе. Дѣла о нарушеніяхъ, означенныхъ въ сей статьѣ, начинаются не иначе, какъ по жалобѣ промышленника или торговца, которому принадлежитъ право исключительнаго пользованія самовольно выставленнымъ товарнымъ знакомъ.

2) „Промышленникъ или торговецъ, виновный въ выставленіи на товарѣ или на упаковке и посудѣ, въ коей хранятся товары и т. п., товарныхъ знаковъ съ запрещенными надписями и изображеніями, а также въ храненіи въ промышленномъ или торговомъ заведеніи или въ продажѣ товара съ такими знаками, подвергается: въ 1 разъ—денежному взысканію не свыше 100 руб., а во 2 и послѣдующіе разы такому же взысканію не свыше 200 руб.

Въ случаяхъ, указанныхъ въ ст. 1 и 2 товарные знаки подлежатъ снятію и уничтоженію“.

Новый законъ охраняетъ, такимъ образомъ, не только фабричное, но и товарное клеймо, слѣдовательно, такое, которое можетъ быть наложено независимо отъ фабриканта купцомъ, выпускающимъ товаръ на продажу какъ бы съ ручательствомъ за его доброкачественность, сообразно съ этимъ законъ и говоритъ о клеймѣ на товарѣ „изготовленномъ или

находящемся для продажи“. Другое важное отличие— это исчезновение термина: поддѣлка, и замѣна его несомнѣнно болѣе соответствующимъ дѣлу выраженіемъ „самовольное выставленіе“, такъ какъ во многихъ случаяхъ пользованіе чужимъ товарнымъ знакомъ является однимъ изъ безчисленныхъ приѣмовъ несовсѣмъ чистоплотной конкуренціи, переходящей границы дозволеннаго. Практическими соображеніями вызвано и то мѣсто закона, гдѣ говорится о самовольномъ выставленіи „точно воспроизведеннаго или явно сходственнаго знака“: послѣдній случай не предусматривался закономъ, а между тѣмъ ловкіе торговцы, какъ доказало, напр., извѣстное дѣло фирмы бр. Поповыхъ, устраивали такимъ образомъ свои этикетки, что ихъ почти нельзя было отличить отъ этикетокъ другой фирмы, но въ то же время прямой поддѣлки не было, все ограничивалось сходствомъ. Такъ какъ преслѣдованіе за выставленіе не надлежащихъ товарныхъ знаковъ ближайшимъ образомъ затрогиваетъ лицъ, заинтересованныхъ въ охранѣ достоинства товаровъ, то дѣла и могутъ быть начаты лишь по требованію того, кому принадлежитъ право исключительнаго пользованія самовольно выставленными товарными клеймами.

Вторая статья устанавливаетъ наказаніе (штрафъ не свыше 200 руб.) за употребленіе товарныхъ знаковъ съ запрещенными надписями или изображеніями. Въ обоихъ случаяхъ одинаковому наказанію подвергаются лица виновные въ храненіи или имѣніи въ продажѣ товаровъ съ завѣдомо для нихъ недозволенными клеймами.

Вниманіе законодательства въ удовлетворенію потребностей торговаго оборота выразилось и въ измѣненіи ст. 1386, 1389, 1390, 1395, 1396 и 1404 уложенія о наказаніяхъ, опредѣлявшихъ отвѣтственность за несоблюденіе правилъ торговли издѣліями изъ драгоцѣнныхъ металловъ. Новая редакція ст. 1386 охватываетъ случаи торговли или храненія въ магазинѣ оконченными (кромѣ отданныхъ въ починку) золотыхъ или серебряныхъ издѣлій безъ установленной пробы, сусальнаго золота, серебра или двойника въ книжкахъ безъ

обозначенія или съ невѣрнымъ обозначеніемъ на нихъ достоинства товаровъ и издѣлій канительнаго производства безъ наложенія именника на пломбахъ и т. п. и увеличиваетъ наказаніе до пятикратнаго взысканія стоимости металла въ издѣліяхъ, не удовлетворяющихъ требованіямъ закона, вмѣсто назначавшагося до сихъ поръ тройнаго взысканія.

Ст. 1389 новой редакціи, замѣнившая ст. 1390 въ уложеніи изданія 1885 г., опредѣляетъ отвѣтственность за торговлю золотыми или серебряными издѣліями, которые „въ массѣ или въ составныхъ или въ придаточныхъ частяхъ“ окажутся ниже узаконенной пробы, увеличиваетъ штрафъ до 300 руб. (прежде до 200 руб.) и назначаетъ параллельно арестъ до 3-хъ мѣсяцевъ за проступокъ совершенный въ первый разъ; въ случаѣ повторенія къ денежному взысканію присоединяется тюремное заключеніе отъ 2 до 4 мѣсяцевъ.

Ст. 1390 нѣсколько обобщаетъ постановленія старой 1395 ст., назначая наказаніе за неузаконенное обращеніе въ торговлѣ слитковъ золота (безъ наложенія на него своего именника) промышленникамъ вообще, а не *мастерамъ и фабрикантамъ*, какъ опредѣлялось раньше, что дѣлало статью примѣнимой на практикѣ не ко всѣмъ случаямъ предусматриваемаго ею правонарушенія.

Поддѣлка пробирныхъ клеймъ, пользованіе поддѣльными клеймами, измѣненіе клейма наложеннаго пробирнымъ установленіемъ или, наконецъ, наложеніе клейма помимо надлежащаго установленія разсматриваются въ 1395 ст. (новая редакція 1396 ст. въ изд. 1885 г.); наказаніе сохранено прежнее: ссылка на житье или заключеніе въ исправительномъ арестантскомъ отдѣленіи отъ 3 до 3½ лѣтъ, причемъ, какъ и раньше, это наказаніе смягчается въ случаѣ добровольнаго отказа отъ пользованія изготовленными клеймами или своевременной явки съ повинной. За торговлю золотыми и серебряными издѣліями въ обстоятельствахъ, предусмотрѣнныхъ ст. 1395, торговцамъ назначается тюрьма отъ 4 до 8 мѣсяцевъ; это новое постановленіе является необходимымъ дополненіемъ предыдущихъ, такъ какъ сопоставлять торгов-

цевъ съ поддѣльвателями клеймъ было бы слишкомъ строго—виновность тѣхъ и другихъ весьма различна, и, слѣдовательно, удобнѣе было выдѣлить постановленіе о нихъ въ особую статью, что теперь и сдѣлано.

Въ ст. 1404 (изд. 1885 г.), въ которой говорится объ отсылкѣ конфискованнаго золота и серебра на монетный дворъ и о причисленіи штрафа къ государственнымъ доходамъ, перенесено общее постановленіе о конфискаціи издѣлій и слитковъ въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ ст. 1386, 1389, 1390, 1395 и 1396 новой редакціи, благодаря чему исчезли неизбѣжныя повторенія одного и того же распоряженія въ различныхъ статьяхъ.

Сверхъ того совершенно исключены ст. 1385, говорившая о незаконномъ занятіи мастерствомъ золотыхъ и серебряныхъ издѣлій и ст. 1401, предвидѣвшая продажу издѣлій изъ различныхъ композицій за серебро и золото, такъ какъ первая, въ сущности, относится къ полицейской области, а вторая разсматривала одинъ изъ случаевъ мошенничества.

Вслѣдствіе изданія новыхъ правилъ о разработкѣ драгоценныхъ металловъ и камней въ мировой уставъ внесена новая статья 145¹, устанавливающая наказаніе за самовольное добываніе на чужой землѣ драгоценныхъ и цвѣтныхъ камней—денежное взысканіе до 30 руб., въ случаѣ повторенія—арестъ до 3 мѣсяцевъ.

Разсмотрѣнныя измѣненія уголовныхъ законовъ, касающіяся различныхъ областей торговой и промышленной дѣятельности, принесутъ большую пользу, упорядочивъ тяжело чувствовавшіеся пробѣлы и недостатки закона, которыхъ вообще не мало не только въ соотвѣствующихъ частяхъ уложенія о наказаніяхъ, но и вообще въ торговыхъ законахъ, требующихъ кореннаго пересмотра.

Нельзя не отмѣтить и дополненія ст. 360 улож. о наказ., говорящей о порядкѣ покрытія убытковъ, причиненныхъ растратами должностныхъ лицъ; по прежней редакціи отвѣтственность падала, въ случаѣ нанесенія ущерба выборными должностными лицами, на избравшія ихъ общества безъ огра-

ниченій, по измѣненной редакціи отвѣтственность крестьянскихъ обществъ введена въ предѣлы: отнынѣ общество должно отвѣчать лишь за растраты, совершенныя должностными лицами въ кругѣ вѣдомства крестьянскаго управленія, а не при выполненіи особо возложенныхъ на нихъ обязанностей (напр. производство почтовой операціи).

Введеніе административно-судебныхъ органовъ и связанное съ ними расширеніе вѣдомства волостныхъ судовъ вызвало нѣкоторыя поправки въ уставѣ о наказаніяхъ по наиболѣе распространеннымъ имущественнымъ преступленіямъ въ виду того, что до сихъ поръ оставалось невыясненнымъ отношеніе приговоровъ волостныхъ судовъ къ мировымъ, въ томъ случаѣ, когда въ мировомъ судѣ приходилось судить лицъ уже ранѣе приговоренныхъ къ тому или другому наказанію волостными судами: приходилось придавать приговорамъ волостныхъ судовъ такое значеніе какъ и мировыхъ. Эти возможныя недоразумѣнія устранены измѣненіемъ ст. 181, 2 устава о наказаніяхъ въ томъ смыслѣ, что предыдущая судимость въ волостныхъ судахъ за кражу и мошенничества не служить основаніемъ для переноса дѣла въ окружный судъ, хотя бы въ наличности было и два обвинительныхъ приговора волостнаго суда, тогда какъ по общему правилу совершеніе кражи въ третій разъ на какую бы то ни было сумму исключаетъ разсмотрѣніе дѣла изъ вѣдомства мировой юстиціи.

Измѣнена и редакція 8 пункта 170 ст. и 1 пункта 175 ст. устава о наказаніяхъ, говорящихъ о повышеніи наказанія за совершеніе предусмотрѣнныхъ названными статьями правонарушеній лицами, уже однажды осужденными за кражу или мошенничество; измѣненіе редакціи состоитъ въ прибавленіи фразы „или хотя бы и дважды, но по приговору волостнаго суда“, такимъ образомъ закономъ какъ бы устанавливается извѣстное мѣрило тяжести волостной (въ мѣстностяхъ, гдѣ введены земскіе начальники) и общей юстиціи: приговоръ второй считается въ два раза тяжелѣе; эта необходимость механической и всегда нѣсколько неопредѣлен-

ной раздѣлки тяжести приговора служить однимъ изъ указаній на неудобство выдѣленія губерній съ административно-судебными органами и разчлененія обязанностей отправленія правосудія между судебными и административными установленіями, чѣмъ, безъ существенной пользы для правосудія, нарушается правильность системы судебныхъ учреждений.

Изъ другихъ дополненій мирового устава можно указать на внесеніе въ него статьи (48²) о денежномъ штрафѣ (до 50 руб.) съ нехристіанъ-хозяевъ за препятствованіе служащимъ у нихъ христіанамъ исполнять религіозныя обязанности.

Въ судопроизводственныхъ законахъ сдѣлано измѣненіе въ порядкѣ вызова свидѣтелей: исключена ст. 574, обязывающая предсѣдателя суда вызывать свидѣтелей, допрошенныхъ на предварительномъ слѣдствіи, кромѣ случаевъ, указанныхъ закономъ. Въ ст. 575 сдѣлано болѣе точное опредѣленіе о дополнительномъ вызовѣ свидѣтелей по ходатайству участвующихъ лицъ, причемъ прежнее опредѣленіе „новыхъ свидѣтелей, не сирощенныхъ на предварительномъ слѣдствіи“, замѣнено болѣе общимъ положеніемъ: „свидѣтелей, не внесенныхъ въ списокъ лицъ, вызванныхъ къ судебному слѣдствію“. По старой редакціи предсѣдатель предлагалъ вопросъ о вызовѣ или невызовѣ свидѣтеля на разрѣшеніе суда, который постановляя рѣшеніе, долженъ былъ руководствоваться соображеніями объ „основательности представляемыхъ причинъ и важности обстоятельствъ“, подтверждаемыхъ показаніями. Теперь судъ обязанъ оцѣнить при обсужденіи ходатайствъ, могутъ ли имѣть значеніе для дѣла обстоятельства, которыя, предполагается разъяснить показаніями вновь вызванныхъ свидѣтелей, и въ случаѣ отказа—составить мотивированное опредѣленіе. Это урегулированіе порядка вызова свидѣтелей по ходатайству сторонъ, въ общемъ порядкѣ, не на средства лицъ, ходатайствующихъ объ этомъ, является довольно существеннымъ улучшеніемъ въ виду того, что свидѣтельскія показанія представляютъ чрезвычайно важное доказательство, и что участвующіе часто жалуются на ущербъ, наносимый ихъ интересамъ неправильнымъ отказомъ суда, а

право предоставляемое сторонамъ вызывать свидѣтелей на свой счетъ или приглашать ихъ въ судъ по добровольному соглашенію не даетъ достаточной охраны: свидѣтели могутъ не явиться, у заинтересованной стороны можетъ не оказаться средствъ, чтобы оплатить расходы по вызову. Требованіе мотивированнаго опредѣленія, въ которомъ должны быть точно указаны основанія, по которымъ судъ считъ возможнымъ не исполнить просьбы о вызовѣ, обезпечиваетъ всестороннее и внимательное обсужденіе этого вопроса и даетъ возможность, въ случаѣ надобности, высшей инстанціи провѣрить правильность опредѣленія.

Утвержденіе новаго пробирнаго устава, повлекшее указанныя выше измѣненія въ уложеніи о наказаніяхъ, вызвало соотвѣтственную перемѣну и въ процессуальномъ законодательствѣ: приложение къ 1124 ст. уст. угол. суд. дополнилось новымъ VI раздѣломъ, опредѣляющимъ разсмотрѣніе дѣлъ по нарушенію правилъ пробирнаго устава казеннымъ управленіемъ безъ вмѣшательства судебной власти; къ категоріи такихъ дѣлъ законъ относитъ: незаявленіе въ установленномъ порядкѣ о производствѣ торговли золотыми и серебряными издѣліями, неведеніе или неправильное веденіе шнурованныхъ книгъ и т. п. Примѣчаніе къ ст. 1179 дополнено соотвѣтственнымъ постановленіемъ объ отсылкѣ слѣдственнаго производства по нарушенію пробирнаго устава къ управляющимъ пробирными округами.

Опредѣленіемъ уголовнаго кассационнаго департамента правительствующаго сената отъ 24 октября 1895 г., опубликованномъ въ циркулярѣ министра юстиціи въ 1896 г., разъяснено примѣненіе 518 ст. уст. угол. суд. въ тѣхъ случаяхъ, когда подсудимые обвиняются въ двухъ преступленіяхъ, наказаніе за одно изъ которыхъ соединено съ лишеніемъ правъ (ст. 544 уст. угол. суд.) и слѣдовательно обвинительный актъ по дѣлу долженъ быть представленъ въ судебную палату. На практикѣ нерѣдко возникали затрудненія при прекращеніи слѣдствія по болѣе важному преступленію, дѣлавшему необходимымъ обрядъ преданія суду: прокуратура все таки иногда

считала нужнымъ представлять дѣло въ судебную палату, хотя оставшееся обвиненіе подлежало непосредственному разсмотрѣнію окружнаго суда, что, понятно, напрасно затягивало и отсрочивало разборъ дѣла и могло неблагопріятно отразиться на интересахъ подсудимыхъ, въ виду этого вышеупомянутымъ опредѣленіемъ сената и предписано, согласно съ точнымъ смысломъ 523 ст., представлять въ такихъ случаяхъ заключенія о прекращеніи слѣдствія по болѣе важному дѣлу, равно какъ и обвинительный актъ по менѣе важному, въ надлежащій окружный судъ.

Судебное устройство Россіи кореннымъ образомъ преобразованное реформой 1864 г., однако до послѣдняго времени оставалось незаконченнымъ: во многихъ губерніяхъ и областяхъ сохранялись старыя судебныя учрежденія, непригодность и несостоятельность которыхъ въ великомъ дѣлѣ отправленія правосудія была безусловно признана самимъ законодателемъ. Только въ послѣдніе годы сдѣланы были рѣшительные шаги для того, чтобы уничтожить окончательно эту аномалію и дать всѣмъ русскимъ подданнымъ возможность не смотрѣть на хорошо устроенные суды, какъ на завидную привилегію, пользоваться которой можетъ только населеніе болѣе близкихъ къ центральному управленію губерній. Выдающееся значеніе въ этомъ смыслѣ имѣетъ введеніе новыхъ судебныхъ учреждений въ Сибири (проектъ которыхъ былъ разработанъ въ комисіи подъ предсѣдательствомъ товарища министра т. с. Бутовскаго), представляющее громадный шагъ въ улучшеніи условій гражданственности въ этомъ забытомъ краѣ, населенію котораго всегда приходилось жить въ особыхъ условіяхъ, при которыхъ власть и авторитетъ закона до извѣстной степени ступеньвались. Надъ сибиряками въ этомъ отношеніи какъ разъ исполнялась русская поговорка, что имъ „до Бога высоко, а до Царя далеко“.

Старыя судебныя учрежденія Сибири, которыя перестанутъ дѣйствовать во второй половинѣ 1897 г., прекрасно охарактеризованы въ рѣчи министра юстиціи въ засѣданіи государственнаго совѣта при обсужденіи реформы: „по всѣмъ официальнымъ и част-

нымъ свѣдѣніямъ, сказалъ г.министръ, судебная часть въ Сибири находится въ самомъ неудовлетворительномъ, по истинѣ безотрадномъ, состояніи. Медленность, волокита, формализмъ, недостатокъ личныхъ и матеріальныхъ средствъ, блѣдная, часто вовсе безуспѣшная, дѣятельность, упущенія, безпорядки, иногда даже злоупотребленія..... и въ результатъ полное недовѣріе обывателей къ правосудію и закону“. Судебная часть въ Сибири „стоитъ неизмѣримо ниже самыхъ скромныхъ требованій“. Далѣе г. министромъ приведены слова покойнаго Государя „что правительство до сихъ поръ ничего не сдѣлало для удовлетворенія этого богатаго, но запущеннаго края“. Нѣтъ надобности прибавлять что либо къ этимъ краснорѣчивымъ официальнымъ заявленіямъ.

Какъ и въ другихъ мѣстностяхъ, въ которыхъ судебные уставы введены позднѣе, въ Сибири преобразование судебныхъ учреждений сдѣлано съ ограниченіями, отчасти по соображеніямъ общаго характера, отчасти по мѣстнымъ условіямъ. Устройство сибирскихъ судовъ по объясненію г. министра юстиціи скомбинировано по образцу судебныхъ учреждений Кавказа, губерній Архангельской, Олонецкой, Оренбургской, Туркестана и т. д. Во главѣ судебного управленія ставится судебная палата (которой предоставляется кассационный пересмотръ для мировой юстиціи), ей подчинены окружные суды (исполняющіе также обязанности мировыхъ сѣздовъ), послѣднимъ—единоличные мировые судьи. Особенное вниманіе было обращено на то, чтобы мировые судьи стояли возможно близко къ населенію; для достиженія этой цѣли министерство соединило по примѣру того, какъ это сдѣлано на другихъ окраинахъ, обязанности судей и судебныхъ слѣдователей, такъ какъ иначе пришлось бы по финансовымъ соображеніямъ увеличить участки мировыхъ судей, что создало бы большія неудобства для населенія въ пользованіи новыми судами; взаимнъ этого предположено выдѣлить лишь болѣе важныя дѣла, для которыхъ будетъ назначено по одному судебному слѣдователю на округъ. Едва ли можно согласиться съ указаніемъ на то, что въ Сибири число дѣлъ будетъ сравнительно невелико и что по-

этому судьи будутъ въ состояніи безъ затрудненія исполнять обязанности по слѣдственной части; здѣсь нужно принять во вниманіе, что малое число дѣлъ объясняется недовѣріемъ къ суду, малой доступностью его населенію; при измѣнившихся порядкахъ несомнѣнно измѣнится и это положеніе, поэтому врядъ ли слѣдуетъ разсчитывать на небольшое число дѣлъ, и для успѣшнаго дѣйствія новыхъ судовъ необходимо имѣть въ виду потребность въ увеличеніи штатовъ въ ближайшемъ будущемъ.

Не будутъ введены въ Сибирь и суды присяжныхъ и даже суды съ сословными засѣдателями, что на нашъ взглядъ является чрезмѣрно ригористичнымъ, по крайней мѣрѣ для болѣе населенныхъ и культурныхъ мѣстностей Сибири, гдѣ, навѣрное, возможно было бы найти удовлетворительный контингентъ присяжныхъ или сословныхъ засѣдателей.

Въ отдаленнѣйшихъ мѣстахъ Сибири, гдѣ нѣтъ возможности учреждать судебныя установленія, будутъ устраиваться временныя судебно-слѣдственные участки, такъ сказать, особыя выѣздныя сессіи. Въ Туруханскомъ краѣ Енисейской губ., Верхоянской и Колымской округахъ Якутской области, и Анадырской, Петропавловской и другихъ округахъ Приморской области, а также на входящихъ въ составъ этой области Командорскихъ островахъ—судебная власть по прежнему остается въ рукахъ полиціи; измѣняются только процессуальные законы, которыми она должна руководиться, и устраивается контроль судебной власти,—и въ такомъ, приспособленномъ къ исключительнымъ условіямъ, видѣ судъ все таки представляетъ собою безспорный шагъ впередъ и благодѣяніе для мѣстнаго населенія.

Инородческіе суды сохраняютъ свое значеніе, но связываются съ общими судебными учрежденіями тѣмъ, что окончательный пересмотръ (не прежде, какъ по неудовольствіямъ на рѣшеніе во всѣхъ степеняхъ словесной расправы) ихъ рѣшеній принадлежитъ окружнымъ судамъ, такимъ образомъ намѣчается путь, которымъ въ будущемъ возможно будетъ достигнуть болѣе полного распространенія дѣйствія общихъ законовъ.

Компетенція мировыхъ судей опредѣляется въ томъ же объемѣ, какъ и въ Закавказьѣ. Они разсматриваютъ въ первой инстанціи дѣла по преступленіямъ и проступкамъ, не подвергающимъ лишенію или ограниченію правъ состоянія или запрещенію производить торговлю. Денежное взысканіе можетъ быть налагаемо ими не свыше 600 руб., въ сложности съ гражданскимъ искомъ, не превышающее 2000 руб. Окружными судами разбираются всѣ дѣла не подходящія подъ указанныя группы, дѣла объ оскорбленіи чиновниковъ, часовыхъ при исполненіи обязанностей и о несчастныхъ случаяхъ на желѣзныхъ дорогахъ. Широкий кругъ дѣятельности, предоставляемый мировымъ судьямъ, требуетъ хорошо подготовленнаго судебного персонала—какъ бы ни были хороши законы, многое зависитъ отъ исполнителей; а новымъ дѣятелямъ придется встрѣтиться со многими нежелательными явленіями, глубоко укоренившимися привычками и бытовыми условіями, борьба съ которыми, особенно въ глухихъ медвѣжьихъ углахъ, будетъ не легка; здѣсь всего лучше могли бы дѣйствовать мѣстные уроженцы, хорошо знающіе свой край, сохранившіе съ нимъ нравственную связь, а для этого нельзя не присоединиться къ пожеланію, выраженному министромъ юстиціи, чтобы возможно скорѣе осуществилось открытіе юридическаго факультета въ Томскомъ университетѣ, такъ какъ едва ли можно разсчитывать безусловно на достаточный притокъ свѣжихъ, опытныхъ и даровитыхъ дѣятелей изъ европейской Россіи; чтобы обезпечить его было бы полезно предоставить право перехода изъ Сибири въ центральныя области имперіи черезъ опредѣленное время службы, тогда какъ теперь переводъ съ окраинъ представляется, обыкновенно, не легкимъ дѣломъ, что, разумѣется, затрудняетъ выборъ подходящихъ кандидатовъ.

Громадность сибирскихъ разстояній вынудила сдѣлать и нѣкоторыя отступленія въ порядкѣ явки въ судъ свидѣтелей и сторонъ. Свидѣтелямъ обязательно являться, если они живутъ не далѣе 200 верстъ отъ мѣста нахождения окружнаго суда, въ виду этого при предварительномъ слѣдствіи лица, живущія на болѣе далекомъ разстояніи, должны допраши-

ваться подъ присягой, и показанія ихъ уже прочитываются на судѣ. Несомнѣнно, что это правило во многихъ случаяхъ затруднить разсмотрѣніе дѣла, такъ какъ допросъ свидѣтелей въ самомъ судѣ при участіи сторонъ имѣетъ громадное значеніе; нужно надѣяться, что со временемъ будетъ найдено какое либо другое средство согласить обывательскіе интересы съ интересами правосудія.

Такова въ общихъ чертахъ реформа сибирскихъ судовъ, составляющая едва ли не самый крупный законодательный актъ истекшаго года.

Во второй половинѣ 1896 г. открылись новыя судебныя учрежденія въ Архангельской губерніи, на сходныхъ основаніяхъ съ вышеизложеннымъ устройствомъ судовъ въ Сибири. Въ Архангельскѣ учрежденъ окружный судъ, причисленный къ округу Московской судебной палаты; ему подчинены участковые и добавочные мировые судьи, на которыхъ, какъ и въ Сибири, возложено исполненіе обязанностей судебныхъ слѣдователей. Компетенція ихъ опредѣлена въ тѣхъ же предѣлахъ (ст. 1260 и 1263 уст. угол. суд.). Не введенъ также и судъ присяжныхъ. Эта несомнѣнная тенденція законодательства послѣдняго времени при переустройствѣ судебныхъ мѣстъ избѣгать допущенія въ суды народнаго элемента упорно сохраняется не смотря на перемѣны въ высшемъ управленіи министерства юстиціи. Нельзя не высказать сожалѣнія, что названная тенденція проявляется въ полномъ исключеніи народнаго участія, когда даже и противники суда присяжныхъ не стоятъ за исключительное предоставленіе разбора дѣлъ короннымъ присутствіямъ, но, напротивъ, признаютъ желательнымъ участіе выборныхъ судей (это исконное русское начало) и требуютъ только измѣненія существующихъ порядковъ.

Въ маѣ 1896 года былъ опубликованъ общій наказъ чинамъ прокурорскаго надзора, составленный по порученію министра юстиціи, какъ генераль-прокурора, послѣ того какъ большинство прокуроровъ судебныхъ палатъ, созданныхъ на совѣщаніе въ декабрѣ 1894 года, высказалось за неотлож-

ное изданіе наказа еще до окончанія работъ комисіи по пересмотру судебныхъ уставовъ. Этотъ наказъ по мысли министра юстиціи, не опредѣляя общихъ началъ дѣятельности чиновъ прокурорскаго надзора, долженъ имѣть въ виду установленіе единообразныхъ правилъ для исполненія служебныхъ обязанностей; съ этой точки зрѣнія польза его безспорна, такъ какъ до сихъ поръ составленіе отдѣльных инструкцій по округамъ создавало значительную разницу въ служебныхъ дѣйствіяхъ и порядкахъ однихъ и тѣхъ же судебныхъ установленій. Наказъ излагаетъ прежде всего общія основанія дѣятельности прокурорскаго надзора; порядокъ дѣйствій прокуроровъ судебныхъ палатъ опредѣляется съ тѣмъ расчетомъ, чтобы сохранить за ними необходимую имъ, какъ начальникамъ всей прокуратуры округа судебныхъ палатъ, свободу дѣйствій и инициативы. Порядокъ дѣйствій прокуроровъ окружныхъ судовъ излагается съ большею подробностью: указываются правила регистраціи, веденія архива, правила дѣятельности прокуратуры по наблюденію за исполненіемъ законовъ, особенно детально (отд. VII) устанавливаются положенія, касающіяся уголовного преслѣдованія, въ которомъ заключается важнѣйшая часть прокурорскаго служенія; дальше даются обстоятельныя указанія о разсмотрѣніи, направленіи, формѣ и содержаніи обвинительныхъ актовъ и другихъ документовъ, составленіе которыхъ лежитъ на обязанности прокуратуры, о наблюденіи за движеніемъ дѣлъ въ судахъ. Въ заключеніе даются правила о протестахъ противъ состоявшихся судебныхъ приговоровъ, исполненіи судебныхъ приговоровъ и возобновленіи уголовныхъ дѣлъ, представленіи прокурорскихъ заключеній, и предусматриваются особыя обязанности прокурорскаго надзора по участию въ различныхъ административныхъ присутствіяхъ и комиссіяхъ и по надзору за мѣстами заключенія и отношеніямъ къ другимъ вѣдомствамъ.

Краткое перечисленіе предметовъ, разсмотрѣнныхъ въ наказѣ даетъ достаточное понятіе о богатствѣ его содержанія,—практика, вѣроятно, укажетъ на нѣкоторые недочеты, неизбежныя при всякой точной регламентаціи служебной

дѣтельности, но это нисколько не умаляет значенія наказа, какъ руководящей образцовой инструкціи, потребность въ которой уже давно ощущалась.

Въ истекшемъ же году въ засѣданіи I отдѣла комисіи по пересмотру судебной части былъ возбужденъ вопросъ объ изданіи общаго наказа для судебныхъ мѣстъ, изданіе котораго не менѣе желательно и нужно, чѣмъ изданіе прокурорскаго наказа.

Какъ было сказано выше, въ 1896 г. продолжалась подготовительная законодательная дѣтельность въ комисіяхъ. Передача въ декабрѣ 1895 года главнаго тюремнаго управленія въ вѣдомство министерства юстиціи вызвала необходимость переустройства всей тюремной части, находящейся въ тѣсной зависимости отъ мѣстной губернской и уѣздной администраціи, и требовала измѣненія дѣйствующихъ законовъ. Для обсужденія тюремнаго вопроса была образована комисія подъ предсѣдательствомъ сенатора Н. С. Таганцева при участіи чиновъ министерства юстиціи, главнаго тюремнаго управленія и другихъ вѣдомствъ. На первую очередь по желанію министра юстиціи былъ поставленъ вопросъ о мѣстномъ тюремномъ управленіи, представляющій несомнѣнно большія затрудненія и требующій всесторонняго разсмотрѣнія.

Комисія для пересмотра законовъ по судебной части, учрежденная годъ тому назадъ, успѣла значительно подвинуть возложенныя на нее работы. Въ ея дѣтельности необходимо указать на перемѣну, вызванную выходомъ изъ министерства юстиціи И. Л. Горемыкина, предсѣдательствовавшего въ I отдѣлѣ о мѣстныхъ судебныхъ установленіяхъ. Въ виду того, что составленіемъ проекта главныхъ основаній объединенія судебного устройства часть задачи этого отдѣла выполнена, и что оставшіеся неразсмотрѣнными вопросы относятся къ судоустройству (предметъ занятій II отдѣла) или къ общимъ началамъ преобразованія, обсуждаемымъ въ V отдѣлѣ, существованіе I отдѣла было признано излишнимъ и онъ слѣтъ съ V, который въ свою очередь переименованъ въ I отдѣлъ и остался подъ предсѣдательствомъ министра

юстиціи. Отдѣлами комисіи было составлено 3 проекта преобразования судебной части (одинъ принадлежитъ сенатору Н. Н. Шрейберу) на началахъ наибольшаго „приближенія суда къ населенію, правительственнаго начала суда и возможнаго упрощенія судебной организаціи“.

Заканчивая бѣглый обзоръ уголовного законодательства за истекшій годъ, нельзя не сказать, что не смотря на обширные труды въ комисіяхъ, законодательство по возможности стремилось удовлетворить и насущнымъ, настоятельнымъ потребностямъ жизни, не выжидая осуществленія реформы въ полномъ объемѣ. Новый проектъ уголовного уложенія не былъ рассмотрѣнъ, какъ это можно было предполагать, въ истекшемъ году въ государственномъ совѣтѣ, и дѣйствующимъ закономъ по прежнему осталось уложеніе о наказаніяхъ 1845 года съ различными поправками и измѣненіями, далеко не устраняющими, однако, всѣхъ крупныхъ недочетовъ этого устарѣлаго кодекса.

ХРОНИКА ГРАЖДАНСКАГО СУДА.

- 1) Послѣдствія утраты векселя по 100—101 ст. уст. о векс., изд. 1892 г.
- 2) порядокъ обезпеченія ссуды, выданной Государственнымъ Банкомъ, по правиламъ 5-го марта 1864 г. о приобрѣтеніи имѣній въ юго-западныхъ губерніяхъ.

На основаніи 100 и 101 ст. ст. уст. о векс., изд. 1892 года, въ случаѣ потери векселя и извѣщенія о семъ плательщика, онъ обязанъ внести деньги въ срокъ въ надлежащее судебное мѣсто, гдѣ и чинится изысканіе между послѣднимъ векселедержателемъ и объявившимъ о потерѣ векселя, кто изъ нихъ имѣетъ право на полученіе вексельныхъ денегъ; если при этомъ послѣдній векселедержатель докажетъ, что вексель къ нему дошелъ правильно, тогда деньги ему выдаются немедленно; когда же ему судомъ будетъ отказано, то внесенныя деньги выдаются объявившему о потерѣ или пропажѣ векселя. На этой именно почвѣ возникло, между прочимъ, въ керченскомъ коммерческомъ судѣ весьма интересное дѣло, дошедшее до гражданскаго кассационнаго департамента правительствующаго сената, о взысканіи купцомъ Цыперовичемъ съ купца Кундышева-Володина 14.500 руб. съ $\frac{1}{2}\%$, по двумъ утеряннымъ векселямъ. По высочайшему повелѣнію, послѣдовавшему вслѣдствіе всеподданнѣйшей жалобы Владимира Цыперовича на опредѣленіе по сему дѣлу 4 департамента правительствующаго сената, означенное дѣло восходило на разсмотрѣніе втораго общаго собранія сената, которое опредѣлило: въ отмѣну опредѣленія 4 департамента сената, 26 марта 1886 г. по сему

дѣлу состоявшагося, взыскать съ купца Сергѣя Володина по двумъ утраченнымъ векселямъ, выданнымъ имъ купцу Владимиру Цыперовичу 14.500 р. съ процентами на сумму 10.000 р. съ 1 іюля 1883 г. и на сумму 4.500 р. съ 1 апрѣля того же года по день платежа, съ тѣмъ, чтобы деньги эти по взысканіи были внесены въ Керченскій коммерческій судъ, для выдачи по принадлежности, согласно 100 и 101 ст. 2 ч. XI т. св. зак. уст. о векс. На основаніи этого рѣшенія, Керченскій коммерческій судъ 12 іюля 1888 г. за № 1205, выдалъ исполнительный листъ на взысканіе съ Кундышева-Володина въ пользу Цыперовича 14.500 р. съ процентами на 10.000 руб. съ 1 іюля и на 4.500 р. съ 1 апрѣля 1883 г. съ тѣмъ, чтобы взысканная сумма была внесена въ банкъ депозитомъ коммерческаго суда на сроки: сумма въ 10.000 р. до 1 іюля 1893 г., а сумма въ 4.500 руб. до 1 апрѣля того же года. Взысканные по этому исполнительному листу 18.969 руб. сер. 20 и 23 іюля 1888 г. сданы судебнымъ приставомъ Левуцкимъ въ Николаевское отдѣленіе государственнаго банка депозитомъ керченскаго коммерческаго суда. Цыперовичъ 30 сентября 1888 г. замѣнилъ означенныя деньги процентными бумагами на сумму 24.000 руб. и получалъ все время купоны съ нихъ. 20 мая 1892 г. конкурсное управленіе по дѣламъ несостоятельнаго должника Сергѣя Кундышева-Володина вошло въ керченскій коммерческій судъ съ ходатайствомъ о передачѣ ему означенныхъ денегъ на основаніи ст. 12 прил. VI къ ст. 1400 прим. уст. гр. суд. На отказъ коммерческаго суда въ этомъ ходатайствѣ конкурсное управленіе принесло частную жалобу 4-му департаменту правительствующаго сената, который, рассмотрѣвъ дѣло въ частномъ порядкѣ, нашелъ, что ходатайство конкурса о передачѣ денегъ, хранящихся еще въ качествѣ депозита коммерческаго суда, соотвѣтствуетъ буквальному смыслу приведеннаго закона, и что свои заявленія, о приобрѣтеніи этихъ денегъ въ собственность, Цыперовичъ не лишенъ права доказывать особо отъ настоящаго дѣла на общемъ основаніи въ исковомъ порядкѣ, а потому опредѣлилъ, признать взысканный съ Кундышева-Володина на удовлетвореніе

долговой претензіи Цыперовича капиталъ подлежащимъ передать конкурсному управленію, учрежденному по дѣламъ перваго. Вслѣдствіе сего повѣренный Цыперовича, присяжный повѣренный Гамбургеръ, 3 іюля 1893 г. предъявилъ искъ къ конкурсному управленію по дѣламъ несостоятельнаго Кундышева-Володина. Утверждая въ исковомъ прошеніи: 1) что упомянутая выше сумма съ момента ея взысканія съ Володина и передачи въ государственный банкъ вышла изъ обладанія его и перестала быть его собственностью; 2) что и конкурсное управленіе, какъ замѣняющее собою имущественную личность несостоятельнаго должника Володина, не можетъ имѣть большихъ правъ на этотъ капиталъ, чѣмъ самъ Володинъ, а, слѣдовательно, деньги эти не могутъ также принадлежать конкурсному управленію, надъ нимъ учрежденному: 3) что, согласно рѣшенію 2-го общаго собранія правительствующаго сената отъ 22 іюня 1888 г., деньги эти, еще задолго до объявленія Володина несостоятельнымъ должникомъ, были положены въ государственный банкъ, для выдачи по принадлежности, согласно ст. 100 и 101 уст. о векс., слѣдовательно, права на нихъ могли имѣть только два лица: Цыперовичъ, какъ объявившей о потерѣ, и лицо, которое по истеченіи 10 лѣтъ представило бы потерянный вексель; 4) что, на основаніи частнаго опредѣленія 4-го департамента сената, отъ 10 мая 1893 г. по жалобѣ конкурса Володина, упомянутая выше сумма подлежитъ лишь передачѣ въ вѣдѣніе конкурса, но ни за конкурсомъ не признано право собственности на нее, ни право на нихъ Цыперовича не отвергнуто, такъ какъ ему предоставлено доказывать свои права исковымъ порядкомъ; 5) что относительно суммъ, взысканныхъ по векселямъ въ 10.000 руб. и 4.500 руб. и положенныхъ на храненіе въ банкъ срокомъ по 1 апрѣля и 1 іюля 1893 г., Цыперовичъ является уже безусловнымъ собственникомъ, такъ какъ никто векселей этихъ не представлялъ, повѣренный Цыперовича проситъ: признать за его вѣрителемъ право собственности на хранящіеся въ николаевскомъ отдѣленіи государственнаго банка депозитомъ керченскаго коммерческаго суда цѣнные бумаги: 25 облигацій

4% внутреннего займа 1887 г., по 1000 руб. за №№ 149706--149717, 145550, 150362—150366, 147659—147663 и по 500 руб. за №№ 110177 и 111582, всего на 24.000 руб., а по курсу сего дня по 95% на 22.980 руб., съ купонами съ 1 октября 1890 г. на 2.736 руб., внесенныя въ замятъ хранившихся въ томъ же отдѣленіи банка вышеозначенныхъ 18.969 руб. Повѣренный отвѣтчика, присяжный повѣренный Шехавцевъ, основываясь на 12 ст. правилъ производства дѣлъ о несостоятельности, просилъ въ искѣ отказать. Окружный судъ отказалъ въ искѣ на томъ основаніи, что въ силу 12 статьи правилъ производства дѣлъ о несостоятельности, всѣ взысканныя съ несостоятельнаго, но еще до публикаціи не переданныя личнымъ кредиторамъ деньги, обращаются въ конкурсную массу, гдѣ бы онѣ ни хранились и по какимъ бы причинамъ ни были выданы, потому ли, что кредиторъ не пожелалъ или потому ли, что онъ не могъ получить ихъ по законнымъ, отъ него не зависящимъ, причинамъ, какъ въ данномъ случаѣ. Примѣненіе ст. 12 не можетъ обусловливаться причинами невыдачи денегъ кредитуру, какъ потому что объ этихъ причинахъ ничего въ законѣ не говорится, такъ и потому, что въ противномъ случаѣ, въ ущербъ конкурсной массѣ и въ нарушеніе справедливости, могли бы получить полную уплату долга изъ имущества несостоятельнаго не тѣзаймодавцы, коимъ законъ (ст. 1978 уст. торг.) даетъ предпочтеніе, а такіе, коимъ законъ или предоставляетъ соразмѣрное съ прочими удовлетвореніе, или назначаетъ таковое условно изъ остатковъ отъ удовлетворенія другихъ высшаго разряда кредиторовъ. Ходатайство же истца о предоставленіи ему замятъ процентныя бумаги взысканной съ Кундышева-Володина денежной суммой судомъ удовлетворено, но съ тѣмъ, чтобы кромѣ капитала въ 18.969 руб. были внесены и проценты съ 30 сентября 1888 г. по день уплаты. На это рѣшеніе суда, повѣренный Цыперовича, присяжный повѣренный Гамбургеръ, принесъ апелляціонную жалобу, въ которой объяснилъ, что судъ неправильно примѣнилъ къ данному случаю 12 ст. правилъ производства дѣлъ о несостоятельности, такъ какъ въ виду принадлежности спорныхъ

денегъ Цыперовичу, ни Володинъ, ни замѣнившее его конкурсное управленіе никакого отношенія къ этимъ деньгамъ имѣть не могутъ. Деньги эти составляютъ собственность Цыперовича съ 1888 г., т. е. со дня вклада ихъ въ банкъ; съ этого времени Цыперовичъ по отношенію къ Володину не является кредиторомъ, а собственникомъ этихъ денегъ. Въ виду заявленія Цыперовича, что векселя онъ утерялъ, взысканныя по симъ векселямъ деньги были сданы въ государственный банкъ депозитомъ суда и затѣмъ, по истеченіи 10 лѣтняго срока, должны быть выданы или лицу, объявившему о потерѣ векселя, или правильному векселедержателю. Векселя не было предъявлено, а потому сіи деньги и должны быть выданы Цыперовичу; 12 статья имѣетъ въ виду неоконченное взысканіе, каковаго въ данномъ случаѣ нѣтъ; по симъ соображеніямъ Гамбургеръ просилъ палату рѣшеніе суда отмѣнить, удовлетворивъ исковыя требованія. Обсудивъ настоящее дѣло, *судебная палата нашла*, что судъ правильно отказалъ Цыперовичу въ искѣ, какъ въ силу 12 ст. прил. VI къ 1400 ст., такъ и на основаніи 100 и 101 ст. уст. о векселяхъ, ибо, по силѣ 12 ст. упомянутаго приложенія, права конкурсной массы прекращаются лишь тогда, когда взысканныя съ несостоятельнаго должника деньги поступили уже къ кредитору, во всѣхъ же другихъ случаяхъ, хотя бы взысканіе было закончено и деньги лишь хранились у пристава, въ ожиданіи кредитора, деньги эти поступаютъ въ конкурсную массу. Въ силу же 100 и 101 ст. уст. о векс. деньги, внесенныя плательщикомъ въ надлежащее судебное мѣсто для уплаты кредитору, становятся собственностью послѣдняго не ранѣе, какъ по истеченіи 10 лѣтъ со дня наступленія срока уплаты по векселю, или же по разрѣшеніи гражданскаго спора между послѣднимъ векселедержателемъ и объявившемъ о пропажѣ или потерѣ векселя. Имѣя въ виду, что объявленіе Кундышева-Володина несостоятельнымъ должникомъ послѣдовало до истеченія означеннаго 10 лѣтняго срока, когда внесенныя въ государственный банкъ деньги не только не поступили въ фактическое распоряженіе Цыперовича, но не

могли почитаться его собственностью, и признавая по сему соображеніямъ искъ Цыперовича не заслуживающимъ уваженія, а рѣшеніе Херсонскаго *окружнаго суда утвердить*. Въ *кассационной жалобѣ* повѣренный купца Цыперовича, присяжный повѣренный Гамбургеръ, просилъ отмѣнить это рѣшеніе палаты по нарушенію 99, 100 и 101 ст. уст. о векс., изд. 1893 г., 12 ст. прил. III къ 1400 (прим.) ст. уст. гражд. суд., изд. 1892 г. и 711 ст. того же устава. Выслушавъ словесныя объясненія повѣренныхъ Цыперовича и конкурснаго управленія по дѣламъ Кундышева-Володина, а также заключеніе товарища оберъ-прокурора, правительствующій сенатъ (1896 г. № 36) нашелъ, что, на основаніи 100 и 101 ст. уст. о векс., изд. 1892 г., въ случаѣ потери векселя и извѣщенія о семъ плательщика, онъ обязанъ внести деньги въ срокъ въ надлежащее судебное мѣсто, гдѣ и чинится изысканіе между послѣднимъ векселедержателемъ и объявившемъ о потерѣ векселя, кто изъ нихъ имѣетъ право на полученіе внесенныхъ денегъ. Если при этомъ послѣдній векселедержатель докажетъ, что вексель въ нему дошелъ правильно, тогда деньги выдаются ему немедленно; когда же ему судомъ будетъ отказано, то внесенныя деньги выдаются объявившему о потерѣ или пропажѣ векселя. Изъ этихъ законоположеній явствуетъ, что когда плательщикъ, получивъ уведомленіе о потерѣ векселя, исполнить возложенную на него 100 ст. обязанность, т. е. внести въ срокъ въ надлежащее судебное мѣсто должную по векселю сумму,—то вексельное обязательство имъ окончательно исполнено; онъ перестаетъ быть вексельнымъ должникомъ и заявившій о потерѣ векселя не состоитъ болѣе его кредиторомъ. Въ такомъ же положеніи находится плательщикъ въ томъ случаѣ, если онъ отказался внести добровольно деньги въ срокъ въ судебное мѣсто, и если онъ, засимъ, вслѣдствіе иска объявившаго о потерѣ векселя, будетъ обязанъ къ тому судебнымъ рѣшеніемъ, во исполненіе котораго деньги съ него будутъ взысканы и внесены въ депозитъ суда. Эти деньги, за силою 100 и 101 ст. уст. о векс., могутъ быть выданы только двумъ лицамъ: или заявив-

шему о потерѣ векселя или правильному векселедержателю, если судомъ его искъ будетъ уваженъ. Но бывшій вексельный должникъ или его правопреемники,—въ томъ числѣ и конкурсное по дѣламъ сего управленіе, если послѣ внесенія денегъ въ судъ онъ объявленъ былъ несостоятельнымъ (ср. рѣш. 1888 г. № 61),—никакихъ правъ на эти деньги не имѣютъ. Такъ какъ объявившій о пропажѣ векселя, по закону, вовсе не обязанъ предъявлять иска для полученія внесенной въ судъ вексельной суммы, а она выдается ему, когда векселедержателю судомъ будетъ отказано въ искѣ, или если иска въ теченіи давностнаго срока не будетъ предъявлено, то означенную сумму со времени внесенія ея въ депозитъ суда слѣдуетъ признать собственностью объявившаго, хотя и ограниченою во владѣніи, пользованіи и распоряженіи. Подобнаго рода собственность принадлежитъ и тому лицу, коему завѣщено на правѣ собственности имущество, предоставленное другому лицу въ пожизненное владѣніе. Вслѣдствіе сихъ соображеній правительствующій сенатъ признаетъ неправильнымъ толкованіе палатою 100 и 101 ст. уст. о векс. въ томъ смыслѣ, будто по силѣ этихъ статей деньги, внесенныя плательщикомъ въ надлежащее судебное мѣсто для уплаты кредитору, становятся собственностью послѣдняго не ранѣе, какъ по истеченіи 10 лѣтъ, со дня наступленія срока уплаты по векселю, или же по разрѣшеніи спора между послѣднимъ векселедержателемъ и объявившимъ о пропажѣ векселя. Палата неправильно примѣнила къ настоящему случаю и 12 ст. прилож. III къ ст. 1400 (прим.) уст. гр. суд., изд. 1892 г. Изъ первой половины этой статьи („производство взысканій по исполнительнымъ листамъ, выданнымъ до публикаціи о признаніи должника несостоятельнымъ, *не останавливается*, но...“) видно, что она относится лишь къ случаямъ, когда взысканіе по исполнительному листу *еще производится*. Изъ сего слѣдуетъ, что статья эта не можетъ имѣть примѣненія, когда это взысканіе совершенно окончено, т. е. если взысканныя деньги переданы тому лицу или учрежденію, какому они должны были поступить по содержа-

нію исполнительнаго листа. Этотъ случай имѣлъ мѣсто въ настоящемъ дѣлѣ; изъ обстоятельствъ онаго, какъ они изложены въ рѣшеніи палаты, видно, что по выданному керченскимъ коммерческимъ судомъ 12 іюля 1888 года исполнительному листу на взысканіе съ Володина 14.500 р. съ % тѣмъ, чтобы взысканная сумма была внесена въ банкъ депозитомъ коммерческаго суда, судебный приставъ взыскалъ 18.969 руб. сер. и 20 и 23 іюля 1888 г. сдалъ эту сумму въ николаевское отдѣленіе государственнаго банка депозитомъ керченскаго коммерческаго суда. Такимъ образомъ производство *по сему листу* въ 1888 г. было совершенно окончено и, посему, къ этому взысканію палата послѣ объявленія Кундышева-Володина должникомъ несостоятельнымъ, неправильно примѣнила приведенную 12 ст. По всѣмъ сямъ соображеніямъ правительствующій сенатъ *опредѣлилъ*: рѣшеніе одесской судебной палаты, по нарушенію 100 и 101 ст. уст. о векс. и 12 ст. прил. III къ 1400 ст. уст. гр. суд., отмѣнить и дѣло передать на разсмотрѣніе другого департамента той же палаты.

Другое весьма интересное разъясненіе правительствующаго сената послѣдовало по вопросу о порядкѣ обезпеченія ссуды, выданной изъ государственнаго банка, на основаніи Высочайше утвержденнаго 5 марта 1864 года положенія, для покупки имѣнія въ юго-западныхъ губерніяхъ лицами русскаго происхожденія. Обстоятельства дѣла, по которому послѣдовало это разъясненіе заключаются въ слѣдующемъ. Дѣйствительному статскому совѣтнику Бартоломею, при покупкѣ имъ 21 декабря 1866 г. имѣнія Любужъ, Горецкаго уѣзда, на основаніи Высочайше утвержденнаго 5 марта 1864 г. положенія о льготахъ при покупкѣ имѣній въ западномъ краѣ, была выдана изъ государственнаго казначейства ссуда свыше 60 тысячъ руб. Бартоломей часть этого имѣнія, хуторъ „Петрово“ въ 500 дес., по купчей 2 октября 1871 г. продалъ статскому совѣтнику Федору Стефановичу, съ переводомъ на него части ссуды въ количествѣ 4.865 р., относительно коей въ купчей сказано, что она остается на

отвѣтственности Стефановича и приобретаемаго имъ имѣнія; кромѣ того отъ Стефановича было отобрано установленное 9 ст. дополнительныхъ къ положенію 5 марта правилъ обязательство объ уплатѣ долга и въ обезпеченіе послѣдняго на имѣніе Петрово было наложено запрещеніе. Вслѣдствіе прекращенія Стефановичемъ съ 1874 г. взноса казнѣ срочныхъ по ссудѣ платежей, имѣніе Петрово, оцѣненное въ 2.500 р., было назначено въ продажу и, по причинѣ несостоявшихся торговъ, принято въ 1886 г., согласно указу правительствующаго сената, въ казну въ оцѣночной суммѣ. Затѣмъ могилевская казенная палата, найдя, что, сверхъ 2.500 р. оцѣночной суммы, съ Стефановича причитается казнѣ еще 6656 р. 81 к., и, руководствуясь предложеніемъ особой канцеляріи по кредитной части министерства финансовъ отъ 6 ноября 1885 г. за № 12679 (по дѣлу Августова), основаннымъ на ст. 116, 118 и 119 2 ч. X т., распорядилась обратить взысканіе исчисленной суммы долга на всякое имущество Стефановича и наложила на все движимое его имѣніе общее запрещеніе, припечатанное въ сенатскихъ объявленіяхъ 1887 г. въ ст. 29.566, и арестъ на получаемое имъ по службѣ содержаніе. 16 марта 1888 г. Стефановичъ предъявилъ къ казенной палатѣ искъ и, ссылаясь на то, что, согласно 16, 17—20 ст. полож. 5 марта 1864 г., ссуды обезпечиваются исключительно тѣми имѣніями, на покупку коихъ онѣ выданы, вслѣдствіе чего и запрещеніе по ссудѣ налагается только на эти, а не на всѣ имѣнія покупателя, что въ означенномъ положеніи нѣтъ указанія на примѣнимость при подобныхъ взысканіяхъ правилъ, изложенныхъ въ 116, 118 и 119 ст. 2 ч. X т., просилъ признать долгъ его казнѣ по ссудѣ, переведенной на имѣніе Петрово, погашеннымъ принятіемъ этого имѣнія въ казну и не подлежащимъ взысканію съ другого имущества Стефановича и снять съ имѣнія его запрещеніе, наложенное казенною палатою. Уполномоченный казенной палаты, во время производства дѣла, противъ иска возражалъ тѣмъ, что при выдачѣ ссудъ по положенію 5 марта 1864 г. не устанавливалось залоговаго

права; самыя ссуды выдавались безъ залоговаго свидѣтельства и если казнѣ по 24 ст. положенія предоставлялось преимущественное удовлетвореніе предъ другими долгами, кромѣ долга банку, то не въ силу залоговаго права, а въ силу запрещенія, наложеннаго на имѣніе; что по купчей крѣпости переведенный при покупкѣ долгъ по ссудѣ оставленъ на отвѣтственности Стефановича и приобретаемаго имъ имѣнія, что имѣніе его принято въ казну не въ полное удовлетвореніе долга, а въ оцѣночной суммѣ; что въ положеніи 5 марта 1864 г. нѣтъ ограниченія въ примѣненіи общихъ правилъ, изложенныхъ въ 114, 116, 118, 119 и 686 ст. 2 ч. X т., въ силу коихъ казенныя взысканія возмѣщаются не только изъ залоговъ, но и изъ всякаго имущества должника. Кіевская *судебная палата*, по разсмотрѣніи апелляціонной жалобы уполномоченнаго казны, *нашла*: на основаніи 15, 16, 17 и 20 ст. положенія 5 марта 1864 г., выданная покупщику имѣнія ссуда обезпечивается этимъ имѣніемъ и погашается на основаніи банковыхъ правилъ, а, въ случаѣ невзноса недоимки въ назначенный срокъ, полиція приступаетъ къ описи и оцѣнкѣ всего обезпечивающаго ссуду имѣнія и въ то же время передаетъ оное, впредь до уплаты недоимки или до продажи, въ управленіе палаты государственныхъ имуществъ. Такимъ образомъ, хотя въ разсматриваемомъ положеніи не содержится прямаго указанія, что ссуда выдается подъ залогъ покупаемаго имѣнія, но самый порядокъ взысканія ссуды по тѣмъ спеціальнымъ правиламъ, которыя установлены только для закладныхъ, обезпеченіе этой ссуды не на лицѣ должника, а исключительно на имѣніи, подъ которое выдана ссуда, и, наконецъ, погашеніе ее по банковымъ правиламъ, по которымъ ссуды выдавались только подъ залогъ имѣнія, указываетъ на залоговой характеръ этихъ ссудъ. Еще съ большей ясностью это видно изъ Высочайшаго повелѣнія 6 октября 1867 г., коимъ дополнена 16 ст. означеннаго положенія, и предоставлено право владѣльцамъ имѣній, получившимъ означенныя ссуды, согласно прим. къ 1630 ст. 1 ч. X т., занимать деньги у частныхъ лицъ подъ

вторья закладная, а, слѣдовательно, первая, лежащая на имѣнной ссуда, должна быть разсматриваема, какъ первая закладная. Наконецъ, вопросъ этотъ положительно разрѣшается Высочайшимъ повелѣніемъ 26 февраля 1867 г. о дополненіи и разъясненіи 14 и 15 ст. означеннаго положенія 1864 г.; въ этомъ повелѣніи постановлено, что „при назначеніи подъ залогъ продающихся съ публичнаго торга имѣнной ссуды отъ товарищества пріобрѣтателей имѣнной въ западныхъ губерніяхъ, равно какъ и при прежде производившейся выдачѣ таковыхъ ссудъ правительствомъ изъ особаго фонда“ (т. е. по положенію 1864 г.), не требовать отъ покупателей полнаго взноса покупной цѣны. Въ этомъ узаконеніи ссуды по положенію 1864 г. и ссуды товарищества признаются совершенно одинаковаго характера; но ссуды сего товарищества по его уставу, Высочайше утвержденному 10 августа 1866 года, въ коемъ дѣлается даже прямая ссылка на положеніе 1864 года (ст. 26), безусловно признаются за залогъ, обеспеченный только тѣмъ имѣніемъ, подъ которое выдана ссуда (прим. 1 къ ст. 13, 14 и 16), такъ что по 30 ст., если продажю заложеннаго имѣнія не покрываются вся выданная подъ залогъ имѣнія ссуда и недоимки, то остальной долгъ заемщика не взыскивается съ какого либо другого имущества должника, а принимается на счетъ товарищества изъ особаго источника. Въ виду всѣхъ вышеприведенныхъ узаконеній, изданныхъ въ дополненіе и поясненіе положенія 1864 г., судебная палата пришла къ заключенію, что переведенная на Стефановича ссуда, выданная по положенію 1864 года, есть залоговой долгъ, обеспеченный исключительно на заложенномъ казнѣ и уже оставленномъ за нею имѣніи; а потому, на основаніи 45 ст. 2 ч. X т., долгъ этотъ не можетъ быть взыскиваемъ съ другого имущества Стефановича. Эти соображенія совершенно достаточны для удовлетворенія иска Стефановича, а потому не предстоить надобности входить въ разсмотрѣніе выгоды или невыгоды для казны факта полученія заложеннаго имѣнія взамѣнъ долга, правильности описи и оцѣнки сего имѣнія, смысла

указа Правительствующаго Сената, обратившаго въ казну это имѣніе, и другихъ доводовъ обѣихъ сторонъ—ибо всѣ эти обстоятельства и соображенія въ данномъ дѣлѣ являются совершенно излишними и не могущими имѣть вліянія на исходъ дѣла. По залоговому праву казна получила заложенное ей имѣніе, этимъ и всѣ расчеты между казною и Стефановичемъ должны считаться оконченными, а засимъ выгода или убыточность для казны такого законнаго способа полученія ею удовлетворенія представляется для дѣла безразличнымъ, ибо этотъ способъ удовлетворенія долга по закладной установленъ закономъ. По симъ основаніямъ судебная палата опредѣлила: рѣшеніе окружнаго суда, удовлетворившаго искъ Стефановича, оставить въ силѣ. Въ принесенной на это рѣшеніе *кассационной жалобѣ* уполномоченный министерства финансовъ помощникъ юрисконсульта Базилевичъ указываетъ на нарушеніе судебною палатою: 1) положенія 5 марта 1864 г. и ст. 37, 116 2 ч. X т., изд. 1876 года, 1609, 1612, 1613, 1616 и 1642 ст. 1 ч. X т., признаніемъ за ссудой Стефановича залоговаго права и ограниченіемъ отвѣтственности по оной только хуторомъ Петрово, а не всѣмъ прочимъ имѣніемъ Стефановича; 2) положенія комитета министровъ, Высочайше утвержденнаго 6 октября 1867 г.,—признаніемъ долга по ссудѣ первой закладною, тогда какъ казнѣ предоставлялось преимущественное удовлетвореніе не въ силу закона, а въ силу спеціальнаго постановленія 24 ст. полож. 5 марта 1864 года; 3) положенія комитета министровъ, Высочайше утвержденнаго 26 февраля 1867 года,—признаніемъ одинаковаго характера за ссудами, выдаваемыми отъ казны и отъ Высочайше утвержденнаго 10 августа 1866 года товарищества пріобрѣтателей имѣній въ западныхъ губерніяхъ, тогда какъ между тѣми и другими ссудами была существенная разниця; по ссудамъ товарищества требовалось представленіе залоговаго свидѣтельства, а по ссудамъ казны таковое не требовалось, въ первомъ случаѣ имѣло мѣсто залоговое право, а во второмъ его не было; 4) 339, 711 ст. уст. гр. суд., 568, 569 ст. 1 ч. X т., изд. 1887 г.,

1372 и 1373 ст. 2 ч. X т., изд. 1876 г., оставленіемъ безъ обсужденія даннаго Стефановичемъ при покупкѣ имѣнія 2 октября 1871 года обязательства, отъ чего и получился въ рѣшеніи палаты неправильный выводъ о залоговомъ правѣ и объ ограниченіи отвѣтственности однимъ имѣніемъ, подъ которое выдана ссуда. Противъ кассационной жалобы повѣренный Стефановича, Михневичъ, подалъ объясненіе, въ которомъ, ходатайствуя объ оставленіи кассационной жалобы безъ послѣдствій, между прочимъ, указываетъ на то, что отвѣтчикомъ по дѣлу состоитъ Могилевская казенная палата, а потому министерство финансовъ не вправѣ было принести кассационную жалобу и что въ настоящее время хуторъ Петрово проданъ казною за 11.000 руб. Выслушавъ словесныя объясненія уполномоченнаго отъ министерства финансовъ Люценскаго и заключеніе товарища оберъ-прокурора, Правительствующій Сенатъ (1896 г. №41) нашелъ, что указаніе повѣреннаго Стефановича на то, что министерство финансовъ не имѣло права приносить кассационную жалобу, представляется неосновательнымъ; ибо, по силѣ 1295 ст. уст. гражд. суд., министры и главноуправляющіе имѣютъ право по дѣламъ казеннаго управленія входить въ кассационный департаментъ сената съ представленіями объ отмѣнѣ рѣшеній судебныхъ палатъ въ случаяхъ, опредѣленныхъ 792 и 793 ст. того же устава. Въ виду сего не смотря на то, что въ теченіе всего производства дѣла въ окружномъ судѣ и въ судебной палатѣ отвѣтчикомъ состояла Могилевская казенная палата, министръ финансовъ, какъ высшій представитель того вѣдомства, къ коему принадлежитъ означенная казенная палата, имѣлъ, въ силу 1285 ст., несомнѣнное право уполномочить, подчиненное ему должностное лицо, помощника юрисконсульта сего министерства, на подачу кассационной жалобы. Переходя къ обсужденію сей жалобы, правительствующій сенатъ находитъ, что всѣ указанія, содержащіяся въ первыхъ трехъ пунктахъ жалобы, сводятся къ тому общему положенію, которое приводилось отвѣтчикомъ въ теченіе всего процесса, а именно: что переведенная на Стефановича ссуда, выданная его праводателю изъ государ-

ственного казначейства, на основаніи полож. 5 марта 1864 года, безъ представленія залоговаго свидѣтельства, не имѣя залоговаго характера, давала казнѣ только право преимущественнаго удовлетворенія, въ силу наложеннаго на имѣніе запрещенія; что ссуда эта не можетъ быть приравниваема ни къ ссудамъ банковымъ, ни къ ссудамъ выдававшимся отъ товарищества пріобрѣтателей имѣній въ западныхъ губерніяхъ, что на ссуду Стефановича, въ виду особаго ея характера, не распространяется установленное 37 ст. 2 ч. X т. ограниченіе отвѣтственности должника однимъ имѣніемъ, обезпечивающимъ ссудный долгъ, и что казна не лишена права, на основаніи 116, 118 и 119 ст. 2 ч. X т. производить полицейскими мѣрами взысканіе недополученной суммы съ прочаго имѣнія Стефановича. Такое объясненіе правительствующій сенатъ признаетъ неправильнымъ и несогласнымъ съ тѣми узаконеніями, на которыя ссылается проситель. На основаніи 15, 16, 17, 20, 24 ст. пол. 5 марта 1864 года, выдававшаяся русскимъ покупателямъ имѣній въ западныхъ губерніяхъ ссуда изъ государственнаго казначейства *обезпечивалась купленнымъ имѣніемъ*, на которое налагалось запрещеніе, и ссудный долгъ погашался на основаніи банковыхъ правилъ. При просрочкѣ платежей полиція, по увѣдомленіи уѣзднаго казначейства, приступила къ описи *всего обезпечивающаго ссуду имѣнія*, которое въ то же время передавалось въ управленіе палаты государственныхъ имуществъ. По продажѣ имѣнія изъ вырученныхъ денегъ *пополнялись преимущественно предъ вѣсьми взысканіями* долгъ кредитному учрежденію, а потомъ неплаченная ссуда съ процентами и пеней. Имѣніе, обезпечивающее долгъ по ссудѣ, разрѣшалось отдавать въ залогъ частнымъ учрежденіямъ и лицамъ по второй закладной, которая удовлетворялась послѣ долга по казенной ссудѣ (полож. 6 октября 1867 г., вошедшее въ содержаніе 1630¹ ст. 1 ч. X т. и 6 пун. 687 ст. 2 ч. X т., изд. 1876 г.). Точный смыслъ всѣхъ этихъ узаконеній не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что хотя ссуда по положенію 5 марта 1864 года и не называлась прямо залогомъ тѣмъ не менѣе ей присущи всѣ

существенныя условія того особаго рода залога, который имѣеть примѣненіе при займахъ изъ банковыхъ учреждений, какъ то: наложеніе на обезпечивающее ссуду имѣніе запрещенія, погашеніе ссуды по банковымъ правиламъ, право на полученіе изъ означеннаго имѣнія удовлетворенія преимущественно не только предъ личными долгами заемщика, но и предъ закладными, совершенными послѣ выдачи ссуды, и, наконецъ, право казны взять имѣніе въ свое управленіе послѣ описи до продажи. То обстоятельство, что получающій ссуду по положенію 5 марта 1864 г. не представлялъ залоговаго свидѣтельства, не имѣеть никакого значенія и не отнимаетъ у ссуды вещнаго, залоговаго ея характера. Отсутствіе залоговаго свидѣтельства объясняется тѣмъ, что по закону (4 пунк. 154 и 192¹ ст. нотар. положенія) таковое выдается собственнику имѣнія, а ссуды по положенію 5 марта 1864 года разрѣшались не собственнику, а лицу, имѣвшему сдѣлаться таковымъ послѣ покупки имѣнія при помощи ссуды (ст. 7). Такой же порядокъ выдачи ссуды примѣняется крестьянскимъ поземельнымъ банкомъ; получающіе изъ онаго ссуду на покупку земли крестьяне также не представляютъ залоговаго свидѣтельства, и только, по разрѣшеніи ссуды налагается запрещеніе на приобрѣтенную землю, съ предоставленіемъ банку права преимущественнаго изъ оной удовлетворенія (ст. 16, 17, 29, 74¹, 79¹ полож. о крест. позем. банкѣ 2 ч. XI т. уст. кред., изд. 1893 г.). Правительствующій сенатъ въ рѣшеніяхъ своихъ 1885 г. № 77 и 1892 г. № 24 разъяснилъ, что, не смотря на непредставленіе залоговаго свидѣтельства, *однимъ фактомъ выдачи крестьянамъ ссуды изъ крестьянскаго поземельнаго банка устанавливается залоговое право* не только въ пользу банка, но и въ пользу продавца, если, по условіямъ продажи, ему слѣдуютъ отъ крестьянъ приплаты сверхъ ссудной изъ банка суммы, и въ обоихъ этихъ случаяхъ отвѣтственность заемщиковъ ограничивается только купленною землею. Въ виду такихъ разъясненій и въ виду полной аналогіи между ссудами изъ крестьянскаго поземельнаго банка и ссудами по положенію 5 марта 1864 года, ссуды послѣд-

няго рода имѣють также залоговой характеръ, а слѣдовательно къ нимъ примѣнимо то коренное правило закона, по силѣ коего *доли, обеспеченные залогомъ имѣнія должника, подлежатъ удовлетворенію исключительно изъ имѣнія, изъ обезпечивающаго* (1068, 1187 ст. уст. гражд. суд., 37, 1364, 1365, 1371 и 1382 ст. 2 ч. X т., изд. 1876 года). Вѣскимъ опроверженіемъ противоположнаго мнѣнія просителя служить то, что законъ (1630¹ ст. 1 ч. X т.) допускаетъ совершеніе вторыхъ закладныхъ на прибрѣтенное при помощи ссуды имѣніе и ограничивается наложеніемъ запрещенія только на это, а не на всякое другое имѣніе заемщика. Все это только и можетъ быть объяснено тѣмъ, что законъ считаетъ покупаемое имѣніе, подъ которое ссуда выдавалась въ размѣрѣ половины его оцѣнки, достаточнымъ для казны обезпеченіемъ и не имѣлъ вовсе въ виду распространить отвѣтственность покупателя сверхъ прибрѣтаемаго имъ имѣнія еще на всякое другое его недвижимое и движимое имѣніе и на его личный трудъ. Да это не соотвѣтствовало бы смыслу и цѣли всего положенія 5 марта, которое имѣло въ виду предоставить покупателямъ имѣній возможныя облегченія и льготы; при распространеніи же отвѣтственности на все вообще имѣніе должника ссуда представлялась бы уже не льготной, а чрезвычайно обременительной. Такое распространеніе отвѣтственности никоимъ образомъ не можетъ быть выведено изъ указанныхъ просителемъ 116, 118 и 119 ст. 2 ч. X т., ибо въ этихъ статьяхъ, равно какъ и въ одинаковой съ ними по содержанію 70 ст., перечисляются способы удовлетворенія казенныхъ и частныхъ долговъ вообще, но вовсе не опредѣляются специальное право залога и вытекающія изъ онаго особыя взаимныя права и отношенія залогодержателя и залогодателя, устанавлиаемыя, какъ указано выше, особыми постановленіями закона. Нельзя не принять въ соображеніе и того, что упомянутая выше распространительная отвѣтственность должника по казенной ссудѣ, не выраженная прямо въ законѣ, отнюдь не можетъ быть предполагаема. Въ нѣкоторыхъ, исключительныхъ случаяхъ, законъ допускаетъ рас-

пространительную отвѣтственность заемщика по ссудѣ. Такъ, при ссудахъ изъ государственнаго и городскихъ общественныхъ банковъ подъ залогъ процентныхъ бумагъ и товаровъ (76, 77 ст. уст. гос. банк., 94, 100, 107 и 116 ст. пол. о город. общ. банк. 2 ч. XI т., изд. 1893 г.) имѣеть мѣсто въ извѣстныхъ случаяхъ представленіе заемщикомъ *добавочнаго обезпеченія ссуды*; но въ этихъ случаяхъ законъ категорически требуетъ, чтобы въ самыхъ обязательствахъ о залогѣ непременно было помѣщено условіе объ обязанности заемщика представить добавочный залогъ, или сдѣлать соотвѣтствующую доплату деньгами и кромѣ того законъ опредѣлительно постановляетъ, что, при невыкупѣ залога, при непредставленіи дополнительнаго обезпеченія и при недостаткѣ вырученной отъ продажи залога суммы на полное удовлетвореніе банка по ссудѣ, заемщикъ отвѣчаетъ прочимъ своимъ имуществомъ. Подобныхъ постановленій въ положеніи 5 марта 1864 г. не содержится. Особая обязанность пріобрѣтателя имѣнія по этому положенію, заключалась только въ томъ, что онъ обезпечивающее ссуду имѣніе не могъ продавать, закладывать, инымъ образомъ передавать и отдавать въ аренду, или управленіе лицамъ польскаго происхожденія и евреямъ (ст. 26 и 27); на представленіе же дополнительнаго обезпеченія, или на отвѣтственность прочимъ своимъ имѣніемъ во всемъ положеніи 5 марта 1864 г. и въ дополнительныхъ къ нему узаконеніяхъ нѣтъ ни малѣйшаго указанія. Въ виду вышеприведенныхъ соображеній правительствующій сенатъ находилъ, что судебная палата, признавъ за ссудой Стефановича залоговой характеръ и ограничивъ отвѣтственность его только обезпечивавшимъ эту ссуду хуторомъ „Петрово“, ни въ чемъ не нарушила приведенныхъ просителемъ въ первыхъ трехъ пунктахъ его жалобы законовъ. Равно не усматривается никакого нарушенія и въ томъ, что палата ссуды по положенію 5 марта приравняла къ ссудамъ, выдававшимся товариществомъ пріобрѣтателей имѣній въ западныхъ губерніяхъ, ибо, какъ видно изъ устава онаго, Высочайше утвержденнаго 10 августа 1866 г. (ст. 4, 10,

13, 14, 16 и 20), ссуды товарищества подъ залогъ имѣній, приобретаемыхъ съ публичнаго торга, производились приблизительно на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и министерствомъ государственныхъ имуществъ; въ этихъ случаяхъ уставъ товарищества (ст. 13 п. 6) также не требовалъ залоговаго свидѣтельства; разница заключалась въ томъ, что ссуды отъ товарищества выдавались не деньгами, а закладными листами, и погашались не въ 37, а въ 49 лѣтъ. Что касается содержащагося въ 4 пун. жалобы просителя указаніе на оставленіе палатою безъ разсмотрѣнія обязательства Стефановича, то такое оказывается неуважительнымъ. Судебная палата, признавъ, что, на основаніи закона, ссуда Стефановича имѣетъ залоговой характеръ, въ концѣ соображеній своего рѣшенія высказала, что всѣ остальные доводы сторонъ, а, слѣдовательно, и ссылка отвѣтника на обязательство Стефановича не могутъ имѣть вліянія на исходъ дѣла. Въ виду такого вывода, а также и того, что судебная палата не обязана была приводить особые соображенія относительно каждаго представленнаго въ дѣлу документа (рѣш. 1893 г. № 26 и друг.), не представляется основанія обвинять палату въ нарушеніи 339 и 711 ст. уст. гражд. суд. По всѣмъ вышеизложеннымъ соображеніямъ, не усматривая въ рѣшеніи палаты нарушенія указываемыхъ просителемъ законовъ, правилъ и постановленій сенатъ опредѣлилъ: просьбу уполномоченнаго министерства финансовъ, за силою ст. 793 уст. гражд. суд., оставить безъ послѣдствій.

ЗЕМСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

V. Последнія земскія новости.

Продолжающееся стремленіе земствъ ко всеобщему обученію.—Разрѣшеніе вопроса о правѣ мѣстныхъ властей пріостанавливать земскія ходатайства.—Рядъ новыхъ земскихъ ходатайствъ, неудовлетворенныхъ правительствомъ.—Земскія юридическія консультаціи.

Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ губернскія земскія собранія отложены до января; о тѣхъ же губерніяхъ, гдѣ они состоялись, свѣдѣнія опубликованы только отчасти, отрывочно. Поэтому подводитъ итоги сессіи губернскихъ собраній еще рано. Характеръ же сессіи уѣздныхъ собраній, почти повсемѣстно закончившихся въ концѣ года, достаточно выяснился и опредѣлился, вслѣдствіе чего, прерывая наши систематическіе обзоры отдѣльныхъ, наиболѣе важныхъ въ данное время, отраслей земскаго дѣла,—мы должны дать коротенькую характеристику этой сессіи и отмѣтить наиболѣе крупныя и важныя земскія новости. Безъ такого отступленія отъ принятой нами системы *земскихъ обозрѣній*, наши читатели останутся, что называется, не въ курсѣ дѣла и утерять нить современныхъ событій земской жизни.

Не вдаваясь въ подробное перечисленіе отдѣльныхъ постановленій, мы можемъ безошибочно сказать, что въ истекшемъ 1896, какъ и въ 1895 г., вопросы народнаго образованія вообще и вопросы всеобщаго обученія, въ частности, занимали въ уѣздныхъ собраніяхъ самое крупное, самое вы-

дающееся мѣсто. Можно утверждать, что въ 1896 г. они выдвинулись даже съ большей силой, чѣмъ въ 1895 г., несмотря на то, что этотъ послѣдній годъ по отношенію къ осуществленію земствами всеобщаго обученія долженъ составлять эпоху въ земской исторіи. Мы имѣли случай отмѣтить ¹⁾, что идея всеобщаго обученія давно зрѣла и готовилась въ земской средѣ, что если она не проявлялась съ такой силой и энергіей раньше, то главнымъ образомъ потому, что надъ ней тяготѣла какая-то непонятная опала, какая-то раздутая нелегальность. Темныя люди русской земли, боящіеся просвѣщенія народной массы только потому, что оно должно уничтожить ихъ эксплуатацію этой массы, усердно распространяли мнѣніе, что стремленіе къ образованію народа тождественно съ стремленіемъ къ народовластію, къ уничтоженію современныхъ соціальныхъ и государственныхъ формъ, къ потрясенію религіозныхъ, нравственныхъ и другихъ основъ нашего быта, что преданные и безкорыстные работники на пользу народнаго образованія непременно принадлежать, если не къ явнымъ, то къ тайнымъ послѣдователямъ либеральныхъ и соціалистическихъ ученій, что въ большинствѣ случаевъ они безбожники, революціонеры и т. д. и т. п. Земскіе дѣятели семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ хорошо помнятъ насколько усердно распространились эти слухи и какъ сильно приходилось считаться съ ними. Впрочемъ и по нынѣ эти, по истинѣ дикіе, вопли раздаются время отъ времени на страницахъ нашей реакціонной прессы. Но тѣмъ не менѣе нельзя не замѣтить, что теперь они частью ослабѣли, частью приняли другое направленіе. Въ настоящее время уже очень немногіе отважные, въ своей беззащитности, люди рѣшаются отрицать пользу народнаго образованія. Большинство реакціонеровъ лицемѣрно соглашается съ необходимостью просвѣщенія народа, но прибавляетъ, что истинное просвѣщеніе можетъ дать только духовенство. Они, разумѣется, хорошо знаютъ, что подгото-

¹⁾ Журн. юрид. общ. 1896 г., № 2-й.

вленного, даже только для элементарнаго преподаванія, духовенства у насъ такъ мало, что оно не въ силахъ удовлетворить запросу на одно законоучительство, а потому въ тайнѣ разсчитываютъ затормозить дѣло образованія на многіе годы передачей въ его руки членовъ причта. Къ счастью, провинціальное населеніе начинаетъ распознавать у этихъ проповѣдниковъ волчьи зубы подъ овечьей шкурой и уже не такъ боится ихъ угрозъ и запугиваній, какъ прежде. Указанный, съ высоты престола, пробѣлъ въ образованіи народа, ободривъ друзей его и долго сдерживавшееся и сдерживаемое земство заговорило о всеобщемъ обученіи.

Чтобы судить о томъ какія великія пути сняты съ земства вмѣстѣ съ прекращеніемъ или вѣрнѣе съ ослабленіемъ опалы, лежавшей на народномъ образованіи, укажемъ на слѣдующій фактъ. За послѣдніе 12 лѣтъ московское уѣздное земство открыло только 10 народныхъ школъ; въ послѣднюю же сессію это земство, рѣшившее осуществить всеобщее обученіе, постановило открыть 26-ть новыхъ училищъ, которыя въ числѣ существующихъ 72-хъ школъ составляютъ 36 % или болѣе одной трети ихъ ¹⁾. Такъ быстро и такъ радикально могло улучшиться только такое дѣло, которое созрѣвши давнымъ-давно, вдругъ освободилось отъ сдерживающихъ его оковъ. И этотъ примѣръ далеко не единственный. Можно указать цѣлую серію уѣздныхъ земскихъ собраній, которыя рѣшили въ истекшемъ году открыть иногда по десяти даже болѣе школъ сразу. Положительно невозможно указать такой земской губерніи, въ которой-бы покрайней мѣрѣ одно, а въ большинствѣ случаевъ—даже нѣсколько уѣздныхъ земствъ не сдѣлали-бы крупныхъ шаговъ въ улучшеніи у себя дѣла народнаго образованія. Уѣздныя же земства губерній Московской, Курской Тверской, Пермской, Вятской, Олонецкой и нѣкоторыхъ другихъ положительно превзошли всякія ожиданія въ дѣлѣ осуществленія всеобщаго обученія. Вполнѣ характерными особенностями народообразовательныхъ

¹⁾ Рус. Вѣд. № 309.

ж. юрид. общ. кн. II 1897 г.

стремленій земскихъ сессій 1895 и главнымъ образомъ 1896 г. являются при этомъ: во первыхъ, планомѣрность и цѣлесообразность ихъ въ видахъ осуществленія всеобщаго обученія, во вторыхъ, широкая постановка дѣла просвѣщенія народа и въ третьихъ, усиленіе значенія въ этомъ дѣлѣ губернскихъ земствъ.

Первая изъ указанныхъ особенностей обнаруживается въ томъ, что постановленія земскихъ собраній въ большинствѣ случаевъ говорятъ не просто объ увеличеніи школъ, а объ открытіи ихъ въ опредѣленной системѣ, по установленной заранѣе сѣти народныхъ училищъ. Земства опредѣляютъ предварительно число дѣтей школьнаго возраста, устанавливаютъ районы вліянія школъ, учитываютъ нуждаемость въ нихъ населенія и создаютъ школьную сѣть, которую и стремятся заполнить вновь открываемыми училищами въ такомъ расчетѣ, чтобы всѣ дѣти школьнаго возраста данной мѣстности могли найти въ нихъ мѣсто. Такимъ образомъ земская дѣятельность направляется не просто къ развитію грамотности и образованія, а къ осуществленію всеобщаго обученія, которое и ставится теперь главной цѣлью народообразовательныхъ стремленій земскихъ учреждений.

Но не въ одной народной школѣ видитъ земство средство къ просвѣщенію населенія. Оно знаетъ, что единичныхъ усилій школы недостаточно, что знанія, сообщаемыя народными училищами, сравнительно ничтожны, что, подъ вліяніемъ тяжелыхъ условій крестьянской жизни, они не находятъ себѣ примѣненія и даже забываются. Отсюда вытекаетъ цѣлый рядъ постановленій земскихъ собраній объ открытіи бесплатныхъ народныхъ читаленъ, народныхъ библіотекъ, школьныхъ библіотекъ, народныхъ чтеній, повторительныхъ курсовъ, воскресныхъ классовъ и проч. По отношенію къ народнымъ библіотекамъ и читальнямъ, открываемымъ земствомъ, прошлый 1896, а также и 1895 годы должны считаться исключительно благопріятными. Положительно можно сказать, что за все время существованія земскихъ учреждений никогда еще не было открыто такъ много библіотекъ и читаленъ какъ въ эти два года.

Отмѣченный успѣхъ дѣла народнаго образованія въ рукахъ земства, въ довольно замѣтной мѣрѣ обуславливается той ролью, которую принимаютъ на себя въ немъ губернскія земства. До послѣдняго времени они проявляли свое участіе въ народномъ образованіи главнымъ образомъ путемъ учрежденія учительскихъ семинарій, педагогическихъ курсовъ, эмеритальныхъ кассъ для учителей и вообще такихъ дѣлъ, которыя непосильны отдѣльнымъ уѣзднымъ земствамъ. Теперь они начинаютъ принимать на себя объединяющую роль во всемъ дѣлѣ осуществленія всеобщаго обученія. Курское, вятское и другія губернскія земства производятъ мѣстныя изслѣдованія для установленія школьной сѣти; пермское, тверское и др. вырабатываютъ планъ всеобщаго обученія и систему его; московское приходитъ своими средствами на помощь уѣздамъ въ открытіи и содержаніи школъ и т. д. Значеніе такого участія губернскихъ земствъ, въ цѣляхъ объединенія, станетъ особенно очевиднымъ, когда мы вспомнимъ, что, разрозненные въ своихъ попыткахъ создать планъ всеобщаго обученія, уѣздныя земства нерѣдко работаютъ выходя изъ разныхъ основаній по различнымъ учетамъ, а потому останавливаются иногда на такихъ планахъ, которыя не отличаются единствомъ и должной полнотой. Естественно, что такое явленіе нежелательно, и что устранить его въ предѣлахъ губерній можетъ только губернское земство. „Насколько полезно можетъ быть въ этомъ дѣлѣ участіе губернскаго земства,—говорятъ *Русскія Вѣдомости*—видно хорошо и по уѣзднымъ собраніямъ нынѣшняго года. Въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ извѣстное объединяющее руководство въ дѣлѣ организаціи всеобщаго обученія принято на себя губернскимъ земствомъ, тамъ и сдѣланное отличается большею систематичностью. Укажемъ на примѣръ Московской, Тверской, Курской губерній. Поэтому надо надѣяться, что предстоящія очередныя губернскія земскія собранія сдѣлаютъ опять многое въ области народнаго образованія“ ¹⁾. Судя по примѣру уѣздныхъ земствъ въ этомъ едва ли можно сомнѣваться.

¹⁾ Русск. Вѣд., № 299.

Всѣ отмѣченныя явленія земской жизни настолько серьезны и повсемѣстны, выразились въ столь ясной и точной формѣ, что придали земскимъ собраніямъ двухъ послѣднихъ лѣтъ совершенно опредѣленный характеръ, не оставляющій никакого сомнѣнія въ дѣйствительно. просвѣдательныхъ стремленіяхъ нашихъ земскихъ учреждений. Въ этихъ стремленіяхъ отразились лучшія надежды лучшей части нашего общества, тѣ надежды которыми такъ часто пренебрегали наши руководящія сферы. Это пренебреженіе всегда приводило къ самымъ печальнымъ послѣдствіямъ, порождая въ государствѣ рознь, апатію къ правительственнымъ начинаніямъ и общую подавленность. Будемъ надѣяться, что этотъ горькій опытъ уже выяснился и что теперь единодушныя просвѣдательныя стремленія земствъ найдутъ столь же единодушную поддержку въ руководящихъ сферахъ, не могущихъ не сознать великой и настоятельной нужды въ просвѣщеніи народа.

Характерной особенностью земскихъ собраній 1895 г., какъ мы уже отмѣчали въ свое время ¹⁾, кромѣ стремленія ко всеобщему обученію явилось множество ходатайствъ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія. На почвѣ ихъ возобновился старый вопросъ о правѣ—съ одной стороны—земскихъ учреждений возбуждать ходатайства общаго характера, а съ другой—мѣстной администраціи рѣшать—подлежитъ ли данное ходатайство дальнѣйшему направленію или оно должно быть приостановлено, какъ незаконное. Мы имѣли случай указать, что первая часть вопроса разрѣшается предшествовавшей практикой, по которой огромное большинство земскихъ ходатайствъ общегосударственнаго значенія принимались во вниманіе даже въ такія времена, когда во главѣ министерствъ стояли лица далеко не отличавшіеся симпатіями къ земству (напр. при гр. Толстомъ). Затѣмъ извѣстенъ цѣлый рядъ правительственныхъ мѣропріятій, осуществившихся въ удовлетвореніе земскихъ ходатайствъ. Право возбужденія ихъ, являясь

¹⁾ Журн. юрид. общ. 1896 г. № 4.

одной изъ немногихъ разрѣшенныхъ формъ общественнаго почина, очень важно для земства и въ то же время чрезвычайно скромно и безобидно по существу. Между тѣмъ оно вызывало на практикѣ рядъ крупныхъ столкновений земскихъ учреждений съ мѣстной администраціей и попытки со стороны послѣдней принять такіа чрезвычайныя мѣры какъ воспрепятствіе, при посредствѣ предсѣдателей земскихъ собраний, обсуждать въ послѣднихъ ходатайства, или какъ непредставленіе уже обсужденныхъ собраниями ходатайствъ по назначенію. Такого рода стѣсненія возникали и при прежнемъ земскомъ положеніи, но тогда же они были разрѣшаемы сенатомъ въ пользу земскихъ учреждений. *Русскія Вѣдомости* напоминаютъ о двухъ такихъ рѣшеніяхъ сената. Въ 1872 г. онъ призналъ, что губернаторы не имѣютъ права разсматривать земскія ходатайства съ точки зрѣнія ихъ законности или незаконности. Земское положеніе предоставляетъ земству право ходатайства, вслѣдствіе чего всякое такое ходатайство законно. По существу же земскія ходатайства могутъ разсматривать только тѣ учреждения, въ которыя они адресованы, а никакъ не губернаторы. Не смотря на то, что это разъясненіе сената было опубликовано въ *Собраніи узаконеній и распоряженій правительства*, случаи задерживанія земскихъ ходатайствъ не прекращались. Такъ, въ 1881 г. Константиноградское земское собраніе возбудило ходатайство объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, а полтавскій губернаторъ задержалъ его, признавъ незаконнымъ. По принесенной земствомъ жалобѣ сенатъ постановилъ, что право губернатора опротестовывать земскія постановленія не должно распространяться на такіа изъ нихъ, которыя безъ утвержденія ихъ въ установленномъ порядкѣ, не влекутъ за собой никакихъ дѣйствій и распоряженій; такого рода земскія постановленія, содержащія въ себѣ ходатайства, не могутъ задерживаться губернаторами и должны направляться ими въ подлежащія министерства ¹⁾.

Новое земское положеніе не стѣснило права земскихъ учреж-

¹⁾ Русск. Вѣд. № 297.

деній возбуждать ходатайства и не измѣнило порядка направленія ихъ. Но оно усилило власть губернаторовъ по надзору за земствами, что и подало поводъ къ значительному количественному увеличенію случаевъ задержанія земскихъ ходатайствъ. Такимъ образомъ создалось совершенно невозможное положеніе: „съ одной стороны, возбужденіе передъ высшими правительственными учрежденіями и лицами ходатайствъ является столько же нравственнымъ долгомъ, сколько и юридической обязанностью органовъ мѣстнаго самоуправленія, одною изъ важнѣйшихъ ихъ функцій; съ другой стороны, очень многія ходатайства часто безъ всякаго серьезнаго основанія опротестовываются, задерживаются и нерѣдко служатъ даже поводомъ къ непріятнымъ недоразумѣніямъ“. При этомъ получается такая несообразность: „вопросы, восходящіе на разрѣшеніе высшихъ центральныхъ инстанцій, заранѣе предрѣшаются низшими подчиненными имъ мѣстными властями“ ¹⁾. Земскія собранія естественно не могли примириться съ такой практикой губернской администраціи и принесли нѣсколько жалобъ въ сенатъ на дѣйствія губернаторовъ, задержавшихъ представленіе ихъ ходатайствъ въ министерства. Въ настоящее время полученъ сенатскій указъ по одной изъ такихъ жалобъ, долженствующій получить весьма важное значеніе въ земской жизни. Дѣло, по которому воспослѣдовалъ этотъ указъ заключается въ слѣдующемъ.

Тамбовское губернское земское собраніе 1894 года возбудило ходатайство передъ правительствомъ объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для лицъ, окончившихъ народную школу. Тамбовскій губернаторъ призналъ это ходатайство незаконнымъ, а потому не подлежащимъ разсмотрѣнію ни въ какой инстанціи и никакому производству. На принесенную земствомъ жалобу на такое распоряженіе послѣдовалъ указъ сената, по которому каждое земское ходатайство губернаторъ обязанъ направить въ подлежащее министерство съ своимъ

¹⁾ Руск. Мысль 1896 года № 11, ст. Е. Варба „Нѣсколько словъ о земскихъ ходатайствахъ и относящихся къ нимъ законодательствахъ“.

завключеніємъ. Затѣмъ сенатъ подтвердилъ, что, согласно п. 14 ст. 23 учрежд. вом. министровъ (т. 1 св. зак., изд. 1892 г.), министры обязаны объ оставленіи земскихъ ходатайствъ безъ удовлетворенія входить въ комитетъ министровъ. Губернаторы и министры относительно непризнанія ходатайства подлежащимъ удовлетворенію дають только свое заключеніе, самое же рѣшеніе о недѣйствительности земскаго ходатайства и о направленіи его къ исполненію или къ прекращенію составляетъ компетенцію комитета министровъ. Признавая, въ виду этого, распоряженіе тамбовскаго губернатора по признанію собственной властью недѣйствительнымъ и не подлежащимъ дальнѣйшему производству постановленіе тамбовскаго губернскаго земскаго собранія о возбужденіи ходатайства объ отмѣнѣ тѣлеснаго наказанія для лицъ, окончившихъ народныя училища,—не имѣющимъ законныхъ основаній, правительствующій сенатъ опредѣлилъ: таковое отмѣнить, предписавъ губернатору направить указанное дѣло въ установленномъ порядкѣ ¹⁾). Аналогичное дѣло, по жалобѣ одной изъ городскихъ думъ на опредѣленіе губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія объ отмѣнѣ постановленія думы относительно ходатайства о избраніи кандидатовъ къ членамъ управы, вызвало другой подобный же указъ сената, разъяснившаго, что сужденіе о томъ касается ли городское ходатайство мѣстныхъ нуждъ и пользы не принадлежитъ компетенціи мѣстныхъ властей. Поэтому сенатъ, отмѣнивъ постановленія губернскаго по земскимъ и городскимъ дѣламъ присутствія, подтвердилъ губернатору о направленіи ходатайства думы въ установленномъ ст. 102 городского положенія порядкѣ ²⁾).

Оба эти опредѣленія правительствующаго сената имѣють весьма важное значеніе для земства и несомнѣнно поддерживаютъ въ немъ угасавшее, подъ незаконнымъ давленіемъ мѣстныхъ властей, желаніе и обязанность представлять

¹⁾ Русск. Вѣд. № 291.

²⁾ Русск. Вѣд. № 275, заимств. изъ *Одесскаго Листка*.

передъ правительствомъ, посредствомъ своихъ ходатайствъ, о нуждахъ и пользахъ населенія. Едва ли можно сомнѣваться, что въ виды правительства когда нибудь входило стремленіе ограничить указанныя права земства, такъ какъ оно въ ходатайствахъ земскихъ собраній почерпаетъ наиболѣе достовѣрный и надежный матеріалъ какъ о мѣстныхъ, такъ и объ общегосударственныхъ потребностяхъ.

Насколько важны земскія ходатайства для развитія вопросовъ внутренней жизни государства приведемъ нѣсколько примѣровъ ихъ, сдѣлавшихся извѣстными къ началу осенней сессіи земскихъ собраній. Хотя они не имѣютъ столь важнаго значенія какъ ходатайства 1895 года, но тѣмъ не менѣе не лишены общаго интереса. Екатеринославское губернское собраніе, напримѣръ, ходатайствовало о разрѣшеніи привлечь къ обязательному страхованію хлѣбные запасы въ общественныхъ магазинахъ. Очевидно, у насъ даже на такую невинную и несомнѣнно полезную мѣру требуется особое разрѣшеніе. Министерство внутреннихъ дѣлъ, въ виду общаго значенія этого ходатайства, предложило его на обсужденіе другихъ губернскихъ земствъ, выразивъ пожеланіе, чтобы они доставили въ министерство полныя фактическія данныя по этому вопросу. Полтавское собраніе ходатайствовало объ измѣненіи правилъ оцѣнки торгово-промышленныхъ заведеній для обложенія ихъ земскими сборами въ смыслѣ принятія въ расчетъ доходности ихъ отъ производительности, а не отъ одной только матеріальной стоимости заведеній, какъ установлено теперь закономъ. Ходатайство это признано преждевременнымъ, потому что оцѣнка земель по правиламъ 8 іюня 1893 г. еще нигдѣ не завершена. Между тѣмъ земство, повидимому, и возбудило ходатайство главнымъ образомъ потому, что земельныя оцѣнки не закончены. Зная о крайней неудовлетворительности дѣйствующихъ правилъ объ оцѣнѣ торгово-промышленныхъ заведеній, влекущихъ за собой ничѣмъ неоправдываемыя льготы для нихъ въ явный ущербъ земледѣлію,—земство совершенно основательно рассчитывало, что изданіе правилъ для оцѣнки земель необходимо должно повлечь за собой установленіе та-

кихъ же правилъ и для торгово-промышленныхъ заведеній. При болѣе или менѣе одновременномъ примѣненіи ихъ скорѣе всего можно было бы достигнуть равномѣрности въ обложеніи и подчиненіи его по отношенію къ землямъ и промышленнымъ заведеніямъ общимъ принципамъ. Но министерство взглянуло иначе и осуществленіе справедливыхъ началъ въ земскомъ обложеніи опять затормозилось, потому что ходатайство полтавскаго земства оказалось якобы преждевременнымъ. Напротивъ того, ходатайство курскаго земства о допущеніи въ составъ уѣздныхъ отдѣленій епархіальнаго училищнаго совѣта двухъ членовъ отъ земства признано запоздавшимъ, потому что недавно опубликованнымъ закономъ епархіальные преосвященные уполномочены назначать членами отдѣленій этого совѣта лицъ, избранныхъ уѣздными собраниями по одному на уѣздъ. Но такое уполномочіе архіереевъ, очевидно, не предрѣшаетъ повсемѣстнаго фактическаго допущенія въ совѣты членовъ отъ земства, а потому нисколько не удовлетворяетъ мѣстной нужды, о которой ходатайствуетъ курское земство. Такой же отрицательный отвѣтъ послѣдовалъ на довольно многочисленныя ходатайства земствъ о допущеніи безошлиннаго ввоза изъ за границы медикаментовъ для земскихъ аптекъ и аптекарскихъ складовъ. Министерство финансовъ по поводу этого высказалось, что предоставленіе безошлиннаго ввоза медикаментовъ одному какому-либо учрежденію „несомнѣнно вызвало бы рядъ аналогичныхъ ходатайствъ.... что не только явилось бы обременительнымъ для казны, но нарушило бы также интересы нашей химической промышленности, доставляющей весьма значительное количество разныхъ медикаментовъ и находящей имъ сбытъ, благодаря таможенно-пошлинному огражденію отъ иностранной конкуренціи“ ¹⁾. Это по крайней мѣрѣ откровенно: интересы какой нибудь сотни промышленниковъ не только противупоставляются прямо интересамъ всѣхъ земствъ и массы населенія, но и признаются имѣющими преимущество передъ

¹⁾ Рус. Вѣд. № 238.

последними. А между тѣмъ въ дѣйствительности оказывается, что несмотря на таможенное покровительство, произведенія нашей химической промышленности настолько плохи и дороги, что выписка медикаментовъ изъ за границы даже при теперешнихъ условіяхъ выгодна и практикуется нѣкоторыми земствами вполне удачно.

Еще большее значеніе имѣютъ ходатайства земства объ исправленіи новаго земскаго положенія (1890 г.), сократившаго самостоятельность земства, уменьшившаго кругъ земскихъ дѣятелей, предавшаго ему сословную окраску, искусственно установившаго преобладаніе въ немъ дворянъ и поставившаго гласныхъ отъ крестьянъ въ зависимое положеніе. Все это заставляло предполагать, что новое земство не окажется на высотѣ своего призванія и уклонится отъ прежнихъ земскихъ традицій. Къ счастью такое ожиданіе осуществилось только въ очень немногихъ мѣстахъ. Большинство же земствъ продолжаетъ работать въ прежнемъ направленіи, указывая между прочимъ на необходимость возвращенія къ многимъ порядкамъ прежняго земскаго положенія и между прочимъ на необходимость увеличенія числа гласныхъ отъ крестьянъ. Такое ходатайство возбудило, напримѣръ, таврическое земство относительно мелитопольскаго уѣзда. При дѣйствіи положенія 1864 г. въ немъ было 42 гласныхъ—18 отъ землевладѣльцевъ, 3 отъ города и 21 отъ сельскихъ обществъ; теперь ихъ только 15, въ томъ числѣ 8 отъ дворянъ, 3 отъ купцовъ и мѣщанъ и 4 отъ сельскихъ обществъ. Между тѣмъ мелитопольскій уѣздъ по преимуществу крестьянскій: изъ 1.189 тыс. дес. земли въ немъ крестьянамъ принадлежитъ 840 т., да арендуютъ они до 240 т. д. Несмотря на это ходатайство объ увеличеніи крестьянскихъ гласныхъ отклонено министерствомъ. Повидимому, таже судьба ждетъ подобное ходатайство новоузенскаго (самарской губ.) земства, въ которомъ число крестьянскихъ гласныхъ съ 11-ти (при общемъ числѣ 22-хъ гласныхъ) по старому положенію уменьшено до 4-хъ (на 16-ть гласныхъ) при новыхъ порядкахъ ¹⁾.

¹⁾ Вѣстн. Европы, 1896 г. № 12. Внутр. обозрѣніе.

Мотивируя свои отказы въ подобныхъ случаяхъ—говорить *Вѣстн. Европы*—министерство ссылается на соображенія, „послужившія въ 1890 г. основаніемъ новой организаціи земскихъ собраній; но вѣдь въ моментъ составленія и изданія закона трудно предвидѣть неудобства, съ которыми будетъ сопряжено его примѣненіе. Жизнь важнѣе системы; указанія опыта не могутъ быть игнорируемы только потому, что они идутъ въ разрѣзъ съ предвзятой мыслью“, ¹⁾, особенно если послѣдняя направлена къ явной невыгодѣ преобладающей массы населенія.

Сокративъ число гласныхъ, земское положеніе 1890 г. ограничило также и кругъ лицъ, могущихъ быть избранными въ предсѣдатели земскихъ управъ. По новому закону, всѣ лица, не имѣющія права вступать на государственную службу, не могутъ занять мѣста предсѣдателя управы. Изъ этого правила не сдѣлано исключенія даже для лицъ раньше служившихъ предсѣдателями и значить фактически доказавшихъ свою пригодность къ этой должности. *Вѣстн. Европы* удостоверяетъ, что этотъ законъ не только въ глухой провинціи, но и въ столичныхъ и подстоличныхъ губерніяхъ лишилъ земство нѣсколькихъ полезныхъ дѣятелей, много трехлѣтій сряду безсмѣнно занимавшихъ предсѣдательскія мѣста. Еще чувствительнѣе отозвался онъ на окраинахъ, гдѣ людей еще меньше. Неудивительно поэтому, что вологодское губернское собраніе вынуждено было жизнью возбудить ходатайство о допущеніи лицъ, неимѣющихъ права на государственную службу, занимать должности предсѣдателей управъ въ семи сѣверныхъ уѣздахъ своей губерніи. Но и это ходатайство не получило удовлетворенія, такъ какъ противорѣчитъ одному изъ основныхъ началъ, принятыхъ для земской реформы 1890 г. ²⁾. Значить вопросъ опять разрѣшенъ съ точки зрѣнія согласія его съ предвзятой системой, а не съ тѣмъ насколько удовлетворяются дѣйствующимъ порядкомъ тре-

¹⁾ Ibidem.

²⁾ Вѣстн. Евр., № 12, за 1896 г.

бованія жизни и практики. Такое отношеніе къ земскимъ ходатайствамъ можетъ, въ концѣ концовъ, дѣйствительно измѣнить теченіе земской жизни и направить его по тому руслу сословныхъ интересовъ, котораго повидимому такъ желали авторы Положенія 1890 г. Насколько же это желательно въ общегосударственныхъ интересахъ, мы поговоримъ объ этомъ въ другой разъ.

Въ заключеніе мы остановимся на одиночныхъ пока фактахъ изъ земской жизни, имѣющихъ большое значеніе для развитія правоваго сознанія въ народной жизни. Въ одной изъ корреспонденцій „Недѣли“ сообщаютъ, что нашъ крестьянинъ, по прежнему, постоянно нуждается въ томъ, чтобы ему разъяснили его обязанности и права, чтобы ему указали законъ. Цѣлая масса дѣлъ возникаетъ именно отъ невѣдѣнія закона, невѣдѣнія правъ и обязанностей. Уже одно обращеніе къ адвокату дорого стоитъ, да и къ тому же люди, занимающіеся адвокатской профессіей, неохотно разъясняютъ законы и права. Лохвицкій уѣздъ (Полтавской губ.), откуда прислана корреспонденція въ названную газету, въ этомъ отношеніи находится въ исключительно неблагоприятныхъ условіяхъ; онъ отдаленъ отъ окружнаго суда и имѣетъ мало людей знакомыхъ съ процессами общихъ судебныхъ инстанцій. Подпольная адвокатура свила себѣ въ немъ прочное гнѣздо, такъ что приходится вести упорную борьбу, чтобы по возможности ослабить ея деморализующее вліяніе. Лохвицкая земская управа поэтому рѣшила дать возможность населенію пользоваться юридической консультаціей, которую и проектировала устроить „на тѣхъ началахъ, на которыхъ построена земская медицина, т. е. на началахъ службы обществу земскихъ плательщиковъ. Было бы весьма желательно достигнуть такого положенія, чтобы имѣть юридическія консультаціи въ нѣсколькихъ пунктахъ уѣзда, и чтобы населеніе могло пользоваться ихъ услугами бесплатно. Къ сожалѣнію, земство не обладаетъ достаточными средствами; поэтому слѣдуетъ пока ограни-

чится однимъ пунктомъ и учредить консультацію не безплатную, а за извѣстную небольшую таксу. Юрисконсультъ долженъ обладать юридическимъ образованіемъ и практической подготовкой. При окружныхъ судахъ можно найти такое лицо изъ помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, которое согласится служить за извѣстное опредѣленное жалованье. Жалованье будетъ колебаться отъ 800 до 1000 руб. въ годъ; для поощренія можетъ быть выдаваема часть дохода отъ работы консультаціи. Плата за совѣты и отдѣльныя порученія должна быть назначена самая минимальная, не болѣе 50 к., при чемъ бѣднѣйшимъ совѣты должны даваться безплатно. Таковы основанія доклада лохвицкой управы. Собраніе отнеслось къ нему весьма сочувственно и постановило организовать при земской управѣ въ видѣ опыта, на одинъ годъ, юридическую консультацію и внести въ смѣту 800 р., поручивъ управѣ выработать подробности организаціи консультаціи¹⁾. По свѣдѣніямъ *Рус. Вѣд.* такой же проектъ возникъ и въ влискомъ земствѣ²⁾. Въ вятское же земское собраніе внесенъ докладъ объ учрежденіи земскихъ юристовъ въ каждомъ уѣздѣ, съ тѣмъ, чтобы они подавали свои совѣты безплатно всѣмъ земскимъ плательщикамъ, а въ потребныхъ случаяхъ представляли ихъ на судъ³⁾. Если начинанія этихъ земствъ не встрѣтятъ постороннихъ препятствій, то дѣло юридическихъ консультацій можетъ получить значительное развитіе, такъ какъ вызывается оно несомнѣнно назрѣвшей потребностью. Такіе консультаціи существуютъ въ 25-ти городахъ Германіи и чрезвычайно быстро развиваютъ тамъ свою дѣятельность⁴⁾. У насъ мысль объ учрежденіи ихъ возникла еще при составленіи Судебныхъ Уставовъ, но до сихъ поръ не была осуществлена, не смотря на наличность всѣхъ шансовъ для успѣшнаго развитія дѣла консультацій. Обсуждая

¹⁾ Нефля, 1896 г. № 42.

²⁾ Рус. Вѣд. № 327.

³⁾ Ibid., № 345.

⁴⁾ Ibidem, № 327, ст. С. Сперанскаго «Народное Бюро въ Германіи».

эти шансы, *Вѣстн. Евр.* отмѣчаетъ, что „почти вездѣ населеніе лишено правильной юридической помощи и вынуждено искать ея у лицъ сомнительной нравственности и болѣе чѣмъ сомнительныхъ знаній. Между тѣмъ, въ большихъ городахъ предложеніе юридическаго труда далеко превышаетъ спросъ; множество молодыхъ юристовъ остается безъ всякаго дѣла, не рѣшаясь, однако, уѣхать въ глубь провинціи, гдѣ еще труднѣе найти постоянную обеспеченную работу. На призывъ земства они отзовутся, по всей вѣроятности, столь же охотно, какъ отзывались и отзываются на него молодые врачи, только благодаря земскимъ средствамъ находящіе возможность посвятить свой трудъ наиболѣе нуждающейся въ ней части населенія... Не будь земскихъ учрежденій, огромное большинство сельскихъ мѣстностей и теперь было бы лишено врачебной помощи, какъ было лишено ея тридцать лѣтъ тому назадъ; то же самое, быть можетъ, придется сказать черезъ нѣсколько лѣтъ и о земской адвокатурѣ. Юристы, приглашенные земствомъ, могутъ не только служить консультантами для населенія: они могутъ принимать на себя и веденіе гражданскихъ дѣлъ, и защиту по дѣламъ уголовнымъ, способствуя, такимъ образомъ, устраненію тѣхъ неудобствъ, которыя сопряжены съ недостаткомъ на мѣстахъ профессиональных адвокатовъ“. Таковы могутъ быть богатые и важные для населенія послѣдствія отъ учрежденія юридическихъ консультаций, начало которымъ положили одни изъ самыхъ глухихъ и бѣдныхъ земствъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Г. Тардъ. *Происхожденіе семьи и собственности. Съ прибавленіемъ очерка Л. Е. Оболенскаго: О происхожденіи семьи и собственности по теоріи эволюціонистовъ и экономическихъ материалистовъ.* Спб. 1897 г.

Послѣдніе годы наступило у насъ какое то повѣтріе издавать въ популярныхъ книжкахъ отдѣльныя главы изъ большихъ исследований. Но отсутствіе общей связи съ законченнымъ цѣлымъ, произвольные выпуски, иногда же даже отсутствіе указаній на то, откуда взята статья, все это противорѣчитъ цѣлямъ популярной литературы. Да и нѣтъ ничего вреднѣе этого верхоглядства и полужнанія для той поверхностно-культурной массы, которая читаетъ популярныя книжки. Говоримъ же все это здѣсь потому, что и г.г. *Губинскій* (издатель) и *Оболенскій* (редакторъ) вмѣсто того, чтобъ дать намъ полный переводъ прекрасной и интересной книги г. Тарда (автора извѣстныхъ „Законовъ подражанія“, переведенныхъ и на русскій языкъ) „*Les transformations du droit*“, котораго она вполнѣ заслуживаетъ, даютъ намъ подъ заглавіемъ „Происхожденіе семьи (стр. 63-86) и собственности (стр. 86-145)“ переводъ лишь двухъ главъ изъ нея. Но можно ли ихъ понять безъ связи съ цѣлымъ? Не думаемъ. Не думаетъ этого, кажется, и г. Оболенскій, такъ какъ на цѣлыхъ 62 границахъ (стр. 1—62) разъясняетъ намъ научное значеніе труда г. Тарда, только къ сожалѣнію далеко не популярнымъ языкомъ и касаясь, какъ сторон-

никъ г. Тарда, главнымъ образомъ достоинствъ труда его (и даже порою преувеличивая ихъ), а не его недостатковъ, не говоря уже объ опечаткахъ, которыхъ по русскому обычаю очень много и притомъ неоговоренныхъ въ концѣ.

Но довольно о господинѣ Оболенскомъ. Намъ интересуетъ не столько онъ, сколько г. Тардъ. Выставляя общую презумпцію въ пользу подражанія и предлагая множественность линій эволюціи, онъ выступаетъ противникомъ эволюціонизма Спенсера, а по мнѣнію г. Оболенскаго (стр. 5) косвенно и экономического матеріализма, причемъ для своихъ цѣлей пользуется обширнымъ матеріаломъ, заключающимся въ книгѣ г. Дареста „Исслѣдованія по исторіи права“. Не все однако одинаково цѣнно въ этомъ протестѣ. Именно, по мнѣнію г. Ковалевскаго ¹⁾, естественная общность людей, особенно замѣтная въ дѣтствѣ человѣчества, ведетъ въ это время къ полному сходству общественнаго развитія у самыхъ различныхъ и разноплеменныхъ народовъ. Да и въ послѣдующее время не одни заимствованія, какъ думаетъ г. Тардъ, но и общность происхожденія, сходство расовыхъ характеровъ и жизненныхъ условій вызываетъ сходство между социальными и юридическими институтами разныхъ народовъ. Такимъ образомъ, хотя при недостаткѣ предварительной разработки сыраго матеріала по социальнымъ вопросамъ всякія обобщенія еще пока преждевременны, тѣмъ не менѣе, кажется, безъ большихъ ошибокъ можно уже и теперь намѣтить слѣдующій ходъ постепеннаго развитія семьи: матриархальная), патриархальная и индивидуальная семья. Частная же движимая собственность возникаетъ и развивается по мѣрѣ раздѣленія труда и сначала лишь относительно предметовъ, которыми производитель можетъ немедленно воспользоваться. Затѣмъ общинное землевладѣніе самопроизвольно развивается въ патриархальномъ обществѣ и наконецъ частная недвижимая собственность такъ же естественно развивается по мѣрѣ разложенія семейной и сосѣдской общины. Въ установленіи индивидуальной семьи и собственности и проявляется впервые себя автономизирующаяся личность и затѣмъ, чѣмъ дальше, тѣмъ больше начинаетъ оказывать влияние на ходъ историческаго процесса, внося частныя разнообразія въ сохраняющееся и теперь его общее единообразіе.

¹⁾ См. его «Очеркъ происхожденія и развитія семьи и собственности».

Но г. Тардъ, забывъ, что одинаковыя причины порождаютъ одинаковыя слѣдствія и что главнымъ образомъ надо сравнивать соціальныя и правовыя явленія у народовъ, стоящихъ на одинаковой степени развитія ¹⁾, а также увлекшись протестомъ противъ г. г. эволюціонистовъ, провозглашаетъ исконное отсутствіе единообразія и исконное же вліяніе личнаго начала на историческій процессъ. Именно, по его мнѣнію, жизнь человѣка пробовала и пробуетъ всѣ пути, какіе можно вообразить себѣ, а единообразіе достигалось и достигается только подражаніемъ сперва въ предѣлахъ племени, а потомъ внѣ его. Побѣду же однихъ институтовъ надъ другими г. Тардъ объясняетъ побѣдой націй, принявшихъ эти институты, надъ другими націями (*sic*). Затѣмъ, по мнѣнію г. Тарда, человѣкъ есть существо подражательное, потому что онъ изобрѣтателенъ, а изобрѣтателенъ онъ, потому что логиченъ. Потребность же его въ систематической координаціи то обладаетъ избыткомъ возбужденія, то успокаивается. Локализація и изолированность и порождаютъ застой у даннаго народа, разъ истощился у него притокъ внутреннихъ изобрѣтеній. Но по мнѣнію г. Оболенскаго (стр. 54-59), развивающаго далѣе ученія г. Тарда, личность можетъ прогрессировать и среди неизмѣнившихся формъ подъ вліяніемъ, напр., извнѣ, тогда какъ общество не можетъ прогрессировать помимо личности и такимъ образомъ самосовершенствованіе или усовершенствованіе личности есть условіе *sine qua* поп общественнаго прогресса ²⁾.

Таково въ общихъ чертахъ положительное ³⁾ ученіе г. Тарда,

¹⁾ Противъ этого часто грѣшатъ и г. г. эволюціонисты. См. впрочемъ по вопросамъ методологій въ «Лекціяхъ и изслѣдованіяхъ» В. И. Сергеевича стр. 14-23 и въ вышеупомянутой книгѣ г. Козалевскаго стр. 13-15.

²⁾ По мнѣнію г. Михайловскаго (Р. Б., 94 г., X, 62) центральная нить историческаго процесса и состоитъ въ борьбѣ за индивидуальность. Впрочемъ вопросъ о роли личности въ исторіи очень трудный и сложный. Въ маленькой замѣткѣ его истерпать нѣтъ возможности, а потому мы, ограничиваясь здѣсь лишь нѣсколькими вышесказанными нами словами о томъ, что намъ самымъ кажется въ этой запутанной области наиболѣе вѣроятнымъ, за подробностями отсылаетъ читателя къ трудамъ г. г. Михайловскаго и Карьева. См. также статью г. Казанскаго «Личный и общественный элементы въ исторіи» (Сб. Прав., VI, 128-159).

³⁾ Интересна и отрицательная часть книги г. Тарда, т. е. критика главныхъ выводовъ эволюціонизма, но, такъ какъ эта часть главнымъ образомъ основана на фактахъ, приводимыхъ г. Дарестомъ, то по недостатку мѣста мы здѣсь этой части книги г. Тарда не разбираемъ. Замѣтимъ только, что, если преждевремен-

если сгладить встречающіяся и у него неясности и противорѣчія и поставить у него вездѣ точки надъ і. Но онъ забываетъ, повторяемъ мы, что личность начинаетъ вліять на историческій процессъ только въ сравнительно недавнее время, что и помимо заимствованій одинаковыя причины порождаютъ одинаковыя слѣдствія, и что самое заимствование возможно лишь при извѣстномъ сходствѣ культурнаго развитія данныхъ народовъ. Во всемъ же остальномъ взгляды его очень цѣнны и могутъ быть приняты, какъ поправка къ эволюціонизму.

Ждемъ поэтому теперь полнаго перевода книги г. Тарда „*Les transformations du droit*“. Русская публика въ немъ очень и очень нуждается, и жаль будетъ, если онъ замедлитъ или и вовсе не появится.

С. Шумаковъ.

І. Колеръ. *Шекспиръ съ точки зрѣнія права (Шейлокъ и Гамлетъ)* ¹⁾. Спб. 1895 г.

Перевода этой книги на русскій языкъ нельзя не приветствовать, такъ какъ г. Колеръ въ ней блестяще и оригинально, хотя нѣсколько риторически и многословно, показываетъ намъ общесторическую эволюцію долговаго права на примѣрѣ Шейлока и кровавой мести на примѣрѣ Гамлета. Поставивъ такимъ образомъ вопросъ на почву универсально историческаго изслѣдованія, г. Колеръ въ первой части книги (стр. 6-75) разсматриваетъ эволюцію долговаго права (стр. 6-44), а во второй (стр. 76-190) эволюцію карательнаго права (стр. 90-147) у разныхъ народовъ древнихъ и новыхъ. Въ частичный разборъ этихъ интересныхъ очерковъ мы къ сожалѣнію здѣсь входить не можемъ, но въ общемъ, намъ кажется, г. Колеръ довольно вѣрно намѣтилъ основные этапы и той и другой эволюціи, но конечно лишь за столько, на сколько это возможно теперь, когда не кончилась еще даже предварительная разработка соціологическаго матеріала.

ними и плохообоснованными обобщеніями грѣшатъ г.г. эволюціонисты, то не жаль ихъ, если не больше, повиненъ въ этомъ и г. Тардъ.

¹⁾ Нѣмецкаго подлинника книги г. Колера подъ руками у насъ теперь нѣтъ. Поэтому всѣ слѣдующія замѣчанія относятся только къ русскому переводу его книги. Но если не ошибаемся, и эта книга, кажется, кастрирована переводчикомъ и издателемъ.

Эволюція долговаго права, напр., по мнѣнію г. Колера состоитъ въ томъ, что изъ безконтрольной власти заимодавца надъ лично стью должника, общей у всѣхъ народовъ на зарѣ ихъ правовой жизни, постепенно ускользають сначала тѣло и жизнь должника, затѣмъ свобода и честь его. Послѣдняя же стадія этого процесса, затянувшаяся чуть не до нашихъ дней, это заключеніе должниковъ въ общественныхъ тюрьмахъ. Если восточно-африканскіе дикари, напр., и гуманны относительно своихъ должниковъ, то лишь благодаря своей правовой безпечности (стр. 16). Путь же, по которому идетъ смягченіе долговаго права у всѣхъ народовъ, по мнѣнію г. Колера таковъ: сначала безусловное право кредитора надъ личностью должника замѣняется договорнымъ (стр. 40), затѣмъ эти договоры начинаютъ считаться противными нравственности и общественной благопристойности (ст. 44) и наконецъ, этическая идея поглощается правовою жизнью народа (стр. 60), причемъ это поглощеніе происходитъ особенно энергично не только въ Римѣ, какъ это думаетъ г. Колеръ, но и въ Англіи ¹⁾. Послѣднюю стадію, по мнѣнію г. Колера, и развертываетъ передъ нами Шекспиръ въ сценѣ суда въ „Венеціанскомъ купцѣ“. И это намъ кажется болѣе вѣрнымъ дѣйствительности, чѣмъ возвеличеніе Шейлока *Іерингомъ* ²⁾, этимъ гениальнымъ буревѣстникомъ по выраженію пр. *Довернуа* ³⁾. Если Шейлокъ и борецъ за право, то за отжившее формальное, а не за новое прогрессивное. Симпатизировать тутъ нечему. Но въ частности и съ г. Колеромъ можно здѣсь кое о чемъ поспорить. Такъ, поведение Шейлока вполне объясняется и оправдывается моралью его народа („око за око, зубъ за зубъ“), вѣковыми гоненіями христіанъ на его племя и общимъ суровымъ духомъ той эпохи. Это дегенерантъ на соціальной подкладкѣ, не могущій поступить иначе, чѣмъ поступилъ. Такъ за что же презирать его? Его можно и должно только пожалѣть. Мотивировка приговора въ „Венеціанскомъ купцѣ“ тоже фальшива, и напрасны старанія г. Колера оправдать эту фальшь (стр. 66). Напрасны также и старанія его оправдать осужденіе Шейлока (стр. 70). Фальшь всегда останется фальшью и несправедливость несправедливостью, хотя бы резуль-

¹⁾ См. «Драку въ домѣ» г. *Короленко* въ Р. Б. 94 г.

²⁾ См. его «Борьбу за право», изданіе г. Юровскаго, стр. 52-54. Выходитъ же здѣсь Іеринга противъ Колера (стр. 93-95) болѣе показываютъ намъ личное раздраженіе автора, чѣмъ его правоту.

³⁾ См. его «Изъ курса секцій», стр. 24-26.

татомъ ихъ и была побѣда великой новой идеи. Самая святая цѣль оскверняется гнусными средствами, съ помощью которыхъ думаютъ ее достигнуть. Много риторики и фальши и въ сравненіи „Венеціанскаго купца“ съ „Фаустомъ“ (стр. 72-75)....

Переходимъ теперь ко второй части книги. Здѣсь г. Колеръ, показавъ намъ процессъ постепеннаго упорядоченія, смягченія, индивидуализаціи и перехода изъ частныхъ рукъ въ руки государства карательнаго права, говоритъ, что Гамлетъ живетъ въ то время, когда еще царитъ во всей силѣ идея кровавой мести. Хотя онъ самъ уже выше ея и считаетъ ее противоправной, варварской, но къ ней призываетъ его голосъ духа его отца или точнѣе голосъ правовой мысли того времени (стр. 88), или голосъ судьбы (стр. 170). Къ тому же убійца сидитъ на тронѣ и потому его нельзя покарать судомъ, а революція тоже немислима для Гамлета въ силу внѣшнихъ условій и личныхъ качествъ его. Отсюда трагизмъ и безвыходность его положенія. Если въ концѣ концовъ онъ и исполняетъ велѣніе судьбы и подчиняется закону кровавой мести, то и самъ вслѣдъ за тѣмъ гибнетъ, какъ жертва той же судьбы. И со всѣмъ съ этимъ не согласиться нельзя. Только напрасно г. Колеръ, отмѣтивъ соціальныя условія, при которыхъ дѣйствовалъ Гамлетъ, не отмѣтилъ въ немъ чертъ вырожденія. Вѣдь, какъ мы уже говорили, въ „Гамлетѣ“ самъ г. Колеръ признаетъ идею рока, а по мнѣнію г. Ферри ¹⁾ идея рока тождественна съ идеею вырожденія. Что же касается частныхъ второй части книги, то вѣрно мнѣніе г. Колера, что убійство Полонія Гамлетомъ есть случай мнимой необходимой обороны ²⁾, а поступокъ его съ Розенкранцемъ и Гюльденштерномъ есть случай дѣйствительной необходимой обороны (стр. 170). Хорошо обрисованы и отношенія Гамлета къ Офеліи (стр. 153-155) и къ матери (стр. 183-189). Удачны и характеристики Лаерта (стр. 143-146) и Клавдія (стр. 177-178). Недурно и сравненіе „Гамлета“ Шекспира съ „Орестеемъ“ Эсхила (стр. 190).

Наконецъ, интересно и введеніе къ книгѣ (стр. 1—5), въ которомъ г. Колеръ сравниваетъ Данте, какъ представителя отжившаго міровоззрѣнія, съ Шекспиромъ, какъ представителемъ новой міровой идеи, и выясняетъ идейно-юридическое содержаніе произведеній послѣдняго.

¹⁾ См. его «Преступники въ искусствѣ», стр. 28.

²⁾ Впрочемъ Полоній могъ быть убитъ и потому, что Гамлетъ принялъ его за Клавдія.

Переводъ довольно удовлетворителенъ. Жаль только, что и въ этой книгѣ, какъ и въ другихъ книгахъ, изданныхъ Я. Канторовичемъ, очень много опечатокъ и притомъ не оговоренныхъ въ концѣ книги.

С. Шумаковъ

М. Aguilera. *L'idée du droit en Allemagne depuis Kant jusqu'à nos jours*. Paris. 1893, p. 346 in 8°.

Авторъ настоящаго очерка констатируетъ въ введеніи, что основныя юридическія понятія (какъ напр., что такое право—его главные источники, начала?) недостаточно разработаны и построены на очень шаткихъ основаніяхъ. Неопредѣленность основныхъ вопросовъ обусловливается банкротствомъ авторитетовъ, политическимъ скептицизмомъ, умственной наклонностью къ смѣшенію права и политики и пренебреженіемъ нравственной идеи, этого рычага общественной жизни и науки.

Исцѣляющимъ средствомъ въ данномъ случаѣ является, по мнѣнію автора, сравнительное изученіе принциповъ права въ ихъ причинной связи. Въ философско-юридическихъ системахъ, коими опредѣляется состояніе культуры даннаго народа, можно найти существенныя начала права. Во всякомъ законодательствѣ преобладаетъ только одинъ принципъ, одна идея, изъ которой исходитъ обыкновенно работа кодификаторовъ (Вундт).

Но не въ этомъ лежитъ критерій объективной истины, находящейся въ причинной связи съ извѣстной философскою системой. Слѣдя такимъ образомъ за развитіемъ господствующихъ направленій въ юридической наукѣ Германіи, авторъ подмѣтилъ слѣдующія 3 характерныя черты.

а) Широкий взглядъ на право, въ силу чего оно является универсальнымъ или космическимъ принципомъ (Фихте—Шеллингъ—Гегель и др.);

в) Понятіе права у нѣмцевъ преимущественно съ исторической точки зрѣнія (Савиньи—Пухта—Шёфле—Иерингъ—Моммзенъ—Данъ—Шuppe).

е) Этическое пониманіе права, развившееся особенно подъ вліяніемъ Кантовскаго ученія, при чемъ нѣкоторые юристы или совсѣмъ отождествляютъ право съ нравственностью, или же отдѣляютъ его вполне (стр. 305-316). (Вундтъ—Тонъ—Шuppe и др.)

Если изложение исторической части сочинения Агильера отличается всеми достоинствами хорошихъ французскихъ сочиненій, то за то вторая часть синтетическая (*Idée*, стр. 315—318) страдаетъ многими недостатками. Какъ извѣстно, авторъ упрекаетъ нѣмецкую науку въ томъ, что она носитъ яркую политическую окраску, между тѣмъ онъ самъ, подводя итоги сказанному, не вполне удачно и безпристрастно критикуетъ германскихъ правовѣдовъ.

Уже въ введеніи онъ не преминулъ упомянуть о томъ, что въ критикѣ германской доктрины читатели должны видѣть священный патріотическій подвигъ со стороны автора, тѣмъ болѣе, что въ сущности, вражда Франціи съ Германіей сводится къ юридическому спору. Самый широкій просторъ рѣзкой критикѣ представили сочиненія Іеринга, который преувеличилъ значеніе принужденія въ правѣ и почти отождествлялъ право и силу. Отрицая это смѣшеніе, авторъ встаетъ и приводитъ выводы Рейделя изъ положеній Іеринга (*Macht—Recht; Schwäche—Pflicht* и т. д.). Разборъ формулы „*la force ait le droit*“ доказываетъ только обратную теорему: сила есть продуктъ права. Между тѣмъ во всѣхъ фазисахъ развитія юридической мысли у нѣмцевъ преобладаетъ идея силы. Такова также *Völkerspsychologie* этого народа (стр. 320.) Увѣренія Гердера о томъ, что гуманизмъ есть идеалъ нѣмцевъ также вполне лицемерны. Культъ силы имѣетъ невыразимую прелесть для большинства нѣмецкихъ ученыхъ, которые увлекаются имъ незамѣтно.—Нѣмецкіе теоретики забыли, что право, являясь оружіемъ сильнѣйшаго, есть вмѣстѣ съ тѣмъ выраженіе общей воли при томъ условіи, чтобы оно преклонилось передъ правомъ въ силу долга (стр. 324). Штейнъ и Шталъ давно старались доказать, что утилитарный взглядъ на право, какъ на средство наслажденія и самодовольствія, ведетъ къ полному пренебреженію истиннаго смысла права, какъ выраженія достоинства и свободы человѣческой личности (стр. 329.) „Когда культъ свободы и любовь принцевъ будутъ идеалами для нѣмцевъ, тогда только можно будетъ сказать, что они прозрѣли: идея и матеріальный фактъ вещи совсѣмъ различныя. Сила, какъ единая на потребу, не сумѣла бы никогда привести къ осуществленію того общественнаго идеала, который она преслѣдуетъ, потому что народы, какъ и отдѣльныя лица, сильны единственно нравственной идеей, если при томъ они храбро отстаиваютъ ее“ (стр. 346.).

Зд. Корсакъ.

В. А. Гольцевъ. Законодательство и нравы въ Россіи XVIII вѣка.
Изд. 2-ое. Спб. 1896 г. Стр. 164 + XXXII. Ц. 1 р. 25 к.

Авторъ говоритъ, что задача его разсужденія „заключается въ опредѣленіи характера того вліянія, которое оказывало въ Россіи государство на нравы, съ эпохи преобразованій Петра Великаго до конца XVIII столѣтія“. Неудобство подобнаго плана сказывается въ томъ, что приходится брать нравы начала эпохи преобразованій и разсматривать въ какомъ направленіи и степени законодательство на нихъ вліяло. Такимъ образомъ нравы, зародившіеся въ древности и уже вошедшіе въ плоть и кровь народа, приписываются вліянію петровскихъ реформъ. Напр., думаютъ, что наши древніе пороки-пьянство и взяточничество-усилились въ концѣ XVII вѣка. Такъ-ли? А времена Ивана Грознаго? Петръ преслѣдовалъ взяточниковъ, казнилъ ихъ (напр., сибирскаго губернатора кн. Гагарина), но почти не достигъ своей цѣли. Можно-ли ставить эту неудачу въ вину законодательству этого періода? Нѣкоторые изслѣдователи склонны обвинять Петра.

Кромѣ этого неудобства, укажемъ еще и другое, именно, на самый планъ сочиненія. Г. Гольцевъ разсматриваетъ нравы русскаго общества при Петрѣ Великомъ (гл. II), за время царствованія преемниковъ его до Екатерины II (гл. III) и наконецъ описываетъ нравы періода царствованія Екатерины II (гл. IV) и послѣ этихъ обзоровъ переходитъ къ разсмотрѣнію дѣятельности русскаго законодательства съ Уложенія Алексѣя Михайловича (1649 г.) до конца XVIII вѣка. Вотъ этотъ то приѣмъ мы и считаемъ не совсѣмъ правильнымъ. По прочтеніи соч. г. Гольцева не получается извѣстной картины. Масса матеріала, разсыяннаго по всей книгѣ, не сгруппирована, дѣятельность законодательства извѣстнаго періода къ нему не приурочена, а потому и цѣль автора, по нашему мнѣнію, не достигнута. Возьмемъ, напр., вопросъ о развитіи у насъ роскоши и борьбы съ нею законодательной власти. Во 1-хъ, по прочтеніи книги у читателя не получается яснаго представленія объ этой борьбѣ и ея характерѣ; далѣе, можно думать, что роскошь у насъ появилась съ реформами Петра и что, слѣдовательно, съ этого только времени начинается регламентаторская дѣятельность правительства. На самомъ дѣлѣ было не такъ! Напр., авторъ „Русскаго Государства въ половинѣ XVII в.“ (рукопись временъ ц. Алексѣя Михайловича) говоритъ, что необходимо преслѣдовать „во всякой рухляди расточительную роскошь“ (т. I.

стр. 15). Далѣе, онъ же совѣтуетъ..... „не величаться передъ нѣмцами въ разноцвѣтныхъ платьяхъ, не выставлять этихъ тканей на показъ, преимущественно тѣхъ, кои ткнутъ нѣмцы и концы отъ нихъ же должны покупать“ (стр. 162). Или еще: „будемъ соперничать скромностью въ устройствѣ и украшеніи дома. Не будемъ дѣлать позолоченныхъ кроватей, стоящихъ сто или тысячу золотыхъ, какъ дѣлаютъ нѣмцы. Не будемъ обивать стѣны и скамьи шелковыми матеріями или позолоченными кожами, и просто даже никакими матеріями, въ противоположность нѣмцамъ. Не будемъ держать столовъ, покрытыхъ матеріями или коврами. Не будемъ устилать въ домѣ половы коврами и другими матеріями, какъ дѣлаютъ Турки. Не будемъ добиваться хрустальныхъ чашъ, цѣною въ одинъ, три, 10 и сто рублей, какъ дѣлаютъ Ляхи, но лучше будетъ употреблять серебряныя, въ скромной и удобной формѣ“ (стр. 165). На стр. 281 читаемъ, что русскіе склонны „искать доброй славы въ одеждахъ раскрашенныхъ (т. е. цвѣтныхъ) и покрытыхъ драгоценными камнями“. И такъ, не реформы Петра I положили начало роскоши! Судя по соч. г. Гольцева, можно думать, что у Петра Великаго у перваго зародилась мысль запретить ношеніе дорогихъ парчевыхъ тканей, и что Табель о рангахъ первая предусматриваетъ (пунктъ 19), какому классу какой костюмъ причисляется, но фактически уже во времена Алексѣя Михайловича былъ поднятъ объ этомъ вопросъ. Вышеуказанный авторъ рукописи говоритъ: „А наипаче годило бы ся преповѣдать (запретить) простымъ людямъ уживать (употреблять) свилы (шелкъ), злата пряденого, и преднихъ (лучшихъ) скерлатныхъ (пурпуровыхъ) суконъ: дабы ся разознавалъ станъ (классъ) боярскій отъ простаковъ. Велико бо неподобіе бытъ ся кажетъ, да маловеѣстенъ писецъ ходитъ въ одинаковыхъ святахъ въ начальнымъ бояриномъ“ (т. II, стр. 13). Отсюда видимъ, что не Петръ I былъ новаторомъ въ этомъ вопросѣ. Обратимъ вниманіе и еще на тотъ фактъ, что, напр., въ своей указной дѣятельности, направленной къ искорененію роскоши, послѣдующіе законодатели точно копировали главныя основанія указовъ Петровскихъ. Напр., Петръ I, запрещеніемъ вывозить изъ заграницы парчевыя ткани, думалъ поднять отечественную мануфактуру (П. С. З. № 3127), эту же цѣль преслѣдовала и Елизавета; именно, указъ 1742 г. дек. 11 (П. С. З. № 8680) запрещаетъ ввозъ иностранной парчи между прочимъ съ тою цѣлю, „дабы со временемъ можно было доволь-

ствоваться своими, не выписывая изъ другихъ Государствъ“. Кромѣ этой цѣли, указы о роскоши преслѣдовали и цѣль финансовую. Такъ, Новоторговый Уставъ 1667 г. (П. С. З. № 408 ст. 94) между прочимъ говорить, что „въ иныхъ Государствахъ берегутъ серебро, а излишнія такіа вещи покупать забороняють“..... Преслѣдуя ту же цѣль, Елизавета въ 1740 г. мотивируетъ ее тѣмъ, что благодаря развитію роскоши „черезъ то не малое число денегъ изъ Нашего Государства выходитъ“ (П. С. З. № 8301). Этихъ сходствъ въ указной дѣятельности г. Гольцевъ не отмѣчаетъ, а они характерны. Вспомнимъ еще, что Екатерина II въ 1782 г. ноября 6 (П. С. З. № 15569) регламентировала, какое платье и когда носить, а именно, дамамъ въ большія праздники назначается носить платья изъ московскихъ золотыхъ или серебряныхъ парчей съ шитьемъ или безъ шитья, съ накладками или безъ накладокъ; въ прочіе праздники и другіе дни полагаются матеріи шелковыя съ шитьемъ или накладками. Кавалеры одѣваются, руководствуясь этими же правилами. Но указъ этотъ по содержанію своему для насъ не новость; нѣчто подобное было узаконено еще въ 1680 г. Декабря 19, при ц. Федорѣ Алексѣевичѣ; въ этомъ распоряженіи говорится, въ какіе господскіе и владычныя праздники и въ какихъ платьяхъ надлежитъ быть во время царскихъ выходовъ. По богатству верхнихъ платьевъ (ферязей) матеріи, изъ которыхъ они дѣлались, раздѣлялись на 3 класса: золотыя, изъ золотыхъ матерій, бархатныя и обьяринныя (шелковыя)¹⁾. Къ сожалѣнію, не имѣя возможности входить въ дальное обсужденіе достоинствъ соч. г. Гольцева, ограничимся сказаннымъ, но повторимъ, что еслибы г. Гольцевъ разсматривалъ затрегиваемые имъ вопросы, каждый отдѣльно, причемъ проводилъ бы ихъ чрезъ весь XVIII вѣкъ, не разбивая по царствованіямъ, то работа его представилась бы болѣе цѣльной, дающей извѣстное представленіе о прочитанномъ.

Н. Ретвихъ.

¹⁾ Забѣлиня. «Домашній бытъ русскаго народа въ XVI и XVII ст.» М. 1862 г., т. I, стр. 300.

С. Шумаковъ. *Изъ актовъ Тверскаго Отроча монастыря* (7052—7146 г.г.). Москва. 1896 г. 8° стр. 18.

Брошюра г. Шумакова представляет собою оттискъ изъ „Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ“ 1896 г., кн. II. Уважаемый издатель сообщаетъ въ ней найденные имъ въ числѣ грамотъ коллегіи экономіи московскаго архива министерства юстиціи семь актовъ, „относящихся къ поземельному дѣлу между Отрочемъ монастыремъ и тверскими посадскими людьми изъ за Пречистенской слободки и Космодемьянскаго прихода въ Твери и обнимающихъ столѣтній промежутокъ времени“ (стр. 3). По справедливому замѣчанію г. Шумакова, особенно цѣннымъ документомъ, изъ числа печаемыхъ имъ, должно признать выписку изъ Тверской писцовой книги 7052 (1543—1544 г.г.). По этому поводу мы позволимъ себѣ указать, что Тверскія писцовыя книги сего времени до сихъ поръ не были извѣстны, хотя въ литературѣ встрѣчаются указанія на писцовыя книги по Тверскому уѣзду того же писца, И. П. Заболотцаго, 7088 и 7049 г.г. ¹⁾). Общій интересъ настоящихъ документовъ заключается въ томъ, что они отчетливо рисуютъ одинъ изъ захватовъ монастыремъ окрестныхъ земель. Отъ Тверскаго Отроча монастыря была взята земля въ казну, подъ посадъ. Въ замѣнъ сей земли былъ данъ монастырю другой участокъ земли, Ильинскій берегъ. Въ результатъ столѣтняго процесса въ рукахъ монастыря оказались и-прежняя ихъ земля, и вновь данный Ильинскій берегъ. Въ частности можно указать, что актъ № IV (стр. 8) является новымъ свидѣтельствомъ того, что въ XVII вѣкѣ не различали точно крестьянъ отъ посадскихъ людей: ²⁾ „а пашутъ тоѣ землю посадскіе люди веденцы Ворошилко Неждановъ съ товарищи изъ оброку, а оброкъ даютъ въ Отрочъ монастырь“.... (стр. 15). Въ заключеніе не можемъ не высказать своего удовольствія отъ настоящаго изданія г. Шумакова и не пожелать ему дальнѣйшихъ подобныхъ изданій.

Н. Дебольскій.

¹⁾ П. Н. Миллюковъ „Спорные вопросы финансовой исторіи Московскаго государства“. Спб. 1892, стр. 161.

²⁾ См. по этому поводу В. И. Сергѣевичъ „Рус. Юр. Др.“, т. I (Спб. 1890), стр. 283—284.

А. Кобеляцій. *Промышленная, литературная, художественная и музыкальная собственность. Узакононенія о товарныхъ знакахъ, привилегіяхъ, фабричныхъ рисункахъ и моделяхъ... и проч.* Спб. 1896 г. 113+132+8 ненум. Цѣна 1 р. 50 коп.

Потребность въ сборникѣ русскихъ законовъ о промышленной собственности въ различныхъ ея видахъ уже давно ощущалась всѣми, кому приходилось заниматься сложными и мало разработанными въ Россіи вопросами, объединяемыми нынѣ подъ названіемъ права промышленной собственности. Вотъ почему нельзя не привѣтствовать г. Кобеляцкаго за то, что онъ угадалъ эту потребность и, воспользовавшись своимъ служебнымъ положеніемъ, собралъ въ компактную и удобную для пользованія книгу довольно большое количество матеріаловъ, частью мало-доступныхъ и мало-извѣстныхъ. При этомъ, нѣкоторые отдѣлы книги г. Кобеляцкаго являются прямо образцовыми по той щепетильной добросовѣстности, съ которою они изложены—въ ихъ числѣ отмѣтимъ, на примѣръ, комментарий на 66 страницахъ къ закону 26 февраля 1896 года о товарныхъ знакахъ; въ этомъ комментарий все умѣстно и нѣтъ ничего лишняго.

Къ сожалѣнію, въ книгѣ г. Кобеляцкаго есть отдѣлы, которые сдѣланы гораздо менѣе тщательно. Кое-что является недоконченнымъ, кое-что—пропущеннымъ. Ниже мы позволимъ себѣ указать на наиболѣе бросившееся намъ въ глаза при чтеніи „сборника“.

Прежде всего мы находимъ не вполне правильною ту систему, которой придерживается авторъ при изложеніи первой части своей книги, т. е. законовъ русскихъ. Эту часть онъ дѣлитъ на четыре отдѣла: А. Законъ о товарныхъ знакахъ; Б. Положеніе о привилегіяхъ; В. Положеніе о фабричныхъ рисункахъ, и Г. Законы о литературной собственности. Подобное дѣленіе является нелогичнымъ: мы знаемъ, что *товарный знакъ* не есть явленіе первичное; что защита промышленной собственности начинается не съ товарныхъ знаковъ,—а съ института *фирменнаго права*, изъ коего только впоследствии, процессомъ дифференціаціи, получается право на защиту *знака*, изображающаго фирму. Знакъ предполагаетъ фирму, въ смыслѣ имени заведенія, съ коимъ связана установившаяся репутація—и потому невозможно трактовать о промышленной собственности и не поставить рядомъ съ институтомъ товарныхъ знаковъ—равноправнаго, по меньшей мѣрѣ, института права фирменнаго. Между

тѣмъ, г. Кобеляцкій излагаетъ все ученіе о *posh commercial* только въ видѣ примѣчанія къ ст. 6, I закона о товарныхъ знакахъ (стр. 20—23)—и потому лишаетъ себя возможности трактовать этотъ важный и мало у насъ разработанный вопросъ съ надлежащею полнотою и въ надлежащемъ освѣщеніи. Замѣтимъ при этомъ, что, по нашему мнѣнію, неудовлетворительность и неполнота соотвѣствующихъ статей устава торговаго нисколько не оправдываютъ невнимательнаго съ нимъ отношенія: чѣмъ больше пробѣловъ въ законѣ, тѣмъ шире долженъ ставить свою задачу комментаторъ. Въ неизданныхъ дѣлахъ департамента торговли и мануфактуръ можно было бы сыскать не мало интересныхъ заключеній по вопросамъ фирменнаго права, напр., по дѣламъ торговыхъ домовъ Спратсъ-Патентъ, Альфонсъ Ралле и К°, Братія Зеизяновы;—г. Кобеляцкій обходитъ молчаніемъ весь этотъ богатый матеріалъ.

Переходя къ болѣе частнымъ вопросамъ, мы не будемъ повторять, что отдѣлъ *первый* заслуживаетъ самой полной похвалы; во *второмъ* отдѣлѣ г. Кобеляцкій даетъ текстъ ст. 167—198 устава о промышленности, нынѣ замѣненного новеллой 20 мая 1896 года¹⁾. Статьи эти изложены безъ какихъ бы то ни было разъясненій. Авторъ руководится, вѣроятно, соображеніемъ, что не стоитъ комментировать законъ, которому осталось 2 мѣсяца жизни,—однако, мы думаемъ, что нѣкоторые кассационныя рѣшенія не потеряли значенія (напр., 1879 г. № 112 Габан) и послѣ изданія закона 20 мая, и что *эти* рѣшенія стоило привести хотя бы въ извлеченіи. Кромѣ того, въ отдѣлѣ *второмъ* мы, къ крайнему нашему удивленію, не могли найти соотвѣствующей (1353) статьи улож. о наказаніи, такъ что вопросъ о наказаніи за нарушеніе привилегіи остается въ сборникѣ не рѣшеннымъ.

Въ отдѣлѣ *четвертомъ* (о литературной собственности) приведены соотвѣствующія статьи изъ законовъ гражд., улож. о нак., устава гражд. судопроизв. и второй части XVI тома; затѣмъ, вмѣсто разъясненій, приведено на цѣлыхъ 13 страницахъ мелкой печати все дѣло Тршецака и Анисимова (рѣшеніе окружнаго суда, приговоръ судебной палаты и указъ Сената). Вѣроятно, г. Кобеляцкій не хотѣлъ перепечатывать тѣхъ кассационныхъ рѣшеній.

¹⁾ Текстъ этого закона безъ примѣчаній раздается теперь въ видѣ бесплатнаго приложения къ сборнику.

которыя можно найти даже въ книжкѣ изъ „коллекціи“ Канторовича, и ограничился дѣломъ Анисимова какъ болѣе новымъ; однако, такой взглядъ на дѣло не можетъ быть признанъ правильнымъ: всякій комментаторъ силою вещей принужденъ повторять судебныя рѣшенія, уже раньше появившіяся въ печати (а въ особенности у насъ въ Россіи, гдѣ судебныя рѣшенія по специальнымъ вопросамъ такъ малочисленны); излагать же мало интересныя вычисления о размѣрѣ вознагражденія, причитающагося автору перепечатанной книги—едва ли цѣлесообразно въ книгѣ, предназначаемой для „большой“ публики, которой гораздо интереснѣе было бы получить хотя и старыя, но всетаки до сихъ поръ руководящія рѣшенія, тѣмъ паче, что умѣло составленные тезисы изъ этихъ рѣшеній заняли бы въ пять разъ меньше мѣста, чѣмъ текстъ *in extenso* дѣла Анисимова.

Вторая часть книги г. Кобеляцкаго содержитъ финляндскіе законы, извлеченія изъ русскихъ конвенцій о промышленной собственности, текстъ конвенціи 20 марта 1883 г. съ добавленіями, швейцарскій декретъ о приведеніи ея въ исполненіе (зачѣмъ?) и, наконецъ, „законодательство важнѣйшихъ иностранныхъ государствъ“ (стр. 45, отдѣлъ V). Подробный разборъ этого послѣдняго отдѣла привелъ насъ къ весьма невыгодному для г. Кобеляцкаго заключенію. Прежде всего для насъ остался совершенно непонятнымъ вопросъ: какую цѣль преслѣдовалъ авторъ, составляя этотъ отдѣлъ? Конечно, въ сборникѣ, трактующемъ о промышленной собственности, было бы весьма умѣстнымъ толково составленное *изложенье* различныхъ законодательствъ. Мы подчеркиваемъ слово *изложенье* и останавливаемся на немъ: во-первыхъ, на 34 страницахъ нельзя дать всѣхъ тексты полностью, но можно дать изложеніе достаточно подробное, во-вторыхъ, тѣмъ читателямъ, для которыхъ предназначается книга г. Кобеляцкаго, нельзя давать тексты, ибо умѣнье разобраться, напримѣръ, въ подлинникѣ англійскаго закона предполагаетъ такой навыкъ, который можетъ быть только у специалистовъ. Специалисты же не удовольствуются тѣмъ, что даетъ г. Кобеляцкій, потому что онъ даетъ очень мало. Въ самомъ дѣлѣ, подъ заглавіемъ „законодательство важнѣйшихъ и т. д.“—авторъ приводитъ тексты законовъ *не всѣхъ* европейскихъ государствъ (Италіи, Бельгіи нѣтъ), *не по всѣмъ* вопросамъ промышленной собственности (только о торговыхъ знакахъ) и, въ заключеніе, даже *не всѣ* законы, относящіяся къ этому специальному вопросу о товарныхъ знакахъ (напр., подъ

заголовкомъ „Австро-Венгрія“ приведенъ только *австрійскій* законъ 6 января 1890 г., тогда какъ *венгерскій* законъ 4 февр. 1890 г., имѣющій нѣкоторыя особенности, пропущенъ; пропущены англійскіе законы 11 мая 1891 г. и 20 іюля 1894 г.; не приведено ни одного французскаго, нѣмецкаго или англійскаго декрета, безъ знанія коихъ читатель не можетъ составить себѣ никакого представленія о томъ, какъ поставлена защита знаковъ на практикѣ).

Затѣмъ, даже въ тѣхъ узкихъ рамкахъ, которыя ставитъ себѣ г. Кобеляцкій, работа сдѣлана не вполне аккуратно. Переводъ, напр., англійскаго своднаго закона 25 августа 1883 г. и 24 декабря 1888 г. пестритъ ошибками. Сдѣлать хорошій переводъ иностраннаго закона очень трудно, чѣмъ, вѣроятно, отчасти объясняется замѣчаемое медленное развитіе науки сравнительнаго законовѣдѣнія и частнаго международнаго права, однако, при извѣстной тщательности можно не допустить такихъ ошибокъ, какъ, напримѣръ, слѣдующія. На стр. 44 *bon de poste* переведено: „квитанція въ высылкѣ денегъ“. На стр. 46 употребленъ слѣдующій оборотъ: „изъ невоспослѣдованія (?) предусмотрѣннаго выше сообщенія не можетъ быть выводима претензія о возмѣщеніи убытковъ“. На стр. 52 *Niederlage* переведено: „осѣдлость“. На страницѣ 62 и слѣд. англійскій законъ частью переведенъ дословно, частью разсказанъ „своими словами“ (46 et 47 viet. с. 57, 69, 40, по нумераціи сборника § 8 in fine, section 67 по сборнику § 6), частью вовсе обрѣзанъ (*ibidem*, 62, 2° и 3°, вся section 74 и т. д.). На стр. 65 section 73, гласящая между прочимъ: „any words the exclusive use of which would by reason of their being calculated to deceive or otherwise be deemed disentitled to protection in a court of justice“—совершенно искажена и переведена: „...слова, которыя разсчитаны на обманъ или по другимъ причинамъ признаны судомъ (?) неподлежащими охранѣ“. На той же страницѣ слова: „and the Comptroller may himself submit or require the claimants to submit their rights to the Court“—переведены такъ: „причемъ необходимыя для сего данныя (?) представляются въ судъ или самимъ контролеромъ или и т. д.“ Мы могли бы привести еще очень много такихъ же ошибокъ, но ограничимся только указаніемъ на section 77A (§ 16, 2°) которая совершенно искажена въ рускомъ переводѣ. Она гласитъ: „In an action for infringement of a registered trade mark the court or a judge may certify that the right of the exclusive use of the trade mark came in question, and if the court or judge so certifies, then in any subsequent action for infringement the plaintiff in

that action, on obtaining a final order or judgement in his favour, shall have his full costs, charges and expenses as between solicitor and client unless the court or judge trying the subsequent action certifies that he ought not to have the same". Этотъ текстъ, дѣйствительно, очень трудно переводимый на русскій языкъ, изложенъ слѣдующимъ образомъ: „При разсмотрѣнн дѣла о *подражанн* занесенной въ реестръ марки судъ можетъ *возбудить* вопросъ о *послательствѣ* на право исключительнаго пользованія торговою маркою, и въ такомъ случаѣ истецъ, по произнесенн окончательнаго приговора въ его пользу, можетъ требовать возмѣщенія (*in any subsequent action?*) всѣхъ проторей и убытковъ (*as between?...*) за исключеніемъ и т. д.

Въ концѣ книги находятся три приложенія, интересныя только съ чисто-практической точки зрѣнія.

Ал. Пиленко.

Zitelmann. *Die Gefahren des bürgerlichen Gesetzbuches für die Rechtswissenschaft*. 1896.

Въ настоящей брошюрѣ разсматривается вопросъ: какое вліяніе окажетъ обще-германское гражданское уложеніе на германскую юриспруденцію? Проф. Цительманнъ начинаетъ съ практической юриспруденціи, которая имѣетъ цѣлью истолкованіе, систематизацію и примѣненіе дѣйствующаго права. Занятіе ея, по мнѣнію автора, утратитъ свою научную прелесть. Комментированіе гражданского кодекса представляется совершенно мизерной работой сравнительно съ интерпретаціей источниковъ римскаго права, требующей отъ юриста, сверхъ солидныхъ историческихъ и лингвистическихъ познаній, сильно развитой способности анализировать, комбинировать и обобщать отрывочный и изобилующій противорѣчіями матеріалъ. Однако, это обстоятельство не имѣетъ большаго значенія. „Правовой порядокъ существуетъ не для того, чтобы доставлять удобные случаи для диссертаций и поприще для упражненій въ учености; онъ служитъ интересамъ всего нуждающагося въ правѣ народа“ (стр. 9). Поэтому, хотя практическая юриспруденція и потеряетъ значительную часть своей привлекательности для научно-образованныхъ людей, за то ея внутренняя цѣнность останется прежней. Гораздо важнѣ другія опасности, связанныя съ интерпретаціей новаго кодекса. По господствующему въ наукѣ мнѣнію, задача толкованія состоитъ въ томъ, чтобы выяснитъ волю законодателя. Со-
ж. юрид. общ. зн. и 1897 г.

гласно этому, истинный смысл постановлений будущего кодекса долженъ быть раскрываемъ на основаніи 19 томовъ подготовительныхъ матерьяловъ, 4 томовъ мотивовъ, безконечнаго числа протоколовъ засѣданій и пр. „И изъ этой массы мы должны извлекать наше право“! восклицаетъ авторъ: „взаправду можно испустить вздохъ: ахъ, если бы всѣ эти подготовительныя работы были своевременно уничтожены и еслибы во главѣ проекта стояло правило: этотъ кодексъ долженъ быть толкуемъ съ помощью его самаго“ (стр. 13). Другими словами, вопреки господствующему воззрѣнію, задача толкованія, по мнѣнію автора, должна состоять въ выясненіе не воли законодателя, а смысла закона. Только то является дѣйствующимъ правомъ, что заключается въ самомъ законѣ или вытекаетъ изъ него (стр. 14). Но этотъ принципъ, въ свою очередь, грозитъ немалой опасностью, хотя и другого рода. Примѣняя его, нетрудно впасть въ крайность и предаться культу буквы закона. Между тѣмъ буква закона зачастую не выражаетъ истиннаго смысла его, и потому примѣненіе законовъ по буквѣ ихъ оказываетъ весьма вредное вліяніе на юридическій бытъ. Помочь бѣдѣ въ состояніи только наука. Цѣль юриста-практика-находить справедливое разрѣшеніе для всѣхъ возникающихъ въ жизни юридическихъ вопросовъ и споровъ. Но что значитъ справедливое? Во первыхъ, соответствующее данному правопорядку, а во вторыхъ, соответствующее потребностямъ даннаго быта. Чтобы отдѣльное рѣшеніе согласовалось съ господствующимъ правопорядкомъ, юристъ долженъ раскрыть общіе принципы, лежащіе въ основѣ дѣйствующаго законодательства и руководствоваться ими въ каждомъ конкретномъ случаѣ. Съ другой стороны, чтобы рѣшеніе соответствовало потребностямъ жизни, юристу нужно опредѣлять цѣль, которую преслѣдуетъ законъ. Для успѣшнаго выполненія этой двойной задачи требуется отъ юриста научная подготовка, именно историческая, ибо дѣйствующее право—продуктъ исторіи, и юридико-философская. Кромѣ того, ему необходимо развить въ себѣ извѣстное чутье, извѣстный тактъ, чтобы безопасно лавировать между культомъ буквы, съ одной стороны, и субъективизмомъ своихъ теоретическихъ воззрѣній, съ другой. До сихъ поръ рѣчь шла о практической юриспруденціи. Но введеніе въ дѣйствіе новаго гражданского уложенія грозитъ, по мнѣнію проф. Цителъмана, опасностью и теоретической юриспруденціи. Можно опасаться, какъ-бы юристы, посвятивъ всѣ свои силы главной предстоящей имъ

задачѣ-изученію новаго кодекса, не упустили изъ виду, что на ихъ обязанности лежитъ не только истолкованіе дѣйствующаго права, но и подготовка почвы для будущаго права. Эта подготовка состоитъ въ критикѣ существующаго порядка и въ указаніи желательнаго, т. е., другими словами, въ сопоставленіи того, что есть, съ тѣмъ, что должно быть. „Это составляетъ обязанность и вмѣстѣ съ тѣмъ священное право юриспруденціи“ (стр. 27). Таковы опасности, противъ которыхъ заблаговременно предостерегаетъ германскихъ юристовъ проф. Цительманъ.

W.

Salvioli. *La pubblicità nella vendita secondo gli antichi diritti. (Contributo alla storia della mancipatio o delle res mancipi). Rivista giuridica ital* 1894. pag. 196—246.

Emile Bauby. *De la mancipation: évolution historique et juridique de cette institution en droit Romain*. Paris. 1894. (Libraire nouvel. de dr. et de jurisprudence. p. 176).

Настоящій очеркъ Сальвиоли представляетъ попытку изслѣдованія причинъ кореннаго различія между *res mancipi* и *res nec mancipi*. Какъ извѣстно, предметъ, даваемый темою, былъ надлежаще разработанъ П. Бонфанте въ сочиненіи: „*Res mancipi o res mancipi*“ (Bull. dell'Ist. di dirit. rom. 1888).

Въ этомъ сочиненіи Бонфанте, въ ущербъ установленному мнѣнію о невозможности уясненія подлиннаго значенія *res mancipi*, защищалъ положеніе, что во всякомъ законодательствѣ, при извѣстныхъ историческихъ условіяхъ, существуетъ коренное различіе между вещами, имѣющими или не имѣющими общественнаго значенія: „la quale distinzione in certi periodi assume schietamente la figura di proprietà collettiva e proprietà o possesso individuale. Alla distinzione romana delle res m. e nec m. ne corrispondono altre perfettamente analoghe in ogni diritto: compiesa la nostra delle cose immobili o mobili“.

Между тѣмъ Сальвиоли ограничился переводомъ нѣкоторыхъ только частей указаннаго сочиненія, не понявъ очевидно его духа и главной мысли автора. Иначе онъ не писалъ бы, будто *mancipatio*: „richiama il consenso di tutto il villaggio alla vendita, quale tro-

vasi in gran parte del mondo ario vel altrove... forto attraverso tutto i secoli i segni dell'antica originaria pubblicità“.

Въ доказательство своихъ догматическихъ воззрѣній авторъ привелъ неубѣдительныя и недостаточныя доказательства изъ греческой и германской исторіи, между тѣмъ какъ Бонфанте, основываясь на болѣе вѣсныхъ данныхъ, посвятилъ этому вопросу 150 стр. (pp. 127—154; 263—338; 154—238). Сальвиоли не считалъ даже нужнымъ оспаривать противоположную теорію другого солиднаго романиста, а только хвастается своимъ рѣшеніемъ юридическаго „логогрифа“; между тѣмъ эта честь именно принадлежитъ Бонфанте.

На многихъ страницахъ книги Сальвиоли можно найти незрѣлость его юридической мысли и несамостоятельность въ отношеніи изслѣдуемаго вопроса.

Напр., *res mancipi*, говоритъ Гай, могутъ быть предметомъ мандипаціи. Придерживаясь опредѣленія Гая, Сальвиоли одновременно злоупотребляетъ юридическими выраженіями, не понявъ различія между *res mancipi* и *res mancipii*. Поэтому Сальвиоли правильно употребляетъ терминъ: *cose di proprietà* подобно тому какъ *res mancipii* или *res dominii*; но „*cose di vendita*“ составляетъ въ этомъ мѣстѣ бессмыслицу, юридическій абсурдъ. Неудивительно, что прежнія изданія Сквитти, Бехмана, Бреззо, Лонго и др., являются болѣе содержательными чѣмъ книги Сальвиоли.

Въ этомъ отношеніи сочиненіе французскаго романиста представляетъ несравненно болѣе научнаго интереса. Французскій очеркъ о мандипаціи отличается обиліемъ научныхъ контроверзовъ и критическимъ разборомъ установленныхъ въ наукѣ вопросовъ.

Изложенію содержанія Боби предпослалъ краткое введеніе, въ которомъ опредѣлилъ мандипацію слѣдующимъ образомъ:

1° она входитъ въ составъ институтовъ цивильнаго права въ противоположность обрядамъ *juris gentium* (стр. 2—13).

2° она была производнымъ способомъ приобрѣтенія собственности, точно какъ *in jure cessio*;

3° она была торжественнымъ и фиктивнымъ (*imaginaria venditio*) обрядомъ между живыми;

4° Ульпіанъ причисляетъ мандипацію къ способамъ приобрѣтенія на спеціальномъ основаніи. Исключеніе представляло только завѣщаніе (*à titre universel*).

5° Предварительное соглашеніе предшествовало заключенію этой сдѣлки.

6° Манципация принадлежитъ къ числу *actus legitimi* (*Accarias-Ihering*), иначе говоря, это—извѣстная купля и продажа на наличныя деньги.

9° Въ отличіе отъ передачи послѣдствія манципации сейчасъ же дѣйствовали послѣ ея заключенія—независимо отъ *justa causa* (стр. 106).

10° Еще въ классическую эпоху приобрѣтатель могъ отстаивать свои права посредствомъ *actio auctoritatis* и *de modo agri* (стр. 112).

Во второй части этой полезной книги Боби подвергъ детальному разбору условія дѣйствительности манципации, какъ со стороны формы (стр. 36—68), такъ и со стороны содержанія (стр. 68—98).

Авторъ, слѣдуя Іерингу, справедливо полагаетъ, что присутствіе пяти свидѣтелей въ эпоху частной мести сводилось не только къ простому изъявленію того, что эти 5 *testes* могли знать (какъ впоследствии), но еще къ личному ихъ содѣйствію въ случаѣ принудительнаго осуществленія права, въ ихъ же присутствіи приобрѣтеннаго; именно недостаткомъ физической силы объясняется исключеніе женщинъ изъ числа свидѣтелей (стр. 57).

Но этой основательной теоріи противорѣчить поразительное сходство, существующее между числомъ свидѣтелей при актахъ *per aes et libram* и С. Тулліанскимъ подраздѣленіемъ народа на 5 классовъ,—въ силу чего указанные свидѣтели якобы были представителями римскаго народа и государственной власти.

Отрицая эту туманную теорію, Боби также искажаетъ истинное юридическое значеніе этихъ свидѣтелей; онъ приписываетъ имъ роль представителей и прямыхъ наслѣдниковъ тѣхъ сосѣдей или родныхъ, присутствіе коихъ было необходимо при отчужденіи недвижимой собственности въ силу господства общиннаго поземельнаго владѣнія (стр. 59).

Это объясненіе Боби не можетъ удовлетворить многихъ романистовъ. Дѣло въ томъ, что нелегко доказать, одновременное существованіе въ Римѣ общинной собственности и манципации въ такомъ видѣ, какъ эта послѣдняя сохранилась въ историческихъ памятникахъ. Роли 5 свидѣтелей слѣдовало придать другое значеніе: въ такихъ юридическихъ сдѣлкахъ какъ манципация, *in iure cessio* необходимо было проявленіе идеи народнаго главенства, какъ первоисточника правъ отдѣльнаго лица и державной власти. Древ-

нее участіе народа въ такихъ обрядахъ было замѣнено присутствіемъ 5 classici testes.

Зд. Корсакъ.

Н. Бржескій. *Круговая порука сельскихъ обществъ. Сужденія редакціонныхъ комиссій по составленію положеній 19 февраля 1861 г. и правительственные взгляды за время съ 1861 по 1895 г.* С.-п.-б. 1896 г., стр. VII+114.

Составитель настоящей книги говоритъ въ предисловіи, что эта работа, „будучи ничѣмъ инымъ, какъ архивною справкою, не содержитъ въ себѣ выводовъ и заключеній по вопросу о круговой порука“. Выводы будутъ, по словамъ г. Бржескаго, сдѣланы имъ „въ особомъ изслѣдованіи, нынѣ приготовляемомъ къ печати и посвященному вопросу о недоимочности крестьянскихъ обществъ, въ какой мѣрѣ эта недоимочность обуславливается не хозяйственными невзгодами крестьянъ, а лишь недостатками дѣйствующихъ узаконеній о взиманіи окладныхъ сборовъ и взысканіи недоимокъ и выросшими на почвѣ этихъ узаконеній податными порядками“. Нѣтъ сомнѣнія, что подобное изданіе принесетъ значительную пользу дѣлу уясненія нѣкоторыхъ сторонъ крестьянскаго быта. Можно съ величайшимъ интересомъ ожидать обѣщаннаго сочиненія почтеннаго составителя, основаннаго на тщательномъ изученіи всѣхъ обстоятельствъ дѣла. Быть можетъ мы получимъ тамъ разрѣшеніе нѣкоторыхъ вопросовъ, правильному отвѣту на которые до сихъ поръ мѣшали ходячія мнѣнія о необходимости общины, о постоянной опека надъ крестьянскимъ сословіемъ; къ числу подобныхъ глубокихъ ошибокъ въ дѣлѣ организаціи быта освобожденнаго крестьянства относится и круговая порука, которая, можно сказать смѣло, надолго затормозила развитіе сельскаго хозяйства и воспрепятствовала прогрессу народнаго богатства. Изъ приведенныхъ г. Бржескимъ отзывовъ различныхъ дѣятелей по крестьянскому дѣлу, мы видимъ, что даже такія лица, какъ бывшій Министръ Внутреннихъ Дѣлъ Д. Т. С. Дурново и Министръ Финансовъ, Статсъ-Секретарь Витте, высказавшись за свободу передвиженія недоимщиковъ, совершенно справедливо указавъ на то, что эта свобода одна лишь гарантируетъ поступленіе податей, не могли побороть установившагося рутиннаго взгляда на право общества надъ отдѣльными крестьянами, не могли преодолѣть боязни перенести отъ

вѣтственность за недоимки на отдѣльные лица (стр. 105 § 99). Мы уже не говоримъ про теоретическую неосновательность круговой поруки: во-первыхъ, несправедливо вину неисправнаго крестьянина сваливать на исправныхъ, а во-вторыхъ, совершенно нецѣлесообразно дозволить уѣзжать изъ деревни тѣмъ крестьянамъ, которые, имѣя возможность уплатить подати, не встрѣчаютъ особой необходимости уѣзжать, и запрещать выѣзды тѣмъ, которые могутъ уплатить недоимку лишь путемъ отхожей работы.

Н. Дебольскій.

А. С. Гольденвейзеръ. *Современная система наказаній и ея будущность по трудамъ Парижскаго пенитенціарнаго конгресса*. Кіевъ. 1896 г. 134 стр., ц. 1 руб.

Сочиненіе А. С. Гольденвейзера представляетъ изъ себя отчетъ о дѣятельности послѣдняго пенитенціарнаго конгресса, состоявшагося въ прошломъ году (съ 30 іюня по 9 іюля) въ Парижѣ. Всѣми членами конгресса представлено 250 докладовъ, составляющихъ болѣе 2500 печатныхъ страницъ. Изъ документовъ послѣдняго конгресса особенно замѣчательно изданіе японскаго правительства, относящееся къ исторіи и современному состоянію пенитенціарныхъ учрежденій. Изъ него мы узнаемъ, что Японія съ шестидесятихъ годовъ значительно сравнилась въ мѣрахъ пенитенціарныхъ съ Европою. Особые изданія о состояніи пенитенціарнаго дѣла были доставлены Швеціей и Франціей („Les institutions pénitentiaires de la France en 1895“). Ознакомивъ съ литературною дѣятельностью конгресса, г. Гольденвейзеръ приводитъ его подробную программу. Далѣе, авторъ указываетъ порядокъ занятій конгресса, характеристику пріемовъ и результатовъ голосованія. Чрезвычайно также интересный фактъ отмѣченъ г. Гольденвейзеромъ о сходствѣ въ основныхъ взглядахъ членовъ конгресса, что особенно рельефно выдѣлилось при обсужденіи вопроса, какъ обращаться съ преступниками; здѣсь единогласно было постановлено, что руководящимъ принципомъ въ пенитенціарномъ дѣлѣ должно считать любовь къ ближнему и умственное просвѣщеніе, впавшихъ въ преступленіе.

Теперь мы остановимся на вопросѣ о физическомъ воспитаніи заключенныхъ взрослыхъ и малолѣтнихъ. Оказывается, что чис-

ленность заболѣваній и случаевъ смерти въ тюрьмахъ очень велика; въ Россіи, напр., за періодъ съ 1890 по 1892 г. она постепенно возрастаетъ. Вообще это явленіе было отмѣчено докладчиками, напр., представителями Швейцаріи, Франціи и Россіи. Главною причиною считается продолжительность заключенія, причемъ наблюдалось, что „статистическія данныя о болѣзняхъ и смертности въ тюрьмахъ,“ какъ онѣ ни недостаточны и ни неполны, не позволяютъ ни въ какомъ случаѣ отрицать извѣстнаго дегенирующаго вліянія современнаго тюремнаго режима на экономію организма заключенныхъ“. Это общее ослабленіе организма даже получило техническое наименованіе „тюремной анеміи“. Кроме того, было замѣчено, что ослабленіе организма ведетъ за собою и паденіе нравственной устойчивости, а укрѣпленіе здоровья правильнымъ медицинскимъ уходомъ возобновляетъ среди заключенныхъ податливость, послушаніе и хорошее поведеніе. Не смотря однако на то, что многіе стояли за введеніе въ тюрьмахъ гимнастики, конгрессъ постановилъ: „тѣлесныя упражненія, въ видахъ сохраненія силъ заключеннаго ко времени его выхода на свободу, должны состоять въ работѣ, но не въ гимнастикѣ“. Американцы же признали необходимость развитія физическаго и ввели, напр., въ Эльмирѣ отдѣленіе для заключенныхъ со слабою организаціею подъ названіемъ *gymnasium*, гдѣ подъ наблюденіемъ врача продѣлываютъ систематическій курсъ гимнастики. Американцы всегда впереди! Въ вопросѣ о введеніи гимнастики въ тюрьмахъ конгрессъ не былъ на высотѣ своего призванія; особенно это замѣтно при разсмотрѣніи того же вопроса въ примѣненіи его къ несовершеннолѣтнимъ. Именно, конгрессъ постановилъ добиваться физическаго развитія заключенныхъ путемъ введенія различныхъ работъ въ полѣ и мастерскихъ. Занятіе же гимнастикой исключено потому, что „иначе.....получается не физическое совершенствованіе воспитанниковъ, а приготовленіе изъ нихъ какихъ-то акробатовъ“. „Кто бы могъ ожидать“, справедливо замѣчаетъ г. Гольдейвейзеръ, „подобныхъ сужденій о столь хваленной гимнастикѣ, хваленной тѣмъ именно, что, дѣйствуя на развитіе мускуловъ и укрѣпляя тѣло, она не можетъ тѣмъ самымъ не дрессировать и души“?..

Что касается преступниковъ не нормальныхъ (психопатовъ), то конгрессъ рѣшилъ, что таковыхъ слѣдуетъ заключать не въ тюрьму, а въ особые заведенія, приновренные спеціально для этой цѣли. Ст. 33 проекта нашего будущаго уложенія предусматрѣла

подобный случай преступности и постановила, что, если судъ найдетъ опаснымъ оставить такое лицо безъ особаго присмотра, то онъ можетъ отдать его подъ надзоръ близкихъ ему людей, „или же помѣстить его во врачебное или иное устроенное для сихъ лицъ заведение“. Конгрессъ также высказался за введеніе библіотекъ при всѣхъ тюрьмахъ и кромѣ того призналъ необходимымъ издавать особое періодическое изданіе для арестантовъ, съ цѣлью водворенія морализирующаго элемента въ чтеніе заключенныхъ. Оцѣнивая нынѣшнія пенитенціарныя учрежденія, приходится задать себѣ вопросъ: каково вліяніе ихъ на нравственную личность заключенныхъ? Но для рѣшенія этого вопроса необходимо сначала остановить наше вниманіе на другомъ: именно, какой видъ заключенія фактически преобладаетъ теперь—общаго или одиночнаго? Несмотря на то, что во Франціи, напр., съ 1885 г. существуетъ законъ объ обязательности введенія одиночныхъ тюремъ, на самомъ дѣлѣ еще и теперь изъ 379 тюремъ только 25 перестроены въ одиночныя. Конечно, этотъ второй вопросъ, разрѣшенный въ этомъ смыслѣ, уже предрѣшаетъ первый. Въ какую сторону можетъ повліять поэтому тюрьма на нравственность арестанта, само собою разумѣется! Отмѣтимъ еще и то обстоятельство, что, по словамъ г-жи Д' Аббади Д' Арра, во Франціи существуютъ еще такія примитивныя мѣста заключенія, въ которыхъ легко могутъ сообщаться мушны и женщины, и есть еще въ провинціи не мало арестныхъ домовъ, гдѣ имѣется одно общее для обоихъ половъ помѣщеніе. Фактъ самъ по себѣ чрезвычайно грустный! Если противъ общаго заключенія, съ разъединеніемъ половъ, можно многое сказать, то чтоже слѣдуетъ говорить противъ подобнаго порядка вещей, да и гдѣ еще.... во Франціи? Вопросъ о томъ, не слѣдуетъ-ли установить особаго режима или даже особаго вида наказаній для женщинъ, рѣшенъ конгрессомъ въ слѣдующемъ смыслѣ: система заключенія должна быть для женщинъ такая же, какъ и для мужчинъ, но только разныя правила должны быть включены въ регламентъ внутренняго порядка; для женщинъ подлежитъ смягченію тюремная дисциплина и должно быть улучшено продовольствіе; сверхъ того, необходимо устройство особыхъ отдѣленій для тѣхъ, которыя имѣютъ маленькихъ дѣтей.

Относительно дисциплинарныхъ взысканій еще на Стокгольскомъ конгрессѣ (1878 г.) большинствомъ голосовъ было рѣшено исключить изъ нихъ совсѣмъ тѣлесныя наказанія. На послѣднемъ

же конгрессъ опять былъ поднятъ вопросъ о наказаніяхъ, налагаемыхъ на арестантовъ, и однако никто изъ присутствующихъ не внесъ предложенія о необходимости вернуться къ старому режиму. Очевидно, что рѣшеніе конгресса 1878 г. было постановлено не на основаніи излишней гуманности, а единственно на цѣлесообразности, которая показала въ предшествующей практикѣ, что рѣшетчатый карцеръ, смиренный стулъ, фригійскій чепчикъ и девятихвостая кошка уже отжили свой вѣкъ. Приведя это рѣшеніе конгресса, г. Гольденвейзеръ и говоритъ: „неужели же и послѣ этого у насъ не умолкнетъ всякъ глаголъ, еще дерзающій подыматься на защиту розги, какъ средства вразумленія вольныхъ людей“!

Въ остальныхъ двухъ главахъ (IV и V) своего труда авторъ приводитъ вопросы, представленные на разсмотрѣніе конгресса, такъ, напр., здѣсь говорится о мѣрахъ строгости и наградахъ въ тюрьмѣ, о правѣ заключенныхъ на заработанные въ тюрьмѣ деньги, о борьбѣ съ пьянствомъ, рецидивъ и мн. другихъ.

Трудъ г. Гольденвейзера заслуживаетъ особаго вниманія со стороны читателя, потому что благодаря ему всякій легко можетъ ознакомиться съ современной системой наказаній.

Н. Ретвигъ.

Дж. Стюартъ Милль. *Представительное правленіе. Публицистическіе очерки. Переводъ съ англійскаго подъ редакціей Р. И. Сементковскаго. Спб. 1897 г.*

Д. С. Милль — одинъ изъ лучшихъ и симпатичнѣйшихъ представителей англійскаго философскаго и политическаго радикализма. Особою оригинальностью, правда, его труды не отличаются, а его эклектизмъ часто лишаетъ ихъ и цѣльности и послѣдовательности и вноситъ въ нихъ массу противорѣчій. Но, во-первыхъ—они затрогиваютъ почти всѣ отдѣлы общественныхъ наукъ. Затѣмъ надо принять во вниманіе и личныя качества Д. С. Милля. Именно, скромность его, широта ума, глубокая начитанность, положительный методъ, объективизмъ, юношеская отзывчивость на все благородное и справедливое, гуманныя воззрѣнія, а главное его обыкновенный даръ излагать просто и ясно самыя трудныя и запутанныя вопросы—все это доставило громадный успѣхъ его произведеніямъ

и въ Англіи и внѣ ея. Этими качествами Д. С. Милля объясняется и усиленный спросъ на переводы его трудовъ и русской публики въ разцвѣтъ нашей общественности при Александрѣ II и оживленіе интереса къ нимъ въ Россіи въ наши дни, когда вновь какъ будто начинается оживать наша общественная жизнь. Но старые русскіе переводы Д. С. Милля давно стали библиографическою рѣдкостью, и вотъ, чтобы удовлетворить запросамъ публики, въ послѣднее время, какъ и при Александрѣ II, замѣчается у насъ лихорадочная дѣятельность по переводу трудовъ Д. С. Милля вновь на русскій языкъ и по изданію этихъ переводовъ. Въ короткое время вышли такимъ образомъ новые переводы „Основаній политической экономіи“, „Автобіографіи“, „О. Конта“ и „Подчиненности женщинъ“ Д. С. Милля. Дошла теперь очередь и до прекрасной его книги „Представительное правленіе“, вышедшей въ 1861 г. и изданной уже, правда, на русскомъ языкѣ г. Яковлевымъ въ 1863 г. Но этотъ переводъ тоже давно распроданъ и потому нельзя не привѣтствовать новаго и къ тому же удовлетворительнаго и дешеваго перевода этой книги, изданнаго г. Павленковымъ ¹⁾).

Переходя къ самой книгѣ, замѣтимъ прежде всего, что въ ней особенно сильно сказалась относительная точка зрѣнія, все болѣе и болѣе овладѣвавшая Д. С. Миллемъ съ теченіемъ времени. Именно, хотя и здѣсь онъ считаетъ идеальнымъ типомъ совершенной формы правленія представительный, но лишь въ теоріи, на практикѣ же по его мнѣнію (35) представительное правленіе непримѣнимо тамъ, гдѣ оно не можетъ быть устойчиво, т. е. тамъ, гдѣ оно не удовлетворяетъ слѣдующимъ основнымъ условіямъ: 1) народъ долженъ быть расположенъ принять его, 2) народъ долженъ имѣть желаніе и способность выполнить то, что необходимо для его сохраненія, 3) народъ долженъ имѣть желаніе и способность исполнять обязанности и функціи, возлагаемыя на него этою формою правленія. Затѣмъ, что касается частныхъ вопросовъ по организаціи и функціонированію представительнаго правленія, то по мнѣнію Д. С. Милля представителямъ надо предоставить лишь

¹⁾ Только не мѣшало бы г. издателю не искажать мыслей Д. С. Милля замѣчаніями въ родѣ того, какое находимъ на стр. 7-ой.—Не мѣшало бы также г. издателю приложить въ концѣ книги списокъ грубыхъ опечатокъ, которыхъ въ ней не мало. Такъ, на стр. 94-ой „ценъ“ переименованъ въ „центр“ (sic!).—Наконецъ, мѣстами и переводъ не довольно точенъ (напр., на стр. 171).

контроль и критику, веденіе же дѣлъ надо довѣрить при строгомъ контролѣ націи небольшому числу просвѣщенныхъ, опытныхъ и специально подготовленныхъ къ тому людей (56). Опасности же, присущія представительной демократіи вызываются какъ недостаточною подготовкою народныхъ представителей и контролирующаго ихъ общественнаго мнѣнія, такъ и сосредоточеніемъ законодательной власти въ рукахъ численнаго большинства, состоящаго изъ представителей одного и того же класса (68). Но этихъ опасностей можно избѣгать по мнѣнію Д. С. Милля: 1) замѣнивъ представительство большинства пропорціональнымъ ¹⁾ представительствомъ (68—86), 2) расширивъ по возможности избирательное право (86—101). И по первому пункту Д. С. Милль значительно опередилъ не только свое время, но и наше, такъ какъ несмотря на всѣ достоинства пропорціональныхъ выборовъ фактическія затрудненія въ организаціи ихъ сдѣлали то, что про эти выборы больше говорить лишь, практика же ихъ не пошла и теперь еще дальше зачаточныхъ опытовъ. Также и относительно втораго пункта правота Д. С. Милля доказывается уже тѣмъ, что всеобщая подача голосовъ постепенно водворяется во всѣхъ странахъ съ неудержимою силою. Такъ, она еще недавно одержала побѣды въ Испаніи, Бельгійи и наконецъ въ Австріи ²⁾. Требуемая же Д. С. Миллемъ равноправность въ дѣлѣ подачи голоса мужчины и женщины (99) опять таки показываетъ, насколько онъ опередилъ свой вѣкъ, такъ какъ эта равноправность и теперь еще за немногими исключеніями остается лишь мечтой лучшихъ людей. Но относительно остальныхъ частныхъ расширенія избирательнаго права эклектизмъ Д.

¹⁾ Замѣтимъ кстати, что какъ по этому вопросу, такъ и по другимъ, затрогиваемымъ нами въ этой замѣткѣ, по недостатку мѣста мы ограничиваемся въ ней лишь самыми общими замѣчаніями. Для желающихъ же подробнѣе познакомиться со всѣми этими вопросами можно рекомендовать: 1) *Градовскаго*. „Государственное право европейскихъ державъ“. Спб. 1895 г. 2) *нашу* рецензію на эту книгу въ V т. „Сборника Правовѣднія“ (стр. 119—133). 3) Популярную книгу проф. *Коркунова* „Пропорціональные выборы“. Спб. 1896 г. 4) Рецензія на нее *В. Н. Ренненкампа* (Ж. М. Н. П. 1896 г. май) и *В. Г.* (Ж. М. Ю. 1896 г. апрѣль).

²⁾ О реформахъ 1867 и 1884 г.г. въ самой Англіи не говоримъ. Хотя онѣ проведены и послѣ того, какъ Д. С. Милль написалъ рецензируемую нами книгу, однако для 1896 г., когда мы пишемъ нашу замѣтку, онѣ уже потеряли интересъ современности.

С. Милля оказывает ему плохую услугу. Такъ, требованіе имъ грамотности, какъ условія избирательнаго права (89), исключаетъ отъ выборовъ такой благонадежный элементъ, какъ массу крестьянъ. Имущественный же цензъ, предлагаемый имъ хотя бы и временно (94), тоже не выдерживаетъ критики, такъ какъ нравственное достоинство и богатство не синонимы. Наконецъ, несостоятельность мнѣнія Д. С. Милля на счетъ необходимости множественности вотумовъ доказывается хотя бы примѣромъ Бельгіи, гдѣ эта множественность практикуется (97).—Идемъ далѣе. Вполнѣ правильно предпочтеніе, дѣлаемое Д. С. Миллемъ прямымъ выборомъ предъ косвенными (101—106), но исключенія въ пользу послѣднихъ, допускаемыя имъ, очень неудачны (Градовскій, 282). Нельзя одобрить и заявленій, дѣлаемыхъ Д. С. Миллемъ хотя и довольно нерѣшительно въ пользу открытой подачи голосовъ на выборахъ (106—114), такъ какъ только тайная подача голосовъ обезпечиваетъ независимость избирателей отъ постороннихъ вліяній (Градовскій, 358—360) ¹⁾.—По вопросу же о второй палатѣ (130—136) Д. С. Милль является предтечею А. Винтера, предлагая въ видѣ поправки существующаго то, что Винтеромъ возводится въ принципъ (Градовскій, 205). Только къ сожалѣнію „государственная“ палата Винтера не можетъ образоваться на условіяхъ нынѣшняго военно-бюрократическаго государства и такимъ образомъ и въ этомъ отношеніи Д. С. Милль забѣжалъ далеко впередъ своего времени. Обращаетъ на себя вниманіе и глава, трактующая о національности и представительномъ правленіи (162—168), такъ какъ здѣсь нельзя согласиться съ тѣмъ, что „свободныя установленія почти невозможны въ странѣ, состоящей изъ различныхъ національностей“ (163), и что „побѣдители и побѣжденные не могутъ пользоваться однимъ и тѣми же свободными учрежденіями“ (166). Стоитъ лишь взглянуть на Австро-Венгрію и Швейцарію, чтобы убѣдиться въ противномъ. Оптимистическія же разсужденія Д. С. Милля (167) на счетъ ирландскихъ дѣлъ просто смѣшны: такъ противорѣчатъ они дѣйствительности. Нельзя согласиться наконецъ съ Д. С. Миллемъ и на счетъ того, что Остѣ-Индіа не созрѣла

¹⁾ Въ самой Англіи тайная подача голосовъ введена лишь въ 1872 г.—Такъ же на стр. 118 Д. С. Милль выступаетъ безусловнымъ противникомъ введенія жалованія депутатамъ, но послѣднее само собою вытекаетъ изъ всеобщей подачи голосовъ. Примѣромъ можетъ служить Франція.

еще для представительнаго правленія (177). Напротивъ, только введеніемъ послѣдняго и можно устранить недостатки теперешняго управленія Индіей, о которыхъ говорить самъ Д. С. Милль (183—192). Не даромъ и сами индусы послѣднее время принялись за агитацію въ этомъ смыслѣ....

С. Шумаковъ.

Л. 3—скій. Руководство—справочникъ для чиновъ волостной и уездной полиціи и судебныхъ приставовъ. С.-П.-Б. 1896 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Справочныя изданія, подобныя данному, имѣютъ свою цѣлью облегчить лицамъ, незнакомымъ съ сложною системою свода, отыскивать необходимыя для нихъ указанія закона, не теряя времени на поиски ихъ въ отдѣльныхъ томахъ свода. „Руководство—справочникъ“ вполне удовлетворяетъ своей цѣли.

Подобающія статьи закона снабжены небольшими разъясненіями, весьма ясно и толково, за немногими исключеніями, изложенными.

Издана книжка не дурно въ удобномъ форматѣ и снабжена толковымъ указателемъ, облегчающимъ пользованіе ею. Жаль только, что цѣна, вообще не высокая, явится немного обременительной для тѣхъ лицъ, для которыхъ „Руководство“ предназначается. Это обстоятельство можетъ явиться помѣхою къ тому распространенію, на которое оно могло-бы иначе рассчитывать.

О. Вертъ.

Уставъ Лѣсной (т. VIII ч. I) съ Высочайше утвержденными мнѣніями Государственной Совѣта, рѣшеніями Правительствующаго Сената, важнѣйшими циркулярами министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ и др. приложеніями. Составленъ по порученію И. Д. оберъ-прокурора уголовнаго кассационнаго департамента, сенатора А. О. Кони канцеляріей сего департамента. С.-п.-б. 1896 г., стр. XII + 784. Ц. 4 р.

Нечего говорить о пользѣ, представляемой подобнаго рода изданіями. Стоитъ только указать, что кромѣ перечисленныхъ въ заглавіи, въ настоящую книгу включены всѣ статьи свода законовъ, на которыя есть ссылки въ текстѣ статей Устава Лѣснаго: статьи

устава и уложенія о наказаніяхъ, устава уголовного судопроизводства, законовъ гражданскихъ, устава горнаго, устава о сельскомъ хозяйствѣ (законъ объ охотѣ), статьи о лѣсахъ и охотѣ въ Прибалтійскихъ губерніяхъ, статьи особаго приложенія къ IX т. Св. Зак. о состояніи (именно касательно горнозаводскаго населенія) и наконецъ Всемилоствѣйшіе Манифесты 14 ноября 1894 г. и 14 мая 1896 г. За точность настоящаго изданія ручается мѣсто его составленія. Можно только пожалѣть, что къ книгѣ не приложены ни алфавитный, ни построчный указатель (prolegomena), какъ это сдѣлано, напр., при издаваемомъ г. Горшковымъ Военномъ Уставѣ. Такіе указатели, несомнѣнно, облегчили-бы пользованіе подобнымъ трудомъ.

Н. Дебольскій.

Л. В. Ходскій. *Основанія теоріи и техники статистики.* С.-П.-Б. 1896 г.

Обширные труды уважаемаго профессора нашего университета извѣстны далеко за предѣлами академическихъ круговъ и уже давно снискали автору ихъ заслуженную извѣстность. Въ настоящее время число этихъ трудовъ пополнилось изданіемъ цитированной нами книги, составляющей курсъ его лекцій въ петербургскомъ университетѣ. Лекціи по статистикѣ Леонидъ Владиміровичъ началъ читать въ университетѣ въ 1893 году, послѣ смерти извѣстнаго нашего статистика Ю. Э. Янсона. Унаслѣдовавъ отъ своего предшественника серьезность и дѣловитость изложенія, Л. В. нашелъ вмѣстѣ съ тѣмъ возможнымъ облегчить задачу своихъ слушателей, освободивъ ихъ отъ нѣкоторыхъ слишкомъ специальныхъ подробностей статистической техники, не входящихъ въ составъ академическаго изложенія предмета. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ знакомитъ своихъ слушателей съ новѣйшими успѣхами въ приѣмахъ общей статистической техники, обращаетъ особое вниманіе на технику предстоящей первой переписи въ Россіи, на то значеніе, которое эта перепись должна имѣть для нашей родины, и, наконецъ, на ту роль, которую должны были-бы играть въ ней общественныя силы.

Статистику у насъ почему-то принято считать „скучною“ наукою. А между тѣмъ ни одна наука не имѣетъ столь близкаго и непосредственнаго отношенія къ обществу, ни одна изъ нихъ не

должна была-бы его болѣе интересовать, какъ именно эта наука цифръ, по длиннымъ и иногда, быть можетъ съ вѣйшей стороны, и однообразнымъ таблицамъ которыхъ, общество во всякое время можетъ узнать свой составъ и оцѣнить свои силы во взаимодѣйствіи ихъ въ общемъ теченіи жизни. Статистическія цифры, какъ совершенно правильно указалъ Л. В., давно уже перестали служить только указателемъ статистики общественныхъ силъ, т. е. удовлетворять только любопытству обществовѣда; онѣ перешли уже въ динамику, оказывая извѣстное вліяніе на общее направленіе жизни общества, служа основаніемъ для правильной дѣятельности его органовъ. Вотъ почему Л. В. совершенно справедливо рекомендуетъ свою книжку не только своимъ слушателямъ.

„Во всякомъ случаѣ, говоритъ профессоръ въ предисловіи, нельзя не желать возможнаго распространенія въ нашемъ обществѣ знакомства съ основаніями теоріи и техники статистики, въ особенности въ виду неизбежнаго привлеченія широкаго контингента лицъ, не изъ однихъ спеціалистовъ для участія въ предстоящей первой въ Россіи всеобщей переписи наличнаго населенія, а равно въ виду все большаго значенія, какое съ каждымъ днемъ статистика пріобрѣтаетъ въ жизни общества“.

Мы можемъ вполне присоединиться къ этой мысли, добавивъ, что разбираемая нами книга въ большой степени отвѣчаетъ данному назначенію какъ по содержанію, такъ и по формѣ своего изложенія.

Жаль только, что желая быть краткимъ (вся книга содержитъ 194 + 16 стр.), Л. В. иногда слишкомъ мимолетно останавливается на нѣкоторыхъ побочных положеніяхъ статистической науки, оставляя въ читателѣ, если не пробѣлъ, то во всякомъ случаѣ нѣкоторое недостаточное освѣщеніе вопроса. Таковы, напр., глава III о научныхъ методахъ изслѣдованія, гл. III (2-й части) о предстоящей переписи въ Россіи и глава IX о городской и земской статистикѣ. Для слушателей многоуважаемаго профессора, конечно, этотъ небольшой пробѣлъ вполне заполняется подробнымъ устнымъ изложеніемъ, но для читателя не изъ слушателей онъ можетъ представить нѣкоторыя затрудненія.

Но зато этотъ маленький недостатокъ въ значительной степени выкупается ясностью и толковостью изложенія. Читатель, не желающій сдѣлать статистику предметомъ своихъ спеціальныхъ занятій, можетъ найти въ книгѣ пр. Ходскаго достаточно матерьяла

для полученія общаго понятія о статистикѣ и о приѣмахъ ея изслѣдованій. Онъ не найдетъ въ ней, конечно, такого богатства матерьяла, какимъ отличается, напр., книга проф. Янсона, но послѣдняя, за то, при всѣхъ своихъ громадныхъ достоинствахъ для болѣе подробнаго изученія статистики, слишкомъ тяжела и безусловно неудобна для первоначальнаго съ нею ознакомленія.

Поэтому мы можемъ только рекомендовать новый почтеннаго профессора и пожелать, чтобы его изученіе заставило читателей принять болѣе живое участіе въ готовящейся переписи и вообще въ статистическомъ изслѣдованіи нашей родины съ вѣрою, что подобное изслѣдованіе принесетъ ей большую пользу. Тогда цѣль новаго труда почтеннаго профессора будетъ вполне достигнута.

О. Вертъ.

В. А. Лебедевъ. *Графъ Егоръ Францовичъ Канкринъ. Очеркъ жизни и дѣятельности.* Спб. 1896 г.

Въ виду особаго интереса, который обнаруживается въ настоящее время въ средѣ читающей русской публики къ финансовымъ вопросамъ, мысль напомнить объ одномъ изъ замѣчательнѣйшихъ русскихъ финансовыхъ дѣятелей нельзя не назвать удачною. О графѣ Канкринѣ существуетъ много различнѣйшихъ мнѣній. Мы лично не можемъ согласиться съ немного приподнятой характеристикой, даваемой графу Канкрину многоуважаемымъ професоромъ. У Канкрина не хватало въ извѣстной степени широты кругозора, необходимой для государственнаго дѣятеля. Реформы его, весьма полезныя и примѣнимыя въ самый моментъ совершенія, приносили часто совершенно обратные результаты въ будущемъ.

Ярый протекціонистъ по убѣжденіямъ, онъ поставилъ на твердую почву систему покровительственныхъ и запретительныхъ тарифовъ, пріучая такимъ образомъ нашу промышленность къ тѣмъ тепличнымъ приѣмамъ развитія, которые мѣшаютъ ей до сихъ поръ вполне твердо и самостоятельно стать на ноги и быть дѣйствительною опорою главной отрасли нашей производительности-земледѣлія. Но, съ другой стороны, графъ Канкринъ ознаменовалъ свою дѣятельность нѣкоторыми дѣйствительно полезными реформами, какъ-то: упорядоченіе нашего финансоваго управленія, покровительство специально техническому просвѣщенію и т. д.

ж. юрид. общ. зн. 11 1897 г.

3

Многія темныя стороны дѣятельности графа Канкрина, его не любовь къ гласности, къ частной инициативѣ, его презрительное отношеніе къ чужому мнѣнію и п. п. свойства въ извѣстной степени гармонировали съ общимъ направленіемъ того времени, въ которое онъ былъ призванъ дѣйствовать, и извѣстная доля вины съ него въ данномъ случаѣ слагается на господствовавшія условія. Для насъ-же важною является та сторона его дѣятельности, которая, какъ оказывается, можетъ не быть анахронизмомъ и для нашего времени. Это его отношеніе къ государственнымъ обязательствамъ, его желаніе регулировать денежную систему путемъ девальвации. Въ ней можно найти достаточно предостереженія и для нашего времени, и эту сторону слѣдовало-бы шире развить, чѣмъ это сдѣлано въ упомянутой брошюркѣ. Но во всякомъ случаѣ и то, что есть, читается съ большимъ интересомъ, и брошюрка, слѣдовательно, достигаетъ своей скромной цѣли.

О. Вертъ.

Ө. С. Матвѣевъ. *Къ 25-лѣтію дѣятельности народнаго учителя В. Я. Аврамова.* Спб. 1897 г.

Скромна, но отвѣтственна дѣятельность народнаго учителя. Не всякій, вступившій на тяжелое поприще просвѣтителя темныхъ массъ, среди тысячи почти стихійныхъ препятствій, жизни полной лишеній,—не всякій, повторяемъ, способенъ сохранить надолго бодрость духа и непоколебимую вѣру въ осуществимость поставленной задачи. Отдавать себя по призванію беззаветно на пользу каковой либо бѣдной, сельской школы есть подвигъ, въ особенности если онъ совершается человекомъ, которому открыты различные другіе пути общественнаго служенія. Интеллигентный учитель въ деревнѣ не только наставникъ, но руководитель, воспитатель, создающій поколѣнія гражданъ. Къ счастью, народными учителями, стоящими на высотѣ призванія, земля наша не оскудѣваетъ. Въ качествѣ одного изъ наиболѣе выдающихся дѣятелей подобнаго рода нужно назвать В. Я. Аврамова, которому посвящена прекрасная, горячо написанная брошюра Ө. С. Матвѣева. Аврамовъ посвятилъ 25 лѣтъ своей жизни, свои лучшіе годы на безкорыстное служеніе дѣлу просвѣщенія темнаго люда подстоличной деревни Волково. Тутъ именно долгіе годы работалъ В. Я. Аврамовъ и тутъ сказались результаты его трудовъ. Не смотря на близость къ Пе-

тербургу, деревня Волково особенно нуждается въ нравственной поддержкѣ, такъ какъ въ виду постоянного наплыва бездомныхъ пролетаріевъ эта деревня служить обыкновенно разсадникомъ грабежа и разврата.

Въ средѣ подобнаго населенія суждено было В. Я. Абрамову положить первый камень той школы, которая уже давно заслужила себѣ извѣстность, „образцовой“. Не говоря уже о товарищескихъ отношеніяхъ между учителемъ и учениками, о ихъ прекрасныхъ познаніяхъ, что видно изъ отчетовъ земской управы, г. Абрамовъ образовалъ еще при своей школѣ сапожную мастерскую для дѣтей, что дастъ имъ по выходѣ изъ школы не только опору, но и оружіе въ борьбѣ съ жизненными невзгодами.

Г.

ЗАМѢТКИ И ИЗВѢСТІЯ.

Изъ отчета судебного дѣателя.

(А. Ѳ. Кони: „За послѣдніе годы“.— Судебныя рѣчи; воспоминанія и сообщенія; юридическія замѣтки.—С.-Петербургъ, 1896 г.)

„Выработается ли у насъ извѣстная самостоятельность относительно судебного краснорѣчія, или же у насъ будутъ слѣдовать иностраннымъ образцамъ? И если будутъ слѣдовать,—то какимъ: французскимъ или англійскимъ?“—¹⁾ таковъ былъ вопросъ, возбужденный въ 66 г. въ юридической литературѣ статью скромнаго, только что сошедшаго съ университетской скамьи юноши.

Это былъ вопросъ не столько о внѣшнихъ формахъ судебныхъ рѣчей, сколько предусмотрительная забота о направленіи, характерѣ и духѣ грядущей дѣятельности сторонъ въ новомъ судѣ.

Въ праздничные дни приведенія въ дѣйствіе судебныхъ уставовъ,—подъ опьяняющій гулъ всеобщихъ ликованій, когда старость соперничала съ молодостью въ беззавѣтности любви и безмятежности вѣры,—вопросъ этотъ мало кого тревожилъ: тамъ, въ розовой дали судебной сѣчи довѣрчивому воображенію рисовались благородные силуэты безкорыстныхъ борцовъ за присужденіе жизненной правды. Не все ли равно—какимъ образцамъ станутъ слѣдовать въ своей дѣятельности грядущіе прокуроры и адвокаты, если всѣ они преисполнены (въ этомъ не могло тогда быть ни малѣйшаго сомнѣнія) справедливости, независимости и дарованій.

¹⁾ „Журн. Минист. Юстиціи“, 1866 г., май, стр. 351—382.

Освобожденная отъ безправія и черной неправды страна тысячами голосовъ звала самоотверженныхъ ратаевъ на непочатую ниву зараждающейся гражданственности. Милліоны вчерашнихъ рабовъ, проснувшись неожиданно людьми, казалось, молили въ своей безпомощной растерянности: „если не вы за насъ,—то кто же? Если не теперь,—то когда?“

Истомившись отъ долгихъ ожиданій, сотни благороднѣйшихъ романтиковъ, обреченныхъ дотолѣ на однѣ лишь мечты, судорожно и стремительно откликнулись на этотъ призывъ, бросая ученыя каведры, бюрократическіе кабинеты, спокойныя канцеляріи и сытое довольство частныхъ занятій. Они спѣшили къ литературному, земскому, школьному дѣлу;—они пришли и въ судъ.

Кадры судебныхъ дѣателей стали быстро пополняться лучшими людьми—и среди нихъ наиболѣе даровитые и сильные, склонные къ кипучей активной работѣ, стремились въ ряды адвокатуры и прокурорскаго надзора. Нѣкоторые изъ нихъ готовились къ предстоящей дѣятельности чуть ли не какъ къ подвижничеству, требующему отреченія отъ мірскихъ соблазновъ: любители и искатели доброй старины, вѣроятно, помнятъ наивную, но милую именно по наивности своей, публикацію о необходимости скорѣйшей продажи имѣнія; въ виду намѣренія собственника его посвятить себя службѣ по судебному вѣдомству, не допускающей „никакого совмѣстительства“. Если бы въ то время кто нибудь сказалъ, что недалеки дни, когда достоинство прокурора будетъ исчисляться количествомъ обвинительныхъ приговоровъ по сомнительнымъ дѣламъ, а температуру адвокатскаго вдохновенія станутъ опредѣлять по горячности въ проведеніи конкурсныхъ дѣлъ,—всѣ отвернулись бы съ негодованіемъ отъ такой непристойной шутки.

Они отвернулись бы потому, что вѣрили въ возможность мгновеннаго и всеобщаго перерожденія—и твердые своими упованіями—не искали опредѣленныхъ и строгихъ формъ для принудительной передачи ихъ людямъ другихъ временъ и иныхъ пѣсенъ. Врядъ ли многіе въ то время признавали особую серьезность за тревогами автора цитированной нами статьи о необходимости, съ первыхъ же шаговъ, заняться выработкой требованій и условій для дѣятельности представителей обвиненія и защиты. „Лица, принимающія на себя равно высокія роли адвокатовъ и прокуроровъ,

должны—писалъ онъ—*разъ навсегда отказаться отъ стремленія видѣть въ уголовномъ процессѣ нѣчто подобное процессу гражданскому, гдѣ являются двѣ стороны: истецъ—общество и отвѣтчикъ—подсудимый. Они должны помнить, что въ уголовномъ процессѣ нѣтъ тяжбы, а общество и судъ одинаково заинтересованы въ раскрытіи истины. Обвинитель, прежде всего, долженъ имѣть въ виду, что его задача состоитъ только въ развитіи предъ судомъ основаній, по которымъ можно заключить о виновности подсудимаго; поэтому, для него лично должно быть все равно—оправданъ, или осужденъ будетъ подсудимый,—ему важно только, со своей стороны, раскрыть истину. Тоже долженъ имѣть въ виду и адвокатъ. Но тотъ и другой, по словамъ Жюль Фавра, долженъ стремиться стать выше интересовъ защиты и обвиненія, искать истину, не смотря на лица и разсматривать драму, которая разворачивается предъ ихъ глазами, совершенно безпристрастно. Ими должно овладѣвать одно только желаніе, и они должны удалять изъ своей души не только увлеченіе, которое можетъ вовлечь въ заблужденіе, но и не достойное состраданіе, которое затемняетъ истину*”.

Негодую противъ театральныхъ приѣмовъ французскихъ ораторовъ, особливо противъ обращенія обвинителя съ подсудимымъ, забывающаго совершенно, что предъ нимъ „находится лицо, еще не обвиненное, еще не лишенное всѣхъ своихъ человѣческихъ правъ“, авторъ съ особенной любовью рисуетъ картину англійскаго суда, гдѣ „никто не станетъ дѣлать экспериментовъ въ краснорѣчій тамъ, гдѣ дѣло идетъ о жизни и чести, имуществѣ и свободѣ гражданина“. Указавъ на проявленія французскаго вліянія въ нѣкоторыхъ изъ рѣчей, произнесенныхъ незадолго до открытія новыхъ судовъ, въ военно-судныхъ комиссіяхъ и соединенныхъ палатахъ, онъ замѣчаетъ: „Смѣшно и грустно себѣ представить положеніе нашихъ присяжныхъ, если бы у насъ привилась вполнѣ французская манера судебной защиты, съ присовокупленіемъ еще собственныхъ прибавленій..... Получивъ такой букетъ судебной элоквиенціи, нашему простому, и подчасъ, даже безграмотному присяжному пришлось бы, усиливаясь успокоить свои взволнованныя чувства, сатратся сѣвозъ трескъ и шумиху фразъ разсмотрѣть затемненную этими фразами истину“.

Воспользовались ли многіе изъ, такъ называемыхъ, судебныхъ ораторовъ этими цѣнными замѣчаніями, согласовали ли они свою дѣятельность какъ съ уваженіемъ къ личности, такъ и къ интере-

самъ правосудія?—На это можетъ отвѣтить безъ труда всякій, кто хоть нѣсколько знакомъ съ судебнымъ дѣломъ.

Ни на одномъ изъ государственныхъ организмовъ не замѣчается столь рѣзко воздѣйствіе общественныхъ теченій, какъ на судѣ: словно, взаимно сообщающіеся сосуды,—общество своимъ упадкомъ обуславливаетъ пониженіе уровня суда.

Конецъ 70-ыхъ и начало 80-ыхъ годовъ съ ихъ смутнымъ умственнымъ броженіемъ и нравственнымъ разбродомъ, обусловившими, до извѣстной степени, недовѣріе къ общественнымъ силамъ, рожденіе, наряду съ этимъ, близорукаго и мелочнаго стремленія къ матеріальному успѣху отбросили далеко кипучую струю шестидесятыхъ годовъ. Захлопнулась широкая дверь, въ которую всѣ довѣрчиво и радостно выходили на бодрую работу жизни и, при паденіи своемъ, она ущемила немало вѣрованій и надеждъ.

Началась переоцѣнка общественныхъ идеаловъ—и эту операцію взяла въ свои цѣпкія руки ожившая биржа, съ ея банками, желѣзными дорогами, промышленными и торговыми предпріятіями.

Они также позвали къ себѣ людей, свѣдущихъ въ правѣ, но не робко и просительно, а пренебрежительно—торжествующе: „если не вы, такъ другіе; если не теперь,—то, все равно, немного позже“.

Смѣлые „реалисты“ пошли на этотъ зовъ, предоставляя мечтателямъ отпѣвать мечтателей.

Богатѣющіе „юрисконсульты“ разныхъ названій и формъ—и, о-бокъ съ ними, живущая впроголодь магистратура—слишкомъ рѣзкіе контрасты. Люди всегда люди—и послушные общему закону, „судебные дѣятели“ стали мало по малу превращаться въ „судебныхъ чиновниковъ“, съ неизбѣжнымъ исканіемъ утѣхъ въ служебномъ карьеризмѣ.

А судебное краснорѣчіе?...—Оно, конечно, продолжало процвѣтать и на новой почвѣ, ибо нѣтъ такой навозной кучи, гдѣ бы не могли произростать пышные цвѣты элоквенціи. Только немногочисленнымъ молчаливымъ и внимательнымъ наблюдателямъ судебныхъ ристалищъ, гдѣ чаще и чаще побѣждаетъ презрительный Терситъ, становится какъ то жутко, и нѣ-которымъ изъ нихъ, обращающимъ, передъ уходомъ изъ „зала сраженій“, свои смущенные взгляды на величавый образъ Незабвеннаго Преобразователя, нерѣдко чудится, что его добрые задумчивые глаза глядятъ еще задумчивѣй, еще печальнѣй.

II.

Идеи, какъ и чувства, имѣютъ своихъ избранниковъ. Охвативъ ихъ сердца и умы однимъ мощнымъ и яркимъ порывомъ, онѣ остаются тамъ навсегда, не допуская ни охлажденія, ни разочарованій. Пусть вокругъ свершается, какъ въ прихотливомъ калейдоскопѣ, лихорадочная смѣна взглядовъ и настроеній, „однолюбецъ“ не можетъ забыть тѣхъ дней, когда его цѣликомъ охватила властная идея, озаривъ смысломъ и радостью все существованіе.

Однимъ изъ такихъ рѣдкихъ однолюбцевъ представляется намъ авторъ сборника—„*За послѣдніе годы*“.

На протяженіи 30 лѣтъ, начиная съ приведенной выше юношеской его статьи и кончая послѣднею страницей вышедшаго недавно сборника, чрезъ каждую строку писаній, чрезъ каждое слово его рѣчей проходитъ одно чувство, одна главенствующая мысль: любовь и уваженіе къ началамъ, положеннымъ въ основу судебныхъ уставовъ Александра II.

Онъ полюбилъ ихъ въ ранней молодости, имъ обязанъ онъ первыми радостями обрѣвшей ясный путь совѣсти и, благодарный,—остался имъ вѣренъ во всю свою дѣятельность.

Отмѣчая, съ грустью, въ одномъ изъ своихъ сообщеній С.-Петербургскому Юридическому Обществу, что для большинства современной молодежи „судебное вѣдомство“ представляется лишь однимъ изъ ряда вѣдомствъ, въ двери котораго можно постучаться, вступая въ служебную жизнь, А. Θ. Кони вспоминаетъ тѣ дни, когда, въ новые судебные мѣха было влито новое судебное вино“. „Тѣ, кто пережилъ это время,—говоритъ онъ,—и первые мѣсяцы, непосредственно за нимъ слѣдовавшіе, не могутъ ихъ забыть. Довѣріе къ своимъ силамъ, свѣтлый взглядъ на будущее, убѣжденіе въ томъ, что введенный порядокъ представляется образцовымъ во всѣхъ отношеніяхъ—одушевляло всѣхъ первыхъ дѣятелей новаго суда..... Это была дѣятельность, задача, призваніе. Это была первая любовь. Такая любовь существуетъ не только въ личной жизни человѣка, но и въ общественной его жизни; и тутъ, и тамъ она, войдя первою въ сердце, послѣднею выходитъ изъ памяти..... Это была первая общественная любовь для многихъ.... И какія бы недоумѣнія, испытанія и разочарованія въ себѣ и другихъ ни принесла впослѣдствіи жизнь—чувство, одинаково охватившее въ тѣ незабвенные дни и молодого начинающаго дѣателя, и человѣка зрѣлаго,

призванныхъ къ новой, неизвѣданной и отвѣтственной судебной службѣ назѣрное не забылось ими и издалека свѣтитъ ихъ душѣ и грѣетъ ее“ ¹⁾).

Эта первая (и, какъ мы увѣрены,—*единственная*) любовь научила своихъ избранниковъ уваженію къ человѣческой личности, благородству пріемовъ даже въ отношеніи безусловно виновнаго. Этого, какъ мы видѣли, требовалъ А. Θ. Кони въ своей юношеской статьѣ, этому онъ слѣдовалъ, какъ доказываетъ его „Судебныя рѣчи“, въ роли обвинителя и судьи, это же качество онъ ставитъ въ главную заслугу при оцѣнкѣ чужой судейской дѣятельности.

Въ прочувствованномъ сообщеніи о покойномъ Д. А. Ровинскомъ А. Θ. Кони говоритъ: „Живой человѣкъ, со своими страданіями и паденіями, жалкій, хотя и преступный человѣкъ, глядѣлъ на Ровинскаго изъ за двѣтной обложки; это часто тревожило и смущало его „кассационную безучастность“ и заставляло его вспоминать, что *qui v'est que juste, est cruel*“ ²⁾).

Казалось бы, что при такомъ мягкомъ отношеніи къ чужой винѣ, вѣминуемо долженъ выработаться конфузливый обвинитель, одинъ изъ представителей той породы, которую нѣмцы называютъ „добрыми людьми, но плохими музыкантами“. Отъ этой опасности спасаетъ истинно-талантливыхъ, а, стало быть, и сильныхъ людей глубоко развитое чувство справедливости, той самой справедливости, которая чуждается „жестокимъ чувствительности“. А. Θ. Кони всегда твердо помнить, что, кромѣ подсудимаго, есть и потерпѣвшій, къ острому горю котораго жестоко присоединять „обидное сознаніе, что это ничего не значитъ, что за это никакого судебного порицанія не слѣдуетъ, и что законъ, грозящій злему и корыстному, есть мертвая буква, лишенная прагматическаго значенія“.

Эта умѣряемая справедливостью жалость къ подсудимому дала русскому обществу въ лицѣ А. Θ. Кони высокій образецъ прокурора-судьи. Въ одномъ изъ своихъ кассационныхъ заключеній онъ категорически высказалъ, что таковымъ долженъ быть государственный обвинитель въ силу требованія самого закона: „Законъ указываетъ въ ст. 739 и 740 прокурору его задачи быть безпри-

¹⁾ „За послѣдніе годы“; ст. Новое мѣха и новое вино.

²⁾ За послѣдніе, годы ст. о Д. А. Ровинскомъ.

страстнымъ и спокойнымъ изслѣдователемъ виновности; предостерегая его отъ односторонности, онъ предписываетъ ему не извлекать изъ дѣла только обстоятельства, уличающія подсудимаго и не преувеличивать значенія доказательствъ. Не требуя осужденія во что бы то ни стало, законъ обязываетъ прокурора заявлять суду, по совѣсти, объ отказѣ отъ обвиненія въ случаѣ уважительности оправданій подсудимаго; однимъ словомъ,—не ослѣпленнаго односторонностью своего положенія обвинителя а говорящаго судью создаетъ законъ изъ прокурора ¹⁾“.

Вотъ почему, нельзя не признать справедливою характеристику обвинительныхъ рѣчей А. О. Кони, сдѣланную въ извѣстномъ докладѣ проф. Владимірова юридическому факультету харьковскаго университета: „Какъ обвинитель, изобличающій подсудимаго, Кони громитъ, но не уничтожаетъ; разитъ, но не истязуетъ. Это—настоящій государственный обвинитель, стоящій на высотѣ своей задачи во имя правосудія ограждать общество отъ преступныхъ и опасныхъ дѣяній. Самъ подсудимый, въ глубинѣ своей души, кажется, не можетъ не признать, что предъ нимъ не безцеремонный адвокатъ въ мундирѣ судебного вѣдомства, а обвиняющій судья, око царское, умѣющее и желающее отличить преступленіе отъ несчастія, навѣтъ отъ правдиваго свидѣтельскаго показанія, безсовѣстную и ловкую интригу отъ подавляющаго стеченія дышащихъ истиною доказательствъ, устанавливающихъ несомнительно существованіе факта преступленія и виновности.“

Черта эта сообщаетъ рѣчамъ А. О. Кони не только чарующую прелесть благородства, но и ту степень художественной выразительности, до которой только способно подняться нехудожественное, по самой своей сущности, судебное краснорѣчіе.

Судебная рѣчь и художественная красота—враги. Онѣ будутъ антагонизировать между собою дотолѣ, доколѣ не сольются тенденція съ правдою, историческая достовѣрность съ вѣроятіемъ вымысла, бухгалтерская выкладка съ лирическихъ стихотвореніемъ.

Художникъ воленъ въ выборѣ матеріала, творить фантазіей, ограниченной лишь предѣлами *вѣроятія*, никого не оправдываетъ и не осуждаетъ.

Судебному оратору,—обвинителю или защитнику,—даютъ (или точнѣе, онъ самъ долженъ раздобыть съ огромными усиліями) немного пе-

¹⁾ „За послѣдніе годы“: Заключение по д. Кетхудова и друг.

ску, нѣсколько осколковъ мрамору, три четыре капли благовоннаго масла, да огромный ушатъ грязной воды—и ждуть отъ него художественной, непременно художественной, статуи. Большая публика и близорукая критика, требующія отъ судебныхъ рѣчей художественности, создали особый родъ юридическихъ поэмъ, гдѣ въ интересахъ размѣра и чистоты отдѣлки, опускаются доказательства и факты, а составъ преступленія излагается бѣлыми стихами. Въ прямой отъ этого зависимости, такъ наз., художественныя судебныя рѣчи представляютъ собою искусныя трафареты, до такой лишенной степени конкретности и индивидуальности, что, по совершении самой незначительной манипуляціи, могутъ быть приложены къ любому преступленію и преступнику.

Біографіи наиболѣе выдающихся судебныхъ ораторовъ разныхъ странъ и времяя свидѣлствуютъ о крайне знаменательномъ фактѣ: среди нихъ нерѣдко являлись крупные ученые, иногда талантливые публицисты и критики, но ни разу они не выдѣлились изъ себя замѣчательнаго романиста или поэта. Есть, стало быть, что-то специфическое въ условіяхъ судебного краснорѣчія, что отчуждаетъ отъ него сильный художественный талантъ.

Недаромъ еще въ XVII вѣкѣ такой тонкій и вдумчивый мыслитель, какъ Декартъ, придававшій огромное значеніе искусству во всѣхъ его видахъ, отрицалъ, однако, творческое значеніе за краснорѣчіемъ. Онъ находитъ, что въ первые вѣка, когда цивилизація была еще низка, въ великихъ людяхъ была дѣйствительно нѣкоторая сила краснорѣчія, представлявшая собою нѣчто божественное. „Проистекая отъ обилія здравомыслія и отъ ревности къ истинѣ, она вывела — пишетъ онъ, — полудикихъ людей изъ лѣсовъ, наложила на нихъ законы, построила города: для нея убѣждать было то же, что повелѣвать. Но затѣмъ, *судебныя диспуты* и частое произношеніе рѣчей испортило эту силу у грековъ и римлянъ излишнимъ употребленіемъ. Отъ устъ мудрыхъ она перешла къ обыкновеннымъ людямъ, которыя, не надѣясь побѣдить умъ слушателя единственно оружіемъ истины, стали прибѣгать къ софизмамъ и пустымъ тонкостямъ рѣчи“.

И дѣйствительно, даровитые ораторы, сознавъ истинный характеръ своей дѣятельности и силъ, не предпринимаютъ на судѣ экскурсій въ область художественнаго творчества и ограничиваютъ свою задачу ролью внимательнаго и безпристрастнаго историка преступленія и преступника; художественныя черты ихъ натуры мо-

гутъ сказаться лишь въ тонкомъ анализѣ, въ чуткости къ воспріятію впечатлѣній и ясности формы.

Въ лицѣ А. Θ. Кони счастливо сочетался ясный умъ математика ¹⁾ съ темпераментомъ художника: въ каждомъ дѣлѣ онъ тщательно изслѣдуетъ мельчайшія детали и, пройдя длинный и долгій путь холоднаго анализа, одухотворяетъ груды накопленныхъ фактовъ и разрозненныхъ документовъ вспыхивающимъ энтузіазмомъ, лучезарнымъ убѣжденіемъ и братскою любовью къ павшему. Какъ нельзя лучше охарактеризовать эту работу онъ самъ въ своемъ памятномъ всѣмъ,—оригинальномъ по замыслу и исполненію,—докладѣ о покойномъ Ф. М. Достоевскомъ. Останавливаясь на образѣ слѣдственнаго судьи, такъ тонко очерченныя безсмертнымъ романистомъ въ лицѣ Порфірія Петровича, А. Θ. Кони говоритъ „Вся она (т. е., его работа) состоитъ изъ медленнаго, исполненнаго законной осторожности и недовѣрія къ первому впечатлѣнію, собиранія уликъ, которыя, слагаясь въ различные сочетанія, то падая и разрушаясь, то приобретаая неожиданную окраску, приводятъ наконецъ слѣдователя къ умственному итогу—убѣжденію въ виновности Раскольникова. Въ этой—подчеркиваетъ А. Θ.—постоянной, сложной и безпристрастной работѣ соображенія и опыта, анализа и воображенія состоитъ и заслуга, и задача человѣка, приступающаго къ изслѣдованію преступленія“.

Когда, свершивъ мучительную работу индивидуализаціи преступника и преступленія, А. Θ. Кони приступалъ къ преніямъ, онъ не нуждался въ искусственномъ подъемѣ обвинительной энергіи, негодующихъ словахъ и суровомъ пафосѣ. Правдиво и просто раскрывалъ онъ передъ судьями борьбу и тревоги, пережитыя его умомъ и совѣстью, и, заставивъ своихъ слушателей пройти, вѣсть съ собою, хорошо изученный и освѣщенный путь формаціи судейскаго убѣжденія, сливался съ ними въ одной мысли, въ одномъ чувствѣ, въ одномъ правосудномъ отиѣтѣ.

Думы о сравненіяхъ, обобщеніяхъ, цитатахъ и эпитетахъ—обо всей этой сборной аммуниціи судебныхъ воителей—мало тревожатъ А. Θ. Кони: безъ ссыла и выемки, свободно и дружелюбно являются они къ нему на помощь, чтобы охватить отѣнки богатой мысли, отразить едва уловимыя настроенія искрещагося чувства.

¹⁾ Кстати, какъ видно изъ біографическаго описанія А. Θ. Кони, (Энциклоп. Слав. Ефрона т. XV А ст. 949) онъ сначала состоялъ студентомъ математическаго факультета.

Нѣсколько минутъ вниманія—и слушатель или читатель до такой степени роднится съ этими мыслями и чувствами, что теряетъ всякую охоту къ торгашеской расцѣнкѣ выражающихъ ихъ словъ: должно быть, хороши эти слова, если на мѣсто ихъ не можешь и не стараешься поставить другія!

Окончена рѣчь, произнесенъ приговоръ—и она отходитъ вмѣстѣ съ дѣломъ, чтобъ никогда уже болѣе не повториться, какъ не повторяются никогда вызвавшія ее индивидуальность характеровъ и конкретность фактовъ. Въ слѣдующихъ рѣчахъ, быть можетъ, промелькнетъ знакомый образъ, кой гдѣ прозвучитъ слышанное уже сочетаніе словъ, но въ мірѣ новыхъ мыслей и свѣжихъ чувствъ они вамъ дороги, какъ скромныя напоминанія о пережитомъ.

Объ этихъ свойствахъ свидѣлствуетъ его сборникъ—„Судебныя рѣчи“, слишкомъ распространенный среди юристовъ и общобразованной публики для того, чтобы, спустя 8 лѣтъ послѣ его перваго появленія, имѣть право останавливаться на детальномъ его разборѣ. И въ новой его книгѣ, гдѣ помѣщены три обвинительныя рѣчи за послѣдніе годы, произнесенныя много времени спустя послѣ того, какъ авторъ ихъ успѣлъ отвыкнуть отъ каѳедры государственнаго обвинителя, передъ читателями встаетъ все тотъ же неизмѣнившійся, ставшій всѣмъ близкимъ, образъ „говорящаго судьи“.

Вотъ—рѣчь по дѣлу редактора-издателя газеты „Гражданинъ“ кн. Мещерскаго, обвинявшагося въ опозореніи въ печати военныхъ врачей.

Здѣсь, помимо формальнаго вопроса о правѣ военнаго министра на возбужденіе преслѣдованія, возникалъ другой, глубокой общественной важности, вопросъ о защитѣ чести организованныхъ и тѣсно сплоченныхъ корпорацій отъ клеветы, коварно прячущейся за безымянностью потерпѣвшаго. Обвиняемый помѣстилъ въ своей газетѣ статью, въ которой, съ неопредѣленными намеками на имѣвшіе, будто бы, мѣсто факты, выставляется обвиненіе комисіи военныхъ врачей въ повальномъ лихоимствѣ при повѣрочномъ освидѣтельствованіи новобранцевъ.

Въ первой инстанціи суда и въ апелляціонномъ отзывѣ на ея приговоръ защитникъ кн. Мещерскаго стремился доказать ненаказуемость такого рода клеветы.

Обвинительная рѣчь, посвященная опроверженію этого взгляда, представляетъ поучительный примѣръ разрѣшенія выдвигаемыхъ быстрымъ темпомъ жизни вопросовъ, не встрѣчающихъ прямого отвѣта въ неуклюжихъ схемахъ одряхлѣвшаго закона. Чистый юридическій анализъ оказался бы здѣсь бессильнымъ, равно какъ изолированная оцѣнка однихъ жизненныхъ интересовъ, взятыхъ *an und für sich*, не властна замѣнить собою велѣнія закона. Избравъ оригинальный путь постепенно разрастающейся комбинаціи юридическихъ, бытовыхъ и этическихъ моментовъ, при которой признакъ закона, тѣсно сплетаясь съ житейскимъ *фактомъ*, получаетъ новый, незамѣчавшійся дотошъ оттѣнокъ, обвинитель настойчиво и осторожно приходитъ къ правосудному отвѣту. Въ этой трудной и тяжелой работѣ его оживляетъ и бодритъ тонко развитая отзывчивость на голосъ жизненной правды. Чуткій къ вопросамъ чести,—онъ сознаетъ, что ѣдкія слова оскорбленія не уменьшаются отъ *неназванья*. „При безымянномъ оскорбленіи, говоритъ А. О. Кони, оно тяготѣетъ надъ всѣми, кто замкнутъ въ оскорбленной группѣ по своимъ занятіямъ и должности. При наименованіи должностнаго лица, всѣ товарищи его по профессіи остаются въ сторонѣ и общественное мнѣніе знаетъ, отъ кого именно слѣдуетъ ждать оправданій; знаетъ это и опозоренный и смыываетъ этотъ позоръ судебнымъ или инымъ путемъ, или же сгибается подъ его давящей тяжестью. Но когда названа цѣлая группа, подозрѣніе падаетъ на всѣхъ и каждого; каждый мысленно зритъ себя подводимымъ къ позорному столбу; безславіе бѣжитъ впереди каждого изъ группы, возбуждая противъ него предубѣжденіе и заставляя относиться къ нему съ подозрительностью или насмѣшливымъ недоверіемъ. „А это ты изъ тѣхъ, которыхъ такъ отдѣляли и изобличили“, вотъ что слышится ему изъ за условной вѣжливости житейскихъ отношеній. Едва-ли душевные муки подвергшагося несправедливому групповому оскорбленію, легче мукъ подвергшагося личному оскорбленію. Тамъ онѣ или заслужены, или смягчаются возможностью оправданія, а тутъ? Для личнаго оправданія,—нѣтъ почвы, нѣтъ яснаго повода. Да и какъ оправдываться? *Affirmanti—non neganti incumbit probatio*. Обвиненіе брошено огульно и бездоказательно, какъ же опровергнуть эту бездоказательность? Какъ представлять отрицательныя доказательства по вопросу о своей честности? Ужели производить себѣ старинный повальный обыскъ и о результатахъ его сообщать всякому встрѣчному, въ которомъ подозрѣвается читатель или слушатель оскорбительнаго отзыва? Это невозможно не только фак-

тически, но и нравственно. Въ нашемъ обществѣ, быть можетъ подѣ вліяніемъ горькихъ воспоминаній прежняго, подчасъ возникаетъ съ особою силою подозрительность къ цѣлымъ служебнымъ группамъ,—и иногда злорадно распространяется на цѣлыя вѣдомства, безъ пощады, примѣняясь и къ тѣмъ, кто въ нихъ достоинъ безусловно и нерѣдко глубокаго уваженія. Мы лѣнивы разбирать людей и потому любимъ клички и ярлыки, которые налѣпляемъ широкими взмахами клейкой висти. При такихъ условіяхъ, оправданія только усиливаютъ подозрительность. „Ты сердишься—ты неправъ“,—говорила античная поговорка. „Ты оправдываешься ты долженъ быть виноватъ“, говоритъ современный, житейскій, близорукій опытъ, опирающійся на пословицу „на ворѣ и шапка горитъ“. Поэтому то, выступать отдѣльнымъ обвинителемъ при групповомъ опозореніи чрезвычайно трудно. Иногда—и очень часто—это значить къ ранамъ, пріятнымъ отъ поворенія, приложить раны сосредоточенной на себѣ подозрительности и двусмысленнаго сочувствія. Остается, въ большинствѣ случаевъ, молчаливо, съ притворнымъ равнодушіемъ, нести клеймо незаслуженнаго стыда—и испытывать на себѣ то, что такъ образно называлъ нашъ знаменитый писатель „постояннымъ страхомъ и гнѣвомъ, и болью неопредѣленныхъ подозрѣній“. Такимъ образомъ, неуказаніе лица только облегчаетъ нравственную и юридическую отвѣтственность дѣйствительно виновнаго и, въ то же время, кладетъ тяжелое бремя на душевное спокойствіе невинныхъ“.

Если необходимость защиты противъ посягательствъ подобнаго рода установлена съ несомнѣнностью, если искуснымъ и сильнымъ развитіемъ приведеннаго сейчасъ положенія обвинитель обратилъ судей въ своихъ союзниковъ, дальнѣйшая задача его состоитъ уже въ точномъ очертаніи тѣхъ границъ, наличностью которыхъ безформенное единеніе множества людей обращается въ компактный организмъ съ конкретными и, при томъ, характерными признаками. Конечно, нетрудно указать эти признаки въ общихъ чертахъ, но дать имъ живое содержаніе, предусмотрѣть оригинальныя сочетанія ихъ въ дѣйствительности можетъ лишь тщательный и въ то же время дальновидный анализъ. Представленная въ этомъ направленіи обвинителемъ попытка исполнена глубокаго интереса. Онъ первый спѣшитъ указать, что прямолинейное проведеніе защищаемаго принципа представлялось бы очень часто и несправедливымъ, и ненужнымъ. Это тѣ случаи, когда совокупность людей, благодаря громадности своихъ размѣровъ, является неуязвимой въ своей не-

необъемлемости и безличіи. Это будетъ—народъ, раса, племя, общество вѣрующихъ связанное однимъ исповѣданіемъ.

„Передъ такими колоссами, какъ русскій народъ,—излагаетъ А. О. Кони,—или романское племя, или христіане, магометане, буддисты, всякое оскорбленіе бессильно складываетъ крылья и звукъ его замираетъ, какъ тщетная и смѣшная попытка. Тамъ, гдѣ провидѣніе и историческія судьбы сложили массу людей въ единое цѣлое по политической или бытовой организаціи, по крови или по идеалу Божества, носимому въ душѣ, тамъ попытка опозорить такое единеніе заставляетъ лишь сожалѣть о скудоуміи возмившаго, что онъ въ силахъ оскорбить. Есть случаи, когда такая совокупность представляетъ нѣчто неопредѣленное и весьма условное по свойству отдѣльныхъ единицъ, входящихъ въ ея составъ, по даннымъ для оцѣнки каждой изъ нихъ. Изъ этой неопредѣленности и условности, зависящей отъ совершенно произвольнаго установленія признаковъ, дающихъ право причислить того или другого въ общей совокупности—кроется и невозможность оскорбить такое единеніе.

Поэтому нельзя, напр., оскорбить однимъ актомъ такую идеальную совокупность лицъ, какъ, напр., ученыхъ, художниковъ, артистовъ, сочинителей, педагоговъ, юристовъ и т. п. Ибо гдѣ общіе отличительные признаки, одинаковые у каждого изъ этихъ лицъ? Гдѣ и въ чемъ искать ихъ? Въ собственномъ сознаніи каждого, или въ общественномъ признаніи, или въ общественномъ положеніи, или же, наконецъ, въ народномъ взглядѣ? Но эти источники могутъ стоять въ противорѣчіи между собою. Несомнѣнно, что судья верховнаго судилища, что профессоръ правъ, что юрисконсультъ какого набудъ вѣдомства—юристы, но, вѣдь, юристомъ считаетъ себя и ходатай отъ Иверскихъ воротъ, и „поставщикъ достовѣрныхъ жесвидѣтелей“ по извѣстнаго рода дѣламъ. А сколько личныхъ претензій на званіе ученаго, артиста, художника! Въ то же единеніе, гдѣ царственно сіяетъ Пушкинъ, протискивается и полуграмотное ничтожество, произведенія котораго „бухаютъ“ въ Лету; самодовольная ограниченность, прочитавшая двѣ популярныя брошюры, считаетъ себя подчасъ принадлежащею къ кругу ученыхъ, вмѣстѣ съ членами академіи наукъ, а народъ, по своему распредѣляя названія, иронически употребляетъ слова сочинитель, художникъ и артистъ—для обозначенія понятій совсѣмъ иного порядка. Наконецъ, такая совокупность можетъ представлять нѣчто собирательное, гдѣ общее названіе или наименованіе груп-

пы людей заключаетъ въ себѣ крайнее разнообразіе ихъ занятій, положенія, образованія и взаимныхъ отношеній, и гдѣ такое названіе вовсе не служить, и не можетъ служить, отличительнымъ признакомъ, который опредѣлялъ бы званіе и занятіе каждаго, входящаго въ общую совокупность“.

Постепенно сужая эти круги и отыскивая, путемъ исключенія, въ отдѣльныхъ, ихъ составляющихъ, группахъ болѣе объединяющія примѣты, обвинитель приходитъ къ выводу, что наличность вины должна быть признаваема въ тѣхъ случаяхъ, „когда совокупность оскорбляемыхъ обнимаетъ собою единеніе людей, имѣющихъ не только опредѣленный, отличительный признакъ, не только твердо очерченную профессію, но и представляющихъ одну изъ составныхъ частицъ сложнаго государственнаго механизма“. Здѣсь,—заключаетъ обвинитель—оскорбленіе вполне мыслимо. „Оно дѣйствительно и, во многихъ случаяхъ, даже болѣе чувствительно, чѣмъ прямое оскорбленіе отдѣльнаго лица. Таковъ, именно, настоящій случай“.

Дѣло идетъ о военныхъ врачахъ, т. е., о должностныхъ лицахъ, имѣющихъ опредѣленный и необходимый образовательный цензъ, принадлежащихъ къ одному вѣдомству, даже къ специальной, самостоятельной части этого вѣдомства,—носящихъ одинаковую форму, связанныхъ дисциплинарными отношеніями, какъ въ порядкѣ подчиненности, такъ и къ порученному имъ дѣлу, приносящихъ одну и ту же научную присягу, т. е., дающихъ такъ называемое факультетское обѣщаніе, наконецъ, имѣющихъ одно и то же занятіе, требующее специальныхъ знаній и запрещеннаго тѣмъ, кто этихъ знаній не имѣетъ. Тутъ нѣтъ ничего неуловимаго, неопредѣленнаго, отвлеченнаго отъ жизни. Когда мы говоримъ объ ученомъ, о христіанинѣ, о дворянинѣ,—то передъ нами, если только не имѣтъ въ виду знакомое лицо, никакого точнаго представленія не возникаетъ. Но здѣсь является живое представленіе о живомъ, въ его строго очерченной дѣятельности, образѣ“.

Достаточно независимый отъ условностей того, что принято называть силою общественнаго мнѣнія, обвинитель парируетъ обычный въ такихъ случаяхъ упрекъ въ стѣсненіи, будто бы, свободы печати: „если бы авторъ статьи—говорить обвинитель—явился въ собраніе военныхъ врачей и сказалъ, обращаясь къ нимъ: „всѣ вы лихоимцы, позорящіе святое дѣло обороны страны; продолжайте помощь вашу обходиться всего въ три тысячи рублей!“

то несомнѣнно, что онъ самъ первый не считалъ бы возможнымъ думать о своей полной безнаказанности; но почему же, когда это самое оповѣщено на всю Россію, когда онъ мысленно собралъ предъ собою военныхъ врачей и бросилъ имъ этотъ тяжкій и незаслуженный—незаслуженный потому, что недоказанный—упрекъ, онъ оказывается несовершенствою ничего достойнаго осужденія? Какъ бы велика ни была общественная задача печати, никто не можетъ требовать, чтобы на алтарь ея свободы, безропотно, безъ надежды на защиту, отдѣльныя личности и цѣлыя группы ихъ приносили свою честь и доброе имя“.

Помѣщенная, рядомъ съ приведенною, рѣчь по дѣлу объ оскорбленіи въ печати б. помощника Семирѣченскаго военнаго губернатора Аристова показываетъ какимъ искреннимъ и стойкимъ защитникомъ интересовъ печатнаго слова являлся всегда А. О. Кони, когда оно вступало въ неравную, но честную борьбу съ темными силами.

Изъ грознаго заступника за служебную честь „потерпѣвшаго“, изъ настойчиваго обвинителя осужденнаго судебною палатою редактора того же „Гражданина“, онъ обращается въ его адвоката,—какъ только тщательное изученіе дѣятельности г. Аристова убѣдило его въ добросовѣстности обвинителя.

А. О. Кони требуетъ предоставленія обвиняемому самой широкой и полной возможности доказывать правдивость напечатаннаго, онъ горячо убѣждаетъ, что судебный приговоръ по дѣламъ о диффамациі долженъ давать удовлетвореніе „не только жалобщику, не только обществу, которое можетъ быть справедливо встревожено извѣстіемъ о поправленіи закона или о его постыдномъ бездѣйствіи, но и живому органу этого общества, печати, которая, раскрывая страницы своихъ повременныхъ изданій, дала возможность донестись до общаго слуха стону далекихъ, обездоленныхъ и слабыхъ, иногда заглушаемому ворохами канцелярскихъ отписокъ о томъ, что „все обстоитъ благополучно“. Разборъ фактовъ приводитъ его къ заключенію, что отношенія обвинителя къ населенію Семирѣченской области далеко не соответствовали служебному долгу.

„Тотъ,—замѣчаетъ А. О. Кони,—кто становится между правителемъ цѣлой области и мѣстнымъ населеніемъ, какъ преграда, мѣшающая взглядамъ правителя проникнуть въ дѣйствительность и о котораго, какъ бы объ стѣну, разбиваются справедливыя сѣтова-

нія этого населенія,—тотъ несетъ на себѣ тяжкую нравственную отвѣтственность и не можетъ вопіять объ оскорбленіи своей чести, когда находится человѣкъ, поднимающій голосъ, чтобы обратить вниманіе общества и правительства на такой вредный порядокъ вещей. Обличитель можетъ сдѣлать это запальчиво, съ криками негодованія и бранью, но судъ, отдѣливъ все шумное и нарушающее пристойность, счумѣетъ взглянуть въ ядро сказаннаго и не долженъ покарать за указаніе на неприглядныя и мрачныя явленія общественной или государственной службы“.

Третья его рѣчь, въ качествѣ представителя обвинительной власти, посвящена пресловутому дѣлу земскаго начальника Протопопова.

Въ этомъ дѣлѣ, гдѣ такъ легко могла создаться почва для предубѣжденія, А. Θ. Кони проявилъ особую осторожность. Шагъ за шагомъ, изо дня въ день прослѣдилъ онъ всю служебную дѣятельность подсудимаго и, придя къ непреложному выводу объ ея преступности, требуетъ строгаго, но справедливаго возмездія. „Протопоповъ,—говоритъ онъ,—ссылается на то, что приговоръ палаты уничтожаетъ его права на дальнѣйшую службу. Такимъ образомъ, пропали годы его университетскаго ученія и преимущества, даваемые степенью кандидата правъ. Да, пропали! это грустно, но заслужено. Напрасно ищетъ онъ въ ссылкѣ на свои университетскіе годы основаніе для особаго снисхожденія. Своею дѣятельностью онъ доказалъ, что они прошли для него безслѣдно. Студентъ обязанъ выносить изъ университета не одинъ багажъ систематизированныхъ свѣдѣній, но и нравственные завѣты, которые почерпаются въ источникѣ добра, правды и серьезнаго знанія, называемомъ наукою; эти завѣты и въ концѣ жизни свѣтятъ студенту и умиляютъ его при мысли объ университетѣ. Наука о правѣ въ своихъ обширныхъ развѣтвленіяхъ вездѣ говоритъ о началахъ справедливости и уваженія къ достоинству человѣка. Поэтому, тотъ, кто черезъ годъ съ небольшимъ по окончаніи курса бросилъ эти завѣты и начала, какъ излишнее и непрактичное бремя, кто, вмѣсто благодарной радости о возможности послужить на добро и нравственное просвѣщеніе народа, со смиреннымъ сознаніемъ своей отвѣтственности предъ закономъ,—вмѣнилъ спасительныя указанія этого закона въ ничто, напрасно ссылается на свой дипломъ. Званіе кандидата правъ обращается въ пустой звукъ по отношенію къ человѣку, дѣйствія котораго обличаютъ въ немъ кандидата без-

правія. Лишены значенія и указанія аппеляціи на третировку имени подсудимаго неразборчивымъ общественнымъ мнѣніемъ, и совѣтъ суду не прислушиваться къ этому мнѣнію, а просвѣщать его. Общественное мнѣніе дѣйствительно было бы очень неразборчиво, если бы его не смущалъ образъ дѣйствій Протопопова и если бы оно находило его зауряднымъ и не стоящимъ вниманія явленіемъ. Суду не слѣдуетъ служить органомъ общественнаго мнѣнія, которое бываетъ измѣнчиво и складывается иногда случайно, подъ слишкомъ разнородными и неуловимыми вліяніями. Но судъ, оставаясь живымъ организмомъ, а не мертвымъ механизмомъ, не можетъ не отражать въ своемъ приговорѣ голоса общественной совѣсти, которая выражается и въ твердомъ словѣ закона, и въ проникающемъ этотъ законъ духъ. И если предъ судомъ есть доказанное обстоятельство, оскорбляющее такую совѣсть, судъ исполняетъ свою обязанность, произнося слово осужденія безъ той ложной чувствительности, за которою столь часто скрывается черствое равнодушіе къ положенію потерпѣвшихъ“.

Мы отвели обширное мѣсто выдержкамъ изъ обвинительныхъ рѣчей А. Θ. Кони за послѣдніе годы. Онѣ не могутъ не убѣдить, что время нисколько не отразилось ни на силѣ таланта, ни на точности анализа, ни на свѣжести и отзывчивости его чувствъ. Ничего, казалось бы, не измѣнилось, но внимательное ухо не можетъ не уловить нотки затаенной грусти. Что это?— Не обычная ли наша болѣзнь—разочарованіе и усталъ? Не перевалъ ли это достигнувшаго своего предѣла таланта?—Врядъ ли: все такъ же мѣтко и неостаточно, какъ и прежде, разить его обвинительное слово. Узкая каеэдра обвинителя становится тѣсной широкому уму и живому темпераменту общественнаго дѣателя. Хватать, изобличать, все призывать карающіе громы—и сознавать, что въ кличемъ, созидающемъ ходъ жизни тебѣ отмежевана узкая роль хирурга-ампутатора, невеселое чувство для того, кому природа отпустила недюжинныя силы борца.

Это сознаніе прорывается въ проникнутыхъ глубокимъ сожалѣніемъ словахъ по поводу прежнихъ функцій должности губернскаго прокурора. „Упраздненіе связанныхъ съ нею правъ и обязанностей по надзору за ходомъ *несудебныхъ* дѣлъ слѣдуетъ признать,—замѣчаетъ вскользь А. Θ. Кони,—большою ошибкою составителей судебныхъ уставовъ. Совершенное измѣненіе въ характеръ дѣятельности прокурора, придавая ему обвинительную обособленность,

быть может и выходило красивымъ съ теоретической точки зрѣнія, но противорѣчило условіямъ нашей административной жизни и шло въ разрѣзъ съ внутренними потребностями нашего губернскаго строя. Въ торопливомъ осуществленіи страстнаго желанія поспѣше расчистить для новыхъ насажденій мѣсто, поросшее бурьяномъ и полусгнившими деревьями, былъ срубленъ *дубъ, стоящій на стражѣ лѣса*¹⁾“...

Нетрудно, стало быть, предугадать—какъ долженъ былъ сказать подобный темпераментъ „на спокойной и безстрастной высотѣ“ кассационнаго разбирательства.

(Окончаніе слѣдуетъ).

О. Грузенбергъ.

Нѣсколько словъ объ отношеніяхъ проекта новаго уголовного уложенія къ его западно-европейскимъ образцамъ.

Громадный трудъ составленія новаго уголовного уложенія, возложенный на „редакціонную комиссію“, съ одной стороны облегчался, съ другой затруднялся возможностью и необходимостью пользоваться современными западно-европейскими кодексами. Непозволительно было бы отказаться отъ пользованія такими тщательно обработанными образцами, какіе представляются въ уголовныхъ кодексахъ наиболѣе образованныхъ странъ—результатахъ взаимнодѣйствія кабинетныхъ ученыхъ и практическихъ государственныхъ людей. Тѣмъ съ большимъ основаніемъ можно было желать въ данномъ случаѣ соображеній съ иностранными образцами, и даже во многомъ слѣдованія этимъ образцамъ, что и самый предметъ работъ—уголовные законы—болѣе другихъ частей законодательства поддается соображеніямъ общечеловѣческаго свойства, и переживаемая нами эпоха болѣе и болѣе приближаетъ условія русской жизни къ условіямъ жизни другихъ европейскихъ народовъ.

Нечего кажется и объяснять, на сколько выработка проекта облегчалась для составителей ихъ прекраснымъ знакомствомъ съ работами своихъ предшественниковъ на западѣ и высокимъ качествомъ этихъ работъ.

¹⁾ „За послѣд. годы“. ст. О Д. А. Ровинскомъ, стр. 261.

Но не трудно понять и то, на сколько обременительною могла оказаться обязанность соображать свои труды съ множествомъ руководящихъ образцовъ, увеличившихъ собою и безъ того громадную массу матеріала.

Противорѣчія между образцами, необходимость во многихъ случаяхъ считаться съ особенностями русской дѣйствительности, желаніе дать большее развитіе прекраснымъ началамъ, указываемымъ образцами, но не получившимъ въ нихъ, по тѣмъ или другимъ причинамъ, возможно широкаго примѣненія,—все это естественно должно было оказывать тяжелое вліяніе на условія работы. Поэтому ничего нѣтъ мудренаго, что нѣкоторые результаты работы оказываются довольно далекими отъ совершенства.

Указаніе нѣкоторыхъ мѣстъ проекта, являющихся результатомъ неправильныхъ, неудачныхъ или непослѣдовательныхъ отклоненій отъ западно-европейскихъ образцовъ проекта нашего уголовного уложенія, составляетъ задачу настоящей замѣтки.

Въ большей части западно-европейскихъ уголовныхъ кодексовъ въ лѣстницу наказаній вводится особый видъ заключенія—*custodia honesta*, опредѣляемый въ качествѣ наказанія за преступныя дѣянія, иногда весьма тяжкія, но не позорныя.

Такой особый видъ заключенія имѣетъ мѣсто и въ дѣйствующихъ у насъ уголовныхъ законахъ—именно заключеніе въ крѣпость.

Примѣненіе его впрочемъ весьма ограниченное. Редакціонная коммисія на основаніи весьма вѣскихъ соображеній сохранила этотъ видъ въ лѣстницѣ наказаній подъ именемъ заточенія и весьма расширила его примѣненіе.

„Хотя безчестіе и позоръ—читаемъ мы въ объясненіяхъ къ ст. 2 проекта коммисіи (т. 1 стр. 29)—должно класть на виновнаго не наказаніе, а совершенное имъ преступленіе, его обстановка, побужденія и условія, его вызывающія, но въ дѣйствительной жизни постановка вопроса измѣняется. Преступленіе остается извѣстнымъ суду и немногимъ лицамъ, ознакомившимся съ судебнымъ производствомъ, но оно забывается скоро всѣми другими, а фактъ пребыванія въ томъ или другомъ мѣстѣ заключенія сохраняетъ надолго значеніе для лица наказаннаго“. Примѣръ иностранныхъ кодексовъ сильно содѣйствовалъ укрѣпленію рѣшимости коммисіи

отстоять сохраненіе *custodiae honestae* въ новомъ уложеніи. Но коммисія рѣшилась не ограничиваться тою постановкою разсматриваемаго вида наказанія, какую даютъ ему западно-европейскіе кодексы. Въ нихъ заточеніе (*Festungshaft* германскаго уложенія, *Staatsgefängniss* венгерскаго и австрійскаго, *détention* бельгійскаго и французскаго) является совершенно специальнымъ наказаніемъ за особые виды преступныхъ дѣяній—опредѣленные случаи преступленій государственныхъ (въ нѣкоторыхъ кодексахъ и за проступки политическаго характера, также за дуэль). Между тѣмъ коммисія признала, что и между другими преступными дѣяніями существуютъ многія, даже тяжкія, „которыя вовсе не указываютъ на позорный или безчестный характеръ лицъ, ихъ совершившихъ“, и что послѣднихъ „было бы несправедливо смѣшивать съ общими преступниками“ (*ibid.* стр. 28). Поэтому мы встрѣчаемъ въ проектѣ назначеніе наказанія заточеніемъ за многіе проступки, предусмотрѣнные въ главахъ, которыя не относятся ни къ политическимъ преступленіямъ, ни къ дуэли, какъ то: въ главѣ 17 (посягательства на ограждающіе вѣру законы), 20 (лишеніе жизни), 21 (тѣлесное поврежденіе и насиліе надъ личностью), 35 (преступныя дѣянія по службѣ государственной и общественной).

Задумавъ такое широкое примѣненіе *custodiae honestae*, составители проекта остались безъ руководства иностранныхъ кодексовъ, и весьма сомнѣваюсь въ возможности утверждать, что основная мысль составителей проведена ими сколько нибудь послѣдовательно. . .

Сравнимъ постановленія проекта съ 2-мя иностранными уложеніями—германскимъ и венгерскимъ, имѣвшими въ виду редакціонной коммисіи съ самаго начала ея трудовъ и замѣчательными тщательной разработкой вопроса о примѣненіи *Festungshaft* и *Staatsgefängniss* ¹⁾. Оба эти уложенія, примѣняя разсматриваемый видъ наказанія исключительно къ преступленіямъ и проступкамъ политическимъ и къ дуэли, предусматриваютъ, отчасти по крайней мѣрѣ, надобность обратить заключеніе въ тюрьмѣ (служащее наказаніемъ за проступки) въ заключеніе менѣе позорное. Это видно изъ § 16 германскаго уложенія и въ особенности изъ § 41 уложенія венгерскаго. Въ § 16 герм. улож. читаемъ: „Приговоренные къ

¹⁾ Уложеніе французское (art. 7) причисляетъ *détention* къ числу наказаній *afflictives et infamantes*, чѣмъ прямо противорѣчитъ идѣе о *custodia honesta*.

тюремъ могутъ быть занимаемы въ мѣстѣ заключенія соответственно ихъ способностямъ и положенію; въ случаѣ ихъ просьбы доставленіе имъ такихъ занятій обязательно. Занятія внѣ мѣста заключенія допускаются лишь въ случаѣ согласія на то заключенныхъ“. § 41 венгерскаго уложенія говоритъ: „Въ виду особо уважительныхъ причинъ судъ можетъ въ своемъ приговорѣ *освободить* приговариваемаго къ тюрьмѣ *отъ работы* и дозволить ему продовольствоваться на свой счетъ“.

Нашъ проектъ, опредѣляя (статьи 15, 16 и 17) условія содержанія заключенныхъ въ исправительномъ домѣ, въ тюрьмѣ и при заточеніи, рѣзко выдѣляетъ одинъ послѣдній видъ лишенія свободы. Только при заточеніи содержащіеся освобождаются отъ одиночнаго заключенія (кромѣ ночнаго времени), работъ по выбору начальства, удержанія части заработка въ казну (заключенные въ тюрьмѣ пользуются лишь 40% заработка) и, какъ указано въ объясненіяхъ къ статьѣ 16 (объясненія т. I стр. 171), могутъ избирать „и занятія интеллектуальными, какъ, напр., переводы, ученые работы и т. п.“ Такимъ образомъ разница между заточеніемъ и тюрьмою, устанавливаемая нашимъ проектомъ, далеко значительное разницы между крѣпостью или государственною тюрьмою съ одной стороны и тюрьмою съ другой по 2-мъ вышеназваннымъ западно-европейскимъ кодексамъ ¹⁾. Отсюда ясно выходитъ, что по идеѣ составителей проекта всѣ преступныя дѣянія, которыя „хотя и заключаютъ въ себѣ иногда весьма тяжкія нарушенія закона, причиняютъ существенный вредъ и сопряжены съ значительною даже опасностью для общества, но вмѣстѣ съ тѣмъ не выказываютъ ни особой испорченности, ни безнравственности виновнаго, и болѣе свидѣтельствуютъ объ его неумѣнн подчинять порывы своихъ желаній требованіямъ закона“ (ibid. стр. 169 и 170),—подлежали бы наказанію никакъ не исправительнымъ домомъ или тюрьмою, но непременно заточеніемъ. Прекрасный примѣръ строгой послѣдовательности въ раздѣленіи случаевъ, требующихъ и недопускаю-

¹⁾ Замѣчательно, для разъясненія мысли редакціонной комисіи о характерѣ тюремнаго заключенія, еще слѣдующее мѣсто въ объясненіяхъ къ проекту т. I стр. 177): „комисія увеличила максимумъ срока ареста (противъ дѣйствующаго права) въ виду того соображенія, что между нарушеніями будутъ и такія, которыя заслуживаютъ болѣе продолжительныхъ наказаній, но которыя не могутъ быть обложены *тюрьмою, какъ тюрьмою*, принятой для *дѣланій имѣющихъ морозный характеръ*“.

ших *custodia honesta*, представляло комисіи въ томъ ограниченномъ пространствѣ, которое указано выше для *Festungshaft*, уложеніе германское. Значительная часть статей первыхъ раздѣловъ особенной части этого уложенія (раздѣлы II—V) представляютъ суду выборъ для виновныхъ одного изъ двухъ наказаній: цухтгаузомъ ¹⁾, или крѣпостью, при одинаковыхъ срокахъ и того и другого, при наличности же смягчающихъ обстоятельствъ назначаютъ заключеніе въ крѣпости на меньшіе сроки (большая часть статей раздѣла XV—за поединкомъ и участіе въ немъ—опредѣляетъ исключительно заключеніе въ крѣпость). Руководственнымъ указаніемъ суду для выбора между 2-мя наказаніями служить одинъ изъ §§ общей части уложенія (§ 20), который содержитъ слѣдующее опредѣленіе: „когда законъ предоставляетъ выборъ между цухтгаузомъ и крѣпостью, то наказаніе цухтгаузомъ назначается лишь въ томъ случаѣ, если будетъ признано, что подлежащее наказанію дѣяніе совершено *по безчестному побужденію* (*ehrlöse Gesinnung*)“.

Какъ же проводить пограничную черту между дѣяніями, ка-
раемыми столь различными видами наказаній, нашъ проектъ?

Прежде всего мы встрѣчаемъ въ проектѣ цѣлый рядъ статей, въ которыхъ описываются дѣянія далеко не всегда, а иногда лишь по исключенію, опредѣляемые безчестными побужденіями, скорѣе свидѣтельствующія „о неумѣнн виновнаго подчинять свои порывы требованіямъ закона“, а между тѣмъ наказаніе, этими статьями назначаемое, не заточеніе, а тюрьма или исправительный домъ.

Таковыми полагаю статьи:

211, по которой назначается тюрьма виновному или въ исправленіи, или возобновленіи—безъ надлежащаго дозволенія—приходящаго въ ветхость раскольническаго молитвеннаго дома, или въ постройкѣ новаго и т. п.;

387, назначающая исправительный домъ виновному * въ убійствѣ, задуманномъ и выполненномъ въ порывѣ сильнаго душевнаго волненія, если такое состояніе вызвано противозаконнымъ насиліемъ надъ личностью со стороны потерпѣвшаго“ (статья 400 за нанесеніе при такихъ же условіяхъ тѣлеснаго поврежденія назначаетъ виновному по усмотрѣнію суда: заточеніе до 1 года или тюрьму

*) *Zuchthaus* соответствуетъ, какъ извѣстно, каторжнымъ работамъ и исправительному дому проекта редакціонной комисіи.

при тяжких поврежденіяхъ, заточеніе или исправительный домъ— то и другое до 3-хъ лѣтъ—при весьма тяжкихъ);

389, назначающая тюрьму виновному „въ убійствѣ, учиненномъ при превышеніи предѣловъ необходимой обороны, буде сіе послѣдовало не для защиты отъ посягательства на жизнь или отъ изнасилованія“.

394, назначающая тюрьму виновному „въ неосторожномъ причиненіи смерти“.

Вторая часть 394 статьи приковываетъ къ себѣ особое вниманіе. Вотъ что читаемъ въ ней: „Если причиненіе смерти (неосторожное) было послѣдствіемъ несоблюденія виновнымъ правилъ, установленныхъ закономъ для его рода дѣятельности, въ огражденіе личной безопасности, то онъ наказывается исправительнымъ домомъ на срокъ не свыше 3 лѣтъ или заточеніемъ на срокъ не свыше 3 лѣтъ.“

Сверхъ сего суду предоставляется воспретить виновному тотъ родъ дѣятельности, при осуществленіи коего онъ причинилъ смерть, на срокъ... и опубликовать приговоръ...”

Здѣсь встрѣчаемся съ новымъ отклоненіемъ проекта отъ западноевропейскихъ образцовъ. Венгерское уложеніе (§ 291), къ которому ближе всего подходятъ въ данномъ случаѣ опредѣленія русскаго проекта, въ случаѣ подобнаго квалифицирующаго обстоятельства, наряду съ (факультативнымъ) ограниченіемъ правъ виновнаго на продолженіе извѣстной дѣятельности, прибавляетъ къ наказанію, опредѣленному за дѣяніе неквалифицированное, денежный штрафъ отъ 100 до 2000 гульденовъ. Но видно ясно причины, заставившей составителей проекта замѣнить денежное взысканіе наказаніемъ (исправительнымъ домомъ), влекущимъ за собою лишеніе почетныхъ титуловъ, чиновъ и проч. Но особенно важно отмѣтить здѣсь отклоненіе редакціонной комиссіи отъ правилъ, ею самою начертанныхъ: преступное дѣяніе предусмотрѣнное первою частью статьи, т. е. простое, безъ отягчающихъ обстоятельствъ, вызываетъ наказаніе позорящее (тюрьму), а такое же дѣяніе съ отягчающими обстоятельствами можетъ вызвать наказаніе не позорящее (заточеніе).

Далѣе, во многихъ статьяхъ проекта, опредѣляющихъ наказаніе заточеніемъ, вовсе не чувствуется тѣхъ мотивовъ, которыми составители проекта положили руководствоваться въ примѣненіи заточенія; чувствуются мотивы совершенно другого характера. Такъ въ главѣ XX (лишеніе жизни), кромѣ вышеуказанной 2 части 394

ст., встрѣчаются всего 2 статьи, гдѣ этотъ видъ наказанія примѣняется, а именно 390—наказывается заточеніемъ „виновный въ убійствѣ, учиненномъ по настоянію убитого и изъ состраданія къ нему“, и 392—наказывается заточеніемъ не выше 3-хъ лѣтъ „виновный въ доставленіи средства къ самоубійству, буде вслѣдствіе сего самоубійство послѣдовало“.

Описанныя въ обѣихъ статьяхъ дѣянія, съ точки зрѣнія теоретиковъ, вовсе не подлежатъ уголовной карѣ. Они являются пособничествомъ преступленію несущемуся—самоубійству. Между тѣмъ къ нимъ совершенно иначе относились замѣчанія юристовъ-практиковъ, соображенія которыхъ раздѣляли члены комисіи. И вотъ въ результатъ получилось стремленіе назначить за такія дѣянія наказаніе сравнительно мягкое. Въ особенности трудно объяснить иначе назначеніе заточенія по 392 статьѣ. На сколько къ этой статьѣ идутъ соображенія, на которыхъ основывается употребленіе *custodiae honestae*, лучше всего усмотрѣть изъ слѣдующихъ мѣстъ объясненій къ проекту (т. VI страницы 99 и 123). Въ выпискѣ изъ книги Гольцендорфа (*Handbuch* § 14) говорится между прочимъ: „хладнокровный и обдуманый человѣкъ доставитъ лицу, желающему умереть, необходимыя орудія, чтобы тотъ самъ лишилъ себя жизни, а въ силу того *обезпечитъ свою безнаказанность*, человѣкъ же дѣйствующій подъ вліяніемъ увлеченія, характеръ открытый, въ отвѣтъ на настоятельную просьбу, собственноручно выполнить смертоносное дѣйствіе, не думая объ угрожающей ему карѣ закона“. Въ соображеніяхъ чиновъ прокурорскаго надзора Калужскаго окружнаго суда, по сравненію дѣяній, предусматриваемыхъ 390 и 392 статьями проекта, говорится.....: „въ этомъ послѣднемъ случаѣ (предусмотрѣнномъ 392 статьєю) въ дѣйствіяхъ обвиняемаго будетъ нерѣдко гораздо болѣе преступности, нежели въ случаѣ, указываемомъ 390 статьей“, и приводится указаніе на случай подкладыванія *во время* годнаго для совершенія самоубійства орудія.

Кажется подобныя соображенія довольно далеки отъ тѣхъ, которыя могли бы,—оставаясь члены редакціонной комисіи вѣрными своимъ основнымъ, вышеизложеннымъ, мыслямъ о случаяхъ, вызывающихъ примѣненіе заточенія,—расположить ихъ внести такое наказаніе въ статью 392, и притомъ предпочтительно передъ другими статьями той же главы.

Укажу еще на 2 статьи послѣдней (XXXV) главы—преступныя

дѣянія по службѣ государственной и общественной, именно на 547 и 588, въ которыхъ заточеніе назначается факультативно (суду предоставляется выборъ между заточеніемъ и тюрьмою), между тѣмъ какъ угрожаемая этимъ наказаніемъ дѣянія врядъ ли могутъ быть приписаны побужденіямъ не позорнаго свойства.

Ст. 547 допускаетъ наказаніе заточеніемъ виновному „въ выдачѣ разрѣшенія, заведомо дозволяющаго при производствѣ“ постройки или иного дѣйствія „отступленіе отъ закона,.... буде сіе учинено *по корыстному или иному несовѣстному съ долгомъ службы побужденію*“, и если при томъ дозволенное виновнымъ „отступленіе отъ закона могло, *заведомо для него, угрожать общественной безопасности*“.

Ст. 588 въ п. 2 допускаетъ то же наказаніе виновному „въ представленіи къ увольненію отъ службы своего подчиненнаго *за дѣйствія согласныя съ долгомъ службы*, буде увольненіе послѣдовало“.

Нельзя не замѣтить, что проектъ, предоставляя во многихъ случаяхъ суду на выборъ заточеніе или другой, болѣе позорный видъ, заключенія, не даетъ суду руководящаго правила для выбора, подобно тому какъ это сдѣлано вышеупомянутымъ 20-мъ § германскаго уложенія.

Что, если суды будутъ руководиться объективною стороною дѣянія и станутъ назначать заточеніе напр. обвиненнымъ по 547 статьѣ за малыя взятки? На сколько далеко тогда отойдетъ практика отъ тѣхъ соображеній, которыя привели составителей закона къ мысли о включеніи заточенія въ лѣстницу наказаній?

Замѣчанія по поводу несоотвѣтственнаго основнымъ идеямъ редакціонной комисіи примѣненія ею позорящихъ или непозорящихъ наказаній слѣдуетъ дополнить еще указаніемъ на 53 статью проекта, заключающую въ себѣ правила о назначеніи наказаній по совокупности.

По названной статьѣ при совокупности преступныхъ дѣяній примѣняется одно только тягчайшее изъ положенныхъ за отдѣльныя дѣянія наказаній, въ опредѣленныхъ случаяхъ съ увеличеніемъ мѣры его. При этомъ „заточеніе считается строже исправительнаго дома или тюрьмы, если срокъ его вдвое продолжительнѣе“; при тѣхъ же условіяхъ „арестъ считается *строже* заточенія или тюрьмы“.

На такихъ основаніяхъ воръ можетъ избѣжать тюрьмы, а въ

нѣкоторыхъ случаяхъ даже и исправительнаго дома, и будетъ приговоренъ къ „custodia honesta“, если „при свидѣтеляхъ, съ цѣлію произвести между ними соблазнъ“ будетъ поносить напр. св. икону (за что по 3 части 328 статьи проекта полагается заточеніе на срокъ не ниже 3 лѣтъ), или если поможетъ „доставленіемъ средствъ“ самоубійству товарища. Воръ и мошенникъ могутъ также избѣгнуть тюрьмы и подвергнуться долгосрочному аресту, котораго условія (ст. 18) совсѣмъ не свойственны ихъ положенію, если вмѣстѣ съ мелкимъ воровствомъ или мошенничествомъ будутъ изобличены въ цѣломъ рядѣ нарушеній, изъ которыхъ многія могутъ истекать также изъ самыхъ непохвальныхъ побужденій. Казалось бы, что приложеніи столь разнородныхъ по мысли составителей наказаній, какъ заточеніе и арестъ съ одной стороны и позорныя заключенія съ другой, послѣднія ни въ какомъ случаѣ не должны были бы полагаться первыми.

Редакціонной комисіи скорѣе слѣдовало развитъ положенія, заключающіяся по сему предмету въ германскомъ (§ 75) и венгерскомъ (§ 101) уложеніяхъ, чѣмъ устанавливать чисто внѣшнія мѣрки сравнительной тяжести наказаній, несоотвѣтствующія внутреннему ихъ характеру.

Проектъ уложенія отступилъ отъ большей части иностранныхъ образцовъ въ своихъ опредѣленіяхъ относительно тѣхъ правъ, лишеніе которыхъ должно слѣдовать за наказаніями преступныхъ дѣяній. Въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ онъ является сравнительно слишкомъ снисходительнымъ, въ другихъ—слишкомъ строгимъ.

Излишняя снисходительность проекта выражается въ сохраненіи имъ (ст. 22—26) почетныхъ званій—дворянства, почетнаго гражданства, чиновъ и знаковъ отличія за совершившими какія бы то ни было преступныя дѣянія, если за эти дѣянія полагаются наказанія не строже заключенія въ тюрьму. Воры и мошенники-рецидивисты, наказанные тюрьмою до 3-хъ разъ (статьи 490, 493, 497, 502), могутъ сохранять званіе дворянина, почетнаго гражданина, титулы превосходительства, сіятельства, продолжать считаться кавалерами, т. е. рыцарями, Императорскихъ орденовъ.

Это новостъ въ русскомъ правѣ, далеко не оправдываемая примѣромъ кодексовъ западно-европейскихъ. Такъ по венгерскому уложенію (§ 341) „наряду съ наказаніемъ лишеніемъ свободы винов-

ные въ кражѣ подвергаются лишенію правъ служебныхъ и временному лишенію правъ политическихъ“, а лишеніе правъ служебныхъ обнимаетъ между прочимъ (§ 55 п. 4) лишеніе „не передаваемыхъ по наслѣдству публичныхъ титуловъ, туземныхъ орденовъ и знаковъ отличій; права носить иностранные ордена и знаки отличія“.

Изящная строгость оказывается въ лишеніи (ст. 24) всѣхъ подвергшихся наказанію тюремю за дѣянія, предусмотрѣнные въ опредѣленныхъ главахъ уложенія права записываться въ гильдіи, т. е. производить торговлю въ извѣстномъ размѣрѣ. Такое лишеніе, какъ видно изъ свѣдѣній сообщенныхъ въ объясненіяхъ къ проекту (т. I стр. 209) совершенно чуждо большей части современныхъ кодексовъ.

Значительное отступленіе какъ отъ большей части современныхъ западно-европейскихъ кодексовъ, такъ и отъ основныхъ началъ древняго русскаго права, мы встрѣчаемъ въ исчисленіи условій квалифицирующихъ кражу. Между прочимъ и изъ объясненій къ проекту (т. VII страницы 211 и 297) видно, что древнему русскому праву вовсе не было извѣстно присвоеніе цѣнѣ похищеннаго имущества значенія элемента квалифицирующаго кражу, и что такое значеніе наше право стало давать этому элементу только подъ вліяніемъ германскаго; между тѣмъ рецидивъ кражи имѣлъ значеніе квалифицирующаго условія еще по Двинской и Псковской суднымъ грамотамъ. Нынѣ значительная часть западно-европейскихъ кодексовъ—уложенія французское, бельгійское, голландское, германское—непризнаютъ за цѣною украденнаго значенія квалифицирующаго кражу элемента, а нашъ проектъ сохраняетъ это значеніе, опредѣляя исправительный домъ вмѣсто тюрьмы за кражу на сумму превышающую 500 р. (см. статью 490, а равно статьи 483 и 497). 500 р., кстати, не есть такая сумма, которая бы составила цѣлое состояніе могущее для человѣка безнравственнаго перевѣсить страхъ наказанія и замѣнить причиненныя наказаніемъ лишенія. Установлена она случайно, въ параллель правиламъ гражданскаго судопроизводства (см. объясненія къ ст. 483 т. VI).

Между тѣмъ непризнаніе значенія квалифицирующаго элемента кражи за рецидивомъ до 4-й кражи (статьи 493 и 502) противорѣчить и дѣйствующему русскому праву, и древнему русскому праву, и современнымъ западно - европейскимъ кодек-

самъ. Такъ венгерское уложеніе признаетъ уже не проступкомъ, а преступленіемъ 3 кражу (§ 338), германское уложеніе грозитъ цухтаузомъ за вторую кражу (§ 244).

Нельзя не отмѣтить въ качествѣ отступленій отъ принятыхъ редакціонною комиссіей образцовъ самое дѣленіе (трехчленное) преступныхъ дѣяній на преступления, проступки и нарушенія соотвѣтственно назначаемымъ за нихъ наказаніямъ. Принявшіе это дѣленіе западно-европейскіе кодексы относятъ къ преступнымъ дѣяніемъ I разряда (Verbrechen)—у насъ къ преступленіямъ—дѣянія, за которыя опредѣляются не только наказанія, соотвѣтствующія нашей каторгѣ и поселенію, но и соотвѣтствующія исправительному дому: Zuchtthaus отъ 1 года по германскому уложенію (§ 1 и 14), Kerk отъ 6 мѣсяцевъ по венгерскому уложенію (§§ 20 и 24). Между тѣмъ по системѣ, принятой русскимъ проектомъ приходится такіа дѣянія какъ совершаемое шайкою (ст. 491), вооруженную кражу (ст. 492), разбой (ст. 495) и другія т. п. признавать не преступленіями, а только проступками.

А. Вороновъ.

О недостаткахъ организаціи каторги на о-вѣ Сахалинѣ ¹⁾.

Переходъ тюремнаго управленія въ вѣдомство министерства юстиціи обращаетъ ознакомленіе съ постановкой тюремнаго дѣла въ необходимость для юриста, тогда какъ раньше это, пожалуй, могло быть дѣломъ личнаго интереса.

Въ этомъ отношеніи едва-ли не наибольшій интересъ представляетъ изъ себя устройство малоизвѣстной и отдаленной каторги на о-вѣ Сахалинѣ.

Въ бытность мою судебнымъ слѣдователемъ Приморской области и о-ва Сахалина мнѣ пришлось нѣсколько ознакомиться съ устройствомъ тамъ каторги, о которой, съ точки зрѣнія судебного устройства, мнѣ уже пришлось сказать нѣсколько словъ въ 1895 г. въ ноябрьской книжкѣ Журнала Юридическаго Общества.

Теперь я хочу сказать нѣсколько словъ о томъ-же Сахалинѣ, не какъ юристъ, желающій введенія тамъ удовлетворительной формы суда, а какъ судья, желающій ознакомиться съ тѣмъ ору-

¹⁾ Печатаемая записка содержитъ въ себѣ свѣдѣнія, относящіяся еще къ тому времени, когда заведываніе тюрьмами не находилось въ рукахъ министерства юстиціи. *Прим. ред.*

діемъ, которое государство даетъ ему въ руки, поручая ему борьбу съ преступленіемъ.

Каторга и поселенія, вотъ орудіе, о которомъ я буду говорить.

Каторга наказываетъ преступника, но она-же должна готовить его возвращеніе къ правомѣрной борьбѣ за существованіе, адали отъ родины, но для ея-же пользы, т. е. должна готовить изъ него поселенца, на котораго уже возлагается отвѣтственная роль колонизатора края.

И такъ сначала о каторгѣ, а потомъ о поселеніяхъ.

Каторжные на Сахалинѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, раздѣляются, въ силу закона, на три группы: испытуемыхъ, исправляющихся и имѣющихъ право жительства внѣ тюрьмы. Во всѣхъ этихъ разрядахъ неизбѣжно долженъ пробывать всякій каторжный до перечисленія въ поселенцы. Сроки перехода изъ одного разряда въ другой опредѣлены закономъ, сообразно съ количествомъ лѣтъ работъ, на которое осужденъ каждый (299 и 305 ст. устава о ссыльныхъ.)

Прежде чѣмъ говорить о каторжныхъ первыхъ двухъ разрядахъ, долженствующихъ находиться въ тюрьмѣ, я долженъ сдѣлать оговорку, что буду говорить только о мужчинахъ, такъ какъ женщины съ самаго момента прибытія на островъ распределяются по квартирамъ на частныя работы. Въ общественныя работы онѣ не употребляются; тѣлесное наказаніе отмѣнено для нихъ въ 1893 году въ законодательномъ порядкѣ, а заключенію въ отдѣльные или общіе женскіе карцеры онѣ подвергаются чрезвычайно рѣдко въ видѣ дисциплинарной мѣры за наиболѣе важныя проступки.

Что касается до мужчинъ каторжныхъ, то всѣ они, по прибытіи на островъ, зачисляются въ разрядъ испытуемыхъ и должны содержаться въ кандалахъ въ особыхъ тюрьмахъ (303 ст. устава о ссыльныхъ.)

О пользѣ такого отдѣленія испытуемыхъ отъ исправляющихся говорить излишне, точно также какъ ясно, что самое раздѣленіе каторжныхъ на эти разряды бесполезно, если не будетъ строго выполняться предписаніе 303 ст. уст. о ссыльныхъ. Между тѣмъ правило это является мертвой буквой для всѣхъ, видѣнныхъ мною тюремъ. Въ одной лишь Александровской тюрьмѣ испытуемые содержатся въ особомъ зданіи, обнесенномъ особымъ заборомъ, но почему то вмѣстѣ съ ними содержатся и подслѣдственные ссыльные. Во всѣхъ другихъ тюрьмахъ порядки еще хуже: за недостаткомъ

помѣщенія кандалыныя содержатся въ одной казармѣ съ прочими, конечно, впрочемъ, въ отдѣльной запертой палатѣ. На самомъ дѣлѣ палата эта заперта только ночью, такъ какъ днемъ дверь въ нее ежеминутно отворяется, по требованію арестантовъ, и часто не затворяется по небрежности, или просто по малочисленности надзирателей. Дѣло въ томъ, что такъ называемая „парашка“ ставится въ камерѣ только ночью, днемъ-же арестанты ходятъ за нуждой на дворъ, причемъ каждый можетъ быть выпущенъ 2 раза въ день, утромъ и вечеромъ, для чего между всѣми установлена очередь. Порядокъ такой совершененъ только на бумагѣ, такъ какъ, помимо установленнаго для выпуска времени, арестанты ежеминутно, и нарочно не всѣ вдругъ, а по очереди, просятся выйти. Не выпускать, это легко сказать, но трудно сдѣлать: арестантъ подниметъ бунтъ, что при имѣющейся системѣ дисциплинарныхъ взысканій, о которой я скажу ниже, ставить администрацію тюрьмы въ невозможное положеніе. Приходится выпускать одного, другого; въ это время надзирателя зовутъ въ другую палату, а онъ одинъ на нѣсколько, надо идти туда, не успѣвъ запереть здѣсь. Все это приводитъ къ тому, что на повсемѣстное разгуливаніе кандалыныхъ смотреть спустя рукава, и хорошо еще, что кандалыная тюрьма въ Александровскомъ обнесена заборомъ, а въ другихъ такъ они могутъ разгуливать чуть не по селенію. Такимъ образомъ сглаживается различіе въ образѣ жизни испытуемыхъ и исправляющихся въ стѣнахъ тюрьмы, и, что еще неожиданнѣе, жизнь первыхъ оказывается часто легче.

Происходитъ это оттого, что за недостаткомъ конвоя, о которомъ я буду говорить ниже, испытуемые работаютъ гораздо меньше, чѣмъ исправляющіеся. Дѣло въ томъ, что по закону, для сопровожденія на работы кандалыныхъ полагается гораздо большее число конвоировъ, чѣмъ для исправляющихся. Не будучи въ состояніи дать даже сколько нибудь обезпечивающее охрану отъ побѣга число солдатъ, администрація избѣгаетъ работъ съ кандалыными. Въ Александровской тюрьмѣ, напримѣръ, кандалыные въ 4 часа утра отправляются въ каменноугольныя копи (между постомъ и Воеводской Падью, верстахъ въ пяти отъ тюрьмы), а въ 11 дня приходятъ назадъ, употребляя половину времени на дорогу. Исправляющіеся работаютъ въ копахъ вмѣстѣ съ первыми, да кромѣ того и остальную часть дня употребляютъ въ различныя работы (поправка, мощеніе, очистка улицъ и т. п., для чего испытуемые не

ж. юрид. общ. зн. п 1897 г. 5

берутся). Это въ посту Александровскомъ. Въ другихъ тюрьмахъ рудниковъ нѣтъ и арестанты употребляются въ работу по постройкѣ дорогъ, снабженію тюремъ дровами и т. п., т. е. большею частію вдали отъ тюремъ, такъ что лѣтомъ отправляются вдалѣ большими партіями и не возвращаются въ тюрьму по нѣскольکو недѣль. Въ такихъ тюрьмахъ кандалные и исправляющіеся работаютъ одинаково. Здѣсь кромѣ того чрезвычайно удобно и просто совершаются побѣги, такъ какъ конвой всегда гораздо малочисленнѣе установленнаго, и арестанты уходятъ свободно, запугавъ какого нибудь, часто одного, несчастнаго солдата, жестоко потомъ за это огнѣчающаго. Побѣгу не мѣшаютъ и кандалы. Если не всякій, то многіе арестанты легко ихъ снимаютъ, и я самъ видѣлъ, входя въ кандалную Александровской тюрьмы, какъ одинъ арестантъ надѣвалъ кандалы. Происходитъ это оттого, что кузнецы, заковывающіе въ кандалы, сами каторжные и умѣютъ обмануть начальство, несмотря на присмотръ во времяковки. Изъ сказаннаго видно, что въ разныхъ тюрьмахъ, арестанты, какъ постараюсь еще подтвердить дальше, находятся въ неравно тяжелыхъ условіяхъ. Въ Александровской, напримѣръ, тюрьмѣ, благодаря упомянутому неравномерному распредѣленію работъ, нѣкоторые изъ исправляющихся, наиболѣе лѣнныя, совершаютъ иногда нарочно легкій проступокъ, чтобы попасть въ кандалную. Кандалы, какъ сказано, ихъ не путаютъ. Нѣсколько больше они не любятъ бритья половины головы, которое отмѣнено для всѣхъ, кромѣ кандалныхъ. Это мѣшаетъ иногда бѣжать, такъ какъ съ полубритой головой легко быть пойманнымъ. Администрація каторги держится того мнѣнія, что надо брить всѣхъ, а то бѣжавшій не бритый исправляющійся, будучи пойманъ, выдаетъ себя за поселенца, съ чѣмъ трудно разобраться, если онъ не узнанъ. Однако и бритье головы такъ, какъ оно поставлено, ни къ чему не ведетъ. Брѣютъ одинъ разъ въ мѣсяцъ, такъ что къ концу мѣсяца голова настолько обростаетъ, что, если подстричь не бритую сторону, то никто не скажетъ, что человѣкъ былъ наполовину выбритъ. Побѣги изъ кандалной тюрьмы, даже Александровской, совершаются часто, партіями по 5—10 человѣкъ. При мнѣ въ Александровской кандалной содержалось около 40 по следственныхъ и все за побѣгъ; это только пойманные, а сколько же непойманныхъ.

Въ худшемъ положеніи въ кандалныхъ тюрьмахъ находятся прикованные, за тяжкія преступленія, къ тачкѣ, но и эта тяжесть

только кажущаяся. Во первыхъ, при мнѣ на всемъ Сахалинѣ было 8 тачечниковъ, въ Александровской и 2 въ Корсаковской тюрьмѣ. Во вторыхъ, это страшно только на бумагѣ, а не на дѣлѣ. Тачечники должны содержаться въ особомъ помѣщеніи, подъ особымъ надзоромъ и выпускаться за нуждой по одному и со стражей. Между тѣмъ, сколько разъ и въ какое время дня я ни бывалъ въ тюрьмѣ, я всегда видѣлъ ихъ разгуливающими по двору въ бесѣдѣ съ болѣе свободными товарищами и это при смотрителѣ тюрьмы. Какъ это случается, этого ужъ я не знаю. Кромѣ того цѣпи такъ длинны, что движеній совершенно не стѣсняютъ, да и, по мнѣнію самой администраціи, на ночь оковы легко снимаются. Заключаются тачечники въ камерѣ не по одному, а вмѣстѣ, и кромѣ того пользуются наравнѣ съ прочими арестантами тюремной библіотекой. Какъ я уже сказалъ всѣ каторжные, безъ различія разрядовъ, содержатся въ одинаковыхъ помѣщеніяхъ, получаютъ одинаковую пищу. Перебывавъ во всѣхъ тюрьмахъ и много разъ перепробовавъ арестантскую пищу, я прихожу къ заключенію, что бѣдному крестьянину изъ Россіи, никогда и не снятся такіа хоромы и такіе обѣды. Кормятъ два раза въ день; обѣдъ супъ съ мясомъ, а въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ—то съ мясомъ, то съ рыбой; утромъ похлебка безъ мяса. Провизія при мнѣ всегда была безукоризненно свѣжа. Хлѣбъ во всѣхъ тюрьмахъ такой, что почти всѣ идущія мимо Сахалина пассажирскія суда запасаются имъ такъ, чтобы хватило и на обратный рейсъ. Въ гигиеническомъ отношеніи всѣ казармы вполнѣ удовлетворительны. Всѣ высоки, много воздуха и свѣта, чисты, вентиляція и чистота воздуха не оставляютъ ничего желать. Въ Корсаковской тюрьмѣ заведенъ обычай имѣть и зиму и лѣто во всѣхъ казармахъ большое количество свѣжихъ елокъ, что придаетъ казармамъ веселый видъ и кромѣ того освѣжаетъ и даже дѣлаетъ пріятнымъ воздухъ.

Организація быта арестантовъ разряда исправляющихся отличается отъ быта испытуемыхъ во первыхъ еще большей свободой внутри тюрьмы и отсутствіемъ каждаго, налагаемого на нихъ только какъ дисциплинарное взысканіе. Въ тюрьмахъ, не обнесенныхъ заборомъ, какъ напримѣръ Дербинская, или обнесенныхъ такимъ ветхимъ и дырявымъ заборомъ, да еще при настежъ открытыхъ воротахъ, какъ это заведено въ громадной Рыковской тюрьмѣ, исправляющіеся имѣютъ почти полную свободу и легко могутъ не только отлучаться въ селеніе, но и совсѣмъ уходить.

Однажды, видя хожденіе арестантовъ взадъ и впередъ по двору, въ воротахъ и на улицѣ въ Рыковской тюрьмѣ, я спросилъ надзирателя, неужели на всѣ 6 корпусовъ, на 1500 арестантовъ онъ одинъ дежурный? Какъ это случилось, что онъ былъ одинъ, я не знаю, но только это оказалось такъ. Можетъ-ли онъ одинъ слѣдить за всѣми? Несомнѣнно, что успѣхъ побѣга при такомъ присмотрѣ обезпеченъ. На мои вопросы объ этомъ надзиратель отвѣтилъ, я помню, тогда: „Точно такъ, Ваше Высокоблагородіе, всѣ до одинаго могутъ уйти, за ними не услѣдишь!“ Отсюда видно, въ какія отношенія могутъ и должны становиться надзиратели къ арестантамъ во избѣжаніе отвѣтственности; они боятся арестантовъ, и всячески имъ потворствуютъ. Изъ моей личной практики я знаю много случаевъ, когда по приводѣ пойманнаго бѣглаго въ тюрьму, изъ которой онъ бѣжалъ, черезъ недѣли двѣ послѣ побѣга, онъ не былъ признаваемъ за бѣжавшаго,—арестантами, изъ нежеланія выдать товарища, а надзирателями изъ страха. Одинъ смотритель тюрьмы, выдавъ мнѣ однажды настоящее имя одного рецидивиста, назвавшагося бродягой, умолялъ меня не говорить никому, что имя преступника сообщилъ именно онъ, смотритель, что я и долженъ былъ исполнить.

Возвращаясь къ исправляющимся, упомяну о тюремныхъ мастерскихъ, гдѣ они большею частью работаютъ.

Мастерскія есть во всѣхъ тюрьмахъ, но не вездѣ онѣ одинаковыхъ размѣровъ. Въ нихъ работаютъ издѣлія, потребныя для тюремъ и вообще казенныхъ учреждений, а также исполняются въ извѣстномъ, опредѣленномъ размѣрѣ и частные заказы, часть заработка отъ исполненія которыхъ идетъ въ пользу рабочаго, а часть въ пользу тюрьмы.

Вообще мастерскія эти не особенно обширны, и находятся обыкновенно въ одномъ изъ корпусовъ тюрьмы, только въ п. Александровскомъ онѣ чрезвычайно благоустроены и составляютъ цѣлый маленькій городокъ на берегу рѣчки Александровки.

Пройдя разряды испытуемыхъ и исправляющихся, арестантъ получаетъ право жительства внѣ тюрьмы, причемъ въ этомъ состояніи онъ находится большую часть того срока каторжныхъ работъ, къ которому онъ присужденъ, такъ что время, проведенное въ перлыхъ двухъ разрядахъ, составляетъ лишь незначительную часть всего времени работъ (ср. ст. 299, 304 и 305 Уст. о ссыльн.) Имѣющіе право жительства внѣ тюрьмы работаютъ на равнѣ съ

прочими. Утромъ въ извѣстный часъ они должны являться на работу, а вечеромъ на повѣрку и на соединенное съ ней распределение по работамъ на завтра. Отлучки по пьянству и лѣни постоянны, и на нихъ смотрять спустя рукава, такъ какъ бороться съ этимъ администрація по малочисленности своей и несовершенству системы розысканій совершенно не можетъ. Результаты такого порядка вещей получаются весьма плохія. Во первыхъ тюрьма причаетъ каторжныхъ въ лѣни, такъ какъ работаютъ они вообще положительно слишкомъ мало. Наблюдая я убѣдился въ томъ, что на Сахалинѣ въ каторжныхъ работахъ находится не ссыльный, а солдатъ мѣстной команды. Онъ занятъ столько-же часовъ, сколько каторжный, по послѣдній занятъ осмысленной работой, а солдатъ долженъ безъ дѣла стоять съ ружьемъ въ рукахъ. Несомнѣнно, послѣднее не только утомительно, но и угнетающимъ образомъ дѣйствуетъ на психическое состояніе человѣка.

Кромѣ этой работы, въ то время, когда каторжный отдыхаетъ: солдатъ занятъ еще исполненіемъ своихъ прямыхъ обязанностей, ученіемъ, чисткой ружья и т. п. И такъ каторжный работаетъ мало, а увеличить время его работы нельзя, такъ какъ этого не выдержать солдатъ.

Исходъ возможенъ только при увеличеніи числа солдатъ, и увеличеніи громадномъ.

Благодаря несовершенству всего механизма управленія каторгой, часто приходится видѣть такіе факты, что арестантъ прямо отказывается идти на работу и остается въ тюрьмѣ, причемъ при настоящей системѣ наказаній, о которой ниже, его ни принудить, ни наказать надлежащимъ образомъ нельзя. Мнѣ часто приходилось видѣть, какъ, напримѣръ, арестанты грузять уголь на суда. Никакой смотритель, никакія просьбы и угрозы не могутъ заставить ихъ работать, какъ слѣдуетъ.

Они только дѣлаютъ видъ, что заняты, а дѣло не подвигается. То, что японцы, напримѣръ, при ручной разгрузкѣ дѣлаютъ въ часъ, каторжные съ паровымъ краномъ дѣлаютъ въ два. Стоитъ однако, только обѣщать имъ по чаркѣ водки, какъ этихъ-же людей не узнать; они могутъ работать и доказать это. Или еще, я помню, при мнѣ былъ такой случай въ Дуйской тюрьмѣ.

Какъ-то въ воскресенье, когда арестанты не обязаны вообще работать, понадобилась для какой-то пустой работы на 2-3 часа 25 человѣкъ. Смотритель тюрьмы просилъ кого-либо идти, но изъ

700—800 человекъ желающихъ не нашлось. Тогда была обѣщана лишняя лѣсная порція, на что польстилось ровно 4 человекъ, за то когда была обѣщана водка, то смотритель опять сталъ втупикъ, потому что почти всеоказались желающими работать. Эта страсть къ водкѣ развита у каторжныхъ до крайности и въ умѣнїи добывать ее они истинные виртуозы. Деньги для этого у нихъ водятся, откуда—это не всегда можно догадаться; во всякомъ случаѣ средствами къ добыванію послѣднихъ они не стѣсняются. Въ бытность мою въ Дуйской тюрьмѣ, тамъ, напримѣръ, было заведено выманиваніе денегъ у чиновниковъ; и когда одинъ изъ нихъ особенно осаждаемый, отказался наконецъ давать, то сталъ получать записки съ угрозами быть убитымъ, если не положить въ извѣстное мѣсто извѣстную сумму. Перепуганный офицеръ конвоя долгое время боялся выходить изъ дому.

Свою полную неспособность къ работѣ каторжные доказали въ 1892—93 гг., когда былъ сдѣланъ опытъ употребленія ихъ въ работы по постройкѣ уссурійской желѣзной дороги. Какъ рабочая сила, они цѣнились гораздо меньше китайцевъ и корейцевъ. Правда пища у нихъ здѣсь была хуже чѣмъ на Сахалинѣ и работы больше, но какъ мнѣ самому приходилось видѣть, пища была удовлетворительна, и работа не труднѣе той, которую выполняли китайцы и наши солдаты. Избалованные Сахалиномъ каторжные совершенно отказывались работать и бѣжали съ работъ десятками. Въ это время я былъ судебнымъ слѣдователемъ въ Хабаровкѣ, т. е. какъ разъ въ томъ участкѣ, черезъ который они бѣжали. Часто сталкиваясь съ этимъ народомъ, я убѣдился, что не тяжесть работы была причиной побѣговъ, хотя и составляла ихъ постоянную отговорку, а просто чрезмѣрная лѣнь и испорченность. Впрочемъ кромѣ лѣни эта страсть къ побѣгамъ и бродячеству имѣетъ и другую, болѣе глубокую психологическую причину. Какъ объяснить, напримѣръ, что человекъ, оканчивающій срокъ работъ черезъ 2-3 мѣсяца, пользующійся уже полной свободой на островѣ, не отягченный работой, накормленный, вдругъ бѣжить, зная напередъ, что онъ можетъ быть убитъ часовымъ, что въ большинствѣ случаевъ онъ бываетъ пойманъ, что, оставаясь на островѣ, онъ обреченъ на голодную смерть, что переплывая бурный проливъ, часто просто на доскахъ, онъ имѣетъ 90 шансовъ погибнуть, или благодаря теченію, попасть въ Японію, гдѣ его выдуть, зная, говорю я, что почти ни одинъ побѣгъ не оканчивается

благополучнымъ возвращеніемъ на родину, а кончается заключеніемъ въ тюрьму, куда онъ часто добровольно приходитъ съ первымъ морозомъ. Не родина влечетъ его, не желаніе свободы, которой онъ часто достаточно пользуется и не тяжесть работы, такъ какъ онъ знаетъ, что на волѣ ему будетъ гораздо тяжелѣе, а при возвращеніи онъ снова будетъ обращенъ въ каторжные работы за побѣгъ, а просто здѣсь играетъ роль какая-то психическая ненормальность.

Мнѣ уже пришлось говорить въ вышеупомянутой замѣткѣ моей о Сахалинѣ о нѣкомъ Харитовѣ, который 12 лѣтъ сидитъ въ Александровской тюрьмѣ подѣ слѣдствіемъ.

Въ этотъ промежутокъ времени онъ совершилъ 7 или 8 побѣговъ, часто страдалъ, по собственному разсказу, въ тайгѣ отъ голода, жажды и комаровъ и каждый разъ рисковалъ быть убитымъ, однако, онъ мнѣ заявилъ, что скоро снова намѣренъ убѣжать, и администрація тюрьмы выражаетъ увѣренность, что онъ дѣйствительно убѣжитъ. Еще неизбѣжная черта тюрьмы, это развратъ между арестантами, благодаря отсутствію женщинъ. Въ каждой почти камерѣ имѣется мальчишка 18-20 лѣтъ, дѣятельность котораго часто можно безошибочно угадать по самому его внѣшнему виду.

Кромѣ всего этого во время пребыванія на Сахалинѣ у меня составилось убѣжденіе въ полномъ отсутствіи хотя сколько-нибудь соотвѣтствующей дисциплины между каторжными, а также въ томъ, что администрація не имѣетъ средствъ и возможности довести эту дисциплину до надлежащей высоты.

Въ рукахъ администраціи имѣется три средства къ поддержанію дисциплины: розги, кандалы и карцеръ. Всѣ эти три мѣры, какъ это покажу ниже, совершенно не дѣйствительны.

Въ самой системѣ наказаній за проступки и преступленія имѣются данныя, ведущія къ деморализаціи каторги. Такъ: замелкіе проступки противъ дисциплины наказаніе полагается властью смотрителя тюрьмы, и исполняются тотчасъ; на такое взысканіе поздняя жалоба можетъ быть принесена послѣ полученія наказанія, что, натурально почти никогда не случается. За болѣе крупныя проступки и за мелкія преступленія арестанты подлежатъ суду полиціи, приговоры которой идутъ на утвержденіе начальника острова. Единственное дѣйствительное наказаніе, есть наказаніе тѣлесное: розги (которыя употребляются рѣдко) и плети, къ которымъ полиція и при-

суждаетъ провинившагося. Предположимъ теперь, что начальникъ острова, будучи въ принципѣ противъ тѣлеснаго наказанія, никогда приговоровъ къ плетямъ не утверждаетъ, замѣняя ихъ содержаніемъ въ карцерѣ, или чѣмъ либо подобнымъ. Будетъ ли такое наказаніе дѣйствительнымъ, если плети на Сахалинѣ есть, а карцеровъ нѣтъ. Кажется, что не будетъ, а создается такое положеніе, что, если арестантъ оказалъ неповиновеніе смотрителю, за которое имѣетъ быть высѣченъ безпрекословно, то ему выгоднѣе еще и оскорбить его словами, чтобы быть судимымъ полиціей.

Упомянутыя три мѣры, имѣющіяся въ рукахъ смотрителя для поддержки дисциплины, какъ я сказалъ, всѣ не дѣйствительны. О кандалахъ я уже говорилъ выше. Иногда арестанты сами стараются попасть въ кандалную, гдѣ работа легче. Темный карцеръ и хлѣбъ и вода на бумагѣ является мѣрой безусловно прекрасной, на самомъ-же дѣлѣ это не такъ. Карцеровъ во всѣхъ тюрьмахъ вообще очень мало. Больше всего въ Александровской тюрьмѣ, но и то ихъ всего 6—8 на 2000 человѣкъ. Въ закрытомъ учебномъ заведеніи, гдѣ я воспитывался, было ихъ 3 на 120 человѣкъ и они были всегда почти заняты, тогда какъ въ Александровской тюрьмѣ они пусты часто, а въ другихъ тюрьмахъ всегда. Въ самомъ дѣлѣ, если за неимѣніемъ карцеровъ, нельзя наказывать тотчасъ, каждого и за каждый проступокъ, то карцеръ теряетъ свой смыслъ, почему имъ пользуются весьма мало. И это въ главной, новой Александровской тюрьмѣ. Въ другихъ карцеровъ еще меньше, да притомъ они всегда почему-то такъ ветхи, что смотрители не садятъ въ нихъ арестантовъ изъ боязни побѣговъ. Въ Дербинской тюрьмѣ, напримѣръ, хотя арестантскія казармы новыя и крѣпкія, карцеровъ совсѣмъ нѣтъ, такъ что при мнѣ три поселенца, арестованныхъ за убійство, сидѣли съ двумя оштрафованными каторжниками, въ ветхой полуразвалившейся избенкѣ. Въ Дуэ смотритель совсѣмъ отклонилъ меня отъ посѣщенія одного совершенно обветшалаго зданія, говоря что туда никого никогда не сажаютъ; оказалось, что въ этомъ зданіи находятся карцеры. Въ Карсаковскомъ посту положеніе совершенно аналогичное съ Дуэ.

Остается, слѣдовательно, одно наказаніе—розги. Но это наказаніе считается столь жестокимъ, что налагается весьма рѣдко, что совершенно справедливо, такъ какъ злоупотреблять такимъ

наказаніемъ ужъ никакъ не приходится. Если-бы начать пользоваться этимъ, единственно дѣйствительнымъ, наказаніемъ, котораго каторжные боятся, во всѣхъ случаяхъ, когда послѣднихъ приходится наказывать, то смотритель сталъ-бы въ такихъ отношеніяхъ къ каторгѣ, что не остался бы живъ и двухъ дней; да и самое это наказаніе, какъ по существу своему, такъ и потому, что применялось-бы однообразно въ многоразличныхъ случаяхъ, дѣйствовало-бы деморализирующимъ образомъ. Что касается до наказаній за преступленія больше тяжкія, то таковыя налагаются на ссыльныхъ острова въ общемъ порядкѣ производства Приморскимъ окружнымъ судомъ въ г. Хабаровскѣ. Благодаря абсолютному несовершенству этого порядка судъ поставленъ въ полную невозможность правильно судить о событіяхъ, совершившихся за 1000 верстъ въ условіяхъ суду совершенно незнакомыхъ. Но объ этомъ мною говорено въ предыдущей замѣткѣ. Кромѣ этихъ несовершенствъ организаціи тюремнаго заключенія на каторжныхъ работахъ существуетъ еще и другое, не менѣе важное, заключающееся въ совмѣстномъ содержаніи каторжныхъ независимо отъ характера совершенныхъ ими преступленій.

Въ вышеупомянутой первой моей замѣткѣ о Сахалинѣ я высказалъ мое убѣжденіе о томъ, какое огромное, поглощающее значеніе имѣетъ для заключеннаго въ тюрьму преступника, среда. Я думаю, что на Сахалинѣ это значеніе важнѣе чѣмъ гдѣ-либо, въ виду состава преступниковъ, часто туда попадающихъ за такія преступленія, которыя предполагаютъ въ немъ нѣкоторыя уклоненія отъ психически нормальнаго типа. Трудно, конечно, въ бѣглой замѣткѣ назвать подробно тѣ критеріи, которые можно положить въ основаніе раздѣленія каторжныхъ на группы, изъ которыхъ каждая должна содержаться отдѣльно. Однако, возрастъ, напримѣръ, въ этомъ отношеніи долженъ быть принятъ во вниманіе на первомъ планѣ; точно также какъ нельзя содержать фальшивыхъ монетчиковъ, государственныхъ преступниковъ, сосланныхъ за нарушение воинскихъ обязанностей—съ одной стороны вмѣстѣ съ осужденными за изнасилованіе, съ нанесеніемъ безцѣльныхъ тѣлесныхъ поврежденій, истязателями и рецидивистами-убійцами—съ другой,

Въ виду всего сказаннаго тюрьма не наказываетъ, а портитъ заключеннаго.

Развращенные до мозяга костей, излѣнившіеся, пьяницы, ссыльно-

каторжные оканчиваютъ рано или поздно свой срокъ, и перечисляются въ разрядъ поселенцевъ острова, или материка. Это люди, которыхъ мы призываемъ поддерживать и расширять культуру молодого края, что не подь силу не только такимъ людямъ, но и лучшимъ изъ русскихъ тружениковъ-крестьянъ. Каждый изъ этихъ земледѣльцевъ живетъ чѣмъ попало изо дня въ день, лишь-бы не работать. Меньшая часть всѣхъ перечисленныхъ въ ссыльные поселенцы садится на землю, хотя всѣ обязаны приписаться къ тому или другому селенію. Большинство приписавшихся беретъ „билетъ для отлучки ссыльно поселенцевъ на работы“, т. е. билетъ, дающій право бродяжить и ничего не дѣлать, живя на авось. Поскитавшись безъ работы, такой поселенецъ начинаетъ заниматься легкими способами добыванія денегъ: воровствомъ, мошенничествомъ и. т. п. Конечно, рано или поздно попадется, и, если надѣлалъ уже много, то выдаетъ себя за бродягу, что болѣе выгодно. Люди эти составляютъ язву края и тормозятъ развитіе благосостоянія переселенцевъ, внося въ ихъ среду свою развращенность. Меньшая часть поселенцевъ садится на землю, получаетъ отъ казны обзаведеніе, строить избу, посмотреть на отведенную ему тайгу и вида, что надо много труда, чтобы ее расчистить, скоро бросаетъ начатое хозяйство. Тогда начинается жизнь на авось, сегодня пристанодержательство для бѣглыхъ, завтра извозъ, послѣ завтра снабженіе каторги водкой, а въ концѣ концовъ всетаки „билетъ для отлучки на работы.“ Этому еще особенно благопріятствуетъ то, что участокъ и изба дается на двоихъ, такъ какъ дѣйствительно одному справиться трудно. За то если одинъ „половинщикъ“ возьмъ „билетъ для отлучки“, то другой возьмъ его по неволѣ.

Бѣда въ томъ, что крестьянское хозяйство безъ женщины не мыслимо, а на Сахалинѣ женщинъ мало, да и то по причинѣ, о которой сейчасъ будетъ сказано, является скорѣе помѣхой, чѣмъ помощью поселенца.

Для избѣжанія разврата принято прибывающихъ на Сахалинъ каторжныхъ женщинъ тотчасъ выдавать замужъ (безъ вѣнчанія) за поселенцевъ, причемъ послѣдніе выбираютъ себѣ по вкусу женщину, часто не имѣющую ни малѣйшей охоты выйти именно за этого поселенца. Кончается тѣмъ, что чрезъ извѣстный промежутокъ времени она выбираетъ себѣ любовника по вкусу, переходитъ жить къ нему и часто вноситъ извѣстный порядокъ въ его хозяйство. Тогда начинаются просьбы мужа вернуть ему жену, съ ол-

ной стороны, и прошенія жены и ея любовника оставить ихъ въ покоѣ, не разорять ихъ хорошо идущаго хозяйства и. т. д.—съ другой стороны. Администрація становится втупикъ: съ одной стороны, права мужа, санкціонированныя ею самой, съ другой—польза правильнаго хозяйства. Въ это время ссора, насиліе и даже убійство между заинтересованными сторонами.

Такимъ образомъ порядочное хозяйство поселенца является на островѣ исключеніемъ. Малая и лучшая часть этихъ хлѣбопашцевъ благополучно кончаетъ срокъ поселенія и перечисляется въ крестьяне, что, собственно, ничего не измѣняетъ, кромѣ подсудности. Да и тутъ нѣкоторые стараются избѣжать земледѣлія и причисляются въ мѣщане, благо здѣшнія мѣщанскія общества не очень разборчивы на пріемъ, а въ особенности Владивостокское.

А между тѣмъ есть налицо доказательство того, что если найдется человѣкъ порядочный, или покрайней мѣрѣ энергичный, то онъ можетъ заниматься успѣшно на Сахалинѣ и торговлей, и ремеслами, и промышленностью, и земледѣліемъ.

Ландсбергъ, начавъ съ копѣекъ и ведя дѣло честно, нажилъ теперь порядочное состояніе, имѣетъ лучшій магазинъ въ п. Александровскомъ и выписываетъ товары изъ за границы самъ, безъ посредства другихъ фирмъ, т. е., значить, имѣетъ довѣріе и кредитъ и за границей. Исаевъ, только что кончившій срокъ работъ, завелъ свой скотъ и теперь уже зарабатываетъ хорошія деньги, снабжая мясомъ Александровскую тюрьму (2000 ч.). Одинъ поселенецъ завелъ правильное и обширное хлѣбопашество и постав-ляетъ хлѣбъ въ казну, гдѣ его принимаютъ охотно, какъ болѣе дешевый и свѣжій, чѣмъ одесскій, а онъ имѣетъ громадный барышъ, потому, что можетъ брать цѣну, хотя и ниже русскихъ плюсъ перевозка, но все же большую. Турбинъ, бывшій фальшивый монетчикъ, снабжаетъ всѣхъ ювелирными издѣліями и имѣетъ прекрасный барышъ. Будагіанецъ зажиточный фотографъ.

Занимающіеся выдѣлкой сахалинской мебели, отличающейся прекрасными качествами матеріала, имѣющей сбытъ, даже въ Россіи, имѣютъ тоже хорошій заработокъ. Да мало-ли есть производствъ, въ которыхъ нуждаются въ сосѣднемъ краѣ, и которые могутъ быть источникомъ безбѣдной жизни. Дѣло только въ томъ; что каторга убиваетъ энергію, развращаетъ и изгнѣиваетъ.

Чтобы не быть голословнымъ приведу нѣкоторые цифровыя

данныя, извлеченныя мною изъ перепечатанныхъ въ одномъ сахалинскомъ изданіи официальныхъ источниковъ.

Въ 1893 году на Сахалинѣ было: 5340 каторжныхъ мужчинъ и 763 женщины; 6414 поселенцевъ мужчинъ и 750 женщинъ, крестьянъ-же изъ поселенцевъ всего лишь 980 мужчинъ и 227 женщинъ. То есть изъ 14474 ссыльныхъ лишь 1107 (крестьянъ) подали надежду стать полезными членами общества. На 12734 мужчины на островѣ приходилась 1740 женщинъ.

Изъ всего этого числа по 93 годъ вступившихъ въ бракъ на Сахалинѣ крестьянъ и поселенцевъ было лишь 354 мужчинъ. Кроме того состояло въ незаконномъ сожителствѣ для устройства хозяйства (выраженіе источника этихъ данныхъ) 854 женщины. Попутно интересно упомянуть, что въ 1893 г. дѣтей, вступившихъ въ школьный возрастъ было 1323, а учащихся въ школахъ 595 человекъ.

Изъ поселенцевъ вовсе не приступившихъ къ устройству хозяйства было 1642 (изъ 7164) и изъ нихъ выданы билеты для отлучки на материкъ 788 человекамъ. Что они будутъ дѣлать на материкѣ, если не хотѣли работать тамъ, гдѣ правительство даетъ и землю и помощь?

Всего на Сахалинѣ занималось сельскимъ хозяйствомъ 3587 семей. Изъ нихъ 148 совсѣмъ не имѣютъ даже домовъ. На всѣ эти хозяйства приходилось 4655 десятинъ обработанной земли, т. е. по $1\frac{3}{4}$ десятины на хозяйство. Изъ этого числа 2805 хозяйствъ имѣли менѣе одной обработанной десятины, т. е. вѣрнѣе совсѣмъ не работали, а это „менѣе одной десятины“ перепадаетъ на ихъ долю изъ нѣсколькихъ крупныхъ хозяйствъ. Лошадей на всѣ хозяйства было 1166; коровъ—1947. Между тѣмъ условія для веденія хозяйства совсѣмъ не такъ тяжелы, если только хозяйство поставлено на ноги. Я говорю про мѣстности наиболѣе благопріятныя въ климатическомъ отношеніи.

Въ Корсаковскомъ округѣ, на южномъ Сахалинѣ, вообще почвенныя и климатическія условія вполнѣ благопріятны для сельского хозяйства, отчасти благодаря теплomu теченію Анивскаго залива.

Климатъ средняго Сахалина чрезвычайно измѣнчивъ. Зимой до—40° Р., лѣтомъ я самъ испыталъ въ тайгѣ за Рыковскимъ +40° Р. Температура дня лѣтомъ тоже подвержена значительнымъ измѣненіямъ. Частые туманы, набѣгающіе нѣсколько разъ въ те-

ченіе одного дня, измѣняютъ температуру внезапно на 10—15°. Не смотря на это климатъ не можетъ назваться нездоровымъ: на него не жалуются мѣстные жители, и что замѣчательно, не было примѣровъ эпидемическихъ болѣзней, несмотря на сравнительно неблагоприятныя условія существованія такихъ огромныхъ тюремъ, какъ Александровская на 2000 человѣкъ. Эта извѣнчивость климата отражается здѣсь неблагоприятно и на урожаяхъ. Ночью уже въ концѣ іюля иногда бываютъ заморозки. Почва, однако, хороша, такъ что, при благоприятныхъ условіяхъ урожай тотъ-же, что и на южномъ Сахалинѣ, а при неблагоприятныхъ можетъ быть равенъ и нулю. Надо, при этомъ замѣтить, что внутренній Сахалинъ чрезвычайно гористъ, такъ что климатъ долинъ зависитъ отъ расположенія горъ, дающаго или не дающаго доступъ тѣмъ или другимъ воздушнымъ теченіямъ, находящимся въ связи съ холоднымъ теченіемъ Татарскаго пролива, такъ что мѣстности, лежащія въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ другъ отъ друга, могутъ находиться въ совершенно различныхъ климатическихъ условіяхъ; такъ, по крайней мѣрѣ, говорятъ люди, проводившіе тамъ много лѣтъ. Администрація острова при распредѣленіи мѣстъ поселеній считалась, вѣроятно, не столько съ условіями климатическими и почвенными, а скорѣе съ условіями близости къ центру и удобства сообщеній, т. е. удобства надзора.

Поэтому извилистая и плодородная долина р. Тымъ малозаселена, да и, вообще, мало изслѣдована, а между тѣмъ слѣдовало бы обратить на этотъ вопросъ болѣе вниманія, такъ какъ весьма вѣроятно, что на ея протяженіи найдутся мѣста, вполне удобныя для хлѣбопашества и скотоводства.

При существующемъ теперь распредѣленіи обрабатываемыхъ участковъ общій урожай, напримѣръ, пшеницы въ Александровскомъ округѣ въ 1893 г. былъ самъ четыре. Въ Корсаковскомъ же округѣ въ томъ-же году урожай пшеницы былъ самъ 6, а яровой ржи и ячменя и болѣе того.

Много природныхъ богатствъ острова остаются не тронутыми. Напримѣръ никакого вниманія не обращено на рыбную ловлю, а между тѣмъ количество рыбы (въ особенности лососевыхъ породъ) въ рѣкахъ Сахалина прямо баснословно. Пока поселенцы занимаются рыболовствомъ по найму лишь въ одномъ селеніи Маука, куда ихъ нанимаетъ владѣлецъ промысла русскій купецъ.

Очевидно, что неудачи земледѣльческихъ поселеній коренятся

не въ почвѣ и климатѣ, а въ недостаткахъ самихъ земледѣльцевъ, а ихъ подготавливаетъ тюрьма. Въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ на Сахалинѣ, она никогда не дастъ надлежащаго рабочаго элемента для земледѣльческихъ поселеній.

Все, что видѣно мною на Сахалинѣ и намѣчено здѣсь въ общихъ штрихахъ, приводитъ меня къ заключенію, что необходима реорганизація каторжныхъ работъ на островѣ, если только вообще этотъ институтъ можетъ считаться жизнеспособнымъ и цѣлесообразнымъ. Какимъ бы цѣлямъ ни удовлетворяло наказаніе, мы всегда можемъ и должны предъявлять къ нему одно требованіе, это—чтобы оно не портило преступника.

Предполагая, что тюрьма должна наказывать преступника, а обращеніе его къ обработкѣ земли по выпускѣ на поселеніе возвращаетъ его обществу, надо желать прежде всего чтобы тюрьма удовлетворяла слѣдующимъ условіямъ. Она должна приучать къ труду, ежедневному, правильному, равномерному, отъ котораго нельзя уклониться. Для этого трудъ этотъ долженъ вознаграждаться частію заработка тотчасъ, а не по истеченіи срока заключенія. На полученныя деньги арестантъ можетъ имѣть табакъ, чай, сахаръ. Трудъ его не будетъ безцѣльнымъ.

И лучше позволить тому, кто заслужилъ самъ, конечно, только на заработанныя деньги, пить чай и курить въ тюрьмѣ, чѣмъ отдать деньги по выходѣ изъ тюрьмы въ полное распоряженіе для пьянства и разврата. Затѣмъ въ тюрьмѣ должна существовать дисциплина, беспощадная и строгая. Для этого надо разработать и упорядочить систему наказаній за проступки, расширивъ примѣненіе нѣкоторыхъ, какъ карцеръ, и совершенно уничтоживъ другія, какъ прикованіе къ тачкѣ.

Все это невозможно безъ громаднаго увеличенія конвоя и штатовъ тюремъ.

(Замѣтимъ вскользь, что трудъ каторжныхъ при такихъ условіяхъ будетъ продуктивнѣе, на чемъ выиграетъ казна).

Пока въ этомъ отношеніи дѣло остается въ настоящемъ его положеніи, администрація находится въ рукахъ каторги, какъ корпораціи. Насколько сильна эта корпорація трудно повѣрить. Смотритель, начальникъ округа можетъ засѣчь до смерти отдѣльнаго каторжнаго, никто слова не скажетъ. Но, я думаю, не прожилъ-бы и недѣли такой начальникъ, который систематически сталъ-бы искоренять въ тюрьмахъ пьянство, отлучки съ работъ и т. п.

вещи, съ которыми корпорація сжилась и которыми она никогда не поступится.

Для успѣха поселеній необходимы женщины. Этотъ вопросъ разрѣшается труднѣе. Но почему-бы, напримѣръ, не обращать извѣстное количество переселенцевъ изъ Европейской Россіи на Сахалинъ, изслѣдовавъ, конечно, его предварительно въ агрономическомъ отношеніи, что до сихъ поръ не сдѣлано. Тогда естественный избытокъ женскаго населенія надъ мужскимъ могъ-бы отчасти восполнить недостатокъ, да и крестьяне были-бы хорошимъ примѣромъ для ссыльныхъ. И теперь существуютъ на Сахалинѣ свободныя поселенія, но ихъ мало. Конечно, поселенцы являются всегда нежелательными сосѣдями для свободныхъ колонистовъ, но всякая ссылка во всякомъ случаѣ предполагаетъ такое сосѣдство.

На поселеніе-же изъ тюрьмы должны выпускаться не всѣ, а лишь лучшіе работники, подавшіе полную надежду на исправленіе.

Кромѣ того необходимо увеличеніе школъ, такъ какъ на Сахалинѣ не часть, а всѣ рѣшительно дѣти, должны быть грамотны, такъ какъ въ грамотности я полагаю устоя для борьбы съ вреднымъ вліяніемъ окружающей среды.

Границы замѣтки не позволяютъ дѣлать болѣе точныхъ, подробныхъ выводовъ.

Я хотѣлъ только обратить вниманіе на то, что нежелательно оставленіе этого института *statu quo ante*.

В. Баралеескій.

Въ январьской книжкѣ журнала въ статьѣ В. В. Пржевальскаго „Проектъ уголовного уложенія и современная наука уголовного права“ вкрались слѣдующія двѣ опечатки:

Напечатано:

Слѣдуетъ:

На стр. 14, стр. 3—4 снизу

~~привычки~~

~~непривычки~~

На стр. 44, стр. 16 снизу

~~извѣстенъ~~

~~неизвѣстенъ~~

КОММИСИОНЕРЪ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ТИПОГРАФИИ

И. П. АНИСИМОВЪ

Въ С.-Петербургѣ и Москвѣ.

*Спеціальная продажа книгъ законовъ и другихъ изданій бывшаго
Кодификаціоннаго Отдѣла при Государственномъ Совѣтѣ, Уза-
коненій и распоряженій правительства и всѣхъ вообще изданій по
русской юридической литературѣ.*

Только что отпечатаны и поступили въ продажу:

Юридическій календарь на 1897 годъ, М. Острогорскаго. Ц. 1 р.
съ пересылкою 1 р. 25 к.

Абоимовъ Д. Настольная книга для нотариусовъ. Изд. 2-е исправл.
и дополн. С. 96 г. Ц. 2 р.

Алексѣевъ А. Русское государственное право. Конспектъ лекцій.
Изд. 3-е. М. 95 г. Ц. 2 р. 50 к.

Анисимовъ А. Календарь для волостныхъ старшинъ и волостныхъ
писарей на 1897 г. Цѣна въ переплетѣ 50 к.

Арефа Н. Положеніе и правила о земскихъ участковыхъ началь-
никахъ, городскихъ судьяхъ и волостномъ судѣ. По послѣд-
нимъ официальнымъ изданіямъ, съ дополненіями и измѣне-
ніями по продолженію 1895 г. и позднѣйшимъ узаконеніямъ,
съ цитатами, сенатскими и министерскими разъясненіями и
съ приложеніемъ положенія о земскихъ учрежденіяхъ (изд.
1892 г.) и другихъ дополнительныхъ узаконеній. 4-е испр.
и дополн. изданіе. 2 тома. С.П.Б. 97 г. Ц. 4 р.

Бертгольдтъ Г. Наслѣдство по закону (т. X ч. 1 ст. 1104—1161)
по кассационнымъ рѣшеніямъ Правительствующаго Сената.
Сборникъ рѣшеній гражданскаго кассационнаго департамента
за XXX лѣтъ. М. 97 г. Ц. 6 р.

Его же. Условныя завѣщательныя распоряженія и подназначеніе
наслѣдника (субституція). (Ст. 1011 т. X ч. 1 и примѣчаніе

къ ней). Сборникъ кассационныхъ рѣшеній Правительствующаго Сената. М. 97 г. Ц. 2 р.

Дружининъ Н. Юридическое положеніе крестьянъ. Изслѣдованіе, съ приложеніемъ статей: 1) Полноправныя сельскія общества и безправныя селенія; 2) Крестьянская женщина; 3) Вы и ты; 4) Наказаніе безъ суда; 5) Преобразованный волостной судъ и 6) Юридическая безпомощность крестьянъ. С.П.Б. 97 г. Ц. 2 р.

Залѣскій В. Власть и право. Философія объективнаго права. К. 97 г. Ц. 2 р.

Лоранъ Э. Д-ръ. Тюремный міръ (Типы и характеристики). Переводъ съ французскаго С. Шклявера. С.П.Б. 96. Ц. 1 р. 60 к.

Лыкошинъ А. Порядокъ постановленія приговоровъ въ военныхъ судахъ. С.П.Б. 96 г. Ц. 2 р. 50 к.

Носенко Д. Уставъ о векселяхъ (томъ XI ч. 2 св. зак. изд. 1893 г.) съ разъясненіями по рѣшеніямъ гражд. кассац. четвертаго д-товъ и общихъ собраній Правит. Сената. Изд. 5-е исправл. и дополн. М. 97 г. Ц. 1 р. 25 к.

Ниуренбергъ А. Уставъ путей сообщенія (св. зак. т. XII ч. 1) съ разъясненіями сената часть I: Сводъ учрежденій и уставовъ путей сообщенія—часть II: Приложенія—часть III. Правила для плаванія по внутреннимъ воднымъ путямъ. М. 97 г. Ц. 2 р. 50 к.

Отчетъ государственнаго контроля по исполненію государственной росписи и финансовыхъ смѣтъ за 1895 годъ съ объяснительною къ нему запискою. С.П.Б. 96 г. Ц. 2 р. 50 к.

Нечеринъ Я. Историческій обзоръ росписей государственныхъ доходовъ и расходовъ съ 1803 по 1843 годъ включительно. С.П.Б. 96 г. Ц. 1 р.

Нобѣдоносцевъ К. Выписки изъ полнаго собранія законовъ. Ц. 1 р. 50 к.

Его же. Курсъ гражданскаго права ч. I. Вотчинныя права; ч. II. Права семейственныя, наслѣдственныя и завѣщательныя; ч. III. Договоры и обязательства, съ указателемъ и приложеніемъ въ нимъ. С.П.Б. 96 г. Ц. 10 р.

Его же. Московскій сборникъ. Церковь и государство.—Судъ при-
сяжныхъ.—Народное просвѣщеніе.—Законъ.—Власть и на-
чальство и проч. Изд. 3-е. М. 96 г. Ц. 1 р. 25 к.

Сибѣжнскій В. Забѣтки о подготовительныхъ работахъ по введе-
нію казенной продажи питей. С.П.Б. 96 г. Ц. 65 к.

Тарасовъ Н. Очерки науки полицейскаго права. Пособіе для слу-
шанія лекцій и для приготавленія къ экзамену. М. 97 г. Ц.
4 р. 50 к.

Туръ Н. Австрійскій уставъ гражданскаго судопроизводства 1895 г.
въ сопоставленіи съ нашимъ уставомъ. С.П.Б. 96 г. Ц. 2 р.

Финкельштейнъ Н. Къ вопросу о сервитутахъ и разверстаніи уго-
дій. К. 96 г. Ц. 10 к.

Чагинъ С. Правила объ устройствѣ судебной части, о производствѣ
судебныхъ дѣлъ въ мѣстностяхъ, въ которыхъ введено по-
ложеніе о земскихъ участковыхъ начальникахъ и временныя
правила о волостномъ судѣ, съ разъясненіями министерствъ
юстиціи и внутреннихъ дѣлъ и рѣшеній Правит. Сената.
Изд. 2-е. С.П.Б. 97 г. Ц. 2 р.

Чичинадзе Д. Уставъ о пошлинахъ. Раздѣлъ II. О пошлинахъ съ
имуществъ, переходящихъ безмездными способами и крѣпо-
стныхъ. По офиц. изд. 1893 г., со включеніемъ статей по
прод. 1895 г., а также сенатскихъ и министерскихъ разъ-
ясненій. С.П.Б. 96 г. Ц. 75 к.

Шрамченко М. Уставъ строительный (Св. зак. т. XII ч. 1 изд.
1857 г.) измѣненный и дополненный узаконеніями обнародо-
ванными по 1 ноября 1896 г. съ разъясненіями Правитель-
ствующаго Сената и циркулярами министерства внутреннихъ
дѣлъ. Изд. 5-е. Испр. и дополн. С.П.Б. 97 г. Ц. 1 р. 50 к.

Книги высылаются чрезъ почту и конторы транспортвъ, за на-
личныя деньги и съ наложеннымъ платежомъ, за стоимость ихъ и
пересылку.

НОВЫЯ ИЗДАНИЯ ЮРИДИЧ. КНИЖН. МАГАЗИНА

Н. К. МАРТЫНОВА,

Коммисіонера государственной типографіи.

(С.Пб. Невскій, 50).

- Александренко В.** Русскіе дипломатическіе агенты въ Лондонѣ въ XVIII в. (матеріалы). 97. 2 р. 25 к.
- Арефа Н.** Положеніе и правила о земскихъ участковыхъ начальникахъ, городскихъ судьяхъ и волостномъ судѣ съ разъясн. и дополн. 2 тома. Изд. 4-е. 97. 4 р.
- Его же.** Сборникъ положеній и правилъ о наймѣ слугъ и рабочихъ. 96. 1 р.
- Барацъ С.** Задача вексельной реформы въ Россіи. 96. 1 р. 50 к.
- Бертгольдъ Г.** Наслѣдство по закону по кассационнымъ рѣшеніямъ. 97. 6 р.
- Его же.** Условныя завѣщательныя распоряженія и подназначеніе наслѣдника (субституція). Сборникъ кассад. рѣшеній. 97. 2 р.
- Залѣтскій В.** Власть и право. Философія объективнаго права. 97. 2 р.
- Игумновъ У.** Уставъ гражданскаго судопроизводства съ законод. мотивами и разъясн. сената, изд. 2-е, 2 тома, съ приложеніемъ временныхъ правилъ о примѣненіи суд. уставовъ къ губ. и областямъ Сибири и правилъ о введеніи въ дѣйствіе суд. уставовъ. 97. 7 р., въ перепл. 8 р.
- Кейсеръ Гуго.** Право на свое изображеніе. Пер. съ нѣм. 97. 50 к.
- Лыкошинъ А.** Порядокъ постановленія приговоровъ въ военныхъ судахъ. 96. 2 р. 50 к.
- Макшеевъ Н.** Общее положеніе о крестьянахъ. 95. 1 р. 25 к.
- Носенко Д.** Уставъ о векселяхъ, съ разъясн. Изд. 5-е. 97. 1 р. 25 к.
- Нюрнбергъ А.** Городовое положеніе съ разъясн. Изд. 3. 96. 1 р.
- Его же.** Уставъ путей сообщенія съ доп. и разъясн. 97. 2 р. 50 к.
- Петруланъ М.** Жѣнщина и ея судьба. 96. 80 к.
- Иечеринъ Я.** Историч. обзоръ росписей госуд. доходовъ и расходовъ съ 1803—1843 г.г. 96. 1 р.
- Розенфельдъ-Фрейбергъ.** Очерки по векс. праву (теоретич. основанія и обзорѣніе законодательствъ). 96. 2 р.

Саковичъ В. и Широковъ Н. Правила и формы смѣтнаго, кассоваго и ревизіон. порядка съ цирк. разъясн. и дополн. по 1 іюля 96 г. 4 р., въ перепл. 4 р. 60 к. (изданіе это объявлено въ цирк. по Госуд. Контролю 26 октября 96 г. № 47).

Систематическій сборникъ рѣшеній сената по вопросамъ объ отвѣтственности должностныхъ лицъ административнаго вѣдомства за преступленія должности. Сост. В. Тимофеевскій и С. Кузнецовъ. 96. 4 р.

Чагинъ С. Правила объ устройствѣ суд. части, о произв. суд. дѣлъ гдѣ земск. начал. и врем. прав. о вол. судѣ, съ дополн. и цирк. разъясн. Мин. Юст., Вн. Дѣлъ и Сената. Изд. 2. 97. 2 р., въ перепл. 2 р. 50 к.

Шрамченко М. Уставъ строительный, съ дополн. и разъясн., Изд. 5, 97. 1 р. 50 к., въ перепл. 2 р.

Подписчикамъ журнала Юрид. Общества 5% уступки.

Каталогъ магазина на 97 г. высылается бесплатно.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

Императорскаго Юрьевскаго Университета будутъ выходить въ неопредѣленные сроки, не менѣе 4 разъ въ теченіе года.

Ученныя Записки распадутся на

I) отдѣлъ офиціальный — и

II) отдѣлъ научный; въ послѣднемъ будутъ помѣщаемы:

А. мелкія статьи, предварительныя сообщенія, рецензіи, библиографическіе обзоры и т. п.

Б. крупныя работы, печатаемыя въ видѣ особыхъ приложений, съ особой пагинаціей каждое.

Подписка принимается Правленіемъ Императорскаго Юрьевскаго Университета.

Подписная цѣна 6 руб.

Редакторъ Е. Шмурло.

Годъ

въ 1897 году

третій

„ЖУРНАЛЪ МИНИСТЕРСТВА ЮСТИЦИИ“

будеть выходить ежемѣсячно, за исключеніемъ Іюля и Августа книгами въ объемѣ около 20 листовъ. Подписной годъ начинается съ Января 1897 г.

Программа Журнала заключается въ себѣ слѣдующіе отдѣлы:

- I. Узаконенія и распоряженія правительства.
- II. Приказы о движеніи по службѣ и наградахъ по вѣдомству Министерства Юстиціи.
- III. Циркулярныя распоряженія Министра Юстиціи.
- IV. Свѣдѣнія о занятіяхъ Высочайше учрежденной Коммисіи по пересмотру законоположеній по судебной части.
- V. Статьи по вопросамъ научной и практической юриспруденціи, преимущественно въ области судостроительства, уголовного права и судопроизводства, гражданскаго права и судопроизводства, торговаго права и судопроизводства, а также по межевому дѣлу.
- VI. Обзоръ выдающихся явленій изъ области судебной практики. Положенія, извлеченныя изъ рѣшеній Правительствующаго Сената.
- VII. Литературное обозрѣніе: а) критическіе отзывы о новыхъ книгахъ и брошюрахъ, русскихъ и иностранныхъ; б) текущій библиографическій указатель юридической литературы русской и иностранной.
- VIII. Обзоръ иностраннаго законодательства: подробныя свѣдѣнія о важнѣйшихъ новыхъ законахъ, распоряженіяхъ и законопроектахъ въ иностранныхъ государствахъ.
- IX. Историческіе матеріалы; разныя извѣстія.

Въ „Журналѣ Министерства Юстиціи“ 1894—1896 г.г. были напечатаны статьи и замѣтки слѣдующихъ авторовъ:—Н. И. Архангельскаго, Н. И. Барковскаго, А. П. Башилова, С. В. Безобразова, С. А. Бершадскаго, Д. Б. Бера, А. М. Бобринцева-Пушкина, Л. С. Бѣлецкаго, Е. В. Васильковскаго, Г. Л. Вербловскаго, К. В. Верховскаго, М. М. Винавера, Б. Ю. Витта, кн. В. А. Волконскаго, А. К. Вульфберта, Н. Н. Галкина-Враскаго, А. Г. Гасмана, М. Е. Гегадзе, В. М. Гессена, С. К. Гогеля, И. М. Гордона, Д. Д. Гримма, М. Θ. Громницкаго,

А. Г. Гусакова, В. В. Давыдова, В. П. Даневского, В. Θ. Дейтриха, Н. А. Дингельштедта, бар. Р. А. Дистерло, М. А. Дьяконова, Я. К. Есиповича, В. Р. Завадскаго, С. В. Завадскаго, А. И. Загоровскаго, И. П. Закревскаго, К. П. Змирлова, Н. И. Ивановскаго, Д. Д. Иванова, П. А. Ифлянда, А. И. Каминки, Н. П. Карабчевскаго, А. Θ. Кони, Н. М. Коркунова, П. П. Короновскаго, В. И. Курдиновскаго, А. А. Левенстима, А. О. Липскаго, А. В. Лихачева, В. И. Лихачева, Н. А. Логанова, М. А. Лозина-Лозинскаго, А. И. Лыкошина, И. Н. Мнѣлашевскаго, Р. Р. Минцлова, М. И. Мыша, А. Н. Нейперта, В. М. Нечаева, С. П. Никонова, Э. Э. Пирвида, А. Ф. Поворинскаго, К. З. Постовскаго, Н. Г. Принтца, Е. А. Пушкина, Н. М. Рейнке, А. К. фонъ-Резона, Н. Ф. Селиванова, В. И. Сергѣевича, Н. Д. Сергѣевскаго, В. К. Случевскаго, И. И. Соллертинскаго, В. Д. Спасовича, М. С. Студентскаго, А. Т. Тимановскаго, А. Г. Тимофѣева, С. Н. Трегубова, Н. А. Тура, Д. В. Тутевича, И. М. Тютрюмова, кн. Н. П. Ухтомскаго, И. Я. Фойницкаго, А. Г. Чайковскаго, Г. Ф. Шершеневича и др.

Подписная плата 8 рублей въ годъ съ доставкою и пересылкою. Отдѣльныя книги продаются: безъ приложеній по 1 рублю, съ приложеніями— по 2 рубля.

Должностныя лица при подпискѣ черезъ казначеевъ пользуются разсрочкою до 1 рубля въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ 8 мѣсяцевъ каждаго года.

Съ прочіе подписчики, при подпискѣ исключительно въ Главной Конторѣ, пользуются разсрочкою до 2 рублей въ мѣсяцъ съ тѣмъ, чтобы вся уплата была произведена въ теченіе первыхъ четырехъ мѣсяцевъ каждаго года.

Кандидаты на должности по судебному вѣдомству, а также студенты Императорскихъ Университетовъ и Демидовскаго Юридическаго Лицея, Воспитанники Императорскихъ: Училища Правовѣдѣнія и Александровскаго Лицея и слушатели Военно-Юридической Академіи платятъ по 5 рублей въ годъ.

Книжные магазины пользуются за приемъ подписки уступкою 10%.

Главная контора: Книжный складъ М. М. Стасюлевича, СПбургъ, Васильевскій островъ, 5 линія, д. 28.

Объявленія для напечатанія въ „Журналъ“ принимаются въ Главной Конторѣ съ платою по расчету 30 копѣекъ за строчку и 8 рублей за страницу.

Редакція Журнала Министерства Юстиціи находится въ С.-Петербургѣ, по Екатерининской улицѣ, въ зданіи Министерства Юстиціи.

Редакторъ В. Ф. Дерюжинскій.

РЕДАКЦІЯ ГАЗЕТЫ
„ЖИЗНЬ И ШКОЛА“
СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ
„ШКОЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, ЗАГОРОДНЫЙ ПРОСПЕКТЪ, № 34.

О ПОДПИСКѢ НА ОБЩЕСТВЕННО-ПЕДАГОГИЧЕСКУЮ
И ЛИТЕРАТУРНУЮ ЕЖЕНЕДѢЛЬНУЮ ГАЗЕТУ „ЖИЗНЬ
И ШКОЛА“ СЪ ПРИЛОЖЕН. „ШКОЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ“
(г. IX).

„Жизнь и Школа“ имѣетъ цѣлью служить органомъ объединенія
русскихъ учителей и интересамъ лицъ, стоящихъ близко къ дѣлу
образованія въ Россіи, и издается по слѣдующей программѣ:

- 1) Правительственныя узаконенія и распоряженія, касающіяся
образованія въ Россіи.
- 2) Научно-популярныя статьи (съ чертежами и рисунками).
- 3) Мелкіе повѣсти и рассказы (бытовые и историческіе), путе-
шествія, очерки и др. подоб. произведенія.
- 4) Статьи по педагогикѣ, дидактикѣ, методикѣ, училищевѣдѣ-
нію, школьной гигиенѣ. Очерки по народному образованію въ Рос-
сіи и на Западѣ.
- 5) Русская печать о школьномъ дѣлѣ. Мнѣнія и сужденія печати
по педагогическимъ вопросамъ.
- 6) Библиотечное дѣло въ Россіи и за границей. Организанія
общественныхъ и школьныхъ библіотекъ и др. образовательныхъ
учрежденій для народа.
- 7) Библіографія. Критика и рецензіи педагогическихъ сочине-
ній какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, разборъ учебниковъ и
пособій. Обозрѣніе періодическихъ изданій какъ общихъ, такъ и
спеціальныхъ: научныхъ, педагогическихъ и т. п.

8) Корреспонденція. Современное обозрѣніе воспитанія и обученія у насъ и за границей.

9) Политическія извѣстія и Новости русской жизни. Обозрѣніе выдающихся событій въ Россіи и др. государствахъ.

10) Смѣсь. Наблюденія и замѣтки изъ школьнаго міра. Педагогическія темы.

11) Справочный указатель. Справки и указанія по различнымъ практическимъ вопросамъ учебнаго дѣла и школьнаго быта.

12) Что намъ пишутъ. Письма и сообщенія въ редакцію.

13) Книжный листокъ. Свѣдѣнія о вновь вышедшихъ книгахъ и указатель статей, встрѣчающихся въ повременныхъ изданіяхъ и заслуживающихъ вниманія какъ учителей, такъ и вообще образованнаго читателя.

14) Почтовый ящикъ. Отвѣты редакціи.

15) Объявленія. Послѣднія печатаются на первой стр. по 50 к., на послѣдней по 10 к. Подписчики (годовые) печатають *бесплатно*.

При газетѣ издается, въ видѣ приложенія, особый сборникъ, подъ названіемъ „*Школьное Обозрѣніе*“, въ которомъ помѣщаются статьи, по объему, неудобныя для еженедѣльнаго изданія, а также портреты Августѣйшихъ Особъ и выдающихся дѣятелей въ сферѣ государственной дѣятельности, благотворительности и народнаго образованія.

Подписная цѣна съ доставкой и перес. 5 руб., за полгода 3 руб., и за три мѣсяца 2 руб., для начальныхъ школъ и учителей 4 руб., за границу 6 руб. за годъ.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ полные комплекты газеты за 1893 г. и 1894 можно получать за *два* руб., 1895 и 1896 по *три* руб. за годъ. Библіотеки и бесплатныя читальни пользуются особой уступкой. Подписчики, приобретающіе за всѣ годы, пользуются, сверхъ того, уступкой 50%.

Вышедшіе №№ „Школьнаго Обозрѣнія“ и „Жизнь и Школа“ текущаго года, по требованію, высылаются наложеннымъ платежемъ на счетъ конторы.

Подписка принимается въ главной Конторѣ: „ЖИЗНЬ И ШКОЛА“:
С.-Петербургъ, Загородный пр., 34.

Редакторъ-Издатель *М. Е. Виноградовъ*.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1897 годъ.

На издающуюся въ г. Казани **БОЛЬШУЮ ЕЖЕДНЕВНУЮ** общественную, литературную, политическую и торгово-промышленную газету

„КАМСКО-ВОЛЖСКІЙ КРАЙ“.

Самая подробная разработка текущихъ вопросовъ общественной жизни мѣстнаго края и возможно полное отраженіе его дѣйствительныхъ нуждъ и интересовъ ставятся основной задачей изданія.

Для достиженія намѣченной цѣли „КАМСКО-ВОЛЖСКІЙ КРАЙ“ будетъ неуклонно стремиться къ изученію жизни Поволжья и Востока Россіи въ историческомъ, культурномъ, экономическомъ, бытовомъ, промышленномъ и торговомъ отношеніяхъ, озаботившись привлеченіемъ для этого сотрудниковъ изъ среды лицъ, хорошо знакомыхъ съ дѣломъ областной прессы.

Имѣются собственные корреспонденты во всѣхъ главнѣйшихъ пунктахъ края.

Въ поясненіе нѣкоторыхъ статей и событій общественной жизни будутъ помѣщаться время отъ времени иллюстраціи въ текстъ газеты.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА:

Для городскихъ подписчиковъ.		Для иногородн. подписч.
Безъ доставки.	Съ доставкой.	
На годъ . . . 6 р. — —	7 р. — —	На годъ 9 р. — —
На полгода . 3 р. — —	4 р. — —	На полгода . . 5 р. — —
На 3 мѣсяца 1 р. 75 к.	2 р. 25 к.	На 3 мѣсяца . 2 р. 75 к.
На 1 мѣсяць — — 60 к.	— — 75 к.	На 1 мѣсяць . 1 р. — —

Для годовыхъ подписчиковъ допускается разсрочка платежа подписныхъ денегъ.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ въ Главной Конторѣ Редакціи (Казань, Воскресенская, Пассаждъ № 22. Телефонъ редакціи № 366).

Иногородніе адресуютъ: *Казань, редакція „КАМСКО-ВОЛЖСКАГО КРАЯ“.*

За редактора профессоръ *Н. П. Заюскинъ.*

Вышла въ свѣтъ 35-ая книга (ноябрь-декабрь) журнала

„ВОПРОСЫ ФИЛОСОФІИ И ПСИХОЛОГІИ“, издаваемого Московскимъ Психологическимъ Обществомъ.

СОДЕРЖАНИЕ: *Н. Я. Гротъ*. О жизни и личности Декарта.—*В. П. Сербскій*. Преступные и честные люди.—*А. А. Токарскій*. О глупости.—*Вл. С. Соловьевъ*. Нравственная организація человѣчества.—*Км. С. Н. Трубецкой*. Основанія идеализма.—*В. П. Сербскій*. 4-ый международный конгрессъ криминальной антропологіи въ Женевѣ.—*В. К. Ротъ*. Нейрастенія и лѣнь.—*С. Н. Булаковъ*. О законмѣрности социальныхъ явленій.—*А. А. Токарскій*. 3-й международный психологическій конгрессъ въ Мюнхенѣ.—*Полемика*. 1) *О. В. Леонова и С. А. Сузановъ*: По поводу теоріи нейроновъ; 2) *В. Θ. Саяодникъ*. По поводу диссертациі г. Челпанова. *Критика и библиографія*.—*Психологическое Общество*.—*Извѣстія и замѣтки*.—*А. А. Токарскій*. Записки психологической лабораторіи.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1897 годъ

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: на годъ безъ доставки—6 р., съ доставкой въ Москвѣ—6 р. 50 к., съ пересылкой въ другіе города—7 р., за границу—8 р.

Учащіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и студенты университетовъ пользуются скидкой въ 2 р. Подписка на льготныхъ условіяхъ и льготная выписка старыхъ годовъ журнала принимается только въ конторѣ редакціи.

Подписка, кромѣ книжныхъ магазиновъ „Новаго Времени“ (С.-Пб., Москва, Одесса и Харьковъ), Карбасникова (С.-Пб., Москва, Варшава), Вольфа (С.-Пб. и Москва), Оглоблина (Кіевъ), Башманова (Казань) и другихъ, принимается въ конторѣ журнала: Москва, Большая Никитская, д. 2—24 (въ помѣщеніи журнала „Русская Мысль“).

Предсѣдатель Психологическаго Общества
Н. Я. Гротъ.

Редакторы: } **Л. М. Лопатинъ.**
 } **В. П. Преображенскій.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

„С.-ПЕТЕРБУРГСКІЯ ВѢДОМОСТИ“

въ 1897 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	Безъ казенныхъ прибавленій.			Съ казен. прибав.	
	на годъ	6 мѣс.	3 мѣс.	1 мѣс.	на годъ 6 мѣс.
Съ достав. по гор. почтѣ	16 р.—к.	9 р.—к.	4 р.50к.	1 р.80к.	18 р.—к. 10 р.—к.
Съ пересыл. иногород.	17 „—„	10 „—„	5 „50 „	2 „—„	19 „—„ 11 „—„
За границу	26 „—„	14 „—„	8 „—„	3 „—„	28 „—„ 16 „—„

Подписка на газету съ казенными прибавленіями принимается только на годовой и полугодовой срокъ. Въ розничную продажу казенныя прибавленія не поступаютъ.

Подписка принимается: въ С.-Петербургѣ, въ главной конторѣ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“, Шпалерная, 26, и въ книжномъ магазинѣ Мелье (Невскій пр., № 20); въ Москвѣ, въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, № 61.

Иногородные адресуютъ: С.-Петербургъ, Шпалерная, 26.

Редакторъ-издатель Князь Э. Э. Ухтомскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ
НА ИЗДАЮЩУЮСЯ ВЪ РОСТОВѢ НА ДОНУ
ЕЖЕДНЕВНУЮ ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ЛИТЕРАТУРНУЮ И ЭКОНОМИЧЕСКУЮ ГАЗЕТУ

„ПРИАЗОВСКІЙ КРАЙ“

VII годъ изданія.

На основаніи и въ предѣлахъ разрѣшенной правительствомъ программы, содержаніе газеты раздѣляется на слѣдующіе отдѣлы:

I. Дѣйствія правительства. II. Телеграммы „Россійскаго Телеграфнаго Агентства“, и собственныхъ корреспондентовъ. III. Спеціальныя телеграммы, курсовыя и фондовыя с.-петербургской биржи. IV. Руководящія статьи по внутреннимъ вопросамъ. V. Политическое обозрѣніе. VI. Иностранныя извѣстія. VII. Заграничная жизнь. VIII. О чемъ пишутъ. IX. Злобы дня. X. Общая хроника. XI. Летучіе листки. XII. Мѣстная хроника и изъ отдѣленій. XIII. Арабески (Таганрогъ). XIV. Пестрыя замѣтки (Новочеркасскъ). XV. Кубанскія письма (Екатеринодаръ). XVI. Письма изъ Мариуполя. XVII. Театръ и музыка. XVIII. Маленькій фельетонъ. XIX. Изъ залы суда. XX. Наука, искусство и литература. XXI. Библиографія. XXII. Корреспонденціи. XXIII. По Россіи. XXIV. Сибѣрь. XXV. Фельетонъ литературный, научный, беллетристическій и др. XXVI. Торговля свѣдѣнія. Биржа. XXVII. Справочный отдѣлъ. XXVIII. Объявленія и рекламы.

Въ „Приазовскомъ Краѣ“ помѣщаются портреты и рисунки, имѣющіе отношеніе къ текущимъ выдающимся событіямъ.

Условія подписки въ Россіи:

СЪ ДОСТАВКОЙ и ПЕРЕСЫЛКОЙ город. и иногородн. подписчик.

На годъ—9 р.; на 11 м.—8 р. 50 к.; на 10 м.—8 р.; на 9 м.—7 р. 25 к.; на 8 м.—6 р. 50 к.; на 7 м.—5 р. 75 к.; на 6 м.—5 р.; на 5 м.—4 р. 25 к.; на 4 м.—3 р. 50 к.; на 3 м.—2 р. 75 к.; на 2 м.—2 р.; на 1 м. 1 р.

БЕЗЪ ДОСТАВКИ для городскихъ подписчиковъ.

На годъ—8 р.; на 11 м.—7 р. 50 к.; на 10 м.—7 р.; на 9 м.—6 р. 50 к.; на 8 м.—6 р.; на 7 м.—5 р. 25 к.; на 6 м.—4 р. 50 к.; на 5 м.—3 р. 75 к.; на 4 м.—3 р.; на 3 м.—2 р. 25 к.; на 2 м.—1 р. 50 к.; на 1 м.—80 к.

За пересылку газеты за-границу взимается, сверхъ подписной цѣны, 60 коп. въ мѣсяцъ. За переѣзду адреса платится 50 коп.

Подписка принимается исключительно съ каждаго 1-го числа.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

въ Ростовѣ на Донѣ—въ главной конторѣ газеты „Приазовскій Край“.

ВЪ ОТДѢЛЕНІЯХЪ КОНТОРЫ:

Въ Таганрогѣ—у А. Б. Тараховскаго и П. Ф. Каменева, типо-литографія по Итальянск. пер., № 19. Новочеркасскъ—у Н. В. Туркина, Комитетская ул. Екатеринодаръ—въ Кубанской книжной торговлѣ П. Т. Галладзіянца. Мариуполь—у П. Н. Фалькевича. Ейскъ—у Ф. С. Кудева. Новоросскъ—у Э. А. Маринаки. Азовъ—у В. В. Золотарева. Луганскъ—у П. Е. Кочетова. Александровск-Грушевскъ—у В. М. Файвишевича, типографія. Пятигорскъ—у А. М. Мануилова, типографія. Грозный—у Е. П. Садовникова. Бахмутъ—у И. Р. Гринкева. Армавиръ—у Р. Ф. Уманцева, ст. Каменской—у В. И. Волокитина, типографія. ст. Константиновской, обл. в. Д.—у М. И. Кучерова.

Редакторъ-Издатель С. Х. Арутюновъ.

ВѢСТНИКЪ

ОБЩЕСТВЕННОЙ ГИГИЕНЫ, СУДЕБНОЙ И ПРАКТИЧЕСКОЙ МЕДИЦИНЫ.

Выходитъ ежемѣсячно книжками около 15 листовъ каждая.

Подписная цѣна: для врачей, состоящихъ на службѣ, государственной, земской и частной, и женщинъ врачей—6 р.; для не служащихъ врачей и лицъ неврачебнаго сословія—7 руб.

Допускается рассрочка: 2 (или 3) руб. при подпискѣ, 2 руб. не позже 1 апрѣля и 2 руб. не позже 1 іюля.

Подписчики на журналъ могутъ получать, безъ уплаты за пересылку, изданія редакціи:

I томъ „Справочной книги для врачей“.

I. Обзоръ гражданскихъ врачебныхъ законовъ Россійской Имперіи. С. М. Ершова.—II. Основныя правила составленія судебно-медицинскихъ актовъ о вскрытіяхъ мертвыхъ тѣлъ. Д. П. Косоротова.—III. Опытъ разработки результатовъ регистраціи врачей Россіи. В. И. Гребенщикова.—IV. Справочныя свѣдѣнія по русскимъ минеральнымъ водамъ, грязямъ, морскимъ купаньямъ и климатолечебнымъ станціямъ. А. Г. Кулябко-Корецкаго.—Прибавленіе. Кумысъ и кумысолечебныя заведенія. К. К. Толстого.—V. Общедоступныя гигиеническіе способы изслѣдованія. П. О. Смоленскаго.—VI. Сифилисъ въ санитарномъ отношеніи. К. Л. Штурмера.—Библиографическій указатель иностранной и русской литературы по сифилидологіи за 1886—1890 г.

Цѣна книги (около 40 листовъ большаго формата) 2 рубля.

II томъ „Справочной книги для врачей“.

I. Обзоръ санитарнаго законодательства въ Россіи. Проф. Ведрова.—II. Болѣзни гражданского вѣдомства въ Россійской Имперіи. В. И. Гребенщикова.—III. Основы психіатрической экспертизы. А. В. Тимофѣева и М. В. Игнатьева.—IV. Объ обезвреживаніи фабричныхъ отбросовъ. Проф. С. А. Пржибытекъ.—V. Мѣропріятія противъ заразныхъ болѣзней (I. Брюшной тифъ). П. О. Смоленскаго.—VI. Мѣстныя венерическія болѣзни. К. Л. Штурмера.—VII. О лекарственныхъ растеніяхъ Русской флоры. Проф. Мерклина.

Цѣна книги (около 40 листовъ большаго формата) 2 рубля.

Атласъ лекарственныхъ растеній Русской флоры (25 листовъ раскрашенныхъ рисунковъ, изготовленныхъ за границей). Цѣна для выписывающихъ II томъ „Справочной книги“—1 р.; отдѣльно 2 руб.

Гл. Подписчиковъ, при высылкѣ въ редакцію подписныхъ за журналъ денегъ, или выписываніи изданій редакціи, просятъ, во избѣжаніе задержки въ исполненіи заказа, посылать одновременно въ редакцію удостовѣреніе о сдачѣ денегъ на почту (открытымъ письмомъ, съ означеніемъ адреса и № почтовой квитанціи). При несоблюденіи этого условія исполненіе заказовъ неизбѣжно значительно замедляется, т. е. денежныя пакеты съ заявленіями получаютъ не прямо редакціей, а черезъ Государственное Казначейство.

М. И. Галанинъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ НА

ЕЖЕМЯСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛЪ

„СЪВЕРНЫЙ ВѢСТНИКЪ“

(Годъ изданія XII).

Въ 1896 г. въ „Сѣв. Вѣстн.“ было, между проч., напечатано: „Карьера Струкова“ Пов. А. Эртеля. „О развитіи русскаго народнаго хозяйства“ Проф. А. Исаева. „Трильби“ Ром. Ж.-дю-Морье. „Изъ писемъ Т. Н. Грановскаго“. „Любовь и ревность у дѣтей“ Д-ра В. Якубовича. „Въ будѣ“ Пов. Вас. Немировича-Данченко. „О направленіяхъ современной эстетики“ Э. Радлова. „QUO VADIS“. Ром. Ген. Сенкевича. „Воспоминанія о А. И. Герценѣ“ Н. Тучковой-Огаревой. „Любовь“ Ром. О. Шапиръ. „Наслѣдственность пола“ Е. Чижова. „Въ капканѣ“ Пов. П. Боборыкина. „Дѣтство и отрочество П. И. Чайковскаго“ М. Чайковскаго. „Двѣ новеллы: а) Наука любви и б) Любовь сильнѣе смерти“ Д. Мережковскаго. „Новѣйшая испанская литература“ Проф. А. Шепелевича. „Зеркала“ Пов. З. Гиппиусъ. „Сѣверный полюсъ и путешествіе Нансена“ М. Венюкова. „Фридрихъ Ницше“ Оч. Л. А. Саломэ. „Жилищная нужда рабочихъ классовъ“ Д. Герценштейна. „Гоголь и А. О. Смирнова въ 1842—44 гг.“ В. Шенрона. „Новая французская школа въ музыкѣ“ и „Ново-германская музыка“ А. Коптяева. „Александръ Дюма“ и „Новыя теченія во французскомъ романѣ“ З. Венгеровой. „Новая побѣда науки“ А. Гершуна. „Богъ театра“ Разск. Я. Крюковскаго. „Идея Илліады“ Н. Минскаго. „Таможенное разоруженіе“ В. Бирюковича. „Исторія одного идейнаго преступленія“ Проф. И. Оршанскаго. „Письма къ М-те Віардо и Г. Флоберу“ И. С. Тургенева. „Искусство и дѣйствительность“ изъ соч. Дж. Рескина. „Реорганизация С.-Петербургскаго и Московскаго комитетовъ грамотности“ Н. Арефьева. „Къ звѣздамъ“ Раз. О. Сологуба. „Москва и Римъ“ Проф. А. Бриннера. „Польскій публицистъ-художникъ“ К. Льдова. „Тургеневъ и Толстой“ Проф. Д. Овсяннико-Куликовскаго. „Новая женщина и разводъ“ П. Тверскаго. „Женскіе типы въ трагедіяхъ Расина“ Проф. В. Батюшкова. „Сельско-хозяйственные отхожіе промыслы“ В. Бирюковича. „Плоскогорье“ Ром. Л. Гуревичъ. „Нѣмецкій студентъ конца вѣка“ Проф. А. Трачевскаго. „Атомизмъ и эмергетизмъ“ Проф. А. Введен-

снаго. „На конкурсѣ“ Раз. А. Стерна, и мн. друг.—Стихи: Н. Минскаго, Д. Мережковскаго, З. Гиппиусъ, К. Льдова, К. Фофанова, К. Бальмонта, Ө Сологуба, О. Чюминой и др.

ПОСТОЯННЫЕ ОТДѢЛЫ ВЪ ЖУРНАЛѢ:

I. „Вопросы самообразованія“ (Статьи проф. И. Боргмана, проф. А. Козлова, проф. В. Шинкевича, про . К. Поссе, проф. Л. Шепелевича, Н. Усова, проф. А. Бриннера и др.). II. „Областной отдѣлъ“. III. „Земскій отдѣлъ“ (Статьи: „Земское и городское самоуправленіе“ М. Стиваля, „Земскіе финансы“ В. Бирюковича, „Взаимное земское страхование“ П. Си—скаго, „Земское и городское самоуправленіе“ П. Кузнецова и др.). IV. „Провинціальная печать“ Л. Горева. V. „Внутреннее обозрѣніе“. VI. „За предѣлами Европейской Россіи“ (Статьи: „Въ Сибири“, „Кому просвѣщать Сибирь“? „Земство въ Сибири“, „Ссылка въ отдаленныя мѣста Сибири“, „Земская школа въ Сибири“ и др. Н. Арефьева. „Кавказъ“ М. П., „Прибалтійскій край“ П. К., „Привислянскій край“ М. Г., „Финляндскія дѣла“ П. Кузнецова). VII. „Корреспонденціи изъ заграницы“. VIII. „Изъ жизни и литературы“. IX. „Критика“. X. „Библіографія“. XI. „Литературныя замѣтки“ А. Волинскаго. (Статьи: „Власть тьмы“, „Современная русская беллетристика“, „Философскія теченія въ русской поэзіи“, „Книга Куно-Фишера о Шопенгауэрѣ“, „Два послѣднихъ романа Золя“, „Польскій романистъ Сенкевичъ“ и др.).

Подписная цѣна на журналъ понижена (безъ измѣненія объема и состава нинишнѣ). Разсрочка для иногороднихъ приспособлена къ удобствамъ почтовой пересылки денегъ:

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	Годъ.	Полгода.	Четв.-года.	1 мѣс.
Для иногороднихъ	12 р.	6 р. — к.	3 р. — к.	1 р.
„ городскихъ (съ дост.) .	11 „	5 „ 50 „	2 „ 75 „	90 к.
„ заграничныхъ	14 „	7 „	4 „	

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Главн. Конторѣ, Спб., Троицкая 9; въ Москвѣ въ отдѣленіи конт. книжн. маг. Н. Тихомирова, Кузнецкій Мостъ; въ книжн. маг. Карбасникова, „Новаго Времени“, Печивской и др.

Редакторъ-Издательница Л. Я. Гуревичъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 г.

(ШЕСТНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

„КІЕВСКАЯ СТАРИНА“,**ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ,**

посвященный разработкѣ и возможно болѣе всестороннему возстановленію и выясненію мѣстной исторіи, характеристическихъ особенностей народнаго міровоззрѣнія и вѣками выработавшихся бытовыхъ отношеній въ южной Руси. Выполненію этихъ задачъ будутъ посвящены всѣ три главные отдѣла журнала: I) оригинальныя статьи; II) документы, извѣстія и замѣтки; III) критика и библіографія. Сверхъ того, редакция постарается расширить отдѣлъ библіографическихъ справокъ и отдѣлъ приложений, въ который войдутъ: а) рисунки, исполненные фототипіей, и б) не менѣе одного печатнаго листа въ каждомъ номерѣ цѣнныхъ научныхъ матеріаловъ.

Объемъ каждой книжки журнала не менѣе 12 листовъ.

Въ 1897 году журналъ будетъ издаваться при участіи слѣдующихъ лицъ:

Проф. В. В. Антоновича, А. А. Андріевскаго, Н. Θ. Буляшевскаго, проф. Д. И. Багалъя, Н. П. Василенка, В. П. Горженка, проф. П. В. Голубовскаго, проф. Н. П. Дачкевича, П. С. Ефименка, А. Я. Ефименка, П. И. Житецкаго, И. П. Житецкаго, проф. В. С. Иконникова, И. М. Каманина, Е. А. Кивлицкаго, Θ. А. Кудринскаго, прот. П. Г. Лебединцева, О. И. Левицкаго, А. М. Лазаревскаго, проф. И. В. Лучицкаго, Л. С. Личкова, В. Г. Ляскоронскаго, проф. Θ. Г. Мищенко, Н. В. Молчановскаго, К. П. Михальчука, В. А. Микотина, Θ. Д. Николайчика, прот. П. Орловскаго, проф. Н. И. Петрова, В. К. Пискорскаго, Б. С. Познанскаго, Л. В. Падалки, А. А. Русова, проф. Н. Θ. Сумцова, проф. Н. И. Стороженка, Н. В. Стороженка, А. В. Стороженка, А. І. Степовича, В. Н. Сторожева, Л. Д. Силицкаго, проф. Θ. Титова, М. К. Чалаю, Я. Н. Шульмина, Н. В. Шульцова, В. И. Шербины, В. Н. Ястребова и др.

Получивъ разрѣшеніе напечатать составленный подъ редакціей В. Науменка и Е. Тимченка «Малороссійскій Словарь», который въ полномъ видѣ займетъ болѣе 100 печатныхъ листовъ въ 2 столбца, редакция «Кіевской Старины» рассчитываетъ въ теченіе 1897 года выпустить въ свѣтъ 2-й томъ этого словаря, объемомъ до 25 печатныхъ листовъ. Этотъ томъ составитъ безплатное приложение для подписчиковъ журнала «Кіевская Старина» въ 1897 году.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

	на годъ
Съ пересылкой и доставкой . . .	10 р. —
Безъ доставки и пересылки . . .	8 — 50 к.
За границу . . .	12 — —

Разсрочка платежа—по соглашенію съ редакціей.

Въ редакціи продаются полные экземпляры «Кіевской Старины» за всѣ прежніе годы, кромѣ 1882 и 1886, по 8 руб. годъ, а отдѣльныя книжки журнала по 1 руб.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи: (Кіевъ, Кузнечная ул. 14), а также во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

Издатель К. М. Гамалій.

Редакторъ В. П. Науменко.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА „НИЖЕГОРОДСКІЙ ЛИСТОКЪ“ въ 1897 году.

Редакція „НИЖЕГОРОДСКАГО ЛИСТКА“ ставитъ своей задачей разработку вопросовъ нижегородской и поволжской жизни, отвоя въ то-же время мѣсто и интересамъ современной государственной и общественной жизни Россіи.

Газета выходитъ ежедневно, въ размѣрѣ полного листа, не включая и дней послѣпраздничныхъ.

Въ газетѣ имѣются слѣдующіе отдѣлы:

1) Телеграммы, общія и торговыя; 2) Правительственныя распоряженія; 3) Извѣстія изъ столицъ; 4) Статьи по мѣстнымъ и общимъ вопросамъ; 5) Обзорніе газетъ и журналовъ; 6) Мѣстная хроника; 7) Театръ и музыка; 8) Маленькій фельетонъ; 9) Корреспонденціи; 10) Внутреннія извѣстія; 11) Хроника провинціальной жизни; 12) Внѣшнія извѣстія; 13) Судебная хроника; 14) Слѣсъ; 15) Торговый отдѣлъ: нижегородская биржа и рынокъ; торговыя корреспонденціи изъ столицъ и городовъ Поволжья, ярмарочная биржа; 16) Фельетонъ: стихи, рассказы, повѣсти, очерки оригинальные и переводные, научный, литературно-критическій, обзоры европейской жизни, изъ мѣстной и поволжской жизни и проч.

Въ Нижегородскомъ Листкѣ принимаютъ участіе: Н. П. Аешовъ, А. И. Богдановичъ, Е. Ф. Волкова, Н. Гаринъ (Н. Г. Михайловскій), В. А. Гольцевъ, А. М. Ещинъ, Е. М. Ещинъ, Ивацovichъ, Вл. Г. Короленко, В. А. Мосолова, А. Д. Мысовская, М. А. Плотниковъ, С. Д. Протопоповъ, А. М. Пѣшковъ (М. Горькій), Н. М. Станюковичъ, В. Е. Чешихинъ, Е. Н. Чириковъ (Е. Валинъ), А. А. Штевень и мн. друг.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ДЛЯ ИНОГОРОДНИХЪ:

На годъ—7 р., на $\frac{1}{2}$ года—3 р. 50 к., на 3 мѣс.—2 р., на 1 мѣс.—1 р.

Новые подписчики, внесшіе сиюна годовую плату за 1897 г. до декабря мѣсяца текущаго года, получаютъ газету, по приѣзду прежнихъ лѣтъ, съ 1-го декабря.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

1. Въ Нижнемъ-Новгородѣ,—въ главной конторѣ „Нижегородскаго Листка“, Больш. Покровка, д. Прислѣпникова.
2. Въ Москвѣ—въ отдѣленіи конторы *Нижегородскаго Листка* при конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи.
3. Въ Москвѣ и Петербургѣ—въ конторахъ объявленій Торговаго Дома Л. и Э. Метцъ и К^о.

ОТКРЫТА ПОДПСКА НА 1897-й ГОДЪ

(восьмой годъ изданія)

НА ОБЩЕПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ШКОЛЫ И СЕМЬИ

„РУССКАЯ ШКОЛА“.

Въ теченіе 1896 года въ „Русской Школѣ“ были напечатаны, между прочимъ, слѣд. статьи: 1) Автобіографія Н. Н. Пирогова; 2) Сельская школа и учитель (Воспоминанія и замѣтки). К. Барсова; 3) Педагогическіе матеріалы (Замѣтки и наблюденія начальнаго учителя). К. Чернецкаго; 4) Изъ дневника учительницы воскресной школы К-ой; 5) Какъ мы устроили мужицкую академію. М. Слободжанна; 6) Историческій очеркъ учреждений для воспитанія дѣтей дошкольнаго возраста. П. О. Кантерева; 7) Къ годовщинѣ дня рожденія Песталоцци. Л. Н. Модзалевскаго; 8) Ушинскій, какъ редакторъ журнала Мин. Нар. Просв. Я. Г. Гуревича; 9) Учебныя заведенія въ Англіи и Бельгіи (По личнымъ наблюденіямъ). М. А. Лялиной; 10) Вѣна, Цюрихъ, Женева (Педаг. замѣтки и впечатлѣнія). Е. Чебышевой-Дмитріевой; 11) Учебно-педагогическій отдѣлъ на всемірной выставкѣ въ Чикаго. А. А. Красева; 12) Умственное утомленіе учащихся по новѣйшимъ изслѣдованіямъ врачей. А. С. Вириніуса; 13) Нравственность удѣтей и нравственное воспитаніе. Л. Е. Оболенскаго; 14) Педагогическая подготовка учителей заграницею и у насъ. Д. Д. Семенова; 15) О подготовкѣ учителей для сельско-хозяйственныхъ школъ. Н. П. Мещерскаго; 16) Мысли о современномъ воспитаніи. А. С. Симоновичъ; 17) Мысли женщинъ о постановкѣ средняго женскаго образованія. К. А. Формановской; 18) Мысли Н. Н. Страхова о нашемъ среднемъ образованіи. В. Афанасьева; 19) Замѣтка по поводу статьи Даневскаго о „единой школѣ“. Графа Павла Капниста; 20) Возможно-ли и нужно-ли у насъ обязательное обученіе? В. П. Вахтерова; 21) Народныя чтенія. Его-же; 22) Сводъ отзывовъ мѣстныхъ дѣятелей по вопросу объ обязательномъ обученіи. А. О. Гартвига; 23) Вопросъ о всеобщемъ обученіи въ разработкѣ московскаго земства. Д. Д. Лобанова; 24) Сельскія школы и вопросъ объ обязательномъ обученіи въ Финляндіи. В. Ю. Скалона; 25) Чему мы можемъ поучиться у американцевъ въ дѣлѣ организаціи начальной школы? В. И. Фармаковскаго; 26) Какія нужно произвести измѣненія въ курсѣ городскихъ училищъ по Положенію 31 мая 1872 г.? А. Раменскаго; 27) Наши воскресныя школы и ихъ нужды. Я. В. Абрамова; 28) Воскресно-повторительная школа для учениковъ, оканчивающихъ курсъ въ начальныхъ городскихъ училищахъ. О. Х. Павловичъ; 29) По вопросу о введеніи въ программу начальныхъ училищъ сельскаго хозяйства. С. А. Бобровскаго; 30) Живое слово какъ предметъ обученія въ семьѣ и школѣ. И. А. Анастасьева; 31) Педагогика какъ предметъ обученія въ женскихъ гимназіяхъ. С. Брайловскаго; 32) О гимназиче-

скомъ преподаваніи логики. Л. Рутковскаго; 33) Сравнительный способъ преподаванія русскаго и иностранныхъ языковъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. А. А. Гофмана; 34) Неожиданныя темы. Ц. П. Балалона; 35) Объ изученіи церковно-славянскаго языка въ начальныхъ народныхъ училищахъ. Ив. Созонтьева; 36) Постановленія по народному образованію земскихъ собраній 1895 г. И. П. Бѣлоконскаго.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно книжками не менѣ десяти печатныхъ листовъ каждая.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: въ Петербургѣ съ доставкою — 6 руб. 50 коп., для иногороднихъ—**СЕМЬ** руб., за границу—**ДЕВЯТЬ** руб. Учителя сельскихъ школъ пользуются уступкою въ одинъ рубль. Земства, выписывающія не менѣ 10 экз., пользуются уступкою въ 10%.

Подписка принимается въ главной конторѣ редакціи (Лиговка 1, Гимназія Гуревича) и въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“.

Имѣются экземпляры и за предыдущіе годы (кромѣ 1890 г.) по означенной цѣнѣ.

Редакторъ-издатель **Я. Гуревичъ.**

Изданіе **К. Л. РИККЕРА**, въ С.-Петербургѣ, Невскій пр., 14.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1897 годъ

(Второй годъ изданія).

ОБОЗРѢНІЕ ПСИХІАТРИИ, НЕВРОЛОГІИ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГІИ.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ, ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ

Проф. В. М. Бехтерева,

директора клиники душевныхъ и нервныхъ болѣзней въ С.-Петербургѣ.

Начиная изданіе нашего журнала въ Январѣ 1896 г., мы были твердо убѣждены въ необходимости для русской врачебной публики ежемѣсячнаго реферирующаго органа по психіатріи, неврологіи и экспериментальной психологіи. Опытъ прошлаго года показалъ,

что издаваемое нами „Обозрѣніе“ было встрѣчено весьма сочувственно врачебной публикой и въ этомъ сочувствіи мы видимъ доказательство справедливости нашихъ предположеній.

Дѣйствительно не только врачамъ спеціалистамъ, но также земскимъ, военнымъ и вообще всѣмъ практическимъ врачамъ почти ежедневно приходится встрѣчаться съ вопросами вышеуказанной спеціальности; каждый врачъ не разъ чувствовалъ потребность въ болѣе близкомъ знакомствѣ съ болѣзнями нервной системы, играющими такую выдающуюся роль въ жизни современнаго общества. Само собою понятно, что практическіе врачи, знакомые съ современнымъ состояніемъ ученія о нервныхъ и душевныхъ болѣзняхъ, могутъ оказать весьма цѣнныя услуги въ дѣлѣ профилактики и лѣченія нервныхъ и душевныхъ расстройствъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ своевременное ознакомленіе съ новѣйшими успѣхами экспериментальной психологіи можетъ облегчить врачамъ и другимъ близкимъ стоящимъ къ школьному дѣлу лицамъ болѣе правильную въ отношеніи умственной гігіены постановку школьнаго образованія. Неоспоримо также и особо важное практическое значеніе криминальной антропологіи и ученія о гипнотизмѣ, какъ въ отношеніи выясненія общихъ психологическихъ вопросовъ, такъ и въ отношеніи практически важныхъ вопросовъ судебно-психиатрической экспертизы.

Имѣя въ виду удовлетвореніе вышеуказанныхъ практическихъ потребностей, „Обозрѣніе“ и въ 1897 г. будетъ стремиться дать возможно полное отраженіе современнаго состоянія психіатріи, невропатологіи, неврологіи, экспериментальной психологіи, гипнотизма и уголовной антропологіи, съ цѣлью своевременнаго ознакомленія его читателей съ успѣхами и развитіемъ этихъ отраслей знанія. Всѣмъ вопросамъ, имѣющимъ особо важное практическое значеніе, и между прочимъ терапіи душевныхъ и нервныхъ болѣзней будетъ также отведено въ „Обозрѣніи“ надлежащее мѣсто.

ЖУРНАЛЪ ВЫХОДИТЪ ПО СЛѢДУЮЩЕЙ ПРОГРАММѢ:

I) Оригинальныя статьи по психіатріи, невропатологіи, неврологіи, психологіи, гипнотизму, криминальной антропологіи и по вопросамъ, связаннымъ съ ними. II) Обзоръ и рефераты по указаннымъ предметамъ. III) Отчеты, письма и корреспонденціи.

IV) Критическія статьи, отзывы, рецензіи и библиографія. V) Хроника, новости и смѣсь. VI) Біографіи и некрологи. VII) Объявленія и извѣщенія.

Статьи (въ заказныхъ бандероляхъ) покорнѣйше просятъ адресовать на имя редактора журнала, директора клиники, проф. В. М. Бехтерева (С.-Петербургъ, Выборгская сторона, Клиника душевныхъ болѣзней). Для личныхъ переговоровъ редакция открыта по вторникамъ и пятницамъ съ 11—12 ч. дня.

Письма, касающіяся благоустройства неврологическихъ и психіатрическихъ учреждений и корреспонденціи бытового характера, какъ матеріалъ для хроники, покорнѣйше просятъ адресовать на имя секретаря редакціи, д-ра Н. А. Останкова (С.-Петербургъ, Выборгская сторона, Клиника душевныхъ болѣзней).

Всѣ статьи, доставляемыя въ редакцію, въ случаѣ надобности, подлежатъ сокращенію и редакціоннымъ поправкамъ, авторамъ же по напечатаніи ихъ статьи предоставляется 25 экземпляровъ отдѣльныхъ оттисковъ бесплатно. Время напечатанія статей и распредѣленія ихъ по книжкамъ будетъ производиться сообразно наличному матеріалу и очереди. Авторы и издатели, желающіе прислать свои труды и изданія въ редакцію, благоволятъ адресовать таковыя на имя редактора. О всякой книгѣ, присланной въ редакцію, будетъ напечатано заявленіе въ одномъ изъ ближайшихъ номеровъ журнала. По всѣмъ хозяйственнымъ вопросамъ (высылка гонорара, отдѣльныхъ оттисковъ, не полученныхъ ММ, пріемъ объявленій и т. п.), слѣдуетъ обращаться исключительно къ издателю.

Подписка принимается въ Петербургѣ въ книжномъ магазинѣ К. Л. РИККЕРА (Невскій 14) и въ другихъ городахъ у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ. Цѣна за годовое изданіе, какъ съ пересылкой въ другіе города, такъ и съ доставкой въ Петербургъ—9 руб.; за полгода 4 р. 50 коп.; за 3 мѣсяца—2 р. 25 коп.

Ограниченное число экземпляровъ „Обозрѣнія“, оставшееся за 1896 годъ, можно приобрѣтать у издателя по 9 рублей за юдъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

(XVI годъ изданія)

НА ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ ШКОЛЬ-
НАГО ВОЗРАСТА

„РОДНИКЪ“

и Педагогическій листокъ

„ВОСПИТАНІЕ И ОБУЧЕНІЕ“.

„Родникъ“ въ 1897 году будетъ издаваться подъ тою же редак-
ціею, въ томъ же духѣ и направленіи, что и въ минувшія 15 лѣтъ.

„Родникъ“ выходитъ перваго числа каждаго мѣсяца книжками
большаго формата, со многими рисунками въ текстѣ, портретами и
отдѣльными картинками.

Вмѣстѣ съ „Родникомъ“ можно получать ежемѣсячный педагогиче-
скій листокъ „Воспитаніе и Обученіе“, посвященный вопросамъ се-
мейнаго воспитанія, домашняго обученія и дѣтскаго чтенія.

Въ листкѣ помѣщаются труды библиографическаго отдѣла Педагогическаго
музея в.-учебн. заведеній и протоколы „Родительскаго кружка“.

„РОДНИКЪ“ рекомендованъ, одобренъ и допущенъ *учеными и учебнымъ комитетами: Свят. Синода, Собств. Е. И. В. канцел. по учрежд. Императрицы Маріи, Главн. Управл. военно-учебныхъ заведеній, и Мин. Нар. Просв. Удостоенъ: 1) почетнаго диплома на педагогической выставкѣ Общества Трудолюбія въ Москвѣ, 2) похвальнаго отзыва на первой Всероссийской выставкѣ печатнаго дѣла. 3) диплома втораго разряда на Всероссийской выставкѣ въ Нижнемъ Новѣ. 1896 г.—признанъ необходимымъ для выписки въ ученическія бібліотеки городскихъ училищъ и учительскія бібліотеки народныхъ школъ за всѣ годы его существованія (т. е. съ 1882 г. (См. „Журналъ Мин. Нар. Просв.“ августъ 1895 г.)*

Условія подписки на 1897 годъ прежнія:

Съ доставкой и пересылкой.	На годъ.	На 6 мѣс.	На 3 мѣс.
На одинъ „Родникъ“	5 р.	2 р. 50 к.	1 р. 25 к.
На „Родникъ“ и педагогическій листокъ			
„Воспитаніе и Обученіе“	6 „	3 „ — „	1 „ 50 „
За границу	8 „	4 „ — „	2 „ — „
Отдѣльно на педагогическій листокъ.			
„Воспитаніе и Обученіе“	2 „	1 „ — „	— „ 50 „

Адресъ конторы: С.-Петербургъ, Невскій пр., 106 при книжномъ мага-
зинѣ „Н. Н. Мореза.“

За издателя Н. Моревъ. Редакторъ Алексѣй Алъмедиянгенъ.

Открыта подписка на ежемѣсячный журналъ съ картинками „Читальня
Народной Школы“ (10-й годъ изданія). Цѣна съ доставкой и перес. 3 рубля
въ годъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ

„Н О В Ъ“

въ 1897 году.

Съ 1-го ноября 1896 года начался

ТРИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ ЖУРНАЛА

**ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ВѢСТНИКЪ СОВРЕМЕННОЙ
ЖИЗНИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ, НАУКИ, ИСКУССТВА И ПРИКЛАД-
НЫХЪ ЗНАНІЙ.**

За 18 рублей

подписчики „НОВИ“ получаютъ въ теченіе 1897 подписного года, съ доставкою и пересылкою во всѣ мѣста Россійской Имперіи безъ какихъ-либо доплатъ за преміи ихъ пересылку и проч., слѣдующія
семь изданій:

- 1) БОЛЬШУЮ, ВПОЛНѢ САМОСТОЯТЕЛЬНУЮ, БЕЗЦЕНЗУРНУЮ,
ПОЛИТИЧЕСКУЮ, ЛИТЕРАТУРНУЮ И ОБЩЕСТВЕННУЮ

ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ п. з. „ЛУЧЪ“

Съ 1-го ноября текущаго года мы издаемъ для подписчиковъ „Нови“ газету, въ видѣ большого ежедневнаго органа печати, подъ нашимъ непосредственнымъ наблюденіемъ, подъ редакцію Вл. В. Чуйко и при участіи наиболѣе талантливыхъ силъ русской журналистики. Газета наша представляетъ собою вполнѣ независимый органъ печати, со строго выдержаннымъ направленіемъ, съ честнымъ, объективнымъ отраженіемъ нуждъ провинціи. Отличительныя черты ея—животрепещущій интересъ минуты и всестороннее живое ознакомленіе читателей со всѣми явленіями въ жизни всего разнороднаго и разноплеменнаго государственнаго населенія. Задача газеты—искреннее, честное, правдивое и нелицепріятное служеніе интересамъ дорогой родины. Освѣщая правильно и безпристрастно всѣ жизненныя явленія, она поможетъ подписчикамъ „Нови“ слѣдить за ходомъ текущей жизни, со всѣми ея проявленіями, со всѣми вопросами и интересами дня—какъ въ обширномъ нашемъ отечествѣ, такъ и повсюду за его предѣлами. Полнотою и своевременностью свѣдѣній, сжатостью, а главное живостью изложенія и безпристрастіемъ освѣщенія фактовъ, газета удовлетворитъ самымъ строгимъ требованіямъ. Выходить она будетъ ежедневно въ семистолбцовомъ форматѣ самыхъ большихъ столичныхъ газетъ. Пол-

нота же и разносторонность ея программы и содержанія рѣшительно ни въ чемъ не уступаетъ содержанію и программамъ наиболѣе серьезныхъ большихъ ежедневныхъ органовъ русской печати. Такимъ образомъ, подписчикамъ „Нови“ дана, наконецъ, возможность имѣть, безъ всякихъ обременительныхъ денежныхъ затратъ, чуть не даромъ, большую, всестороннюю, живую и полную ежедневную газету, ни въ чемъ не уступающую большимъ, дорого стоящимъ, ежедневнымъ органамъ печати.

- 2) 6 переплетенныхъ томовъ (т. 1 по 6) перваго полнаго собранія сочиненій

АНДРЕЯ ПЕЧЕРСКАГО

(П. И. Мельникова, автора романовъ „Въ лѣсахъ“ и „На горахъ“).

- 3) 6 переплетенныхъ томовъ (т. 1 по 6) новаго изданія полнаго собранія сочиненій

ВЛАДИМИРА ДАЛЯ

(Казака Луганскаго).

- 4) ЖУРНАЛЪ „Н О В Ъ“

общедоступный иллюстрированный двухнедѣльный вѣстникъ современной жизни, политики, литературы, науки, искусства и прикладныхъ знаній.

24 выпуска въ форматѣ наибольшихъ европейскихъ иллюстрацій, въ которыхъ читатели найдутъ, рядомъ съ массою образцовыхъ и художественныхъ картинъ и рисунковъ, въ высшей степени интересный матеріалъ для чтенія, какъ по беллетристикѣ, такъ и по всѣмъ другимъ отраслямъ литературы.

- 5) ОСОВЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ОТДѢЛЪ

подъ общимъ заглавіемъ

М О З А И К А

(24 выпуска),

составляющій какъ бы самостоятельный иллюстрированный журналъ по прикладнымъ знаніямъ, вмѣщающій въ себѣ слѣдующія 16 рубрикъ:

1. Домашній врачъ. 2. Воспитаніе и обученіе. 3. Сельское хозяйство. 4. Друзья и любимцы изъ міра животныхъ. 5. Садъ, цвѣт-

никъ и огородъ. 6. Искусство. 7. Спортъ. 8. Военне и морское дѣло. 9. Торговля и промышленность. 10. Изобрѣтенія и открытія. 11. Культура и наука. 12. Театръ и музыка. 13. Піанистъ. 14. Модная хроника. 15. Для смѣха. 16. Библіографія.

6) ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СЕМЕЙНЫЕ ВЕЧЕРА

12 ежемѣсячныхъ книжекъ особаго и совершенно самостоятельнаго иллюстрированнаго журнала, выходящаго каждое первое число мѣсяца въ объемѣ 10-ти печатныхъ листовъ.

Въ 12-ти книжкахъ этого журнала подписчики „НОВИ“ найдутъ богатый выборъ новыхъ романовъ, повѣстей, рассказовъ и стихотвореній выдающихся писателей, со многими иллюстраціями.

7) ДВѢ НОВЫЯ КНИГИ ФОРМАТА IN—FOLIO

ЖИВОПИСНОЙ РОССИИ.

Отечество наше въ его земельномъ, историческомъ, племенномъ, экономическомъ и бытовомъ значеніи.

Полное и всестороннее описаніе Россійской Имперіи. Текстъ извѣстѣйшихъ русскихъ писателей. Рисунки на деревѣ лучшихъ художниковъ.

Подъ общей редакціей сенатора *П. П. Семенова*, вице-предсѣдателя Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Въ двухъ роскошныхъ переплетахъ изъ англійскаго краснаго коленкора съ богатыми золототисненіями, въ наночныхъ футлярахъ.

Въ 1897 году подписчики получаютъ описаніе **МАЛОРОССИИ, ПОДОЛИИ И ВОЛЫНИ.**

Первое посмертное полное собраніе сочиненій **Андрея Печерскаго** будетъ состоять изъ 14-ти переплетенныхъ томовъ и новое полное собраніе сочиненій **Владимира Даля** будетъ состоять изъ 10-ти переплетенныхъ томовъ, что составитъ всего 24 тома въ 8-ю долю листа (величина каждой книги $5\frac{1}{2} \times 8$ кв. дюйм.), каждый томъ объемомъ въ 20—35 печатн. листовъ, т. е. въ 300—550 стран.,

составляющихъ вмѣстѣ всего около 10,000 стран. Переплеты будутъ такіе же, какъ переплеты сочиненій Писемскаго. Въ 1897 году подписчики „НОВИ“ получать:

первые 6 томовъ полнаго собранія сочиненій

АНДРЕЯ ПЕЧЕРСКАГО,

первые 6 томовъ полнаго собранія сочиненій

ВЛАДИМИРА ДАЛЯ.

Редакція „Нови“ теперь уже принимаетъ на себя обязательство дать, *въ видѣ бесплатнаго дара* въ 1898 году:

**остальные 8 томовъ полнаго собранія сочиненій АНДРЕЯ ПЕЧЕРСКАГО
и остальные 4 тома полнаго собранія сочиненій ВЛАДИМИРА ДАЛЯ.**

Лица, желающія теперь же обезпечить себя въ отношеніи полученія и этихъ послѣднихъ томовъ сочиненій Печерскаго и Даля, могутъ подписываться сразу на два года, т. е. на 1897 и 1898 годы. Для этого нужно выслать подписную сумму за два года, а именно: вмѣсто годичной платы въ 14 р. безъ „Ежедневной Газеты“ и въ 18 р. съ „Ежедневною Газетою“, слѣдуетъ выслать 28 или же 36 рублей, и журналъ съ газетою или безъ оной, со всѣми приложеніями и бесплатными преміями, будетъ высылаться этимъ подписчикамъ въ теченіе двухъ лѣтъ, т. е. начиная съ 1-го ноября 1896 года по 1-е ноября 1898 года.

Кромѣ первой половины полныхъ собраній сочиненій Андрея Печерскаго и Владиміра Даля, подписчики „Нови“ получаютъ, какъ и въ предыдущіе четыре года, также и въ 1897 и въ 1898 году

по двѣ новыя переплетенныя книги

КАПИТАЛЬНѢЙШАГО ИЗДАНІЯ ОПИСАНІЯ НАШЕГО ОТЕЧЕСТВА

ЖИВОПИСНОЙ РОССИИ

(служащія продолженіемъ полученныхъ ими въ истекающемъ и въ 1893, 1894 и 1895 годахъ восьми томовъ) въ двухъ великолѣпныхъ красныхъ коленкоровыхъ переплетахъ съ богатыми золотисненіями въ двухъ прочныхъ папочныхъ футлярахъ. 2 книги „Живописной Россіи“, предназначенныя къ выдачѣ въ 1898 году,

будутъ заключать въ себѣ описаніе Малороссіи, Подоліи и Волини (губерній: Кіевской, Подольской, Волинской, Полтавской, Черниговской и Харьковской).

XIII (1897) подписной годъ „НОВИ“ начался съ 1-го ноября 1896 года.

Редакція „НОВИ“ проситъ гг. иногороднихъ подписчиковъ, желающихъ получать журналъ и газету, начиная съ 1-го ноября безпрерывно въ 1897 подписномъ году, озаботиться заблаговременно высылкою подписныхъ денегъ, въ виду значительнаго скопленія къ концу подписного года, т. е. къ концу декабря, адресовъ, печатаніе, корректура и провѣрка которыхъ занимаетъ очень много времени.

Годовая подписная цѣна „НОВИ“ съ „ЕЖЕДНЕВНОЮ ГАЗЕТОЮ“ за 1897 годъ со всѣми приложениями, съ 6-ю переплетенными томами сочиненій Андрея Печерскаго, съ 6-ю переплетенными томами сочиненій Владимира Даля и съ двумя новыми переплетенными книгами „Живописной Россіи“ выстѣ съ пересылкою во всѣ мѣста Россійской Имперіи, безъ всякой доплаты за преміи, ихъ пересылку и проч. **18 руб.**

Годовая цѣна „НОВИ“ со всѣми перечисленными преміями и приложениями, но безъ „ЕЖЕДНЕВНОЙ ГАЗЕТЫ“ остается та же какъ и прежде, т. е. **14 рублей** съ пересылкою. Поэтому лица, не желающія получать большую „ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ“, могутъ вносить по прежнему только **14 р.** за одну „НОВЬ“ со всѣми указанными выше (подъ № 2, 3, 4, 5, 6 и 7), бесплатными изданіями

Этимъ подписчикамъ „ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА“ всетаки будетъ высылаться бесплатно, для ознакомленія, до 1-го января 1896 года. Затѣмъ, тѣ лица, которыя будутъ вполне удовлетворены газетою и пожелаютъ получать ее дальше, т. е. въ теченіе всего 1897 подписного года, доплачиваютъ всего **4 рубля**.

Допускается подписка на „НОВЬ“ съ разсрочкою платежа: при самой подпискѣ высылается не менѣе **5 рублей**, а затѣмъ ежемѣсячно не менѣе **1 р. 50 к.** до полной уплаты всей подписной суммы, послѣ чего и высылаются бесплатныя преміи.

Подписка принимается исключительно въ главной конторѣ періодическихъ изданій Товарищества М. О. Вольфъ въ С.-Петербургѣ, Гостинный дворъ, № 21; въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ Товарищества М. О. Вольфъ, Кузнецкій мостъ, № 12, иногородные подписчики благоволятъ адресовать прямо въ редакцію „НОВИ“, въ С.-Петербургѣ, Васильевскій островъ, 16-я линія, собств. домъ, № 5—7.

Редакторъ и издатель *Александръ Маврикѣвичъ Вольфъ*.

1897 г.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

годъ 2.

НА ЖУРНАЛЪ

„ВОПРОСЫ НЕРВНО-ПСИХИЧЕСКОЙ МЕДИЦИНЫ“;

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ ПРОФЕССОРА УНИВ. СВ. ВЛАДИМИРА

И. А. Сикорскаго

въ Кіевѣ.

Журналъ, какъ показываетъ отчасти и самое названіе его, имѣетъ своей задачей—помимо специальныхъ изслѣдованій по психіатріи и нервной патологіи—содѣйствовать разрѣшенію вопросовъ, общихъ для всѣхъ отдѣловъ медицины, насколько эти вопросы могутъ быть освѣщены съ точки зрѣнія психіатріи и нервной патологіи. Журналъ ставитъ одной изъ своихъ цѣлей—сближеніе различныхъ медицинскіхъ специальностей на почвѣ общихъ вопросовъ и научныхъ обобщеній, достигнутыхъ неврологіей.

Объединеніе медицины на почвѣ неврологіи представляется желательнымъ и плодотворнымъ. Объединяющую силу содержать въ себѣ вопросы этиологіи и патологіи болѣзней; этимъ вопросамъ и будетъ отведено надлежащее мѣсто. Вниманіе журнала будетъ посвящено также терапіи нервныхъ болѣзней и нервно-психической гігіенѣ, такъ какъ та и другая содержатъ рядъ данныхъ, всего болѣе объединяющихъ медицину.

Журналъ предполагаетъ слѣдить за выдающимися вопросами и фактами въ различныхъ областяхъ медицины и будетъ стараться своевременно дѣлать рефераты и обзоры по содержанію этихъ вопросовъ. Но независимо отъ того, для успѣшнѣйшаго достиженія намѣченной цѣли, въ январьской книжкѣ каждаго года будетъ помѣщаемъ отчетъ объ успѣхахъ нервно-психической медицины и сопредѣльныхъ знаній за истекшій годъ. Отчетъ этотъ—въ критико-библіографической формѣ—будетъ содержать систематическое обзорнѣе новыхъ и важнѣйшихъ научныхъ направленій съ изложеніемъ результатовъ, достигнутыхъ наукою и ея примѣненіями на дѣлѣ.

Журналъ выходитъ книжками каждыя три мѣсяца по слѣдующей программѣ:

- 1) Оригинальныя статьи по вопросамъ психіатріи и нервной патологіи, а также по вопросамъ анатоміи, фізіологіи, гігіены нервной системы и врачебной экспертизы, относящейся къ этимъ предметамъ.
- 2) Критика и бібліографія по тѣмъ же вопросамъ.
- 3) Хроника нервныхъ клиникъ, психіатрическихъ клиникъ, домовъ для умалишенныхъ, заведеній для идіотовъ и исправительныхъ заведеній.
- 4) Краткія замѣтки по содержанію трехъ предъидущихъ отдѣловъ.

Статьи для журнала присылаются редактору въ заказныхъ письмахъ или бандероляхъ по слѣдующему адресу: Кіевъ, профессору И. А. Сикорскому (Б.-Подвальная, 15).

Авторы критическихъ обзоровъ получаютъ гонораръ 60 р. за печатный листъ.

Авторы статей получаютъ по 25 экз. отдѣльныхъ оттисковъ. О присланныхъ въ редакцію книгахъ и изданіяхъ будетъ оповѣщено въ одной изъ ближайшихъ книжекъ.

Подписная цѣна съ пересылкой и доставкой въ годъ 6 руб. Лица, подписывающіяся на 1-й и 2-й годъ журнала вмѣстѣ, платятъ 10 р. за оба года.

Подписка принимается: въ редакціи журнала (Кіевъ, Б.-Подвальная, 15), въ книжныхъ магазинахъ Оглоблина и Йогансона въ Кіевѣ, а также въ книжномъ магазинѣ Карла Риквера въ Спб. (Невскій, 14).

1896 г.

Томъ I (годъ 1 - й).

1896 г.

СОДЕРЖАНІЕ:

1) Отъ Редакціи.

Отд. I. Оригинальныя статьи.

2) Проф. И. А. Сикорскій. Самоубійство среди русскихъ врачей. 3) В. В. Селецкий. Лѣчение *tabes dorsualis*. 4) Проф. И. А. Сикорскій. Физиогномика и психич. состояніе пьяницъ. 5) М. Н. Лапинскій. Къ вопросу о строеніи капилляровъ мозговой коры. 6) А. Кульженко. Случай *Naematomyeliae centralis*. 7) Д-ръ Эм. Ивановъ. Два случая сотрясенія мозга. 8) Д-ръ М. Ф. Колесниковъ. Случай *Pseudograbies hysterica*. 9) Проф. И. А. Сикорскій. Курсъ общей симптоматологии и терапіи нервныхъ болѣзней. 10) П. Петровскій. О заболѣваніи нервной системы при подагрѣ (*neuropitis toxica*). 11) Д-ръ М. Игнатьевъ. Вопросы отчетности психіатрическихъ заведеній. 12) Прив. доц. П. Нечай. Алкоголизмъ въ его отношеніи къ душевнымъ заболѣваніямъ и нѣкоторыя мѣры борьбы съ нимъ. 13) И. К. Хмѣлевскій. Три случая психозовъ съ симптомами *delirii acuti*. 14) Д-ръ М. Лапинскій. Случай межцентральной афазіи (алексіи), съ потерей двухъ иностранныхъ языковъ. 15) А. Кульженко. Описаніе и опытное изслѣдованіе случая *euphationis nervosae*. 16) М. Лапинскій. Причинное вліяніе страданій периферическихъ нервовъ на возникновеніе заболѣванія сосудистой стѣнки и обратно: страданіе сосудовъ, какъ причинный дѣятель въ возникновеніи страданій питаемыхъ ими периферическихъ нервовъ. 17) Я. П. Горшковъ. Значеніе болѣзненной наслѣдственности въ этиологіи прогрессивнаго паралича. 18) П. В. Никольскій. Трофоневропатическія язвы кожи при пораженіи *caudae equinae*.

**Отд. II. Судебная и общественная психологія, психическая
гигіена и проч.**

1) Отъ Редакціи. 2) Алкогольныя убійства. 3) Проф. И. А. Сикорскій. Психическое состояніе предъ самоубійствомъ.

Отд. III. Психіатрическая хрестоматія.

1) Отъ Редакціи. 2) Записки больныхъ. 3) Проф. И. А. Сикорскій. Дневникъ больного, злоупотреблявшаго гашишомъ и морфіемъ.

Отд. IV. Критика и библіографія.

Вопросы психіатріи и нервной патологіи на VI-мъ Съѣздѣ русскихъ врачей въ память Пирогова въ Кіевѣ, въ апрѣлѣ 1896 года.

Отд. V. Хроника и мелкія извѣстія.

Томъ I содержитъ 19 фототипическихъ таблицъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ

(25-й годъ изданія)

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ ОХОТНИЧЬИ ЖУРНАЛЫ:

„ПРИРОДА И ОХОТА“

И

„ОХОТНИЧЬЯ ГАЗЕТА“.

Подписчики получаютъ 12 книгъ журнала „Природа и Охота“ (выходъ ежемѣсячно) и 50 №№ „Охотничьей Газеты“ (выходъ еженедѣльно).

Въ концѣ года годовые подписчики получаютъ премію „Альбомъ охоты“, за 1897 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: На годъ съ доставкой и пересылкой 15 руб.

За границу 20 „

На пересылку „Альбома охоты“ высылается добавочный рубль.

Новымъ подписчикамъ, уплачивающимъ деньги за годъ сполна (16 р.) непосредственно въ Редакцію, высылается немедленно по полученіи денегъ „Альбомъ охоты“, премія за 1896 годъ безъ добавочной платы.

Пробный № высылается, по требованію, бесплатно.

Адресъ редакціи: Москва, Арбатъ, Большой Афанасьевскій переулокъ,

Редакція журналовъ: „Природа и Охота“ и „Охотничья Газета“.

Редакторы-издатели: Л. П. Сабантеевъ и Н. В. Туркинъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА НОВОЕ УДЕШЕВЛЕННОЕ ИЗДАНИЕ
„СИСТЕМЫ ЛОГИКИ“

Дж. Ст. Милля.

Новый переводъ съ послѣдняго англійскаго изданія подъ редакціей и съ необходимыми пояснительными примѣчаніями В. Н. Ивановскаго. Каждая изъ 6-ти книгъ сочиненія составитъ выпускъ. Все сочиненіе (около 1.000 страницъ большого формата и убористой печати) выйдетъ въ теченіе 1897 г.

Подписная цѣна **ТРИ рубля** безъ пересылки и **ЧЕТЫРЕ рубля** пятьдесятъ копеекъ съ пересылкой заказной бандеролью.

1-я книга выйдетъ около 1 марта 1897 года. По окончаніи изданія цѣна будетъ повышена.

Допускается разсрочка подписной платы: при подпискѣ вносится 1 рубль; при выходѣ 2-й и 4-й книгъ по рублю; книги 5-я и 6-я выдаются бесплатно.

Желающимъ сочиненіе можетъ быть выслано съ наложеннымъ платежемъ.

Гг. Иногородніе благоволятъ обращаться въ магазинъ „Книжное Дѣло“, Москва, Моховая, д. Бенкендорфа, откуда можно выписывать и другія изданія магазина:

1) Шерръ, І. Всеобщая исторія литературы, переводъ подъ редакціей П. И. Вейнберга. Два большихъ тома (20—25 выпускъ.) со множествомъ гравюръ, картинъ, автографовъ, факсимиле и др. приложений. Болѣе 1000 стр. текста. Цѣна по подпискѣ безъ доставки 6 р., съ дост. и пересылк. 8 р.

2) Фюстель-де-Куланжъ. Древняя гражданская община. Цѣна 2 р.

3) Данте-Алигieri. Божественная комедія. Ч. I. Адъ. Переводъ Н. Н. Голованова, подъ ред. проф. Ѳ. Буслаева. Ц. 1 р. 50 к.

4) Дрейфусъ, К. Міровая и социальная эволюція. Ц. 1 р. 50 к.

5) „На добрую память изъ русскихъ писателей“. Сборникъ статей и отрывковъ изъ лучшихъ русскихъ писателей и поэтовъ. Ц. 1 р. 25 к.

6) Теннисонъ, А. Магдалина. Переводъ въ стихахъ А. М. Федорова, со ст. И. И. Иванова: „Теннисонъ и его поэзія“, и портретомъ Теннисона. Ц. 50 к.

7) Фулье, А. Темпераментъ и характеръ. Цѣна 1 руб.

8) Милль, Д. С. Огюсть Контъ и позитивизмъ. Съ приложеніемъ статей Спенсера и Уорда и портрета О. Конта.

9) Милль, Д. С. Автобіографія. Цѣна 75 к.

10) Уордъ, Л. Психическіе факторы цивилизаціи. Полный переводъ безъ пропусковъ и сокращеній.

11) Тома, Ф. Внушеніе. Его значеніе въ воспитаніи. Цѣна 40 к.

12) Ланге. Эмоціи (психо-физиологическій очеркъ). Цѣна 30 к.

13) Спенсеръ, Г. Классификація наукъ. Цѣна 75 коп.

14) Legrain. Соціальное вырожденіе и алкоголизмъ. Цѣна 75 к.

О Т К Р Ы Т А П О Д П И С К А

на 1897 годъ

НА НОВЫЙ ЖУРНАЛЪ

ЖУРНАЛЪ МЕЖДУНАРОДНАГО И ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАВА.

Журналъ выходитъ каждые два мѣсяца въ С.-Петербургѣ безъ предварительной цензуры подъ редакціей приватъ-доцента Императорскаго С.-Петербургскаго Университета Э. К. Симсонъ. Въ журналѣ принимаютъ участіе почти всѣ выдающіеся ученые русскіе и иностранные, специалисты по международному и государственному праву.

Программа журнала: 1) Распоряженія правительства, касающіяся вѣдомства Министерства Иностранныхъ дѣлъ. 2) Статьи по вопросамъ международного права. 3) Статьи по вопросамъ государственнаго права. 4) Статьи по другимъ частямъ юриспруденціи, сопрікасающіяся съ вопросами международного и государственнаго права. 5) Научно-критическое разсмотрѣніе постановленій какъ иностранныхъ, такъ и отечественныхъ судебныхъ мѣстъ по дѣламъ, имѣющимъ отношеніе къ вопросамъ международного или государственнаго права. 6) Хроника текущихъ событій международныхъ отношеній государствъ. 7) Текстъ международныхъ договоровъ, заключенныхъ государствами. 8) Заграничныя корреспонденціи касательно событій и вопросовъ международного значенія. 9) Библіографія.

Болѣе подробныя свѣдѣнія о Журналѣ высылаются редакціей по первому требованію бесплатно.

Подписная цѣна въ годъ: съ доставкой въ С.-Петербургѣ—8 руб.; съ пересылкою въ предѣлахъ Россіи—8 руб. 50 коп.; за границу—9 руб. 50 коп., для студентовъ 6 р. и 6 р. 50 к. Допускается разсрочка въ четыре срока.

Отдѣльные нумера журнала продаются по 2 руб.

Подписка принимается въ конторѣ редакціи, въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ и въ книжномъ магазинѣ Г. Шмиддорфъ (Невскій, 6); подписка въ разсрочку и для гг. студентовъ принимается только въ конторѣ редакціи (Стремянная, 8). Гг. иногородные подписчики благоволятъ прислать подписныя деньги на имя издателя Эвальда Карловича Симсонъ, С.-Петербургъ, Стремянная ул., д. 8. Для удобства публики контора редакціи, по полученіи извѣщенія открытымъ письмомъ, присылаетъ артельщика на домъ для принятія подписки.

Радакція открыта отъ 1—4 ч. и помѣщается въ С.-Петербургѣ, по Стремянной ул., д. 8.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1897 ГОДЪ
НА ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ЖИЗНЬ ЮГА“

СЪ КНИЖКАМИ ПРИЛОЖЕНІЙ.

„Жизнь Юга“ будетъ выходить въ Одессѣ по воскресеньямъ, начиная съ 12-го января. Въ теченіе года будетъ дано 6 книжекъ приложений, объемомъ отъ 10 до 12 листовъ каждая.

Программа „Жизни Юга“: 1) Дѣйствія и распоряженія правительства. 2) Статьи по вопросамъ обще-русской, мѣстной и провинціальной жизни. 3) Телеграммы. 4) Обзорѣніе внутренней и иностранной жизни. 5) Литературное обзорѣніе. 6) Рассказы, повѣсти, стихотворенія—оригинальные и пореводные. 7) Статьи популярно-научнаго содержанія. 8) Критика и библіографія. 9) Провинціальное обзорѣніе. 10) Корреспонденціи. 11) Судебная хроника. 12) Фельетонъ. 13) Театръ и искусство. 14) Торговый, промышленный и биржевой отдѣлъ. 15) Смѣсь. 16) Объявленія.

Въ „Жизни Юга“ будутъ участвовать слѣдующія лица: С. М. Абрамовичъ, И. К. Врусиловскій, М. Горькій, В. А. Гольцевъ, В. І. Дмитриева, С. М. Дубновъ, Л. С. Закъ, А. М. Евреннова, проф. И. И. Иванюковъ, Г. В. Иоллосъ, М. И. Кулишеръ, В. В. Лесевичъ, А. А. Мануиловъ, Г. А. Мачтетъ, проф. П. Н. Миллюковъ, М. Г. Моргулисъ, Ф. Д. Неедовъ, проф. Д. Н. Овсяннико-Куликовскій, проф. И. Г. Оршанскій, М. А. Плотниковъ, А. А. Русовъ, Я. Л. Сахаръ, В. И. Семейскій, Е. М. Станюковичъ, А. Н. Ульяновъ, Р. М. Хинъ, И. А. Хмѣльницкій, А. П. Чеховъ, С. Л. Чудновскій, А. И. Эртель и др.

„Жизнь Юга“ будетъ посвящать особое вниманіе вопросамъ и нуждамъ Юга, не упуская изъ виду и интересовъ остальнаго міра.

П О Д П И С Н А Я Ц Ъ Н А:

Въ Одессѣ: на 1 годъ—6 руб., на 6 мѣс.—3 руб., на 3 мѣс.—1 руб. 50 коп., на 1 мѣс. 50 к.

На города: на 1 годъ—7 руб., на 6 мѣс.—3 руб. 50 коп., на 3 мѣс.—1 руб. 75 коп., на 1 мѣс.—60 коп.

ЦѢНА ОТДѢЛЬНОМУ НОМЕРУ 10 КОП.

Объявленія принимаются по слѣдующей таксѣ: за строку пети на 1-й страницѣ 30 коп., на послѣдней 10 коп.

Редакція помѣщается на Елисаветинской ул., д. № 1. Контора—на Гаванной ул., при типографіи Исаковича.

Издатель Я. В. Бѣловодскій.
За редактора Я. В. Бѣловодскій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1897 г. (IV Г. ИЗДАНИЯ)

НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ

БЕЗЪ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЙ ЦЕНЗУРЫ

ЭКОНОМИЧЕСКІЙ и СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЙ журналъ

ХОЗЯИНЪ.

Признавая, что въ настоящее время одними агрикультурными кѣрами уже нельзя помочь распатавшемуся какъ крестьянскому, такъ и землевладѣльческому хозяйству, „Хозяинъ“ поставилъ себѣ задачею не ограничиваться обычными рамками сельскохозяйственныхъ журналовъ, а также слѣдить въ борьбѣ съ кризисомъ за общественной дѣятельностью, какъ земской, такъ и правительственной, чтобы выяснитъ зависимость современнаго тяжелаго положенія хозяйства отъ причинъ экономическаго характера.

Кромѣ обычныхъ въ сельскохозяйств. журналахъ статей по всѣмъ отраслямъ сельскаго хоз. и сел.-хоз. техники, въ журналѣ помѣщаются передовыя статьи, статьи по экономіи, финансамъ и статистикѣ, обзоры сельскохозяйств. дѣятельности земствъ, научные обзоры, обзоры сельскохозяйств. литературы, рынки. Ответы на вопросы.

Въ каждомъ номерѣ 2500—2800 строкъ одного только текста.

Подписная цѣна: на годъ съ дост. 6 р. на полгода 3 р. Допускается рассрочка.

Годовые подписчики получаютъ въ теченіе года безплатно слѣдующія книжки ХОЗЯИНА:

- 1) Руководство по огородничеству. П. М. В. Рытова.
- 2) Справочная книжка по молочному хозяйству. Ав. А. Калантара.
- 3) Справочная книжка по сельскохозяйственной архитектурѣ и архитектурный альбомъ важнѣйшихъ сельскохозяйств. построекъ.

Въ журналѣ принимаютъ участіе свыше 300 сотрудниковъ, въ томъ числѣ помѣщали свои статьи: И. И. Абозинъ, А. П. Адриановскій, А. А. Арифельдъ, В. А. Бертенсонъ, проф. С. М. Богдановъ, проф. А. И. Воейковъ, князь В. Д. Друцкой-Соколинскій, проф. В. В. Докучаевъ, И. М. Кабештовъ, Ав. А. Калантаръ, князь В. А. Кудашевъ, проф. П. Н. Кулешовъ, Пав. Ив. Левицкій, проф. Б. Э. Линдеманъ, А. Я. Маслениковъ (съ Сѣверной фермы), А. П. Меещерскій (авторъ „Писемъ деревенскаго хозяина“), А. П. Мертвиго, М. В. Неручевъ, князь Д. М. Оболенскій, инж. Г. Перримондъ, проф. М. А. Придорогинъ, Л. А. Потѣхинъ, И. В. Рева, А. А. Радцигъ, А. П. Суботинъ, проф. А. В. Совѣтовъ, проф. И. А. Стебутъ, инж. П. В. Степановъ, проф. К. Тимирязевъ, Г. И. Танфильевъ, Г. А. Фальборкъ, проф. А. Ф. Фортунатовъ, В. И. Чарнолуцкий, И. И. Шатиловъ, Р. И. Шредеръ, В. С. Щербачевъ, М. А. Энгельгардтъ и многіе др.

Контора и редакція: С.-ПЕТЕРБУРГЪ, НЕВСКІЙ, 92.

Ред. А. Б. МЕРТВАГО.

Изд. И. А. МАШКОВЦЕВЪ.

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

ПРИ

ИМПЕРАТОРСКОМЪ

С.-ПЕТЕРБУРГСКОМЪ УНИВЕРСИТЕТЪ.

Протоколъ засѣданія уголовного отдѣленія Юридическаго Общества 19 октября 1896 года.

Засѣданіе открыто предсѣдательствующимъ И. Я. Фойницкимъ въ 8 ч. 15 м. вечера.

Предсѣдательствующій И. Я. Фойницкій произнесъ слово въ память Н. А. Неклюдова, скончавшагося 1 сентября, при семъ прилагаемое. По приглашенію предсѣдательствующаго, собраніе почтило память Н. А. Неклюдова, вставъ со своихъ мѣстъ.

За тѣмъ въ память Н. А. Неклюдова произнесены были рѣчи дѣйствительными членами В. Д. Спасовичемъ и В. Д. Кузьминимъ-Караваевымъ, и сопровождавшимися аплодисментами собранія¹⁾.

Предсѣдательствующій И. Я. Фойницкій выразилъ соболѣзнованіе о кончинѣ 10 октября другого члена общества, К. Д. Анциферова, указавъ на его участіе въ обществѣ и пригласилъ почтить память его вставъ съ мѣстъ, что и было выполнено собраніемъ.

По предложенію предсѣдательствующаго, собраніе единогласно постановило: ходатайствовать передъ совѣтомъ общества о напечатаніи литературныхъ юридическихъ произведеній К. Д. Анциферова на счетъ и мѣрами юридическаго общества.

Объявленъ перерывъ засѣданія на 15 минутъ.

По возобновленіи засѣданія, въ виду поздняго времени, согласно ходатайству Г. Б. Сліозберга, постановлено отложить слушаніе предположеннаго имъ сообщенія до слѣдующаго засѣданія.

По приглашенію предсѣдательствующаго, Г. Б. Сліозбергъ сообщилъ отчетъ коммисіи о пересмотрѣ судебнаго законодательства.

¹⁾ Обѣ рѣчи были напечатаны въ Жур. Юрид. Общ., кн. X 1896 г. и кн. I 1897 г.

Собрание постановило: благодарить председателя и членов комиссии и представить труды ея въ совѣтъ общества для дальнѣйшаго направленія по принадлежности. Отчетъ комисіи при семъ прилагается.

За симъ И. Я. Фойницкій, пригласивъ товарища председателя В. Ѳ. Фененко принять на себя председательствованіе, представилъ сообщеніе о новостяхъ отечественной литературы по вопросу о судѣ присяжныхъ засѣдателей, объявленному редакціоннымъ комитетомъ вопросомъ очереднымъ, и главнымъ образомъ о сочиненіи А. М. Бобріщева Пушкина, Эмпирическіе законы дѣятельности русскаго суда присяжныхъ.

Засѣданіе закрыто въ 11 ч. 45 м. вечера.

Подлинный за подписью председателя, его товарища и членовъ редакціоннаго комитета.

*Приложеніе къ протоколу за-
сѣданія упол. отд. 19 октября
1896 г.*

Словѣ И. Я. Фойницкаго.

Мм. Гг. Наши занятія въ текущемъ году я вынужденъ начать съ выполненія тягостной обязанности. С.-П.-б. Юридическое Общество и въ частности наше отдѣленіе понесло тяжелую утрату, которая почувствовалась далеко за предѣлами нашего тѣснаго круга. Въ ночь на 1 сентября скончался Н. А. Неклюдовъ, выдающійся русскій криминалистъ, дѣятельный членъ нашего общества, состоявшій въ числѣ его учредителей. Смерть его была внезапна и, въ данное время, неожиданна. Весь наличный Петербургъ поторопился къ дорогому праху, не желая вѣрить, что Н. А. сталъ прахомъ. Только увидѣвъ его въ тѣсномъ гробу, этой неизбежной обители въ будущемъ всѣхъ насъ, мы съ глубокимъ горемъ убѣдились, что эти блестящіе глаза, глаза огненные и полные, казалось, вѣчной жизни и энергіи, никогда болѣе не раскроются, что это постоянно подвижное нервное лицо останется уже на вѣки подернутымъ тѣмъ спокойствіемъ, котораго оно не находило при жизни. И было томительно и больно видѣть обреченнымъ на вѣчную неподвижность это тѣло, сплошь сотканное изъ нервовъ, не остав-

являвшихъ при жизни его ума ни на минуту въ дѣлнвомъ состояніи спокойствія.

Николай Адриановичъ скончался въ возрастѣ далеко не приклонномъ, всего на 56 году жизни. Онъ родился въ Саратовской губ.; первоначальное образованіе получилъ въ пензенскомъ дворянскомъ институтѣ; затѣмъ, по окончаніи юридическаго образованія въ 1861 г. въ С.-П.-Б. университетѣ, на свой счетъ отправился за границу, гдѣ пробылъ два года, посвятивъ себя научнымъ занятіямъ по уголовному праву. Возвратясь, онъ выдержалъ магистерскій экзаменъ и защитилъ магистерскую диссертацию по вопросу о вліяніи возраста на преступность (въ 1865 г.). Въ слѣдующемъ году онъ поступилъ въ ряды образовывавшейся тогда магистратуры, въ самые боевые ея ряды, именно въ составъ столичнаго мирового института, гдѣ, въ качествѣ участковаго, потомъ почетнаго мирового судьи и предсѣдателя сѣзда, оставался шесть лѣтъ. Но и обширная дѣятельность члена мирового института была для него недостаточна: въ то же время онъ составилъ и издалъ два свои комментаріи для мировыхъ судей, перевелъ учебникъ Бернаера съ дополненіями по русскому праву, участвовалъ въ редакціи и изданіи многихъ переводныхъ сочиненій въ фирмѣ Тиблина и въ 1869 г. занялъ кафедру профессора уголовного права въ Военно-Юридической Академіи, которую удерживалъ почти до самой смерти. Въ 1871 г. Н. А. мѣняетъ выборную судебную службу на правительственную, принявъ должность юрисконсульта консультаціи при министерствѣ юстиціи. Съ этого времени начинается усиленное участіе Н. А. во множествѣ правительственныхъ комиссій какъ законодательнаго, такъ и расчетно-исполнительнаго характера. Участіе это продолжалось до самой смерти покойнаго и тяжело отозвалось на его здоровьи, требуя отъ него труда слѣпшаго, нервнаго и непосильнаго. Біографы насчитываютъ свыше тридцати комиссій, въ которыхъ Н. А. участвовалъ то въ качествѣ члена, по всегда члена-работника, то въ качествѣ предсѣдателя, и въ числѣ этихъ комиссій были такія, какъ: комиссія о волостныхъ судахъ (подъ предсѣдательствомъ М. Н. Любощинскаго), оставившая богатѣйшіе матерьялы, въ значительной степени обязанные покойному; объ устройствѣ быта евреевъ, работавшая въ 1877 г. подъ предсѣдательствомъ гр. Е. Н. Палена; комиссія по составленію желѣзнодорожнаго устава; расчетная комиссія по дѣламъ дѣйствовавшей арміи 1880 г.; комиссія по проекту устава эмери-

тальной кассы судебного вѣдомства 1881 г.; комиссія по составленію проекта уголовного уложенія, образованная въ 1881 г. и закончившая свой трудъ только въ 1895 г.; комиссія по пересмотру законоположеній по судебной части, образованная въ 1894 г.; ликвидационная комиссія для окончанія расчетовъ по сооруженіямъ, исполненнымъ управленіемъ общественныхъ работъ въ годы голодовки. Независимо отъ того, Н. А. участвовалъ и въ дѣятельности частныхъ обществъ. Онъ былъ членомъ комиссіи обычнаго права при географическомъ обществѣ. Съ 1877 по 1891 года, въ теченіи 14 лѣтъ, онъ исполнялъ обязанности члена редакціоннаго комитета уголовного отдѣленія нашего общества. Въ то же время онъ находилъ досугъ для работъ научно-литературныхъ. Онъ напечаталъ четыре обширныхъ тома своихъ комментаріевъ къ особенной части уголовного права, помѣщалъ свои статьи въ юридическихъ изданіяхъ (о государственныхъ преступленіяхъ, о взяточничествѣ и лихоимствѣ), а въ нашемъ обществѣ представилъ три обширные доклада: 1) о преступленіяхъ противъ брака; 2) о лже-свидѣтельствѣ; и 3) о протоколахъ судебныхъ засѣданій, производимыхъ съ присяжными засѣдателями. Нерѣдко наше общество слышало его въ качествѣ оппонента.

Дальнѣйшая служебная карьера Н. А. была блестящею, и всегда на должностяхъ отвѣтственныхъ и трудныхъ. Въ 1882 г. онъ назначенъ былъ оберъ-прокуроромъ уголовного кассационнаго департамента, и вскорѣ съ этою должностью соединилъ должность оберъ-прокурора общаго собранія, но затѣмъ удержалъ себя только послѣднюю. Въ 1892 г. онъ приглашенъ былъ на должность товарища государственнаго секретаря, а въ 1894 г. на должность товарища министра внутреннихъ дѣлъ. Въ газетахъ текущаго года 1 сентября, одновременно съ траурнымъ извѣщеніемъ о смерти Н. А., было напечатано распоряженіе о порученіи ему управленія министерствомъ внутреннихъ дѣлъ.

Исчерпать всю дѣятельность Н. А. въ тѣ немногія минуты, которыя вы можете удѣлить мнѣ, я не въ силахъ, да этого я и не ставлю своею задачею. Я хотѣлъ бы, въ самыхъ сжатыхъ чертахъ, возстановить передъ вами его внутреннюю личность, подѣлиться съ вами тѣми впечатлѣніями, которыя оставилъ во мнѣ Н. А. въ теченіи свыше четверти вѣковаго знакомства моего съ нимъ.

Вы все еще помните дорогаго намъ покойника. Высокій ро-

стомъ, нѣсколько сутуловатый, худощавый, періодами тощій какъ скелеть, часто съ судорожно дрожащими пальцами, въ которыхъ онъ почти всегда держалъ сигару, съ блестящими темнокоричневыми глазами, сильный брюнетъ безъ малѣйшаго намека на сѣдину до самой смерти, смуглый, съ изогнутымъ большимъ носомъ, не производившимъ однако впечатлѣнія чего либо непропорціональнаго, мнѣ онъ казался всегда чуждымъ нашимъ туманамъ и морозамъ, и его законченныя, рѣзкія черты ярко отличались отъ того неопредѣленнаго, немножко расплывающагося, но добродушнаго типа физіомій, которыя насъ обычно окружаютъ. Но такія рѣзкія черты встрѣчаются, хотя и рѣдко, между чисто русскими лицами, и любопытно, что по своему вѣшнему облику, Н. А. ничѣмъ не напоминалъ, кромѣ развѣ худобы, своего брата Ивана Адриановича, немногими мѣсяцами раньше его сошедшаго въ могилу: тотъ былъ низкаго роста, блондинъ и съ чертами лица менѣе рѣзкими.

Николай Адриановичъ былъ человѣкъ дѣла, жертвовавшій всѣмъ для него. Натура нервная, онъ отдавалъ всего себя дѣлу, въ данную минуту ему представлявшемуся.

Изъ за дѣла онъ пренебрегалъ всѣмъ остальнымъ. Въ высшей степени чуткій и отзывчивый, онъ, однако, въ отношеніяхъ съ людьми былъ всегда прямъ, ставя дѣло выше всего. Потому же въ этихъ отношеніяхъ сказывалось что то наивное, изъ за дѣла онъ не слѣдилъ за людьми, ихъ онъ мало зналъ и мало былъ способенъ узнавать человѣка Н. А. нерѣдко говаривалъ, что у него нѣтъ враговъ; хотѣлось бы ошибиться, но кажется, онъ не имѣлъ и друзей: дружбу надо культивировать, а для этого у него мало было времени, на столько лишь, чтобы окружить себя пріятелями и знакомыми. И еще кажется мнѣ, что покойный ошибался, утверждая что не имѣетъ враговъ: мнѣ самому приходилось встрѣчаться съ такими его врагами, и весьма ожесточенными. Но происходило это, думаю, по той простой причинѣ, что дѣло было для него выше всего, а дѣло создавало ему противниковъ, которые вслѣдствіе нѣкоторой прямоты и рѣзкости покойнаго, превращались и во враговъ.

Во всемъ у покойнаго былъ порывъ, но порывъ удивительный, для средняго человѣка не мыслимый. И такъ какъ Н. А. считалъ себя обязаннымъ принимать на себя каждое дѣло, которое ему поручалось или которое встрѣчалось на его пути, то дѣятельность

его крайне расширилась, охвативъ почти неимоверное количество предметовъ. Идя въ ширину, она неизбежно должна была пострадать по отношенію къ глубинѣ. Но критика въ правѣ оцѣнивать дѣятеля по тому, что онъ далъ, а не по тому, что, по мнѣнію того или иного лица, онъ могъ и долженъ былъ дать. Далъ же Н. А. безспорно много, причины же того, что онъ не далъ еще чего либо, могутъ быть крайне разнообразны; нерѣдко онѣ лежатъ внѣ дѣятеля, въ условіяхъ среды и воспитанія, и за нихъ онъ нести отвѣта не можетъ.

Неотразимый діалектикъ, Николай Адриановичъ былъ могучъ и неподражаемъ въ спорѣ. Это былъ борецъ ума, гладиаторъ слова. На эту борьбу ума онъ затрачивалъ всего себя, на этой почвѣ онъ одерживалъ блестящія побѣды; главнѣйшимъ оружіемъ его, впрочемъ, были не силлогизмы, а чрезвычайная подвижность его ума и быстрота соображенія, находчивость. Николай Адриановичъ никогда не считалъ себя ораторомъ, чѣмъ и объяснялъ, что не пошелъ въ адвокатуру. Но онъ былъ сильнѣе многихъ ораторовъ благодаря тому, что никогда не впадалъ въ фразу, а всегда выходилъ во всеоружіи точнаго изученія того, о чемъ приходилось говорить. Его огромная память и указанная подвижность ума довершали остальное.

Какъ научный дѣятель, Н. А. не столько инициаторъ, сколько популизаторъ и толкователь. Въ одной изъ біографій отиѣчалось, что Н. А. былъ первымъ изъ русскихъ писателей, начавшимъ разработку уголовной статистики, первымъ авторомъ комментаріевъ, первымъ профессоромъ, изложившимъ всю особенную часть уголовного права. Это не точно: въ разработкѣ уголовной статистики ему предшествовалъ Анучинъ, въ полномъ изложеніи особенной части (котораго, встати, Н. А. и не далъ)—А. В. Лохвицкій, а о предшествовавшихъ ему комментаторахъ русскаго законодательства всѣмъ извѣстно. Но это и не важно: суть не въ первенствѣ, а въ дѣйствительной необходимости и полезности того, что имъ сдѣлано, и въ качествахъ его работъ. Тутъ заслуги Н. А. безспорны, и добросовѣстная критика, исходящая изъ того, что онъ далъ, должна будетъ признать, что онъ далъ много хорошаго. Впрочемъ, о этой сторонѣ личности покойнаго въ сегодняшнемъ засѣданіи высказутся еще его профессоръ и его ученикъ.

Какъ организаторъ. Н. А. мнѣ, къ сожалѣнію, мало извѣстенъ. Я старался получить свѣдѣнія о его дѣятельности какъ мирового

судьи, но тщетно. А въ этой дѣятельности, въ этотъ шиллеровскій періодъ нашей судебной исторіи, онъ долженъ былъ не только бороться, но и творить, и могъ сотворить, и, конечно, сотворилъ много хорошаго. Тамъ, гдѣ мнѣ удавалось наблюдать покойнаго, я приходилъ всегда къ заключенію, что, работая самъ лично много, поразительно много, какъ лошадь, онъ едва-ли умѣлъ работать совокупными силами и привлекать къ участию другихъ. Для этого у него было слишкомъ много страстности, побуждавшей его передѣлывать самому даже всю черновую работу, которая ему представлялась.

Какъ государственный дѣятель, Н. А. принадлежитъ исторіи; прискорбно и больно, что онъ имѣлъ такъ мало времени заявить себя въ этой области.

Мнѣ остается, Гг., напомнить о всѣмъ вамъ извѣстныхъ симпатичныхъ качествахъ покойнаго, его простотѣ и откровенности, его предупредительности, поразительной доступности, его чуткости и отзывчивости, его готовности жертвовать собою для сотоварищей и жертвовать чувствительно: по сказаніямъ, онъ все состояніе употребилъ для спасенія сослуживца въ началѣ судебной реформы отъ скамьи подсудимыхъ за растрату. Этими качествами онъ положительно обвораживалъ всѣхъ, и еслибъ не та высота, на которую онъ ставилъ интересы дѣла, которому отдавалъ всего себя, то дѣйствительно можно было бы удивляться, какъ могли быть враги у такого человѣка.

А дѣло онъ всегда ставилъ выше всего. Изъ за него онъ нерѣдко забывалъ другихъ, и себя. Ему онъ служилъ всѣми силами своей души, всѣми фибрами своего существа. Правда, онъ былъ выносливъ, и выносливъ поразительно. Есть легенда, что покойный Государь Александръ III на заявленіе бывшаго министра юстиціи Н. А. Манасеина о тяжелой болѣзни Неклюдова, отвѣтилъ ему: „не безпокойтесь, Неклюдовъ переживетъ и меня, и васъ“. Пророчество исполнилось, но на немного времени. Бить постоянно по однимъ и тѣмъ же струнамъ не безопасно. Безспорно, у него до конца оставалась еще много энергіи, много порыва. Но его сердце давно уже протестовало противъ работы непосильной, которую не оставлялъ до самой смерти Николай Адриановичъ. Что работа эта дала, каковы ея результаты—еще вопросъ будущаго. Для насъ несомнѣнно, во всякомъ случаѣ, что предпринималась и выполнялась покойнымъ эта работа въ мысляхъ о благѣ родины, о торжествѣ права, съ муже-

ственной энергіею ума твердаго, съ чуткостью сердца отзывчиваго, себя нисколько не щадившаго.

Да будетъ же ему легка родная земля, и память о немъ да останется долго и долго въ сердцахъ нашихъ!

Въ знакъ почтенія къ покойному, приглашаю васъ, Гг., встать.

Работы комисіи, назначенной уголовнымъ отдѣленіемъ по поводу пересмотра законовъ по судебной части¹⁾.

По 44 вопросу.

Комисіи не считаетъ возможнымъ дать какой либо отвѣтъ, на поставленный вопросъ. Вопросы подсудности сами по себѣ относятся скорѣе къ теоріи судоустройства; кромѣ того, перечисленіе, дѣлаемое ст. 201, настолько подробно, что давать общій отвѣтъ по всему содержанію первой части вопроса едва ли возможно. Сверхъ сего какъ отвѣтъ на эту часть вопроса, такъ и отвѣтъ на вторую его часть вопроса о затрудненіяхъ, возникающихъ при образованіи состава присутствія судебной палаты предполагаетъ предварительное разрѣшеніе вопроса о самомъ существованіи формы суда съ сословными представителями, удержаніе коей на будущее время едва ли подлежитъ считать дѣломъ рѣшеннымъ. Комисіи оставляетъ, конечно, за собою право впослѣдствіи опредѣлительно высказаться по этому вопросу и при обсужденіи его, конечно, затронуть и вопросъ, изложенный подъ п. 44.

По 45 вопросу.

Останавливаясь на пунктѣ а (возложеніе на полицію разслѣдованія нѣкоторыхъ преступныхъ дѣяній) комисіи признала нежелательнымъ расширеніе правъ полиціи въ этомъ отношеніи, находя, что составъ полицейскихъ органовъ вообще не даетъ возможности ожидать удачныхъ результатовъ отъ присвоенія ей новыхъ слѣдственныхъ функцій.

Относительно расширеніе правъ, принадлежащихъ полиціи по ст. 254 и 258 комисіи полагаетъ что взаимныя отношенія слѣ-

¹⁾ См. Журн. Юрид. Общ., кн. I, 1897 г.

дователя и полиціи очерчены въ судебныхъ уставахъ правильно и цѣлесообразно и перемѣна въ этой области нежелательна. Акты слѣдователя всегда заслужаютъ предпочтеніе передъ актами полицейскими. Обыскъ произведенный полиціей, окажется мѣрой несравненно болѣе тягостной для подвергнувшагося ему, чѣмъ обыскъ слѣдователя. Между тѣмъ, предоставленіе слѣдователямъ права уклоняться отъ личнаго производства обысковъ и осмотровъ породило бы для нихъ значительный соблазнъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда ихъ личное участіе связано съ какими либо тягостями и усиліями. Создать извѣстныя оговорки, ограничивающія въ этомъ отношеніи слѣдователя едва ли возможно. Притомъ, право жалобы на дѣйствія полиціи труднѣе осуществимо, и результатъ жалобъ менѣе обезпеченъ. Расширенія дѣятельности полиціи, при производствѣ разслѣдованій могло бы быть, по мнѣнію комиссіи, сдѣлано въ томъ только случаѣ, если бы у насъ введена была специальная судебная полиція, потребность въ коей нельзя не признать весьма настоятельною. Что же касается ст. 257 У. У. С., то нельзя не принять во вниманіе то обстоятельство, что по буквальному ея смыслу, полиція, въ предусмотрѣнныхъ пунктами 1—6 случаяхъ не стѣснена въ свойствѣ принимаемыхъ ею мѣръ пресѣченія. Между тѣмъ, несомнѣнно, что и въ этихъ случаяхъ остаются въ силѣ ограниченія, содержащіяся въ ст. 416—430. Въ этомъ смыслѣ и надлежитъ дополнить ст. 257, постановивъ въ ней, что „полиція принимаетъ мѣры къ пресѣченію подозрѣваемому способовъ уклоняться отъ слѣдствія, руководствуясь правилами, изложенными въ ст. 416-430 включительно“.

По 46 вопросу.

На вопросъ этотъ касающійся необходимости поименованія въ законѣ органовъ, несущихъ обязанности, опредѣленные въ ст. 250-261, комиссія находитъ нужнымъ дать отрицательный отвѣтъ. Желательное, быть можетъ, въ интересахъ точности и полноты. такое перечисленіе довольно затруднительно. Конечно, участіе въ производствѣ дознанія неграмотныхъ органовъ сельской полиціи едва ли цѣлесообразно, но вопросы этого рода удобнѣе разрѣшаются какъ въ самихъ постановленіяхъ, опредѣляющихъ права и обязанности тѣхъ или другихъ полицейскихъ органовъ, такъ и въ циркулярахъ центральныхъ вѣдомствъ, т. е. составляютъ вопросъ инструкціи а не законодательнаго измѣненія или дополненія дѣйству-

ющихъ узаконеній. По 2 части этого же вопроса о предоставленіи чинамъ прокурорскаго надзора права безъ участія полиціи, производить осмотры обыски и выемки комиссія не находила возможнымъ дать утвердительный отвѣтъ. Ибо такое участіе прокурорскаго надзора влекло бы за собою насомнѣнное уменьшеніе престижа его, нанесло бы вредъ тому вліянію, которое имѣетъ при разсмотрѣніи дѣла публичный обвинитель, и въ корнѣ подрывало бы принципъ, лежащій въ основѣ предварительнаго слѣдствія по судебнымъ уставамъ. Нельзя не забывать, что прокуроръ будущая сторона въ дѣлѣ и всѣ акты его по предварительному слѣдствію лишены будутъ того значенія, которое присуще актамъ этого фазиса процесса.

По 47 вопросу.

Настоящій вопросъ имѣетъ очевидную связь съ вопросомъ 1, разсмотрѣннымъ уже комиссіею и разрѣшеннымъ ею отрицательно, такъ какъ участіе прокурорскаго надзора въ дѣлахъ мирового производства нежелательно; при такихъ условіяхъ нѣтъ никакой надобности возложить на полицію обязанности сообщать прокурору указанныя въ ст. 250 свѣдѣнія по дѣламъ подсуднымъ мировымъ установленіямъ.

Напротивъ того комиссія находитъ правильнымъ дать утвердительный отвѣтъ на вторую часть вопроса (обязанность полиціи сообщить прокурору вышеуказанныя свѣдѣнія въ тѣхъ случаяхъ, когда она только по слуху или изъ другого не вполне достовернаго источника извѣстится о происшествіи, имѣющемъ признаки преступленія). Такой отвѣтъ вызывается тѣмъ соображеніемъ, что при полной освѣдомленности прокурорской власти о слухахъ, будетъ возможность немедленно провѣрить слухъ и пресѣчь нежелательныя толки, въ случаѣ неосновательности его или же направить дѣло по закону, если слухъ имѣетъ основаніе. Практика показываетъ, какъ важно вмѣшательство прокурорскаго надзора въ видахъ именно прекращенія слуховъ волнующихъ общественное мнѣніе. Такое вмѣшательство возможно однако лишь только въ томъ случаѣ, если на полицію возложена будетъ обязанность извѣщать прокурора и о такихъ происшествіяхъ, о которыхъ она извѣстится даже по однимъ слухамъ.

По 48 вопросу.

По мнѣнію комиссіи нѣтъ никакихъ практическихъ основаній дозволить полиціи продолжать производство дознаній, по прибытіи

слѣдователя; если дальнѣйшая дѣятельность полиціи оказалась бы въ данномъ случаѣ полезною, то судебный слѣдователь согласно ст. 271 уст. угол. суд., и даетъ объ этомъ порученіе, полиціи выйти же за предѣлы указанной статьи нѣтъ практическаго основанія и было бы нежелательно въ виду возможности раздвоенія слѣдственныхъ дѣйствій. И здѣсь комиссія не можетъ не указать на отсутствіе специально подготовленной опытной судебной полиціи.

По 49 вопросу.

Комиссія находитъ, что нѣтъ надобности предоставлять прокурору еще особое право прекращенія дознанія, виѣ ст. 253 и 309 уст. угол. суд.; такое прекращеніе нарушило бы интересы потерпѣвшаго, для котораго одной возможности приносить жалобу недостаточно самое понятіе „очевидной безцѣльности“ условное и совершенно неточное, а между тѣмъ оно кладется въ основаніе предполагаемаго полномочія прокуратуры. Предположеніе же о предоставленіи прокурору права предлагать слѣдователю произвести 'отдѣльные слѣдственные дѣйствія, комиссія не находитъ цѣлесообразнымъ, такъ какъ исполнительнымъ органомъ для отдѣльныхъ порученій является полиція, а не слѣдователь.

По 50 вопросу.

Комиссія находитъ, что въ дѣйствующемъ законѣ прекращеніе слѣдствія правильно предоставлено исключительно суду. По мнѣнію комиссіи, такой порядокъ, представляя достаточныя гарантіи, не вызываетъ никакихъ практическихъ затрудненій. Но практикуемый нынѣ порядокъ извѣщенія потерпѣвшаго о направленіи дѣла по ст. 277 безъ извѣщенія его о послѣдовавшемъ опредѣленіи суда нуждается въ дополненіи въ томъ смыслѣ, чтобы, о состоявшемся опредѣленіи вмѣсто вывѣшиванія его у дверей суда, сообщалось было потерпѣвшему черезъ полицію.

По 51 вопросу.

Комиссія склоняется къ положительному отвѣту прекращеніе слѣдствій по дѣламъ, производящимся въ порядкѣ частнаго обвиненія, и требующимъ производства предварительнаго слѣдствія въ случаѣ совершенной недостаточности уликъ, могло бы, остановить въ самомъ зародышѣ многія клеветныя жалобы, обременяющія судебныя установленія. Въ дѣлахъ же частнаго обвиненія, по коимъ

предварительное слѣдствіе не обязательно прекращеніе жалобы частнаго обвинителя должно получать дальнѣйшее движеніе, и предоставить прекращать дѣло по 277 ст. возможно было бы лишь тогда, если бы и для этой категоріи былъ установлено обрядъ преданія суду.

По 52 вопросу.

Коммисія не усматриваетъ необходимости въ самомъ законѣ точно установить правила, коими регулировались бы отношенія судебныхъ слѣдователей при исполненіи однимъ порученій другому. Едва ли на практикѣ возникаютъ какія либо затрудненія и если и понадобилась бы регламентація, то она можетъ быть дана въ порядкѣ инструкцій или наказа, безъ какихъ либо подробныхъ указаній въ самомъ законѣ.

По 53 вопросу.

Коммисія находитъ, что личныя удобства слѣдователя достаточно ограждены ст. 294 уст. угол. суд., и идти дальше въ этомъ направленіи едва ли желательно.

По 54 вопросу.

Согласно ст. 262 у. у. с., для начатія предварительнаго слѣдствія требуются два условія: законный поводъ и достаточное основаніе, причемъ подъ первымъ разумѣется внѣшній формальный актъ, безъ наличности котораго не можетъ быть начато слѣдствіе, достаточное же основаніе есть такъ сказать матеріальная причина возбужденіе уголовного иска и заключается въ предъявленіи фактовъ, носящихъ признаки преступленія или проступка, и притомъ фактовъ до извѣстной степени достовѣрныхъ. Взаимныя отношенія этихъ двухъ началъ (законнаго повода и достаточнаго основанія) характеризуются статьями 297 299, 303, 308 313 у. у. с.

Среди законныхъ поводовъ, перечисленныхъ въ ст. 297, жалоба потерпѣвшаго отличается тѣмъ, что согласно ст. 303 у. у. с. она почитается *достаточнымъ* поводомъ къ началу слѣдствія (Въ этомъ смыслѣ нельзя въ ней сливать, какъ это дѣлаетъ 54-ый вопросъ, объявленіе очевидца, такъ какъ послѣднее только *можетъ* почитаться достаточнымъ поводомъ).

Между тѣмъ, не слѣдуетъ вовсе отрѣшаться по отношенію къ жалобѣ потерпѣвшаго, а тѣмъ болѣе по отношенію къ объяв-

ленію очевидца, отъ общаго начала, проводимаго ст. 262. Нельзя отрицать право слѣдователя по всѣмъ законнымъ поводамъ безъ исключенія отыскивать достаточное основаніе, т. е., убѣждаться какъ въ наличности признаковъ преступленія или проступка, такъ и въ ихъ достовѣрности. Присвоеніе слѣдователю роли пассивнаго орудія въ рукахъ каждаго, задумавшаго возбудить уголовный искъ, нежелательно ни въ интересахъ общественныхъ, ни въ частныхъ. Права потерпѣвшаго достаточно ограждены и при допущеніи критической оцѣнки заявляемой имъ жалобы; такая провѣрка до извѣстной степени неизбежна, такъ какъ нельзя по существу требовать отъ слѣдователя приступа къ слѣдствію въ такихъ случаяхъ, когда явная нелѣпость и несообразность жалобы бросается въ глаза и не можетъ быть оспариваема. Такимъ образомъ, по мнѣнію комиссіи, жалобы потерпѣвшаго и объявленія очевидцевъ не должны почитаться безусловнымъ поводомъ для начатія слѣдствія; и въ этомъ случаѣ слѣдователь долженъ войти въ обсужденіе того, имѣются ли достаточныя основанія, къ началію слѣдствія отсутствіи таковыхъ, ему слѣдуетъ предоставить право, не начиная слѣдствія, сообщить лишь въ порядкѣ ст. 309 прокурору или его товарищу отказъ свой съ присовокупленіемъ мотивовъ. Интересы же потерпѣвшихъ достаточно ограждаются возможностью принесеній жалобы на дѣйствія слѣдователя на общемъ основаніи ст. 491 Уст. Уг. Суд., въ этой послѣдней пришлось бы развѣ нѣсколько измѣнить редакцію, а именно добавить словамъ „слѣдственное дѣйствіе“—и на отказъ въ производствѣ слѣдствія. До того же чтобы потерпѣвшій могъ пользоваться правомъ обжалованія необходимо установить правило, что въ случаяхъ отказа въ возбужденіи слѣдствія примѣнительно къ ст. 309 и 310 У. У. С., слѣдователь обязанъ сообщить объ этомъ потерпѣвшему.

По 55 вопросу.

Комиссія не усматриваетъ какихъ либо сомнѣній въ томъ, чтобы законные представители не пользовались и по нынѣ дѣйствующему закону правомъ представительства потерпѣвшаго въ уголовномъ дѣлѣ и не находятъ какихъ либо основаній къ признанію этого порядка. При этомъ комиссія подъ законными представителями конечно, не разумѣетъ *законно уполномоченныхъ* т. е. повѣренныхъ, а имѣетъ въ виду лишь представителей по закону (опекуны, родители и т. п.)

По 56 вопросу.

Коммисія находитъ, что примирительное разбирательство весьма часто приводитъ къ положительнымъ результатамъ и не сопряжено съ какими либо существенными затрудненіями. Съ точки зрѣнія цѣлесообразности, представлялось бы желательнымъ допускать сообщеніе потерпѣвшимъ письменныхъ условій примиренія въ тѣхъ случаяхъ, когда личная явка обѣихъ сторонъ неудобна (напр., при оскорбленіяхъ въ печати, когда обиженного отдѣляетъ отъ обидчика большое пространство). Разумѣется, необходимость въ подобной, нѣсколько сложной, процедурѣ будетъ ощущаться только при отсутствіи законныхъ представителей сторонъ, облеченныхъ правомъ заключать мировую. вмѣстѣ съ симъ коммисія находитъ, что ст. 303 у. у. с. желательно было бы измѣнить въ томъ смыслѣ, что за неявкой обвинителя, хотя бы и безъ законныхъ причинъ, дѣло не прекращается, если названное лицо, въ заявленіи, поступившимъ ко дню вызова, настаиваетъ на своей жалобѣ.

По 57 и 58 вопросамъ.

Эти вопросы находятся въ прямой связи съ вопросомъ 18, разрѣшаемымъ коммисіею отрицательно, т. е. въ смыслѣ предоставленія исключительно сторонамъ инициативы процессуальныхъ дѣйствій и невмѣшательства прокурорскаго надзора и судебной власти въ дѣла исключительно частно-уголовныя. Что же касается, въ частности, допущенія представителей частнаго обвинителя на предварительномъ слѣдствіи, то къ таковымъ едва ли могутъ встрѣчаться препятствія при условіи, однако, чтобы въ интересахъ равноправности сторонъ допущенъ былъ представитель обвиняемаго.

По 59 вопросу.

Коммисія находитъ, что нѣтъ основаній предоставлять жалобщику большій объемъ правъ, чѣмъ обвиняемому, и что поэтому отъ разумнаго усмотрѣнія слѣдственной власти должно зависѣть не допускать его присутствія при иныхъ слѣдственныхъ дѣйствіяхъ. Тѣмъ болѣе, что потерпѣвшій на судебномъ слѣдствіи оказывается свидѣтелемъ и показаніе его лишается характера непосредственности, если онъ слышалъ уже показаніе другихъ свидѣтелей на предварительномъ слѣдствіи. О недопущеніи къ присутствованію жалобщика долженъ быть своевременно извѣщаемъ о такомъ рас-

пораженія слѣдователя и ему слѣдуетъ предоставить гарантіи, коими пользуется обвиняемый на основаніи ст. 448 и 449 у. у. с.

По 60 вопросу.

Коммисія не усматриваетъ ни одного соображенія которое говорило бы въ пользу разрѣшенія этого вопроса въ утвердительномъ смыслѣ. Обеспеченіе иска—дѣло усмотрѣнія истца, которому ближе извѣстны надобность и возможность обеспечения, и подобно того въ гражданскомъ судѣ было бы странно возлагать на судъ обязанность не только разрѣшать требованія сторонъ но и проявлять инициативу для обеспечения интересовъ ихъ, точно такъ же неумѣстно было бы допускать вмѣшательство слѣдователя въ частное гражданское дѣло, искусственно приобщенное къ уголовному производству.

По 61 вопросу.

Коммисія находитъ, что разрѣшеніе разномысліи между судебнымъ слѣдователемъ и прокурорскимъ надзоромъ должно быть предоставлено суду, но при этомъ, желательно, чтобы слѣдователь, не найдя достаточныхъ основаній къ началію слѣдствія, возвращалъ дѣло прокурору, и лишь при несогласіи послѣдняго на прекращеніе дѣла, оно бы обращалось чрезъ прокурора на разсмотрѣніе суда.

По 62 вопросу.

Коммисія не признаетъ возможнымъ дать утвердительный отвѣтъ на вопросъ предоставленіемъ слѣдователю права самому приступать къ слѣдствію въ случаяхъ предусмотрѣнныхъ ст. 314 У. У. С., возстановлено было бы существовавшее нерѣдко при старыхъ порядкахъ положеніе когда одно слѣдствіе порождало рядъ новыхъ, и притомъ производство новаго слѣдствія по усмотрѣнію слѣдователя въ корнѣ подорвало бы основной принципъ судебныхъ уставовъ что инициатива возбужденія уголовного преслѣдованія должна принадлежать прокурорскому надзору по всѣмъ дѣламъ, кромѣ дѣлъ частно-уголовныхъ.

По 63 вопросу.

Меньшинство членовъ коммисіи находитъ, что обязательное присутствованіе понятыхъ при всѣхъ осмотрахъ и освидѣтельствова-

ніяхъ представляется вомногихъ случаяхъ весьма затруднительнымъ, въ другихъ ненужнымъ. Вслѣдствіе этого, на практикѣ нерѣдко замѣчается стремленіе исполнять указанное требованіе лишь формальнымъ образомъ, причемъ въ роли понятыхъ являются разсыльные, низшіе служители судебныхъ мѣстъ и т. п. По нѣкоторымъ же категоріямъ дѣлъ какъ то, по банковымъ, денежнымъ и др. присутствіе понятыхъ нѣсколько связываетъ слѣдователя, тормозя ходъ слѣдственныхъ дѣйствій. Равнымъ образомъ, при производствѣ сложныхъ экспертизъ понятые могутъ являться лишь безучастными зрителями, вовсе не могущими ни провѣрять, ни контролировать происходящую въ ихъ присутствіи процедуру.

Тѣмъ не менѣе меньшинство не признаетъ возможнымъ отказаться отъ обязательнаго присутствія понятыхъ въ иныхъ случаяхъ, относя къ таковымъ осмотры лицъ женскаго пола, обыски и осмотры на мѣстѣ. Въ первыхъ двухъ случаяхъ участіе понятыхъ является нѣкоторой гарантіей для обвиняемаго, въ послѣднемъ присутствіе ихъ какъ бы зацѣпляетъ обстановку преступленія со всѣми ея случайными и подчасъ незамѣтными слѣдователемъ признаками.

Помимо указанныхъ трехъ случаевъ, въ которыхъ приглашеніе понятыхъ должно оставаться обязательнымъ, эту мѣру слѣдуетъ, по мнѣнію отдѣла удерживать лишь въ качествѣ факультативной, съ тѣмъ, чтобы отъ слѣдователя зависѣло прибѣгать или не прибѣгать къ ней. Большинство же полагаетъ, что участіе понятыхъ желательно не только въ отношеніи гарантіи правильности содержанія составляемыхъ протоколовъ, но главнѣйше въ отношеніи своевременности составленія ихъ и служить обезпеченіемъ того, что протоколы не будутъ составляться на память. Въ виду сего большинство не находитъ возможнымъ признать въ этомъ отношеніи дѣйствующій нынѣ порядокъ.

По 64 вопросу.

Коммисія можетъ лишь вполне одобрить мысль о примѣненіи фотографіи при производствѣ осмотровъ.

По 65 вопросу.

Коммисія признаетъ вполне желательнымъ усвоеніе принятаго въ нѣкоторыхъ странахъ (Австрія, Франція) порядка по которому избраніе свѣдущихъ людей экспертовъ лежитъ на обязанности суда, ведущаго списки названныхъ лицъ и имѣющаго возможность

удостоверяться въ ихъ компетентности любымъ способомъ. Желательно было бы имѣть такіе же списки и у насъ, но едва ли установленіе этой мѣры должно быть сдѣлано въ законодательномъ порядкѣ, по крайней затруднительности удостовѣряться въ надлежащей компетентности экспертовъ. Но казалась бы желательнымъ вопросъ этотъ разрѣшать въ наказахъ судебныхъ мѣстъ, могущихъ сообразоваться съ условіями каждой мѣстности въ отдѣльности.

По 66 вопросу.

Вопросъ объ отношеніяхъ эксперта и суда представляется вообще весьма сложнымъ, и научное рѣшеніе его еще впереди. Форма разграниченія правъ и обязанностей слѣдователя и эксперта связана съ тѣмъ, какъ будутъ очерчены ихъ взаимныя отношенія на судѣ. Можетъ быть, признано будетъ нужнымъ расширить функціи эксперта на судѣ, придать, какъ предлагаютъ представители новѣйшихъ школъ уголовного права, заключеніямъ экспертизы обязательное значеніе. Тогда и при предварительномъ слѣдствіи должно соотвѣтственно возвысится значеніе эксперта.

Вторая часть вопроса имѣетъ, казалось бы, въ виду распространеніе правъ, принадлежащихъ по уставу уголовного судопроизводства собственно врачамъ экспертамъ на прочихъ свѣдущихъ людей. Коммисія не усматриваетъ необходимости установленія въ этомъ отношеніи разницы между экспертизой вообще медицинской въ частности и полагала бы поэтому редакцію ст. 333 устава уголовного судопроизводства измѣнить и изложить ее примѣнительно къ редакціи ст. 341, согласно коей слѣдователь имѣетъ сообщить эксперту свѣдѣнія которыя могутъ служить для экспертовъ указаніемъ, на что надлежитъ обратить вниманіе при дачѣ заключенія.

По 67 вопросу.

Мнѣнія коммисіи раздѣлились. Меньшинство, указывая на то обстоятельство, что прочіе врачи, кромѣ поименованныхъ въ ст. 337 устава уголовного судопроизводства, весьма часто оказываются лишенными достаточныхъ свѣдѣній въ судебной медицинѣ. Притомъ, вопросъ о вознагражденіи частныхъ врачей представляетъ затрудненія. Тѣмъ не менѣе меньшинство членовъ находитъ что ограниченіе, устанавливаемое для слѣдователя ст. 337 устава уголовного судопроизводства, нерѣдко весьма стѣснительно для него. Въ

практикѣ бывали случаи, что уѣздный или полицейскій врачъ самъ оказывался замѣшаннымъ въ дѣлѣ: экспертиза такого лица, конечно, ненадежна. Разумѣется, нельзя позволить слѣдователю вызывать кого угодно: разрѣшеніе этого вопроса стоитъ повидимому въ связи съ тѣмъ, какіе будутъ выработаны способы удостовѣренія въ компетентности приглашаемыхъ для экспертизы лицъ (вопр. 65). Большинство же не находитъ возможнымъ приглашеніе тѣхъ или другихъ врачей для медицинскихъ изслѣдованій предоставить усмотрѣнію слѣдователя, и этимъ совершенно уничтожить гарантіи хотя бы официальной, служебной компетентности врачебнаго освидѣтельствованія, и поэтому признаетъ цѣлесообразнымъ остаться при нынѣ дѣйствующихъ на сей предметъ постановленіяхъ закона.

По 68 вопросу.

Коммисія находитъ, что свидѣтельство, о коемъ говорится въ ст. 344, какъ актъ слѣдственный, должно быть составляемо судебнымъ слѣдователемъ, который ведетъ протоколъ, заключающій въ себѣ и замѣчанія врача. Необходимо, конечно, и заключеніе врача, но только оно и должно исходить отъ врача. При этомъ ст. 344 должна быть измѣнена въ томъ смыслѣ, что актъ передается врачу и отъ него не позже 3 дней должно поступить обратно съ заключеніемъ.

По 69 вопросу.

Настоящій вопросъ разрѣшенъ въ опредѣленіи общаго собранія 1-го и кассационныхъ департаментовъ сената, постановившемъ, что судебные слѣдователи имѣютъ право непосредственно сноситься съ медицинскимъ совѣтомъ по предметамъ судебно-медицинскихъ экспертизъ, причемъ указанъ и порядокъ этихъ сношеній. Указанное опредѣленіе примѣняется согласно циркуляра министра юстиціи отъ 20 ноября 1881 г., № 21493. Внесеніе его въ законъ не представило бы по мнѣнію коммисіи никакихъ неудобствъ.

По 70 вопросу.

Коммисія находитъ, что въ пользу фотографированія тѣла умершаго не можетъ быть сомнѣнія, но не видитъ достаточныхъ основаній къ тому, чтобы вводить правило объ этомъ въ самый законъ, такъ какъ фотографированіе, несомнѣнно одно изъ законныхъ средствъ удостовѣреній фактовъ и едва ли нынѣ встрѣтилось бы сомнѣніе для примѣненія этого способа.

По 71 вопросу.

Коммисія находить, что освидѣтельствованіе женщинъ есть мѣра чрезвычайно тяжелая въ нравственномъ отношеніи. Тягость эта, чувствительная и для замужней женщины, усугубляется, когда предметомъ осмотра является дѣвушка. Въ иныхъ случаяхъ быть освидѣтельствовавшей значить перетерпѣть большее страданіе, чѣмъ при понесеніи уголовного наказанія. Подвергать такой нравственной пыткѣ лицъ не привлеченныхъ въ качествѣ обвиняемыхъ, т. е. недостаточно заподозрѣнныхъ, едва ли желательно. Тѣмъ менѣе примѣнима эта мѣра, въ качествѣ обязательной, къ лицамъ потерпѣвшимъ. Практика указывала на случаи злоупотребленій правомъ освидѣтствованія женщинъ (достаточно указать на практикуемое иногда поголовное освидѣтствованіе дѣвушекъ деревни при нахожденіи трупа новорожденнаго). Поводы къ такимъ злоупотребленіямъ прибавляются, если будетъ дано право свидѣтельствовать прочихъ лицъ до выясненія падающихъ на нихъ уликъ. Хотя часто самое выясненіе уликъ зависитъ отъ освидѣтствованія и вытекаетъ изъ него, а иногда освидѣтствованіе можетъ сразу обнаружить невинность заподозрѣнной или лживость показаній мнимо-потерпѣвшей какъ и подтвердить улики. Тѣмъ не менѣе столь существенное стѣсненіе личности нельзя допускать въ видѣ мѣръ не удостовѣренія а лишь дознанія, исканія уликъ.

Вслѣдствіе этихъ соображеній представляется желательнымъ остаться при нынѣ дѣйствующемъ правилѣ, изложенномъ въ ст. 352, т. е. допускать освидѣтствованіе женщины лишь при наличности основательныхъ уликъ, т. е. послѣ привлеченія въ качествѣ обвиняемой, каковой моментъ вообще не выдѣленъ нашимъ уставомъ.

Находя невозможнымъ дать отвѣтъ на вопросъ б коммисія признаетъ, что единственнымъ послѣдствіемъ отказа въ дозволеніи произвести надъ собою освидѣтствованіе что вообще относится до потерпѣвшей можетъ быть прекращеніе обвиненія.

По 72 и 73 вопросамъ.

Коммисія находить, что освидѣтствованіе умственныхъ способностей есть таже экспертиза, обставленная лишь особеннымъ порядкомъ. Она съ полнымъ удобствомъ можетъ быть произведена въ распорядительномъ засѣданіи суда. Законные интересы обви-

наемого достаточно гарантируются тѣмъ, что освидѣтельствованіе въ судѣ имѣетъ мѣсто лишь послѣ заключенія врача, представленнаго слѣдователемъ. Это заключеніе нельзя признать обязательнымъ для суда. Проверка того, насколько обвиняемый навлекаетъ на себя основательное подозрѣніе излишне, такъ какъ освидѣтельствованіе можетъ, очевидно, имѣть мѣсто лишь послѣ привлеченія къ слѣдствію въ качествѣ обвиняемаго. Установленіе срока испытанія, столь граничащаго съ предварительнымъ заключеніемъ весьма желательно, по мнѣнію комисіи. Что касается привода къ освидѣтельствуванію, то право привода само собою разумѣется и не вызываетъ сомнѣній и нынѣ. Къ установленію же особаго порядка для случаевъ освидѣтельствуванія состоянія умственныхъ способностей потерпѣвшаго надобности, какъ полагаетъ комисія, не усматривается.

СПИСОКЪ

книгъ, полученныхъ для библіотеки Юридическаго Общества въ теченіе Декабря 1896 года.

- А. А. Левенстимъ.** „Предварительное слѣдствіе по судебнымъ устанамъ, его недостатки и мѣры къ улучшенію“. Спб. 1895.
„Рѣчь государственнаго обвинителя въ уголовномъ судѣ“ Спб. 1894.
- М. С. Студентскій.** „Краткій словарь техническихъ словъ и выраженій вексельнаго права и вексельныхъ операцій“. Спб. 1893.
„Текущій счетъ и контокоррентъ“.
„Биржа, спекуляція нигра“.
- В. Вильсонъ.** „Судебная практика по торговымъ дѣламъ“ Спб. 1896.
„Судебная практика по дѣламъ о торговыхъ несостоятельности“. Спб. 1897.
- В. Р. Завадскій.** „Повудительное исполненіе и упрощенное судопроизводство“.
„Въ заглѣ засѣданія съ присяжными засѣдателями“ (изъ отчетовъ ревизора).
„Къ вопросу о власти предсѣдателя суда“ (изъ отчетовъ ревизора).
„Судебныя Канцеляріи во Франціи, Италіи и Германіи“ (изъ отчета по служебной командировкѣ). *
- В. Д. Набоковъ.** „Нищенство и бродяжничество“.
Задачи и методъ науки уголовного права“.
- Э. Э. Пирвицъ.** „Значеніе вины, случая и непреодолимой силы въ гражданскомъ правѣ“. Спб. 1895.

А. И. Дукмасовъ. „Можетъ ли работа быть наказаніемъ“ (статья, помѣщенная въ Журналъ Гражданскаго и Уголовнаго права, кн. VI, 1892 г.).

„Работа, какъ наказаніе“ (Наблюдатель, Декабрь, 1894 г.).

„Къ вопросу о судѣ присяжныхъ“.

„Начала общественности и бюрократизма въ судебной дѣятельности“, (Наблюдатель № 5 и 6. 1894 г.).

В. Д. Спасовичъ. Сочиненія. Восемь томовъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА
ЖУРНАЛЪ ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ВЪ 1897 году.

Журналъ выходитъ въ 1897 году по той же расширенной программѣ, обнимающей всѣ отрасли юридическихъ и государственныхъ наукъ и при тѣхъ же постоянныхъ сотрудникахъ, какъ и въ нынѣшнемъ году. Подробности см. на оборотѣ.

Для гг. подписчиковъ на кассационныя рѣшенія.

Для избѣжанія недоразумѣній, редакція имѣетъ честь обратить вниманіе гг. подписчиковъ на кассационныя рѣшенія, что въ составъ подписнаго года входятъ лишь тѣ листы рѣшеній, которые изданы сенатскою типографіею съ 1-го января по 31-е декабря. Начальные листы какого либо года, начатые разсылкою въ концѣ года, новыми подписчиками могутъ быть приобретаемы особо, по расчету 15 коп. за листъ.

Согласно постановленію Совѣта Юридическаго Общества отъ 15 декабря 1895 г., въ текущемъ 1896 году всѣмъ дѣйствительнымъ членамъ Общества, уплатившимъ свой членскій взносъ, будетъ безвозмездно разсылаться журналъ. Въ виду этого, Редакція имѣетъ честь просить тѣхъ изъ гг. членовъ, которые почему либо (напр., по невѣрности адреса и т. п.) не получили журнала, увѣдомить ее объ этомъ, чтобы она имѣла возможность своевременно устранить подобную недоставку журнала.

Объ изданіи въ 1897 году
ЖУРНАЛА
ЮРИДИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

Журналъ выходитъ ежемѣсячно (за исключеніемъ вакантныхъ іюля и августа), въ количествѣ 10 книгъ въ годъ, отъ 15 до 20 листовъ, подъ редакцію проф. В. Н. Латкина.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНИЕ:

въ С.-Петербургѣ безъ доставки 8 руб. || съ пересылкой въ другіе города 9 руб.
съ доставкой въ С.-Петербургѣ 8 р. 50 к. || за-границей 12 руб.
отдѣльно книга журнала 2 руб. *).

Подписчики, желающіе получать, сверхъ того, **РѢШЕНІЯ КАССАЦІОННЫХЪ ДЕПАРТАМЕНТОВЪ СЕНАТА**, платятъ за журналъ и за рѣшенія съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ пересылкой въ другіе города 13 руб.

Подлинныя листы оффиціального изданія рѣшеній кассационныхъ департаментовъ сената разсылаются немедленно по выходѣ изъ сенатской типографіи, за время съ 1-го января по 31-е декабря подписнаго года.

Лица, несостоящія въ числѣ подписчиковъ на журналъ, могутъ подписываться въ редакціи отдѣльно на кассационныя рѣшенія по 4 руб. съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ пересылкою въ иные города.

Допускается разсрочка подписной платы въ слѣдующіе сроки: въ январѣ 5 руб. съ кассац. рѣш. 8 руб. и въ юнѣ остальная до подписной цѣны, сумма. Гг. дѣйствительные члены с.-петербургскаго юридическаго общества пользуются правомъ подписки на журналъ за половинную цѣну т. е. 4 р. 50 к. а съ кассац. рѣш. 8 р. 50 к. Тоже право предоставляется студентамъ университетовъ и вообще учащимся и кандидатамъ на судебныя и военно-судебныя должности, удостовѣрившимъ свое званіе.

Гг. иногородные благоволятъ обращаться со своими требованіями исключительно въ контору журнала.

Подписка принимается: въ отдѣленіяхъ конторы журнала—при книжныхъ магазинахъ въ С.-Петербургѣ: Мартынова, Невскій, 50, Анисимова, рядомъ съ Публичною Библіотекою, „Новаго Времени“, Невскій, 38, Цинзерлинга, Невскій, 20 и Риккера, Невскій, 14; въ Москвѣ: Анисимова, на Никольской улицѣ; Юридическомъ магазинѣ А. Ф. Скорова, Неглинная, 13; въ конторѣ Н. Н. Печковской, Петровскія линіи и „Новаго Времени“—а равно въ конторѣ журнала. Редакція открыта разъ въ недѣлю, по вторникамъ, отъ 2 до 4 час. Контора открыта два раза въ недѣлю, по вторникамъ и пятницамъ, отъ 7 до 9 час.

РЕДАКТОРЪ **В. Н. Латкинъ.**

Редакція журнала:
С.-П.-Б. Эртелевъ пер., д. 9, кв. 6.

Контора журнала:
Новоисааиѣвская ул., д. 14, кв. 7.

*) Для студентовъ университетовъ и вообще учащихся 1 руб.

